

Юбилейный Зимник-2019
Архигеш – 2019
Курорты Кавказа и Алтая

2019 / 60

на здоровье / in good health

проект
байкал /
project
baikal

12+

ALFRESCO™
НАРУЖНОЕ ОСВЕЩЕНИЕ
www.allfresco.ru

КОМПАНИЯ ALFRESCO

Москва, ул. Верхняя Первомайская, д.43
+7 (495) 290-31-30

e-mail: info@allfresco.ru
www.allfresco.ru

Тема здоровья обладает несомненной актуальностью и не менее очевидной сложностью. Городская среда должна становиться все более здоровой, особенно на фоне растущей продолжительности жизни населения. Но что конкретно означает этот императив, как применить его к архитектуре и градостроительству?

При подготовке этого номера дважды – в Иркутске и в Москве – собиравшийся дискуссионный клуб ПБ для обсуждения темы **ЗДОРОВЬЕ**; и комплексный характер проблемы стал еще более очевидным. В повседневном сознании архитекторов, даже высокопрофессиональных, понятия здоровья городской среды, комфорта и счастья горожан переплетаются и сливаются.

Тем временем продолжается центростремительное движение: малые города убывают, а деревни исчезают. Чрезмерное уплотнение застройки, накрывшее в 90-е и нулевые центры наших мегаполисов, распространилось на спальные районы. Такая, с позволения сказать, реновация ведет к усугублению транспортных проблем, а о полноценном озеленении и говорить уже не приходится. И это происходит в России, где дефицита территории для жизни нет, а провинциальные города с великой историей и чудными ландшафтами имеют все предпосылки для счастливого и здорового образа жизни. Но о малых и исторических – в следующей раз...

Помимо главной темы, читатель найдет в этом номере три самостоятельных блока. В рубрике **ПОРТРЕТ АРХИТЕКТОРА** – вторая часть (первая – в ПБ58) большого материала, посвященного памяти Марка Мееровича. Юбилейная, 20-я сессия Зимнего градостроительного университета, состоявшаяся в Иркутске в феврале текущего года, дает перспективы развития кампуса Иркутского технического университета. Магия цифр вокруг этого номера ПБ (60-й выпуск и 15 лет существования) спровоцировала старых и новых друзей ПБ к высказываниям и анализу того, что сделано журналом за эти годы.

Елена Григорьева

Health is obviously a crucial and complex subject. Urban environment should become healthier, especially in the context of the growing life expectancy of the population. But what in particular does this imperative mean and how can we apply it to architecture and town planning?

During the preparation of this issue, the Discussion Club of PB gathered two times, in Irkutsk and in Moscow, to discuss the subject of HEALTH. The complex nature of the problem became even more obvious. In the minds of architects, even high-level professionals, the notions of health of urban environment, comfort and happiness of citizens intersect and merge.

At the same time, there is still a centripetal acceleration: small towns are decreasing, and villages are disappearing. Excessive densification of metropolitan centers started in the 1990s and then spread to bedroom districts. This so-called renovation leads to aggravation of the transport problem. As for proper planting of greenery – it is out of the question. It is happening in Russia, where there is no shortage of living territories, and provincial cities with great history and wonderful landscapes have all the prerequisites for a happy and healthy lifestyle. But we'll speak about small and historic cities next time...

Except for the main topic, our reader will find three independent sections in the issue. The **PORTRAIT OF THE ARCHITECT** section contains the second part (see the first part in PB 58) of the material dedicated to the memory of Mark Meerovich. The 20th anniversary session of Winter University of Urban Planning held in Irkutsk in February 2019 provided development perspectives for the Irkutsk Technical University campus. The magic of numbers of the current issue of PB (issue 60 and 15-year existence) provokes old and new friends of PB to comment on what the journal has done throughout these years.

Elena Grigoryeva

Издательская группа выражает благодарность за помощь и поддержку в создании журнала издателю Барту Голдхоорну, издательству **А-Фонд**, а также Франку ван дер Хувену за поддержку и создание сайта

Журнал зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС13-0180 от 16.11.2007

учредитель, главный редактор

Е. И. Григорьева
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а

**корректор,
литературный редактор**
Марина Ткачева

дизайн, верстка
Татьяна Анненкова

**заместитель главного редактора
по международной деятельности**
Анна Григорьева

адрес издателя, редакции
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
тел.: 3952 33-28-39
e-mail: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

на обложке

Медицинский кластер в Сколково

адрес типографии

000 «Типография Принт Лайн»
Иркутск, ул. Сергеева, 3/4
Тираж 300 экз. Заказ 1421
Подписано в печать 30.05.19
Журнал №60 от 11.06.2019

Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Периодичность 4 раза в год
Цена свободная

12+

Золотая медаль Международной академии архитектуры «Интерарх-2009» в номинации «Периодические издания» / Golden medal of the International Academy of Architecture "Interarch-2009" in "Periodicals" category

60
на здоровье /
in good health

проект байкал/
project baikal
ISSN 2309-3072
(электронное издание)
ISSN 2307-4485
(печатное издание)

Журнал зарегистрирован в следующих международных системах:

– директория электронных журналов со свободным доступом – **DOAJ** (Directory of Open Access Journals)
– индекс Эйвери для архитектурных изданий – **the Avery Index to Architectural Periodicals**
– индекс Академии Google (**Google Scholar**)
– **Ulrichsweb** – база данных Ulrich's Periodicals Directory

– **Open Archives** – Инициатива открытых архивов для сбора метаданных (OAI PMH)
– Интернет-ресурс **JournalTOCs**
– проект **SHERPA/RoMEO**
– база данных **PKP index**
– с 2016 года включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (**РИНЦ**)
– с 2019 года индексируется в **SCOPUS**

новости	Анна Григорьева	Международные новости архитектуры.....	5
	Марина Ткачева	Трансформация: возмутитель спокойствия	6
	Александр Раппапорт	Иркутск как точка роста свободы	9
	Елена Багина	60 номеров журнала «Проект Байкал»	10
	Виктория Астраханцева	От воспоминаний до сегодняшних впечатлений	12
	Инна Дружинина	Манифест ПБ	16
портрет архитектора	Елена Григорьева	Марк Меерович (1956–2018)	17
	Елена Багина	Системно-методологический подход к истории архитектуры и градостроительства Марка Мееровича. Памяти друга	18
	Петр Капустин	История с методологией.....	23
	Александр Раппапорт	Марк Меерович и СМД-методология	24
	Константин Лидин	М. Г. Меерович. Из неизданного.....	25
	Яна Лисицина	Публикации Марка Мееровича (предварительный обзор)	27
		Антология проектов Марка Мееровича	28
		Список проектов Марка Мееровича	37
Зимник-2019	Валерия Нуянзина	Студгородок*. Трансформация кампуса в Иркутске Программа культурного, социально-экономического и пространственного развития	38
	Александра Кострубова	Команда № 1 «Бизнес».....	40
	Анастасия Косолапова	Команда № 2 «Кампус»	42
		Команда № 3 «Пешеходные связи»	44
		Команда № 4 «Набережная»	46
	Олеся Хачатрян	«Не навреди»... ..	48
на здоровье		49
	Константин Лидин	Модные тренды VS городская среда	50
	Елена Булгакова		

Special thanks to Bart Goldhoorn and to A-Fond publishing house for their help and support in creating the journal; and to Frank van der Hoeven for his support and website development

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

founding editor-in-chief
E.I. Grigoryeva
664025 Chermkhovsky
Pereulok 1a, Irkutsk, Russia

proofreader,
literary editor
Marina Tkacheva

upmaking
Tatyana Annenkova

associate editor-in-chief for international activity
Anna Grigorieva

address of the publisher and the editorial board
664025 Chermkhovsky
Pereulok 1a Irkutsk, Russia
tel. +7 3952 332839,

email: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

cover image
Medical cluster in Skolkovo

printed by
000 "Tipografia Print Line"
Sergeeva Street 3/4 Irkutsk
print run 300
passed for printing: 30.05.19
issue 60 of 11.06.2019

Reproduction of all texts or illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited. The editorial staff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial opinion may not always accord with the views of the authors

quarterly publication
free price

The journal is registered in the following international databases:

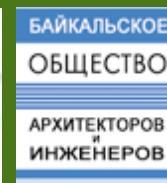
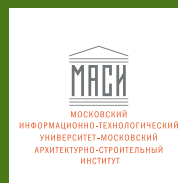
- Directory of Open Access Journals (DOAJ)
- the Avery Index to Architectural Periodicals
- Google Scholar
- Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory)
- The Open Archives Initiative (OAI)
- JournalTOCs
- SHERPA/RoMEO
- PKP index
- Since 2016 the journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI) database
- Since 2019 the journal has been indexed in SCOPUS

12+

Журнал является медиа-партнером международных конкурсов: the American Architecture Prize, Inspireli Awards, ITSLIQUID и Kaira Logo, архитектурного фестиваля «Зодчество» и ряда российских конкурсов. /

The journal is a media partner of the international competitions: the American Architecture Prize, Inspireli Awards, ITSLIQUID and Kaira Logo, Architectural Festival "Zodchestvo" and a number of Russian competitions.

спонсоры номера

Марина Ткачева	Здоровье города и здоровье в городе.....	54	
Леонид Салмин	Город и чума.....	64	
Александр Раппапорт	Чума и город как формы абсурда.....	69	
Дмитрий Хмельницкий	Здоровье барачного города	70	
Марк Меерович Елена Булгакова	Бараки как наиболее массовый тип жилищ в советских индустриальных городах-новостройках первых пятилеток.....	76	
Петр Капустин	«Здоровый город» и живое место	90	
Ольга Железняк	«Купание в цветете» – от Ра-терапии до современной цветосветовой среды	96	
Ольга Смирнова	Уезжают, уезжают... ..	106	
Марина Ткачева	Здоровый город	108	
Елена Багина	Фигурный листик «зеленой архитектуры».....	118	
Николай Дубынин, Татьяна Бобкова, Василий Дубынин, Ариадна Панова	Архитектура в условиях современной экологии	123	
Инна Дружинина Анастасия Жмыхова	Технополис в Байкальске: эко-инновационный кластер.....	128	
курорты, больницы	Елена Григорьева	131	
Олег Козинский	Об историческом и олимпийском наследии Сочи.....	132	
Сергей Поморов	Курорт Белокуриха – архитектоника места и тренды территориального планирования.....	142	
Вера Тен	Концепция развития курортной зоны Шерегеш, сектор «А»	148	
Елена Григорьева	АРХИГЕШ-2019 и здоровье профессии АРХИТЕКТОР	150	
Александр Ладейщиков Елена Ладейщикова	Здание электро-свето-водо-грязелечебницы И. П. Михайловского.....	154	
Ольга Смирнова	Фотогалерея. Возле детской больницы	160	
объект номера	Александр Асадов Андрей Асадов Любовь Петренко	Медицинский кластер в Сколково	161
авторы	170	

news	Anna Grigorieva	International Architecture News	5
	Marina Tkacheva	Transformation: Troublemaker	6
	Alexander Rappaport	Irkutsk as a Growth Point of Freedom	9
	Elena Bagina	60 Issues of Project Baikal Journal	10
	Victoria Astrakhantseva	
	Inna Druzhinina	From Recollections to Current Impressions.....	12
		Manifesto of PB	16
portrait of the architect		Mark Meerovich (1956–2018)	17
	Elena Bagina	Mark Meerovich’s System-Based Methodological Approach to the History of Architecture and Town-Planning. In Memory of My Friend	18
	Petr Kapustin	A Methodology Story.....	23
	Alexander Rappaport	Mark Meerovich and SMD Methodology	24
	Konstantin Lidin	M. G. Meerovich. From Unpublished Works	25
	Yana Lisitsina	Mark Meerovich’s Publications (preliminary review).....	27
		Anthology of Mark Meerovich's Projects.....	28
		The List of Projects by Mark Meerovich	37
Winteruni 2019	Valeria Nujansina	Studgorodok* Transformation of the campus in Irkutsk. The program of cultural, socio-economic and spatial development	38
	Alexandra Kostrubova	
	Anastasia Kosolapova	
		Team 1 “Business”	40
		Team 2 “Campus”	42
		Team 3 “Pedestrian Links”	44
		Team 4 “Waterfront”	46
	Olesya Khachatryan	“Do No Harm”.....	48
in good health		49
	Konstantin Lidin	The Latest Trends VS Urban Environment	50
	Elena Bulgakova	Health of the City and Health in the City	54
	Marina Tkacheva	The City and The Plague	64
	Leonid Salmin	The Plague and the City as Forms of Absurdity	69
	Alexander Rappaport	The Barracks City’s Health	70
	Dmitry Khmelnitsky	Barracks as the Main Type of Mass Housing in the Soviet Industrial Towns Constructed During the First Five-Year Plans	76
	Mark Meerovich	A “Healthy City” and a Living Place	90
	Elena Bulgakova	“Bathing in the Colour”: from the Ra Therapy to Contemporary Colour and Light Environment.....	96
	Petr Kapustin	
	Olga Zheleznyak	They Are Leaving, They Are Leaving... ..	106
	Olga Smirnova	A Healthy City	108
	Marina Tkacheva	A Fig Leaf of “Green Architecture”	118
	Elena Bagina	
	Nikolai Dubynin	Architecture in the Context of Contemporary Ecology	123
	Tatyana Bobkova	
	Vasili Dubynin	Technopolis in Baikalsk: eco-innovation cluster.....	128
	Ariadna Panova	
	Inna Druzhinina	
	Anastasia Zhmykhova	
resorts, hospitals	Elena Grigoryeva	131
	Oleg Kozinsky	The Historical and Olympic Heritage of Sochi	132
	Sergey Pomorov	The Resort Belokurikha – the Architectonics of Place and Trends of Territorial Planning	142
	Vera Ten	The Development Concept of the Sector A of the Sheregesh Resort Area	148
	Elena Grigoryeva	ARCHIGESH 2019 and Health of the ARCHITECTURAL Profession.....	150
	Alexander Ladeishchikov	The Building of I. P. Mikhailovsky Institution for Electro-Photo-Hydro-Mud Therapy.....	154
	Elena Ladeishchikova	
	Olga Smirnova	Photo Gallery. Near the Children’s Hospital	160
object of the issue	Alexander Asadov	
	Andrey Asadov	
	Lyubov Petrenko	Medical Cluster in Skolkovo	161
authors		170

Dhaka Declaration - UIA Sustainable Development Commission

Over the last few decades, tremendous progress has been made in improving the health, education, and well-being of people around the world. However, this development has been accompanied by environmental damage, climate change, and resource depletion as well as social and cultural challenges. In 2015, the nations of the world came together and laid out the United Nations 17 Sustainable Development Goals to be achieved by 2030.

Architecture interacts with each of the 17 Sustainable Development Goals and architects can help the goals to be achieved. As architects, we have the responsibility to contribute to the built environment and make choices that change the world

for the better – through better buildings, settlements, landscape architecture and urban planning.

The UIA, UIA SDG Commission, Arcasia and the Institute of Architects Bangladesh signed the UIA SDG Dhaka Declaration on 13 April 2019, calling on architects to strive for these Goals in their own practice and as civic leaders.

Winners announced in KFAS design competition (Kuwait)

Topotek 1 (Switzerland/Germany) has been officially announced as the winner of the international competition for the design of the new headquarters of the Kuwait Foundation for the Advancement of Sciences (KFAS).

The competition was organised as an international, restricted two-phase archi-

itecture competition preceded by an open pre-selection procedure. Its objective was to design the new KFAS headquarters and conference centre as part of a master plan aiming to develop an attractive location for science in Ras-Al Ard area, the northeastern tip of the Salmiyan peninsula in Kuwait.

The competition was launched on 26 March 2018 with the endorsement of the UIA, which was represented on the jury by Italian architect Luca Molinari.

Happy Spaces - Integrating Architecture and Landscape

The Tianjin University School of Architecture and Chinese media company, Urban Environmental Design (UED), have launched the eighth edition of the 2019 UIA-HYP Cup, an annual, open international competition for architecture students from all over the

world. The competition is organised with the support of the UIA.

Created in 2012, the overall theme of this annual competition is architecture in transformation. For the 2019 edition, Benedetta Tagliabue, jury chair, has chosen the topic "Happy Spaces - Integrating Architecture and Landscape".

Participants can choose the location of their projects in a degraded urban area, preferably on the periphery (anywhere in the world). The site shall include a construction area and its environment. It must improve the environment and benefit the surrounding community.

Registration deadline – 30 Aug 2019.

Submission deadline – 20 Sep 2019.

More information:

www.uia-architectes.org

Международные новости архитектуры / International Architecture News

Даккийская декларация МСА по устойчивому развитию

За последние несколько десятилетий наблюдался значительный прогресс в деле улучшения здравоохранения, образования и благосостояния людей во всем мире. Однако этот прогресс сопровождался экологическим ущербом, изменением климата и истощением природных ресурсов, а также социальными и культурными проблемами. В 2015 году представители разных стран мира собрались, чтобы наметить 17 целей устойчивого развития стран ООН, которые планируется достичь к 2030 году.

Архитектура связана со всеми 17-ю целями устойчивого развития и может оказать помощь в их достижении. Мы, архитекторы, несем ответственность за тот вклад, который вносим в дело преобразования окружающей среды, и должны стремиться изменить мир к лучшему, совершенствуя здания, поселения, ландшафтную архитектуру и градостроительство.

13 апреля 2019 года Международный Союз Архитекторов (МСА), Комиссия МСА по устойчивому развитию, Арказия и Бангладешский институт архитекторов подписали Даккийскую декларацию МСА по устойчивому развитию, тем самым призвав архитекторов стремиться к достижению целей устойчивого развития в своей проектной и общественной деятельности.

Объявлены победители архитектурного конкурса KFAS в Кувейте

Швейцарско-германское бюро Topotek 1 было официально объявлено победителем международного конкурса на проектирование новой штаб-квартиры Кувейтского фонда развития научных достижений (KFAS).

Международный архитектурный конкурс проходил в два этапа; им предшествовала открытая процедура предварительного отбора. Цель конкурса – в рамках генерального плана спроектировать новую штаб-квартиру и конференц-центр KFAS, которые станут привлекательным научным центром в районе Рас-Аль-Ард северо-восточной оконечности полуострова Сальмия в Кувейте.

Конкурс был объявлен 26 марта 2018 года при поддержке МСА, представителем которого в жюри стал итальянский архитектор Лука Молинари.

Счастливые пространства: интеграция архитектуры и ландшафта

Архитектурная школа Тяньцзиньского университета и Китайская медиакомпания по проектированию городской среды объявили о проведении восьмого ежегодного открытого международного конкурса 2019 UIA-HYP Cup среди студентов архитектурных факультетов. Конкурс проводится при поддержке МСА.

Начиная с 2012 года, общей темой конкурса служит трансформация архитектуры. В 2019 году председатель жюри Бенедетта Тальябуэ выбрала тему «Счастливые пространства: интеграция архитектуры и ландшафта».

Участники могут выбрать расположение своих проектов на территориях, находящихся в состоянии упадка, желательно на периферии (в любой точке планеты). Проект должен охватывать строительный участок и его окружение, способствовать улучшению окружающей среды и соседних районов.

Конечный срок регистрации – 30 августа 2019 года. Конечный срок подачи заявок – 20 сентября 2019 года.

Дополнительная информация:
www.uia-architectes.org

^ Победитель международного конкурса на проект новой штаб-квартиры KFAS в Кувейте. Автор: Topotek 1 / The winner of the international competition for the design of the new KFAS headquarters in Kuwait. Author: Topotek 1

^ Индийское божество в ухе. И немного рельефного фриза на черепе.
Фото Марины Ткачевой

Статья посвящена новой пленэрной скульптуре Д. Намдакова «Transformation». Описывается символика скульптуры, ее вхождение в современный менталитет и пребывание на территории Сибирского федерального университета в Красноярске. Подчеркивается ее новизна и преемственность с традициями архаических культур. Формулируется мысль об эклектичности современного художественного восприятия и разнообразии интерпретаций художественных смыслов произведения.

Ключевые слова: Красноярск; пленэрная скульптура; Даши Намдаков; архаика; эклектика; гений места; художественные смыслы. /

The article is devoted to "Transformation", a new plein-air sculpture by D. Namdakov. It describes the symbolics of the sculpture, its penetration into the contemporary mentality and its location on the territory of Siberian Federal University in Krasnoyarsk. The article points out its originality and continuity of traditions. It speaks about the eclecticity of contemporary artistic perception and the diversity of interpretations of the artistic spirit of the sculpture.

Keywords: Krasnoyarsk; plein-air sculpture; Dashi Namdakov; archaic character; eclectics; genius loci; artistic spirit.

Трансформация: возмутитель спокойствия / Transformation: Troublemaker

Молодость стремится вдаль, зрелость – вширь, старость – вглубь.

Аминодав Шполянский

Настроения всех работ – это я сам.

Из интервью автора с Д. Намдаковым

Впечатление

Весна в Сибири – нервное время: неожиданный холод, ветра, затаившие дыхание деревья, никак не желающие зазеленеть. Только сосны слегка посветлели. Праздничные дни. И студентов немного. Но «Transformation» почти не бывает одна. Издали она мимикрирует, почти сливаясь с сероватыми стволами сосен. На фотографиях выглядит довольно крупной, а вблизи оказалась

компактной, «мускулистой» и... странно грубоватой. Все это никак не совпадало с ожиданием филигранной, «вылизанной» до последнего штриха работы. Видимо, и красноярцы тоже ждали привычной для Намдакова ювелирной отделки, уместной для ожидаемого эффекта мастерства признанного художника, которая никак не совпадала с атмосферой места. Но – вот и первая неожиданность: брутальность, некоторая неуклюжесть, лапидарность материала. В шутку говорят, что мастерство заключается в том, чтобы сделать простой и грубый материал подобным благородному: камень обработать так, чтобы он стал похож на пластичный металл, преодолеть его твердость, хрупкость, придать тонкость и изысканность. В нашем случае все

наоборот: благородная бронза, из которой изготовлена скульптура, уподобилась камню, обточенному водой. Эффект усиливается патинированием, изменившим вид металла почти до неузнаваемости. Все зрители без исключения говорили мне, что, конечно же, скульптура сделана из камня. Я видела, как люди ковыряют поверхность, чтобы понять, из чего она составлена. Вот первая трансформация: металл обретает свойства изначального элемента, статус которого он и имеет в китайской культуре. Вряд ли такое превращение пришлось бы по вкусу любителям изысканных техник. Но Столбы, сибирские граниты – истинная стихия места, вливающаяся в сознание помимо воли. Все, кто видел скульптуру в интернете, и даже те, кто принимал участие в ее установке, уверяли, что «Transformation» напоминает фантастические узловые валуны, взламывающие землю и вспухающие из самой ее сердцевины. И вот из них-то, этих первоначальных материалов, возникают лица, скульптуры, черепа... Блоки так расплавлены и изогнуты, что кажется, будто в каждом таится лицо, фигура или морда зверя. Правильным решением было уменьшение высоты фундамента скульптуры (так говорит Ирина Крылова, архитектор скульптуры). Так она еще больше срастется с местом.

Смыслы

В «трансформации» читаются традиции Генри Мура, погружавшего свои фигуры в поля и пастби-

ща. При этом Намдаков остается самим собой, но он захватывает темы гораздо шире, чем в прежних работах. Не случайно, что эти темы имеют вид прямых цитат из разных культур и эпох.

Макет выполнили в лондонской мастерской скульптора, а отливку из бронзы делали в Бурятии. Работа над скульптурой заняла почти год. Вес скульптуры – 8 тонн, ее размеры – 4900 × 3200 × 3800 см. Такова история ее изготовления.

Начиная с первых работ, Даши Намдаков прочно связывает свое творчество с традициями и архетипами культур Востока – от внешней принадлежности его героев к монголоидным народам до серьезной интерпретации глубинных мифов [1].

Любой обзор и теоретическая аналитика не могут пройти мимо символики культур кочевых народов и ее значения для работ Намдакова [2]. Фраза из его интервью, что он сам принадлежит к этому народу, поэтому не может иначе, однажды уже была приведена мною [3]. Это и внешняя похожесть его героев на людей Востока, и внутренняя их уравновешенность, естественным образом дополняющаяся энергичным и даже необузданным порывом [4]. В красноярской скульптуре, как всегда у Даши, много смыслов: «Лицо человека, которое только и тиражируют фотографы в интернете, мне показалось, – не скульптура, в которую трансформируется камень, а мысль о том, что сам камень, из которого делают скульптуры, обладает духом или

^ Лошади, быки, лоси. Частично архаические, частично авторские. Вид изнутри пещеры. Фото Марины Ткачевой

^ Среди сосен. Фото Марины Ткачевой

разумом, одушевлен, как человек. Ведь известно, что люди, умеющие видеть ауру, видят ее и вокруг камней» (Ольга Смирнова).

«Сквозная» конструкция «Transformation» коннотирует с принципом «переливания» внешнего во внутреннее, «выворачивания» предмета изнутри наружу, идею, что внутреннее суть внешнее и наоборот. А это, конечно, предполагает у зрителя довольно отчетливое знакомство с буддийской символикой. Идеи тождества внутреннего и внешнего подкрепляются и тем, что внутри из «стены» выдвинут плоский камень, чтобы посидеть и подумать, поразглядывать воспроизведения палеолитических петроглифов. И опять – эти наскальные изображения, во множестве рассеянные по региону, привязаны именно к Сибири, одной из древнейших прародин человечества.

Пространственный внутренний замысел превращает трансформацию в некую малую архитектурную форму: «Это же своеобразная арка, в нее можно войти и выйти, можно пройти через нее, а можно в ней задержаться. Это тоже нестандартное решение – сделать из скульптуры место для размышления» (Ольга Смирнова). Внутренняя подсветка заставляет скульптуру светиться всеми щелями. Мне она напомнила «Прошлое» Чюрлениса...

Но красноярская скульптура гораздо богаче и рассчитана, как мне кажется, не столько на высококоученные аналогии и проведение историко-культурных параллелей, сколько на понятность для доволь-

но поверхностно, но разносторонне образованного зрителя. В каком-то отношении она рассчитана на студентов, постоянно перемещающихся по территории сосновой рощицы к СФУ и от него. Самые разные по географии и историческим пластам объекты собраны воедино, причем, на первый взгляд, довольно произвольно: сфинкс утвердился на обломке ионийской колонны; кентавра то ли гложет, то ли облизывает то ли змея, то ли Царь-рыба (истинно сибирский мотив, восходящий к прозе В. Астафьева); из черепа то ли рождается, то ли прикрывает его звериный рельеф... Невозможно точно привязать к какому-то конкретному персонажу ни один из элементов. Да и безошибочно распознающаяся принадлежность к разным культурам тоже выглядит довольно общо.

Вот истинно восточный символ – колесо сансары. Но где необходимые круги, где деление на темное и светлое? Единственное, что изваяно точно – восемь сегментов. А про это «знают все». Вот какое-то индийское божество. Но какое? Если Шива, то где множество его рук, где змей на шее, где полумесяц, третий глаз? Это индийское «божество вообще». Несколько успокаивает восьмилепестковый лотос и лотосовый трон, на котором восседает индуистское (по всей видимости, все же – индуистское) божество. А кому принадлежит череп, любимый элемент скульптора? Это тоже «черепа вообще». А что это за петроглифы, напоминающие южноамериканские божества

v Колонна, кентавр, змея (рыба), сфинкс на колонне, колесо сансары... И все в одном флаконе. Фото Ольги Смирновой

исчезнувших культур? А почему сфинкс, напоминающий изображение Хатшепсут, лишен атрибута царственности – футляра-бородки? Эта скульптура полностью соответствует характеристике круглой:

с каждой стороны она раскрывается по-новому, и ни с какого ракурса – целиком.

Для меня же по-новому раскрылся сам художник. Нет привычной монументальности, ориенталист-

^ Летящий-плывущий сфинкс. Вид с западной стороны. Фото Ольги Смирновой

^ Подсветка. Фото Ольги Смирновой

v Кентавр и чудо-змей-рыба. Вид вечером. Фото Ольги Смирновой

ской стилизации. Нет законченности, то есть изображения всех деталей сюжета. Зато... появляется то ли плывущий, то ли летящий сфинкс. Где это видано?

А в целом и эклектичная композиция, и ластиногий сфинкс, и глаз этого сложенного из разнокалиберных фрагментов видимого в фас лица, косящий в

сторону общежитий, производят на редкость ироничное впечатление. Задумывалось ли это Намдаковым или появилось невольно? В любом случае мы хорошо представляем феномен современного искусства – достраивать художественный образ в восприятии и благодаря этому порождать множественность смыслов, вырастающих из одной предметной

оболочки. Эта небольшая по меркам прежних проектов Даши скульптура – пересечение потребности Места, которое приняло «Transformation» и срослось с ней, а также достаточно противоречивых ожиданий со стороны заказчиков, искусствоведов и массового зрителя. В контексте общих настроений горожан – это новый взгляд, изменяющий отношение красноярцев к пленэрной скульптуре и установке для ее восприятия. Даши Намдаков раскрывает новые, неожиданные стороны своего характера и демонстрирующего истинного «κοσμοπόλιταν» – человека мира.

Выражаю благодарность Даши Намдакову за спонсорскую помощь, давшую возможность увидеть его новое произведение.

Хочу сказать искреннее спасибо Ольге Смирновой за помощь в поиске информации, интересные беседы, часть содержания которых вошла в текст, и сделавшей цикл фотографий, использованных в статье.

**Марина Ткачева /
Marina Tkacheva**

Литература

1. Ткачева М. Л. Прекрасный и яростный мир // Проект Байкал. – 2007. – № 14. – С. 28–35
2. Кистова А. В. Сложная культурная идентичность сибирских художников как результат этнокультурной динамики конца XX – начала XXI века (творчество Даши Намдакова) [Электронный ресурс] // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы. – Режим доступа: eLIBRARY ID: 29974659. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2017. – С. 131–137

29974659. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2017. – С. 131–137

3. Ткачева М. Л. Кочевник-2: Круги и спирали // Проект Байкал. – 2012. – № 32. С. 35

4. Комарова Н. П., Марц Л. В. Сохранение традиций: кочевой стиль // Кочевник: Между небом и землей: Шедевры древних культур степей Евразии из собрания Исторического музея и произведения скульптора Даши Намдакова. – М.: ФГБУК «Государственный исторический музей», 2014. – С. 265

References

Kistova, A. V. (2017). Slozhnaya kulturnaya identichnost' sibirskikh khudozhnikov kak rezultat etnokulturnoi dinamiki kontsa XX-nachala XXI veka (tvorchestvo Dashi Namdakova) [A complex cultural identity of Siberian artists as a result of ethnocultural dynamics in the late 20th – early 21st centuries (Dashi Namdakova's works)]. Spetsyfica etnicheskikh migratsionnykh protsessov na territorii Tsentralnoi Sibiri v XX-XXI vekakh: opyt i perspektivy. eLIBRARY ID: 29974659. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. Komarova, N. P., & Marts, L. V. (2014). Sokhraneniye traditsiy: kochevoi stil' [Preservation of traditions: a nomadic style]. In Kochevik: Mezhdub nebum i zemlei: Shedevry drevnikh kultur stepei Evraziiz sobraniya Istoricheskogo muzeya i proizvedeniya skulptora Dashi Namdakova (p.265). Moscow: FGBUK "Gosudarstvennyi istoricheskii muzei".

Tkacheva, M. L. (2007). Prekrasnyi i yarostnyi mir [A wonderful and furious world]. Project Baikal, 4(14), 28-35. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.14>

Tkacheva, M. (2012). The Nomad 2. Circles and Spirals. Project Baikal, 9(32), 35. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.32>

В Иркутске идет активная интеллектуальная работа в области архитектуры: здесь строил, возможно, самый крупный мастер советского модернизма Владимир Павлов, здесь работают его коллеги и ученики, издается журнал «ПРОЕКТ БАЙКАЛ» (главный редактор – Елена Григорьева). Журнал стал одним из лучших архитектурных журналов России. На его страницах часто ведется полемика.

Такова политика журнала, авторы которого не боятся спорить и высказывать неординарные мысли. Интересны историко-теоретические исследования иркутян Константина Лидина и Марка Мееровича.

Ключевые слова: Иркутск; культура; архитектура; журнал ПРОЕКТ БАЙКАЛ; Елена Григорьева; Марк Меерович; Константин Лидин; новая парадигма истории советской архитектуры; полемика. /

Active intellectual work is done in the field of architecture in Irkutsk: Vladimir Pavlov, probably the most prominent master of Soviet Modernism, realized his projects here; his apprentices work here; and Project Baikal journal is also published here (editor-in-chief – Elena Grigoryeva). The journal has become one of the best architectural periodicals in Russia. It often publishes polemics, which is the journal's policy. The authors of the journal are not afraid to debate and to express challenging opinions. The historical and theoretical researches carried out by Konstantin Lidin and Mark Meerovich from Irkutsk are also of great interest.

Keywords: Irkutsk; culture; architecture; Project Baikal journal; Elena Grigoryeva; Mark Meerovich; Konstantin Lidin; new paradigm of the history of Soviet architecture; polemics.

Иркутск как точка роста свободы / Irkutsk as a Growth Point of Freedom

Иркутск в последние годы являет нам образец активной интеллектуальной работы в области архитектуры. Журнал «ПРОЕКТ БАЙКАЛ» под руководством Елены Григорьевой безусловно стал одним из лучших архитектурных журналов России. Имена иркутян-архитекторов – прежде всего, самого, на мой взгляд, смелого и продуктивного архитектора времен советского модернизма Владимира Павлова и его учеников, в числе которых и Елена Григорьева, завоевывают все большее уважение в мире.

Интересны и историко-теоретические исследования иркутян Константина Лидина и Марка Мееровича.

Марк Меерович, в содружестве с Дмитрием Хмельницким, открыл эпоху критического пересмотра некоторых важных этапов советской архитектуры и, прежде всего, того перелома, который связан с запретом авангарда и конструктивизма и смены его сталинским вариантом социалистического реализма. Марк Меерович тщательно изучил жилищный вопрос начала 30-х годов и в своей книге «Наказание жилищем» сумел показать, как жилищная политика была связана с общим курсом сталинизма на подавление индивидуальной инициативы и превращение пролетариата, класса-победителя, в послушную и безликую армию на службе партийной бюрократии, вынужденную ютиться в тесных каморках коммуналок или концлагерных бараков.

Эти работы Мееровича и несколько книг Хмельницкого, посвя-

щенных влиянию лично Сталина на ход архитектурного процесса, меняют инертную тенденцию анализа этого периода, который был отмечен двумя крайностями – партийным шельмованием и отпечетливой реабилитацией авангарда и конструктивизма. Меерович и Хмельницкий стали одними из первых критиков сталинской архитектуры, опирающихся на реальные факты.

Разумеется, очередь за расширением этого направления на все области культуры, в той или иной степени оказавшихся под сапогом сталинских органов и сталинских идеологов.

Процесс этот сегодня идет непросто. Несмотря на снятие цензурных рогов с критических исследований истории, оставшийся у власти аппарат бюрократического контроля в архитектуре и культуре все еще тормозит эти исследования и нейтрализует антисталинские настроения, предлагая идею некоей исторической необходимости сталинизма.

Борьба с троцкизмом и Бухариным до сего дня скорее оправдывается, чем оценивается объективно.

Все это более или менее ясно, но в нашей культуре действует не столько логика, сколько волнообразный процесс «заморозков» и «оттаиваний», смена шельмования реабилитацией и воспеванием. Повседневная работа по восстановлению источников заменяется новой пропагандой. Показателен пример двух историков советского авангарда – В. Э. Хазановой

и С. О. Хан-Магомедова. В. Хазанова начинает с публикации некоторых (к сожалению, не самых важных) литературных источников и материалов, лишь сопровождая их своими оценками. С. Хан-Магомедов пишет десятки книг, где лишь выборочно и по собственному усмотрению цитирует места из архивов, которые ему удалось спасти и собрать; сами же эти архивы до сих пор не опубликованы.

Хан-Магомедов считал русский художественный и архитектурный авангард мировым форпостом новой культуры и рассматривал себя в роли его свидетеля. Такой подход прямо противопоставлен стратегии и тактике шельмования и осуждения этих идей с якобы более высоких позиций социалистического реализма.

Поколение историков самого Хан-Магомедова, таких, как А. В. Иконников, не отрицали социалистического реализма, но отказывались от использования его в качестве дубинки для шельмования авангарда. В результате какие-то следы авангардистской теории и образцы авангардистского творчества удалось сохранить, но понимание его смысла было утеряно. Сохранился лишь набор «фактов» о выставках, проектах, конкурсах и пр.

Практически же складывалось впечатление, что жертвы идеологических репрессий во всем правы уже потому, что они – жертвы, что их силой лишили возможностей вступить в полемику со своими противниками. Этим насилием

партийная бюрократия, сама того не желая, сделала из своих оппонентов великомучеников, а их несправедливые поношения – косвенным аргументом их правоты.

Ситуация парадоксальная, ибо авангард чаще всего выступал как союзник большевиков.

К авангарду неявно оказались применены те же аргументы, что и к политическим оппонентам Сталина, в первую очередь – Троцкому и Бухарину. Но если Троцкого и Бухарина прямо объявляли предателями и шпионами, то к деятелям архитектуры и искусства таких категорий шельмования применять не решались.

Эта схема в известной мере сохраняется и теперь. Чем больше фактов произвола партийной бюрократии в отношении авангарда и конструктивизма будет открыто и опубликовано, тем больше будет расти уверенность в его правоте и огромных возможностях, оставшихся нераскрытыми.

Уже теперь в том же самом МАРХИ, который возник на костях ВХУТЕМАСа, профессора призывают использовать авангард как ресурс будущих архитектурных открытий, так как собственных открытий за последние сто лет в МАРХИ сделать почти не смогли.

Сегодня мы рассматриваем идеи и концепции не как конечную истину, а как гипотезы. И отвечает за их продуктивность, прежде всего, сам автор.

Выдвигая гипотезы, рискует автор, а не мы. В ситуации неприятия идей их сторонниками и против-

никами мы уже не имеем права считать, что одна сторона обязательно права, а вторая обязательно ошибается. Возможно, что быть правыми или ошибаться могут обе стороны. Из этого следует только проблематизация. Но борьба идей и сегодня часто становится борьбой за власть.

В этой связи остаются еще и некоторые вопросы, касающиеся судеб таких выдающихся личностей, какой, несомненно, была личность архитектора В. А. Павлова, построившего в Иркутске несколько комплексов, которые по праву могут

войти в золотой фонд модернизма.

Выпускник Ленинградской Академии художеств, он лучший период своего творчества посвятил Иркутску. Разумеется, талант зодчего был отмечен, и ему был посвящен ряд выпусков журнала и московских выставок. Однако он никогда не удостоивался высоких постов в Союзе архитекторов и Академии архитектуры. Но Павлов, который был вынужден вернуться в Санкт-Петербург, вскоре умер, и сегодня его имя уже мало что говорит архитектурной молодежи в России.

На мой взгляд, необходимо предпринять шаги и к сохранению оставленного им в городе архитектурного наследия и восстановить его педагогический опыт.

Вероятно, в ближайшее время в Иркутске стоило бы подготовить план мероприятий и изданий, посвященных и Павлову-архитектору, и Павлову-педагогу.

**Александр Рапппорт /
Alexander Rappaport**

60 номеров журнала ПРОЕКТ БАЙКАЛ / 60 Issues of Project Baikal Journal

Вышел 60-й номер журнала ПРОЕКТ БАЙКАЛ, одного из лучших архитектурных журналов России. С 2019 года он имеет международный индекс цитирования SCOPUS. В журнале сложился коллектив авторов (главный редактор Е. Григорьева, Константин Лидин, Александр Рапппорт, Георги Станишев, Илья Лежава, Марк Меерович, Марина Ткачева и др.), публикуются полемические статьи на самые актуальные темы архитектурной теории и практики.

Ключевые слова: журнал ПРОЕКТ БАЙКАЛ; 15 лет издания; 60 номеров; архитектурная практика и теория; международный авторский коллектив. /

Project Baikal journal, one of the best architectural journals in Russia, has published its 60th issue. It has been indexed in SCOPUS since 2019. The authors of the journal (E. Grigoryeva, editor-in-chief, Konstantin Lidin, Alexander Rappaport, Georgi Stanishev, Ilya Lezhava, Mark Meerovich, Marina Tkacheva etc.) publish their polemical articles concerning the most topical issues of architectural theory and practice.

Keywords: Project Baikal journal; 15 years of publication; 60 issues; architectural practice and theory; international team of authors.

В сентябре 2009 года в Екатеринбурге мы с Марком Мееровичем участвовали в съемках фильма о советском градостроительстве 30-х годов XX века «Где город-сад». Именно тогда я впервые увидела журнал ПРОЕКТ БАЙКАЛ – цветной, толстый, красивый. Марк привез новый номер и подарил мне. Раскрываю журнал – и не верю своим глазам: статьи написаны человеческим языком, их интересно читать, в них поднимаются реальные проблемы профессии. Этот номер я прочитала полностью. Он встал на полку рядом с журналом «Проект Россия», который и закрывался, и возрождался, меняя свою политику и главных редакторов. У журнала ПРОЕКТ БАЙКАЛ с первого по 14-й номер главным редактором был Владимир Бух (1935–2013), один из самых крупных архитекторов Иркутска. Марк Меерович в статье, посвященной Владимиру Буху, писал: ««Правильный» редактор как хороший кладовщик – шустро проверяет комплектность, быстро подчищает загрязнившиеся места, аккуратно раскладывает вещи по своим полочкам. Владимир Федорович так не мог; он не воспринимал журнал как «склад» текстов. Он был неспособен

оставаться равнодушным к тому, что попадало в его руки и к чьей судьбе он становился причастен. В. Бух обязательно вступал в острое соприкосновение с теми статьями, которые он читал, редактировал и которым давал добро на публикацию. Он как бы «влипал» в них, проваливался в их содержание. Он страдал и сопереживал, задавал авторам бесконечные уточняющие вопросы, упрямо спорил с ними, не соглашаясь с их точкой зрения, и даже пытался переубедить их... Иначе он не мог. Редчайшее умение профессионала высокого класса «отождествить» себя с объектом проектирования отличало не только его архитектурную практику, но и работу Владимира Федоровича как редактора, позволяя ему проникать в смысл и дух предложенных к публикации статей» [1]. С 15 по 60 номер у ПРОЕКТА БАЙКАЛ редактор неизменный – Елена Ивановна Григорьева, ученица Владимира Павлова, практикующий архитектор, вице-президент Союза архитекторов России. Она сохраняет традиции, которые сложились, когда главным редактором был В. Ф. Бух.

Познакомилась я с Еленой Ивановной случайно. Мы, как го-

ворится, «зацепились языками» на обсуждении конкурсных проектов реконструкции недостроенной телевизионной башни в Екатеринбурге. Проекты Елене Ивановне не понравились, о чем она честно сказала в телевизионном интервью. И действительно, они были претенциозными и смешными; например, предлагалось сделать из телебашни храм, завершив ствол на высоте около 200 метров луковичей с крестом. Мы разговорились об архитектуре современных храмов. Поспорили. Мнения наши не совпали. Елена Григорьева предложила мне написать статью «Нужны ли новые формы православным храмам». Я написала. Статья была опубликована в 41 номере, который назывался «Храмы XXI века». Тема очень актуальна, учитывая то, что в России чуть ли не ежедневно открываются новые храмы, у которых есть сторонники, и противники. Люди спорят о местоположении церквей и мечетей в городе, об их архитектуре, а архитекторы на этот счет имеют диаметрально противоположные мнения. Сегодняшнее противостояние жителей Екатеринбурга и властей города, которые непременно хотят поставить Храм Святой Екатерины в любимом сквере горожан, показывает накал страстей, касающихся строительства новых храмов.

Все номера журнала ПРОЕКТ БАЙКАЛ тематические, и темы не высосаны из пальца. Вот сдвоенный номер 39–40, 1914 год. Тема – «Шестидесятники». Вот несколько названий статей из этого номера: Юрий Волчок «Современники современности»; Андрей Иванов «Серая жемчужина Еревана»; Барбара Энгель «Послевоенный модернизм Дрездена»; Константин Лидин «Завтра началось вчера», Марк Меерович «БУХ Владимир Федорович»; Елена Багина «Имя полдорожке...». Прошло уже пять лет. Эти статьи не потеряли актуальности. Ибо проблема никуда не ушла: мы теряем объекты советского модернизма, не поняв толком их значимости. Во многих номерах журнала ПРОЕКТ БАЙКАЛ есть материалы о Владимире Азаревиче Павлове, архитекторе-модернисте мирового уровня. Если Барселоне принесли славу постройки Антонио Гауди, то славу Иркутску мог бы принести архитектор Владимир Павлов. Но его постройки разрушаются и уродуются неуместными пристройками и переделками.

Номер 46, 2015 год – «Кварталы». Вернуться к квартальной

застройке? Продолжать проектировать по микрорайонному принципу? Строить жилые комплексы-муравейники? Нет однозначных решений. Константин Лидин публикует в этом номере статью «Кварталы. Пять слоев счастья», Марат Невлютов – «Города не для людей», (перифразируется название нашумевшей книги Яна Гейла «Города для людей»). Алексей Козьмин рассказывает о проекте «Иркутские кварталы». Если этот проект реконструкции деревянного центра Иркутска будет реализован, город сохранит свой индивидуальный облик. 130-й квартал – реализованный проект реновации деревянного наследия Иркутска – стал любимым местом горожан. О 130-м квартале ПРОЕКТ БАЙКАЛ тоже опубликовал много материалов. Теме иркутских деревянных кварталов посвящена статья Елены Григорьевой «Прогулка по иркутским кварталам». В этом же номере в постоянной рубрике «Наследие» Илья Георгиевич Лежава публикует статью о Ле Корбюзье «Уроки мастера». В Москве 15 октября 2015 года был открыт памятник Ле Корбюзье; актуальное событие стало поводом для интереснейшей статьи, в которой Лежава рассказывает о своем понимании архитектуры мастера. Так увидеть постройки и проекты Корбюзье мог только Илья Георгиевич. И это не единственная его статья в журнале ПРОЕКТ БАЙКАЛ. Лежава ушел из жизни осенью 2018 года; той же осенью не стало и Марка Мееровича. Но их публикации в журнале продолжают жить. В № 58 – воспоминания о Марке Мееровиче людей, которые его знали и любили. В № 59 – воспоминания Лежавы о военном детстве. Этот текст Ильи Георгиевича можно было бы опубликовать и в литературном журнале, настолько живо и красочно он написан. Опубликовал его ПРОЕКТ БАЙКАЛ в память о человеке, которого любили все студенты, учившиеся в МАРХИ с начала 60-х годов. Он был для них непререкаемым авторитетом, автором многих реальных проектов, крестным отцом «бумажной архитектуры», одним из создателей легендарного НЭРА.

В каждом номере журнала публикует свои статьи Александр Гербертович Раппапорт, где он пишет о кризисе профессии, тупике, в котором оказалась архитектура XXI века, говорит об актуальных проблемах истории и теории архитектуры, архитектурном образований: № 39–40 – «Вневузовское

архитектурное образование», «Детское видение и детские архитектурные школы»... № 41 – «Толофилия и Хронофобия»; № 42 – «После Мегалополиса»... № 46 – «Архитектурная фелцитология»... № 58 – «Лабиринт». Множество точек означает, что статьи Раппапорта на самом деле в каждом номере, но утомлять читателя их перечислением я не буду. На сайте журнала есть все номера, и прочитать при желании можно все статьи.

Дмитрий Хмельницкий тоже часто появляется на страницах журнала ПРОЕКТ БАЙКАЛ. Его статьи, в которых публикуются интереснейшие архивные материалы советского периода, читаются как детективные романы. Можно не соглашаться со взглядами этого автора, можно с ним спорить по поводу влияния сталинского режима на художественные качества архитектуры, не соглашаться в вопросах идеологии, но его статьи стоит читать. Это острый индивидуальный взгляд на непростые проблемы. Старая парадигма истории советской архитектуры сегодня не выдерживает критики. Она была частью советской идеологии, но до сих пор жива. Труды Марка Мееровича и Дмитрия Хмельницкого заставляют переосмысливать непростой период нашей истории. Их резкие, полемичные статьи создают особую атмосферу на страницах журнала.

Пару лет назад в ПРОЕКТЕ БАЙКАЛ появились эссе и статьи Леонида Салмина (№ 56 – «Опыты пространства. Итальянский триптих»; № 57 – «Архитектура с корнями и без»; № 58 – «Апулия на ощупь»; № 59 – «Воспоминания о будущем. Мифология и археология советского дизайнера») и Петра Капустина (№ 56 – «Обелиск», «Портал»; № 57 – «Лабиринт»; № 59 – «Век тотальной редукции»). Эти статьи сразу привлекли внимание образным строем, глубоким знанием современной философии, истории и теории архитектуры. Да, читать Леонида Салмина, Петра Капустина и Александра Раппапорта не просто. А кто сказал, что в журнале будут печатать простенькие статейки?

Марина Ткачева – автор большого количества статей в журнале. Она пишет о городской среде, скульптуре и живописи остро, свежо, неожиданно. Марина не архитектор, она культуролог и философ. И потому ее взгляд на, казалось бы, привычные для архитекторов вещи, индивидуален. А философская подготовка позволяет глубже ос-

мыслить проблемы и архитектуры, и искусствоведения.

Константин Лидин – один из идеологов журнала. Тематические переводы, открывающие главную тему номера, – это его заслуга. В № 59, который многие считают одним из лучших, Константин Лидин опубликовал статью «Архитектурософия. Приключения архитектурных концепций в двадцатом веке». Чарльз Пирс и Шерлок Холмс, Берлаге и Маринетти, Бакминстер Фуллер и Ренцо Пьяно – неспроста эти имена упоминаются в тексте. Здесь не место разбирать статью Лидина. Ее интересно прочесть всем, не только архитекторам. Можно даже поспорить с ним, написав свою статью, что многие авторы журнала и делают.

Иркутским архитекторам был нужен свой журнал – и они его создали, несмотря на финансовые и прочие сложности. Ни учредители, ни постоянные авторы не думали о коммерческой выгоде. И вот 15 лет журнал живет, потому что он нужен и практикующим архитекторам, и теоретикам, и историкам, и культурологам. 60 номеров! Международный индекс цитирования – SCOPUS. Постоянный состав авторов – и каких! Александр Раппапорт, Марк Меерович, Константин Лидин, Елена Григорьева, Георги Станишев, Илья Лежава, Петр Капустин, Леонид Салмин, Дмитрий Хмельницкий, Франк ван дер Хувен, Александр Кудрявцев, Андрей Иванов... Журнал уже давно перерос масштабы Иркутска; его авторы – из Иркутска, Москвы, Екатеринбург, Воронежа, Софии, Амстердама, Берлина. Пишут статьи практикующие архитекторы, академики, известные теоретики архитектуры, профессора архитектурных ВУЗов, студенты, аспиранты. Редколлегия журнала не боится рядом публиковать статьи с диаметрально противоположными взглядами и острые дискуссии. Недаром Александр Раппапорт назвал Иркутск точкой роста свободы.

С юбилеем, ПРОЕКТ БАЙКАЛ! Надеюсь, что будет и сотый, и двухсотый номер...

Елена Багина / Elena Bagina

Литература

1. Марк Меерович. БУХ Владимир Федорович // Проект Байкал. – 2014. – № 39–40. – С. 127

References

Meerovich, M. (2014). BUKH Vladimir Fedorovich (1935-2013). Project Baikal, 11(39-40), 121-128. doi:10.7480/projectbaikal.39-40.678

^ Марк Меерович, Татьяна Анненкова, Константин Лидин, Сергей Алексеев, Алексей Чертилов, Марина Ткачева, Владимир Бух

От воспоминаний до сегодняшних впечатлений / From Recollections to Current Impressions

Идея создания архитектурного журнала для Восточной Сибири была назревшей необходимостью. Инициатива принадлежала тогдашнему лидеру Иркутской региональной организации Союза архитекторов России Елене Григорьевой. На ее предложение стать главным редактором нового издания Владимир Федорович Бух ответил согласием.

Журнал, оставаясь вполне самостоятельным, встроился в систему известных региональных изданий, выпускаемых под руководством Барта Голдхоорна, учредителя и издателя авторитетных архитектурных журналов ПРОЕКТ РОССИЯ, ПРОЕКТ КЛАССИКА и ПРОЕКТ INTERNATIONAL. Первый выпуск готовился с декабря 2003 года. В редколлегию, кроме главного редактора Владимира Буха и организатора Елены Григорьевой, вошли Марк Меерович, Константин Лидин, Люциан Антипин, Хадича Дулатова, Светлана Середёнкина, Инна Дружинина и уже опытный к тому времени издатель Татьяна Анненкова, выпускавшая свой журнал «Строим вместе».

Постоянным читателям привычен формат издания. Каждый выпуск посвящен какой-либо актуальной теме, вынесенной на обложку журнала, с последующим широким обсуждением. В новостном блоке освещаются события, происходящие в профессиональной среде на разных площадках не только в регионе, стране, но и за рубежом, в том числе о конкурсах, фестивалях, творческих встречах. Из рубрик монитор, наследие,

трибуна, SOS, мастера, новостройки, проект, мнения, интернет-дайджест получаем полезную и актуальную информацию. Издание зачастую является единственным источником знакомства с мастер-классами, биографическими, историческими зарисовками из жизни мэтров.

Особое внимание уделяется сведениям об основных мероприятиях в Российской Академии архитектуры и строительных наук, Союзе архитекторов России, фестивалям ЗОДЧЕСТВО и НАСЛЕДИЕ; здесь же – репортажи со съездов и пленумов. С 2004 года публикуются ежегодный каталог и обзоры фестивалей «Зодчество Восточной Сибири». В связи с расширением географии, значительным охватом новых регионов и городов (Красноярск, Барнаул, Томск) с 2018 года он преобразован в фестиваль «Зодчество в Сибири». Буквально с первого выпуска журнал подробно освещает работу ежегодных сессий Международного Байкальского зимнего градостроительного университета.

Героями рубрики ПОРТРЕТ АРХИТЕКТОРА, где происходило знакомство с ведущими сибирскими архитекторами и градостроителями, стали Вячеслав Воронежский, Виктор Шматов, Борис Кербель, Виталий Орехов, Арэг Демирханов, Владимир Павлов, Люциан Антипин, Марк Меерович. В рубрике Мастера своим профессиональным кредо и мнением по актуальным вопросам с читателями делились известные иркутские архитекторы Марк Меерович, Андрей Макаров, Владимир Стегайло, Екатерина Протасова, Ан-

дрей Красильников, Владимир Распутин, Николай Жуковский, Андрей Большаков, Владимир Нечитайло, Алексей Буйнов, Люциан Антипин, Владимир Бух, Станислав Григорьев, Александр Раппапорт и другие.

Ключевые слова: ПРОЕКТ БАЙКАЛ / проект байкал; портрет архитектора; мастера; конферюшки; наследие; русский Восток; монитор; шестидесятники; Иркутскгражданпроект. /

The article analyzes 58 issues of Project Baikal journal. It provides a historical excursion to the foundation of the journal and tells about certain sections and authors. It features the level of graphic materials and transformation of printed editions. The analysis reveals the scientific value of the materials contributed by famous authors. The article points out a growing interest among architects and other specialists in submitting scientific and research papers.

Keywords: Project Baikal; portrait of the architect; masters; conferyushki; heritage; Russian East; monitor; sixtiers; Irkutskgrazhdanproject.

дрей Красильников, Владимир Распутин, Николай Жуковский, Андрей Большаков, Владимир Нечитайло, Алексей Буйнов, Люциан Антипин, Владимир Бух, Станислав Григорьев, Александр Раппапорт и другие.

Вернемся к истокам. В течение 15 лет верстку выпусков журнала готовили Жанна Измайлова, Светлана Середёнкина, Светлана Колосова; подавляющее количество выпусков – Татьяна Анненкова. Корректур и литературное редактирование обеспечивали Инесса Бражникова и Марина Ткачева, а перевод статей иностранных авторов на русский язык – Анна Григорьева. Многочисленные шаржи и рисунки архитектора Сергея Алексеева украсили не один выпуск журнала. Ставшая традиционной рубрика КОНФЕРЮШКИ подвигла коллег на выпуск миниатюрных сборников, в которые позже вошли зарисовки и других авторов. Среди архитекторов сборники приобрели популярность.

Значительный вклад в содержательную часть рубрик НАСЛЕДИЕ и РУССКИЙ ВОСТОК внесли Алексей Чертилов и Николай Крадин. Богаты на исторические интересные факты о нескольких веках развития архитектуры в Иркутске, Кяхте, Нерчинске, Харбине публикации авторов журнала Ирины Калининой, Андрея Ляпина и многих других.

В своих первых номерах ПБ опубликовал несколько блестящих статей из цикла «Философия интерьера» Константина Лидина и Марка Мееровича. Их маленькие шедевры – «На троне или в

чулане», «Философия комнаты» и многие другие впечатляли нестандартностью точки зрения авторов и стилистико изложения материала, провоцировали полемику, дискуссии.

Редакционная коллегия – это неформальный коллектив интеллектуалов, объединяющим увлеченных общим делом людей, небезразличных к судьбе профессии, к событиям, происходящим в наших городах, к собственному духовному развитию. Известность приобрели так называемые «среды ПБ» в иркутском Доме архитектора, где, как в некоем центре притяжения творческих и талантливых людей, за чашечкой чая со своими пирогами и партией в бильярд обсуждается обширный круг тем, проблем, от повседневных, текущих до глобальных философских. В его эпицентре – Елена Григорьева. Здесь удовольствие находят в самом процессе. Вокруг редколлегии собираются, уходят и приходят люди; рядом постоянные и все новые авторы. И в этом водовороте дел и событий журнал, как живой организм, продолжает жить и развиваться. Именно особая атмосфера клуба, сформировавшегося вокруг журнала, позволила ему выжить в самые трудные, кризисные времена, когда издания закрывались одно за другим. Самоотверженная дружная команда не просто продолжала работу, но развивала содержательную часть и объемы публикаций. Изданию поочередно оказывали и оказывают поддержку партнеры и спонсоры.

^ Первый состав редакции. Сергей Алексеев, Владимир Бух, Светлана Середенкина, Елена Григорьева, Татьяна Анненкова, Инна Дружинина, Хадича Дулатова

Время от времени круг участников постоянных встреч в Доме архитекторов расширяется. За круглым столом происходят встречи в междисциплинарном дискуссионном клубе ПБ с обсуждением очередной актуальной темы. Среди постоянных участников клуба – иркутские интеллектуалы Виталий Барышников, Александр Гимельштейн, Сергей Шмидт. В зависимости от тематики приглашались историки Виктор Дятлов и Константин Григоричев, бизнесмены Олег Петров и Сергей Маяренков, дизайнеры Андрей Шолохов и Ольга Железняк. Постоянные участники – Константин Лидин, Алексей Чертилов, Николай Жуковский, Марина Ткачева и Елена Григорьева. Входят в обычный дискуссии в он-лайн режиме, спровоцированные, как правило, Александром Раппапортом.

Неоценимый вклад в трудный период становления ПБ внесли Вячеслав Глазычев (ПБ 10, 11, 12, 13, 15, 17, 18) и Александр Раппапорт (ПБ 10, 11, 12, 13, 17, 22, 23, 25, 39–40, 41, 42, 44, 45, 46, 47–48, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58), давшие карт-бланш на публикацию статей из своих блогов. Позже на страницах журнала стали появляться все новые, вызывающие большой интерес публикации известных архитекторов и деятелей науки: Александра Кудрявцева (ПБ 20, 47–48), Андрея Бокова (ПБ 25, 26, 52, 53, 57), Ильи Лежавы (ПБ 46, 47–48, 49), Александра Кузьмина (ПБ 57), Андрея Иванова (ПБ 18, 19, 23, 24, 56), Юрия Волчка (ПБ 18, 20, 21, 25, 27, 47–48), Леонида

Когана (ПБ 16, 18, 27, 35), Виктора Логвинова (ПБ 28, 45, 47–48, 49, 50, 53, 55), Сергея Гнедовского (ПБ 49), Эдуарда Товмасьяна (ПБ 18, 20, 39–40, 41, 49, 52, 54, 55), Юрия Бочарова (ПБ 18) и других московских авторов. Журнал верен своему пристрастию к парадоксальному взгляду на архитектуру, теорию и образование Александра Раппапорта. Практически ни один номер не выходит без его статьи.

С событиями в архитектурной среде Красноярска, Читы, Кемерово и других сибирских городов читателей знакомят Ольга Смирнова, Арина Шаравина, Сергей Зыков и Ольга Оголь, Владимир Авксентюк. В последние годы в число постоянных авторов вошли архитекторы из Екатеринбурга Елена Багина и Леонид Салмин, воронежец Петр Капустин.

Представляют свои материалы зарубежные коллеги – Брайан Спенсер (США), Кристиан Хорн (Франция), Франклин ван дер Хувен (Нидерланды), Фабио Тодескини (ЮАР), Георги Станишев (Болгария), Барбара Энгель (Германия), Влад Гайворонский и Иоанн Андриеску (Румыния) и еще многие другие авторы с разных континентов мира, раскрывающие палитру знаний, своих точек зрения, позиций на проблемы архитектуры. Такой обзор не просто познавателен и интересен, но и необходим для понимания процессов, происходящих в теории и практике профессии архитектора, определения своего места в их ряду.

v Елена Григорьева и Владимир Бух готовят номер ПБ, посвященный Владимиру Павлову

^ Анна Григорьева, Елена Григорьева, Константин Лидин, Марина Ткачева, Инесса Бражникова

Значительное внимание отводится сфере архитектурного образования в нашей стране. Не случайно ему посвящено несколько выпусков (ПБ 1, 18, 25, 32, 33-34, 44). Журнал востребован и популярен как у профессуры, так и у студентов. Подлинную картину образования в Иркутском национальном исследовательском техническом университете раскрывают публикации и анализ лучших работ студентов и дипломников, научно-популярные и исследовательские статьи преподавателей М. Мееровича, А. Большакова, О. Железняк, В. Козлова, А. Ляпина, А. Чертилова. И. Дагдановой и др. Интересен и, безусловно, полезен обмен опытом с коллегами и преподавателями из Нижнего Новгорода, Вологды, Новосибирска, Красноярска, Томска,

Екатеринбурга, Москвы и других городов России.

Журнал активно интересуется работами архитектурной молодежи. В составе редакции на желтых страницах рубрики МОНИТОР публикуются лучшие дипломные работы не только иркутских, но и московских студентов. В ДАЙДЖЕСТе работают молодые архитекторы, они предоставляют краткую концентрированную информацию об интересных постройках мира, что заодно повышает и их собственную информированность. В тесном содружестве журнал работает с Клубом молодых архитекторов, освещает его главные мероприятия, конкурсы и фестивали по интеграции с природой – БухАрт и АрхБухта. Таким образом решается еще одна задача редакции – расширение и

обновление читательской аудитории. Об экстремальном досуге в жизни архитекторов рассказывают репортажи с ежегодного горнолыжного фестиваля в Шерегеше.

Журнал вырос: значительно увеличился его объем, улучшился уровень полиграфии, графических материалов, что так важно для архитектурного издания. Качественнее стала верстка, увеличился диапазон переводного материала. Дизайн обложек, страниц и содержание отличаются, можно сказать, аристократичностью. При этом создан и сохраняется общий стиль, «культура мелочей» и собственный язык, позволяющий легко ориентироваться в его компоновке и дающий особое ощущение от предвкушения знакомства с очередной публикацией интересного автора.

Основное наполнение журнала составляют публикации статей с богатым иллюстративным материалом по архитектуре, градостроительству, реконструкции и реставрации, об истории создания уникальных объектов, философские размышления об архитектуре мировых и отечественных достижений в этой области, пресс-релизы круглых столов и дискуссий на злободневные профессиональные темы и многое другое. Регулярно публикуется полезная для архитекторов информация о новых возможностях в сфере новейших технологий и производства современных материалов.

Востребованность журнала в архитектурном сообществе подтверждается возрастающим интересом, в том числе, как к площадке для научных публикаций.

^ Инесса Бражникова, Марина Ткачева, Константин Лидин, Николай Жуковский

^ Люциан Антипин и Владимир Бух

^ Владимир Бух, Сергей Алексеев, Люциан Антипин

^ Люциан Антипин и Владимир Бух

Трудно переоценить хронологически поданные материалы о жизни и творчестве уникального архитектора Владимира Павлова (ПБ 26). Журнал обращается к этой теме при каждом удобном случае. В 2013 году по приглашению Эдуарда Кубенского вся собранная информация была доработана и вышла отдельной книгой в серии «Мастера советского модернизма» издательства ТАТЛИН [1].

Особенно впечатляющим по значимости и масштабу стало издание о шестидесятниках (ПБ 39–40). Здесь опубликованы серьезные исторические исследования, имеющие неоспоримую научную значимость в области архитектуры. Журналом была предоставлена возможность глубокого изучения архитектурного творчества шестидесятых годов. Богатейший систематизированный материал позволил проследить сплочение вокруг возникавших в этот период новаторских идей, неординарных личностей, авангардных течений, в том числе ознакомиться предметно с модернистскими объектами, возведенными в Иркутске. Проводимый анализ позволил по-новому взглянуть на процессы в архитектуре шестидесятых годов. Непроизвольно возникает сопоставление с периодом двадцатых годов, их значением в истории градостроительства, утверждавшем дух романтизма, свободы в творчестве, стремление к переменам при неизбежности решения стоящих тогда социальных задач. Все это свидетельствует о 60-х

годах как о переломном периоде, чрезвычайно важном для страны явлении в градостроительстве и архитектуре, внесшем неоценимый вклад в теорию и архитектурную науку, позволившем определить статус отечественной архитектуры на мировой арене, где происходили похожие процессы. Ценность материала в том, что ранее такой подборки никем и никогда не было сделано. Теперь эти материалы – своеобразное учебное пособие для творческой молодежи (ПБ 5, 26, 43, 52).

Собранные и обобщенные ПБ материалы позволили вернуть безымянной архитектуре советского модернизма в Иркутске авторов-архитекторов. Системно представлены их биографии, перечень и фотографии с основных объектов. Целый раздел в выпуске ШЕСТИДЕСЯТНИКИ посвящен жизни, деятельности и произведениям Владимира Буха (ПБ 39–40).

Не меньший интерес вызывает у читателей журнала ранее никем не представленная антология объектов иркутских архитекторов XX века.

В выпуске ИРКУТСКГРАЖДАНПРОЕКТ–50 (ПБ 43) собрана и систематизирована богатейшая информация о деятельности крупной проектной организации – института «Иркутсгражданпроект», коллектив которого работал на многих сибирских территориях. В журнале характеризовались как деятельность филиалов и отделений института, так и историческое изложение конкретных условий их функционирования,

задач и результатов, стоящих перед проектировщиками в определенный период времени.

Уникальной информацией, собранной о шестидесятниках, деятельности института «Иркутсгражданпроект» и других, заинтересовался Государственный архив.

Журнал совершенно заслуженно был награжден Золотой медалью Международной академии архитектуры «Интерарх-2009» в номинации «Периодические издания».

География авторов и читателей давно перешагнула границы России. С 2014 года журнал признавался международными системами и был внесен в базы данных Directory of Open Access Journals (DOAJ), the Avery Index to Architectural Periodicals, Google Scholar, Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory), the Open Archives Initiative (OAI), JournalTOCs, SHERPA/RoMEO, PKP index. В 2016 он включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Рейтинг и спрос на журнал растут: ПРОЕКТ БАЙКАЛ / проект байкал знают, ценят, цитируют. Подтверждением этого стало включение его в крупнейшую библиографическую и реферативную базу данных индексируемых публикаций - Scopus, состоявшееся 28 декабря 2018 года. Этой базой данных пользуются тысячи ученых по всему миру.

От всей души поздравляем всех, кто причастен к этому изданию, и прежде всего – Елену Григорьеву, основателя журнала, главным редактором которого она является

многие годы, с двойным юбилеем – пятнадцатилетием и выпуском 60-го номера. Поздравляем с тем, что архитектурный журнал PROJECT BAIKAL / проект байкал, с маленьким буквами в названии и с большим наполнением смыслами, открывает новую страницу в своем развитии.

**Виктория Астраханцева,
Инна Дружинина
Подбор иллюстраций
Татьяна Анненкова /
Victoria Astrakhantseva,
Inna Druzhinina
Selection of images
Tatyana Annenkova**

Литература

1. Бух В. Ф., Григорьева Е. И. Владимир Павлов : Серия «Архитектура советского модернизма». – Екатеринбург : ТАТЛИН, 2013. – 136 с.

References

Bukh, V. F., & Grigoryeva, E. I. (2013). Vladimir Pavlov: Arkhitektura sovetskogo modernizma [Vladimir Pavlov: Architecture of Soviet Modernism]. Yekaterinburg: TATLIN.

МАНИФЕСТ ПБ

Что происходит с архитектурой?

Вот уже несколько десятилетий, начиная с опубликования Манифеста Хундертвассера, мы слышим: «Архитектура тяжело больна. Архитектура при смерти». И многие авторитетные голоса уже поют по ней нечто зауспокойное.

В прошлом архитектура знала высочайшие взлеты. Классическая античность, зрелое средневековье, эпоха модерна и конструктивизма – в эти периоды именно архитектура собирала в себе лучшее, что порождали наука, искусство и ремесло. От науки она перенимала четкую постановку задачи, логику и последовательность методов, математическую точность мышления. От искусства – самоотверженную смелость в работе с движениями души, неустанный поиск новых форм, живое отношение к достижениям предыдущих поколений. От ремесла архитектура получала навыки диалога с материалом, почтительного отношения к практическому опыту и стремление к экономической эффективности. Ничего удивительного, что в периоды расцвета архитектура служила примером и образцом для подражания в самых обширных областях культуры – от политики до моды.

Но вот уже несколько последних десятилетий архитектура как будто задалась целью перенять из тех же областей не лучшие достижения, а одни лишь пороки и недостатки. Из науки извлекается склонность к схоластической, бесплодной игре с терминами. Из искусства – эгоистический субъективизм и бесконечные интриги. Из ремесла – монотонность и скука стандартизованного поточного производства. Из множества зол тяжело больная архитектура выбирает даже не худшие, а все.

Между тем, за всю историю человечества еще не было момента, когда архитектура была бы настолько актуальна. Огромное по масштабам переселение людей в города ставит перед нами потрясающие задачи. Сельская среда обитания насыщена жизнью. Сама природа наполняет ее живыми образами, ритмами, циклами Жизни и Смерти. Городская, урбанистическая среда полностью создана человеком из неживых предметов. Рукотворность этой среды не оставляет надежды на гармонизирующее воздействие природы – слишком проста экосистема города, слишком монополярна и подчинена человеку. В эмоционально-образном плане современный город выглядит столь же антисанитарным и болезнетворным, как выглядел средневековый город в плоскости повседневной гигиены. Современные горожане выплескивают на улицы гнев, отвращение и уныние – как выплескивали помои вплоть до девятнадцатого века. Нынешняя пандемия депрессии – полный аналог опустошавших Европу чумы и холеры.

Только здоровая, полноценная, открытая к лучшему архитектура способна вывести города из этого губительного положения. Повернуть ход глобальной урбанизации в более разумную и здоровую сторону. Но для этого архитектуре предстоит пережить глубочайший пересмотр методологического инструментария.

Пятнадцать лет назад журнал «ПРОЕКТ БАЙКАЛ» был основан архитекторами поколения шестидесятников и их учениками. С момента основания в журнале сотрудничали профессиональные ученые, художники, проектировщики. На протяжении шестидесяти выпусков журнал работал над тем, чтобы напомнить о возможности сочетания в архитектуре лучших, наиболее плодотворных особенностей науки, искусства и ремесла. На этом пути журнал нашел единомышленников в самых разных городах России и в других странах.

У нас есть причины для оптимизма.

MANIFESTO OF PB

What is happening to architecture?

For several decades, starting from the publication of Hundertwasser's Manifesto, we have heard: "Architecture is seriously ill. Architecture is going to die". Many prominent voices are already singing for the repose of its soul.

In the past, architecture experienced the highest rises. Classical antiquity, mature Middle Ages, Modern and Constructivism – during those periods architecture acquired the best things produced by science, art and craft. It took from science a precise problem statement, logic and succession of methods, as well as mathematical precision of thinking. It took from art the courage in dealing with motions of the soul, the constant searching for new forms and a keen interest towards achievements of previous generations. It took from craft the skills of dealing with the material, respect towards the practical experience and commitment to economic efficiency. It is no wonder that in its flourishing periods architecture was a role model in the broadest sectors of culture, from politics to fashion.

It seems that, within recent decades, architecture set out to take only drawbacks and vices from the same fields. It borrows from science a tendency to the scholastic and pointless playing with terms. From art – egoistic subjectivism and endless intrigues. From craft – monotony and boredom of standardized flow production. Seriously ill architecture chooses not even the greater evils, but all the evils from this variety.

Anyway, throughout the history of mankind architecture has not been more timely than today. The mass movement of people to cities poses great challenges. Rural habitat is full of life. Nature itself fills it with living characters, rhythms and Life and Death cycles. The urban environment is created by humans from nonliving materials. This man-made environment offers no chance for a harmonizing impact of nature – the urban ecosystem is too simple, monopolar and dependent upon humans. In regards to emotions, today's city looks as unsanitary and pathogenic as a medieval city used to look in regards to everyday hygiene. Contemporary citizens pour out their anger, disgust and despair like it used to be with pigwash up to the 19th century. Today's pandemic of depression is similar to plague and cholera that devastated Europe in the past centuries.

Only healthy and proper architecture open for the best can relieve cities from their disaster and turn the global urbanization into a more sensible and healthy channel. To do this, architecture has to thoroughly reconsider its methodological tools.

Fifteen years ago PROJECT BAIKAL journal was founded by architects of the 1960s and their apprentices. Since then, professional scientists, artists and designers have been contributing to the journal. Throughout its 60 issues, the journal has been speaking about the possibility to combine the best and the most efficient features of science, art and craft. With that, the journal found like-minded fellows in different cities of Russia and other countries.

We have reasons to be optimistic.

ПРОЕКТ БАЙКАЛ продолжает публикацию материалов об одном из любимых своих авторов – архитекторе Марке Мееровиче. Он писал статьи почти в каждый номер ПБ, начиная с первого выпуска, привлекал к журналу новых авторов. Во втором блоке рубрики ПОРТРЕТ АРХИТЕКТОРА (первый – см. ПБ58) приводятся статьи о вкладе Марка Григорьевича в науку, перечень основных его научных трудов и полный список проектов, выполненных с его участием или под его руководством.

ЕГ

PROJECT BAIKAL continues to publish materials on one of our favourite authors, architect Mark Meerovich. He contributed his articles to almost every issue of PB, starting from the first one, and attracted new authors to the journal. The second part of the section PORTRAIT OF THE ARCHITECT (see the first part in PB 58) contains articles on the contribution to science made by Mark Meerovich, the list of his key research works and the complete list of projects elaborated with his participation and under his supervision.

ЕГ

ПОРТРЕТ АРХИТЕКТОРА / PORTRAIT OF THE ARCHITECT

(продолжение, начало в пб58) / (continuation, beginning in pb58)

Марк Меерович (1956–2018) / Mark Meerovich (1956–2018)

Марк Меерович предложил модель советской истории архитектуры и градостроительства, выстроенную по принципам теории деятельности Георгия Петровича Щедровицкого. Принцип деятельности для учеников ГП был исходным для постановки проблем и ориентации в ситуации. Именно поэтому анализ советского жилищного законодательства, определяющего характер принимаемых решений и деятельности на разных уровнях, дал ему возможность выстроить целостную концепцию советских принципов расселения, объяснил провал идеи города-сада в СССР, показал принципы организации «соцгородов», описал феномены «трудобитовых коллективов» и коммунального жилья, а также показал советские механизмы управления людьми. Меерович ввел в научный оборот огромное количество неизвестных материалов, касающихся деятельности выдающихся советских и иностранных архитекторов сталинской эпохи.

Ключевые слова: Марк Меерович, системно-методологический подход к проблеме истории архитектуры и градостроительства; город-сад; «соцгород»; жилищное законодательство; неизвестные проекты.

Mark Meerovich proposed a model of Soviet history of architecture and town-planning based on the principles of Georgy Petrovich Shchedrovitsky's activity theory. Georgy Petrovich's students used these principles as a baseline for articulation of the issue and handling of the situation. That is why the analysis of the Soviet housing legislation, which defines the character of solutions and the activity on different levels, enabled Mark Meerovich to see architectural and town-planning problems from another point of view. He formulated a holistic concept of Soviet principles of settlement, explained the reason of the failure of the idea of the garden city in the USSR and showed the principles of arrangement of "socialist cities", described the phenomena of "labour and household teams" and communal housing, and demonstrated the Soviet mechanisms of people management. Meerovich introduced for scientific use a lot of unknown materials concerning the activity of prominent Soviet and foreign architects of Stalin's era.

Keywords: Mark Meerovich; system-based methodological approach to the issues of history of architecture and town-planning; garden city; "socialist cities"; housing legislation; unknown projects.

Системно-методологический подход к истории архитектуры и градостроительства Марка Мееровича. Памяти друга /

текст
Елена Багина /
text
Elena Bagina

*Точно клубки ниток, мы катимся вдаль,
Оставляя за собой нитку наших дел.*

Николай Заболоцкий

Однажды в тесной компании друзей мы играли в странную игру. Нужно было написать четверостишие на тему «я умер». Лучшим было признано следующее:

*Я умер!
Теперь врете
хоть на санскрите,
хоть на иврите.*

Советская эпоха ушла в прошлое. СССР «почил в Бозе». Но еще живы поклонники Сталина и диссиденты советской поры. Кое-кто до сих пор считает себя коммунистом и пролетарием. Многие уверены, что стали почтенными буржуа. Есть и такие, что мнят себя дворянами-аристократами. Мы живем в «сталинках», «хрущевках», многоэтажных «жилых комплексах». Кое-кто влачит жалкое существование в бараке или в общежитии 30-х годов постройки. На наших глазах разрушается советское наследие. Города хаотично растут и теряют сталинские архитектурные ансамбли – авангардистские и неоклассические, которые ныне прекрасно уживаются даже в пределах одной улицы. Когда приводят в порядок постройки Гинзбурга, Весниных, Мельникова, Жолтовского, Щусева, люди, даже далекие от архитектуры, начинают понимать изящество минимализма, суровую монументальность сталинского ампира. Правда, не все, не везде и не всегда.

Жизнь кардинальным образом изменилась, но явления сегодняшние – политические, экономические, градостроительные и архитектурные – имеют глубокие корни. Поэтому так важны сегодня исследования, посвященные советскому прошлому. Как это ни парадоксально, о нем мы знаем очень мало. Марк Меерович – один из тех, кто исследовал тайны этой terra incognita.

Сегодня об истории архитектуры мы узнаем, в основном, из книг, написанных в советское время. Новые есть, но они в основном посвящены частностям. Архитектура и градостроительство СССР до сих пор не осмыслены

ни историками, ни теоретиками. Это и понятно: временная дистанция слишком мала, поэтому студенты-архитекторы до сих пор учатся по советским учебникам. Нет однозначного ответа на вопрос, что случилось с нашей страной, городами и архитектурой. Можно сказать, что все было отвратительно. Но такой ответ удовлетворить не может, потому что достижений тоже было много, несмотря на условия жесткого тоталитарного режима. Никто из исследователей советской эпохи сознательно не хочет врать, но суждения зачастую диаметрально противоположны. Возможно оттого, что те, кто «исследует хобот слона», делают одни выводы; те, кто ноги – другие. Целостной картины нет. И все убеждены в своей абсолютной правоте.

История жизни методолога, историка, архитектора, педагога, политолога Марка Григорьевича Мееровича имеет четкие временные границы: 19.06. 1956–18. 10. 2018. Он родился, когда только начиналась хрущевская оттепель. Был октябренок, пионером, комсомольцем, студентом, аспирантом, активным членом Московского методологического кружка Георгия Петровича Щедровицкого, защитил кандидатскую диссертацию в Московском архитектурном институте. Все это происходило в Союзе Советских Социалистических Республик. Доктором исторических наук и доктором архитектуры он стал уже в другом государстве с иными ценностями и пороками.

Заслуг и званий у Марка Григорьевича немало. Но кого будут интересовать призы и звания через... нет, даже не десятков... – через несколько лет? Важны не звания, и даже не количество написанных книг. Важен индивидуальный взгляд, предполагающий независимость мысли. Такой взгляд на советскую историю у Марка Мееровича был. Именно поэтому мы можем говорить, что без трудов Мееровича уже нет истории советской архитектуры и градостроительства. Отголоски гражданской войны вековой давности слышны и сегодня. «Белые» и «красные» XXI века спорят, кто виноват и что нужно было делать. Гражданская война до сих пор не окончена.

В поэме «Во весь голос» Маяковский писал:

Mark Meerovich's System-Based Methodological Approach to the History of Architecture and Town-Planning In Memory of My Friend

Уважаемые

товарищи потомки,

Роясь

в сегодняшнем

окаменевшем говне,

наших дней изучая потёмки,

вы,

возможно,

спросите и обо мне.

Марк Меерович как раз из тех историков-потомков, которые, не боясь рутинной работы с первоисточниками, задают неудобные вопросы, чтобы понять, что на самом деле произошло с их страной и народом. Почему случилось то, что случилось. Ведь даже и с Владимиром Владимировичем, чей парадный памятник мы все еще видим на Триумфальной площади по соседству с качелями, поставленными по проекту инфантильно-меркантильных урбанистов новой европейской формации, не все ясно. В истории жизни и творчестве бунтаря – «будетлянина» еще предстоит разобраться литературоведам, и тогда, возможно, его стихи снова зазвучат «во весь голос».

Переосмыслить поэзию – задача непростая. Отказаться от принятой модели истории советской архитектуры и градостроительства сложнее. Марк Меерович предложил свою модель, выстроенную по принципам теории деятельности Георгия Петровича Щедровицкого (ГП), в философском кружке которого он прошел уникальную школу мышления.

«ММК жил довольно замкнутой жизнью, отчего порой его называли сектой, тайным обществом посвященных, говоривших на птичьем языке. Отчасти эта изоляция была запрограммирована самим ГП, отчасти образовалась вне зависимости от его намерений. Двери ММК всегда были открыты для всех, но войти в них было недостаточно. Нужно было еще понять, куда попал. В режиме реального времени такое понимание могло осуществляться только путем присоединения к работе, включения в нее, а это требовало огромных сил и – не в последнюю очередь – времени. Будем откровенны: это требовало Всех сил и Всего времени», – так пишет об этом уникальном явлении советской интеллектуальной жизни А. Г. Раппапорт в книге «Квадратура кружка» [1].

Теория деятельности, которую разрабатывали члены ММК – фундамент, на котором Марк Меерович строил свое понимание истории архитектуры и градостроительства. И даже шире – понимания жизни. «Принцип деятельности для учеников ГП был исходным для постановки проблем и ориентации в ситуации. Конструктивное представление ситуации в деятельности служило логическим основанием понимания и проблематизации. Важен был и историко-генетический схематизм всякого понимания, и реконструкции содержания» [1]. Именно такой подход можно увидеть в трудах Марка Мееровича.

Законодательство определяет характер принимаемых решений и деятельности на разных уровнях. Скрупулезный анализ законодательных актов, касающихся жилищной политики сверху донизу – титаническая работа. Выводы, сделанные Марком Мееровичем на основе анализа советского законодательства разных лет, касающегося жилищной политики и градостроительства, дали ему возможность посмотреть на градостроительную политику СССР с такой точки зрения, с которой ни один историк, ни один теоретик архитектуры на проблемы жилищного строительства, градостроительства и расселения не смотрел.

Действие законов и норм отражалось в бесчисленных резолюциях и постановлениях, которые были руководством к действию. Именно эти «бумажки» определяли условия жизни миллионов граждан Страны Советов. Скучный быт, отсутствие элементарных удобств, вынужденное соседство, как доказал Меерович, было запрограммировано законами, а вовсе не трудностями переходного периода и происками врагов.

Представления о советской истории в исследованиях ученых окрашены в разные цвета – от глубокого черного до нежно-розового – в зависимости от позиции рассмотрения. Оттенки палитры Марка Мееровича – от темно-коричневого до черного. Выбор таких цветов для картины советской истории оправдан: и черного, и коричневого было в избытке. Игнорировать темные стороны советской истории мы не вправе. Для того, чтобы ответить на извечные вопросы – кто мы, что мы и куда мы идем – правду знать нужно. Но необходимо понимать, что это не вся правда. Душная атмосфера истерическо-

го страха и подозрительности в сочетании с чистой, искренним энтузиазмом и фанатичной верой в торжество коммунизма – причудливая смесь, определившая психологический портрет нескольких поколений советских людей, а также образы архитектуры этого периода, ибо *architecture parlante*.

Приглашенная модель истории советской архитектуры и градостроительства, которая до сих пор доминирует в учебниках, не соответствует документам, которые ввел в научный оборот Марк Меерович. Логика принятой трактовки принадлежит другой эпохе с соответствующими фигурами умолчания, и только инерция не позволяет до сих пор от нее избавиться.

Историкам архитектуры и градостроительства чужд системно-деятельностный подход Марка Мееровича. Его выступления на научных конференциях коллеги не всегда принимали с восторгом. Слишком скучным им казался анализ документов, на которых Меерович основывал свои выводы. Ведь историки архитектуры привыкли иметь дело с яркими декларациями и манифестами архитекторов, их письмами, дневниками, воспоминаниями, чертежами, постройками, а не с инструкциями НКВД и не с резолюциями собраний жилищной кооперации.

В своих исследованиях Марк Меерович спустился с высот, с которых обычно рассматривают градостроительство, на самый низкий, молекулярный уровень. Его интересовало все: сколько барачков было построено в Магнитогорске или в Нижнем Тагиле; как в этих барачках были расположены печи; сколько семей могло жить в одной комнате коммунальной квартиры; почему семейный быт превратился в коммунальный, так едко описанный Николаем Эрдманом и Михаилом Зоценко...

Меерович читал протоколы собраний жильцов, списки претендентов на жилую площадь, журналы «Жилищная кооперация» и сборники Главного управления коммунального хозяйства НКВД. Он изучал документы, которыми бы побрезговал любой историк архитектуры: решения домовых комитетов о мелких ремонтах, постановления об изъятии «излишков площади» в «богатых» квартирах, протоколы собраний членов Союза архитекторов, клеймящих своих товарищей за то, что они не следуют принципам соцреализма. Из, казалось бы, незначительных фактов и мелочей складывалась чудовищная картина советского быта, порожденного установками и регламентами, противоречащими «правильным» лозунгам и утверждениям официальной пропаганды. На простой вопрос обывателей – почему мы живем так плохо и так скудно – ответ был ясный, как день: «Мы живем в окружении врагов; сегодня нам трудно, но будущее, которое мы построим, будет прекрасным». Верили: «Мы построим «соцгорода», и они будут похожи на города-сады...» Соцгорода строили – только на города-сады они были совсем не похожи. Реальный принцип их построения не афишировался – он был прост и циничен: тотальная слежка, пренебрежение минимальными удобствами быта, жесткая иерархизация общества, доминанта производства. Лозунг «Все для человека, все во имя человека» красовался повсюду, написанный белыми буквами на красном фоне. Этот лозунг был руководством к действию у идеалистов корчагинского типа. Вера в коммунистические идеалы порождала всплески энтузиазма, экстатического трудового фанатизма и бог знает еще какие причудливые явления. Так или иначе, «правильные» идеологические установки работали и воспитывали «новых людей».

Есть старый еврейский анекдот. Отец семейства с грустью смотрит на чумазых ребятшек и думает: старых отмыть или новых наделать? Промыть мозги «старым», помнящим дореволюционное житье-бытье, у сталинского режима не получилось. «Старые» еще умели самостоя-

тельно мыслить. Наделать «новых», послушных и преданных идее коммунизма, удалось не в полной мере.

Первая книга Марка Мееровича «Рождение и смерть города-сада» [2] была для читателей-архитекторов открытием. В ней он опроверг расхожее мнение, что город-сад – просто поселок с индивидуальными домами, раскинувшийся на лоне природы – этакая идиллия с коттеджами, утопающими в розах, клубом, больницей и самодеятельным театром. Для такого мнения были все основания. До исследований Мееровича в профессиональной литературе города-сады рассматривались только с точки зрения их планировки, способов озеленения, функционального зонирования, стиля застройки. Такой подход для архитекторов понятен и естествен. Проблемы формы в архитектуре всегда стояли на первом месте. Когда эти проблемы вольно или невольно подменяются другими, качество архитектуры падает. Для Марка Мееровича всегда были важны не только и не столько формально-композиционные стороны архитектуры и градостроительства, сколько политические и экономические ее составляющие, в которых в первую очередь находит отражение деятельность людей. На основе щедровитянской идеи приоритета деятельности в любом явлении жизни Марк Меерович построил свою модель истории советской архитектуры. Он считал, что история складывается из миллиардов мелких деяний, запечатлевшихся в материальных свидетельствах времени. Картина послереволюционной жизни Страны Советов складывалась для него из крохотных пазлов. Она была очень мрачной, почти беспросветной. В ней не нашлось места ни искреннему массовому энтузиазму, ни светлым сторонам жизни.

Что же касается идеи города-сада, то историки и теоретики архитектуры нередко забывают о том, что Эбенизер Говард был экономистом, а не архитектором, и город-сад – идея экономическая и политическая, а не градостроительная.

Парадокс состоит в том, что Говард нарисовал схему, и эту схема вошла в книги и учебники по градостроительству как план поселения. Меерович показал, что в городах-садах гораздо важнее архитектуры индивидуальных домов и принципов озеленения был способ решения жилищного вопроса для малоимущих граждан, которым предлагалось самим управлять финансовыми потоками и жизнью поселения.

Существует мнение, что в России до революции строились города-сады, подобные тем, что возникали в Европе и Америке. Меерович опроверг это утверждение, поскольку политическое и экономическое устройство Российской империи не позволяло реализовать идею Говарда в полной мере: бесплатное выделение земли под такие поселения и самоуправление были невозможны. То, что называли дореволюционными городами-садами, на самом деле было ведомственными поселками, созданными на базе крупных предприятий подобных КВЖД. А это означало, что пока человек работает на предприятии – он пользуется жильем. Если он не может работать – он должен покинуть дом.

Книга Марка Мееровича «Рождение и смерть города-сада» интересна как для экономистов и политологов, так и для архитекторов. Для экономистов она до сих пор остается актуальной, поскольку говардовская экономическая модель города-сада не устарела. Другое дело, что для ее осуществления нужна политическая воля. Для архитекторов она ценна тем, что анализируются планы городов-садов, приводятся ранее не известные фотографии и чертежи и дается социально-политическая оценка этому явлению в целом.

На огромном материале Меерович показывает, почему в Европе города-сады организовывались и могли существовать, а в России идея Эбенизера Говарда, поначалу

воспринятая с энтузиазмом, по сути, провалилась. Казалось бы, идея города-сада должна была найти поддержку в Советской России. Поначалу на волне революционного энтузиазма и веры в социальную справедливость, которую обещали коммунисты, так оно и было. Но политические условия не позволили этому движению развиваться в Стране Советов. Жилище в СССР было элементом системы государственного распределения и контроля наряду с другими статьями жизненных потребностей, а потому любая самостоятельность (а уж тем более обладание собственным домом) была для большинства невозможна. Миф о том, что СССР был государством социальной справедливости и равенства, последовательно развенчивается в книге, написанной Марком Мееровичем «Вслед за историей о городе-саде. Книга эта называется «Рождение соцгорода. Градостроительная политика в СССР 1926–1932 гг. (Концепция социалистического расселения – формирование населенных мест нового типа)». В ней реконструирована модель «соцгорода» во всех мельчайших подробностях, основанных на конкретных документах. Так аргументированно и подробно о новых поселениях в СССР до Мееровича не говорил никто. В книге «Рождение соцгорода...» доказывається, что вовсе не трудности и враги были повинны в том, как жило большинство населения страны; это была осознанная политика государства, которое стремилось контролировать все и вся. И если бы Марк Меерович ограничился только описанием экономико-политической модели «соцгорода», одно это было бы вкладом в российскую историческую науку. Но в книге есть еще и взгляд архитектора-градостроителя. Рассматриваются не только политические и экономические аспекты, но и чисто архитектурные: в научный оборот введены неизвестные проектные материалы – от планов бараков до планов «соцгородов». Стала понятна основная цель и идея таких поселений – ускоренная индустриализация страны. Главным градообразующим фактором в «соцгородах» была промышленность, в основном тяжелая. Удобству расположения предприятий в этих поселениях подчинено все. Построенные в спешке предприятия не имели очистных сооружений, режим экономии заставлял проектировщиков повсеместно сокращать коммуникации, не соблюдались необходимые санитарные разрывы между промышленными предприятиями и жилой застройкой: об экологии в советское время заботились мало, здоровье трудящихся ценностью не было.

Книга «Рождение соцгорода...» создана на основе бесчисленных документов эпохи. Детально показано, как в пространстве новых городов реализовался советский иерархический принцип построения общества, основанный на разнице в обладании количеством квадратных метров жилой площади, одежды, возможностей отдыха и т. п. Описано, как действовали социальные лифты и насколько отличалась жизнь советской элиты от жизни основной массы населения страны. Меерович показал, для чего нужно было создавать «трудо-бытовые коллективы», почему изначально планировалось расселение большинства простых граждан в коммунальных квартирах и общежитиях. Его вывод: дело было в принципе тотальной слежки. Мушкетерский девиз – один за всех и все за одного – в СССР сталинского периода понимался совсем не по-мушкетерски.

Архитекторы-энтузиасты 20-х – 30-х годов XX века, искренне верящие в торжество социализма во всем мире и в СССР – в частности, в том числе и многочисленные немецкие специалисты, пытались проектировать новые дома и города комфортными. По проектам, приведенным в книгах Мееровича, мы видим многоквартирные дома с двух-, трех- и четырехкомнатными квартирами, оригинальные планировки, грамотно сделанные фасады, ин-

тересные объемно-пространственные композиции. Сама по себе эта архитектура вполне добротна. Но комфортабельные квартиры сразу становились адом при «покомнатно-посемейном» расселении, которое было нормой в СССР вплоть до 60-х годов XX века. Правда, как показали исследования Мееровича, делались и другие дома – там предусматривались анфилады комнат, каморки около кухни для домработниц и черная лестница для прислуги. Проектировались и особняки. Другое дело, что особняков было 1–2% от общего количества нового жилищного строительства, а общежитий – до 60% всего жилого фонда. Особняки предназначались для высшей советской и партийной элиты. Право в них жить было наградой за ударный труд и политическую лояльность. Но даже те, что жили в особняках, ими не владели. Это была частно-государственная собственность [3].

Построенные в конце 20-х годов бараки «соцгородов» были окончательно снесены только в начале 80-х годов XX века, общежития функционируют и сегодня, в запроектированных Андреем Буровым, Эрнстом Маем, Леонидом Весниным и другими известными архитекторами 3–4 этажных домах «для рабочих» люди живут до сих пор. Именитые архитекторы-авангардисты Леонид Веснин, С. Е. Чернышёв, Э. И. Норверт проектировали бараки для рабочих, барачные столовые и бани, многоквартирные 2–3–4-этажные деревянные и каменные дома, индивидуальные дома «для рабочих» [4] Эти проекты никогда не публиковались ни в книгах С. О. Хан-Магомедова и В. Э. Хазановой, ни в книгах других авторов, создавших романтический миф о советском авангарде, загубленном товарищем Сталиным. Но встаёт вопрос – а является ли проект барака архитектурным произведением? Марк Меерович на этот вопрос отвечает утвердительно, его оппоненты, привыкшие считать архитектурой хрестоматийные произведения Гинзбурга, Жолтовского и Щусева отвечают отрицательно.

Мы нередко задаем себе вопрос: чем занимались архитекторы-авангардисты в 30-х – 40-х годах. Их проекты почти исчезли со страниц профессиональных журналов, но такие корифеи, как Моисей Гинзбург, братья Веснины и др. репрессированы не были; они проектировали и строили, то есть были загружены профессиональной работой. Но об этом периоде их творчества никто ничего не знал. Они как бы перестали существовать после 30-го года, ибо их творчество 30-х – 40-х не вписывалось в официально принятую модель истории советской архитектуры. В многочисленных статьях Марка Мееровича мы видим относящиеся к этому периоду проекты Александра, Леонида и Виктора Весниных, М. Я. Гинзбурга и других известных авангардистов 20-х годов. Работали они в системе НКВД и НАРКОМТЯЖПРОМа, строили ведомственные промышленные и гражданские объекты. И оказывается, даже не изменяли конструктивистским принципам в промышленных объектах.

Марк Меерович проанализировал «соцгорода», которые строились в СССР, с разных позиций: с точки зрения функционального зонирования, с точки зрения системы обслуживания, с точки зрения связи промышленности и селитбы. Он нашел в архивах, журналах и книгах того времени и ввел в научный оборот огромное количество осуществленных и неосуществленных проектов, которые рассказали о реальном размахе строительства, о разнице в материалах, которые использовались при возведении домов для привилегированных и непривилегированных слоев советского общества и пр. В книге «Соцгород» встает целостная картина советского быта, возникшего в результате сознательной градостроительной политики.

Взгляд на советскую градостроительную историю у Марка Мееровича не беспристрастный. Он на разных уровнях рассмотрения доказывает одну мысль: советский

строй и советское градостроительство – порождение тотального насилия над личностью [5]. Что ж, факты говорят именно об этом. Но слабость позиции Мееровича в рассмотрении советской архитектуры и советского градостроительства состоит в том, что Марк Григорьевич видит только негатив и упорно, с неопровержимыми фактами, доказывает, что негатив имел место. В этой логике пропадает то ценное и светлое, что тоже имело место в советской жизни, архитектуре и градостроительстве. Можно поискать корни такой позиции в семейной истории Мееровичей; и мы, безусловно, найдем его родственников, пострадавших в результате сталинских репрессий. Трагедия их жизни – истоки пристрастного отношения Марка Мееровича к советской истории. В этом слабость его концепции, в этом и его сила. Читать книги Мееровича можно, как детективные романы. В книге «Наказание жилищем» показан цинизм советской жилищной политики, пренебрежение архитектурным достоянием. Становится понятно, почему чувство прекрасного у большинства населения было атрофировано: варварские условия жизни не позволяли ему развиваться. К сожалению, советское прошлое до сих пор уродует сознание людей. Пролетарская культура стала явью, «шариковы» победили. Советским утопистам такое не снилось и в кошмарном сне. Удивительно, как до сих пор после варварской эксплуатации жилого фонда в советское время еще сохранились строения прошлых веков, которые Марк Меерович с такой страстью спасал от уничтожения в Иркутске.

В архитектурной графике есть разные приемы изображения: так называемая «птичка» – взгляд с высоты птичьего полета; так архитектуру видят, по словам Иосифа Бродского, «соглядатаи общих дел» серафимы и архитекторы-градостроители. С высоты среднего человеческого роста обыкновенно рисуют отдельные здания и сооружения. Рисунок с позиции муравья тоже возможен. Так видят наш человеческий мир насекомые. Гигантомания советских монументальных ансамблей впечатляет до сих пор. Человек, взглянувший вверх на шпиль или венчающую башню, неизбежно ощутит себя муравьем. Или будет гордиться делами человеческих рук. Пафос работ Марка Мееровича направлен против того, чтобы люди чувствовали себя муравьями или маленькими винтиками в мощном механизме. Поэтому архитектуру сталинского ампира он считал шагом назад, а советский авангард – наивысшим достижением советской архитектуры. Возможно, такой взгляд опосредован резким негативным отношением Мееровича к «архитектору Сталину», который, по его мнению, своей волей запретил проектировать и строить «современную архитектуру». Он принял модель советской истории С. О. Хан-Магомедова конца 60-х годов XX века. В его многочисленных статьях поворот к неоклассике и историзму начала 30-х годов трактуется исключительно как трагедия советской архитектуры.

Для традиционного историка градостроительства важен рисунок плана, кто этот план нарисовал, как он видоизменялся во времени, какие и когда появлялись в городе храмы, монастыри, дворцовые ансамбли, кто строил эти дворцы и храмы. Для историков архитектуры важны фасады, разрезы и мельчайшие детали архитектурного убранства, биографии архитекторов. Это взгляд внешний, который Марка Мееровича интересовал гораздо меньше, чем те причины, которые, собственно, и порождали типы зданий и сооружений, способы функционального зонирования территории и качество жизни в Стране Советов в целом. Подход Марка Мееровича к истории архитектуры – не формально-композиционный, не семиотический, собственно, и не архитектурный в обще-

принятом смысле. Это системно-деятельностный подход верного ученика Г. П. Щедровицкого. Казалось бы, какое отношение имеют акты жилтовариществ к архитектуре? Для Марка Мееровича они имели самое прямое отношение к архитектуре, потому что архитектуру он понимал широко – как обусловленную деятельностью материальной оболочку жизни.

Споры о противоречивом периоде советской истории России историки и теоретики архитектуры продолжат. Картина советской жизни и архитектуры вряд ли будет нарисована только темными красками. Но исследования Марка Мееровича и его мнение игнорировать будет уже невозможно.

Литература

1. Раппапорт А. Г. Квадратура кружка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://papardes.blogspot.com/>
2. Меерович М. Г. Рождение и смерть города-сада: градостроительная политика в СССР 1917–1926 гг. (От идеи поселения-сада к советскому рабочему поселку). – Иркутск: Изд-во ИРГТУ, 2008. – 340 с.
3. Меерович М. Г. Рождение соцгорода. Градостроительная политика в СССР 1926–1932 гг. (Концепция социалистического расселения – формирование населенных мест нового типа). – Иркутск: Изд-во ИРГТУ, 2008. – 472 с.
4. Меерович М. Г. Градостроительная политика СССР 1917–1929. От города-сада к ведомственному рабочему поселку // Новое литературное обозрение. – 2018. – Гл: Типология жилища в советских рабочих посёлках. – С. 241–289
5. Меерович М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми: 1917–1937. – М.: РОССПЭН; Фонд «президентский центр Б. Н. Ельцина, 2008. – 303 с.

References

- Meerovich, M. G. (2008a). Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyudmi: 1917-1937. Moscow: ROSSPEN; "B. N. Yeltsin Presidential Center" Foundation.
- Meerovich, M. G. (2008b). Rozhdenie i smert' goroda-sada: gradostroitel'naya politika v SSSR 1917-1926 gg. (Ot idei poseleniya-sada k sovetskomu rabochemu poselku [The Birth and death of the garden city: the town-planning policy in the USSR in 1917-1926 (from the idea of the garden settlement to the Soviet workers' settlement)]. Irkutsk, Izd-vo IRGTU.
- Meerovich, M. G. (2008c). Rozhdenie sotsigoroda. Gradostroitel'naya politika v SSSR 1926-1932 gg. (Kontseptsiya sotsialisticheskogo rasseleniya – formirovaniye naseleennykh mest novogo tipa) [The birth of the socialist city. Town-planning policy in the USSR in 1926-1932 (The concept of the socialist settlement as formation of new-type settlements)]. Irkutsk, Izd-vo IRGTU.
- Meerovich, M. G. (2018). Gradostroitel'naya politika SSSR 1917-1929. From a garden city to a departmental workers' settlement]. Novoe literaturnoe obozrenie.
- Rappaport, A. G. (2015). Kvadratura kruzhka [Quadrature of the Circle]. Retrieved from <http://papardes.blogspot.com/>

История с методологией

(отклик на статью Е. Багиной «Системно-методологический подход к истории архитектуры и градостроительства Марка Мееровича»)

A Methodology Story

(Response to the article “Mark Meerovich’s System-Based Methodological Approach to the History of Architecture and Town-Planning” by E. Bagina)

Когда мы пытаемся оценить сложное, многомерное явление, а тем более – столь же сложного и многомерного человека, его дело и его творения, мы вольно или невольно стремимся к синтезу, к некоторой идее целостности, которая смогла бы примирить противоречия и объяснила все виды разнообразия. Ведь целостность ценна, к ней следует стремиться, ей следует подражать, а тексты о ярких людях или произведениях неустраимо, помимо прочего, имеют еще и момент «назидания потомкам»; это совершенно правильно, это нормально.

Проблемы начинаются тогда, когда принятая за объединительную идея или схема по самой своей природе противоречит сущности описываемого. Так случается с иными историческими реконструкциями, опирающимися на более позднюю идею, возникшую позже описываемых событий. Так бывает с авторами-фантастами, стремящимися к парадоксальным моделям или хотя бы к броской метафоре. В истории нашей архитектурной и теоретико-проектировочной мысли хватает сочинений с громкими названиями, обещающими прорыв и открытие, за которыми стоит лишь разочарование, сразу постигающее читателя или, позже, самого автора, с извиняющимся видом идущего на попятную.

Книги и статьи Марка Григорьевича Мееровича были, как правило, посвящены довольно печальной теме, но он не стремился к броскости не только поэтому. М. Г. Меерович был верен своей линии до конца; его отличал вдумчивый и сдержанный подход, ему необходимо было обработать и осмыслить огромное количество документов и информации разного рода. Обычно авторы, имеющие дело с подобными задачами, просто отступают перед синтезом новой концепции, ограничивая себя фактографией. «Другие пусть синтезируют и строят красивые гипотезы, – говорят они. – Мое дело – скрупулезный сбор и анализ информации». Но Марк Григорьевич счастливо соединял две стратегии, две фигуры исследователя – и архивного «червя», и сильного мыслителя, порождающего новые парадигмы. Что позволяло ему органично и целостно выступать в столь разных ролях? Что позволяло постоянно видеть «картину» в целом и не погрязнуть в мелочах, при этом не упустить ни одну деталь, найти ей место и показать ее смысл, далеко не очевидный? Что держало его в убеждении правильности своей линии и необходимости своей работы, наверняка регулярно вызывавшей отчаяние характером материала? Что давало силу и право на чеканные формулировки, возникающие в текстах и речах, соединяющие все, пронзающие читателей и слушателей?

Елена Юрьевна Багина в статье о М. Г. Мееровиче выдвигает предположение, что такой цементирующей силой была методология – теория мышления и деятельности Московского методологического кружка, руководимого Г. П. Щедровицким. Это утверждение из разряда т. н. «сильных»: принимая его, мы уже не сможем быть вполне от него свободными. Известно, что М. Г. Меерович был очень плотно интегрирован в методологическое сообщество, о чем он сам вспоминал в биографическом тексте на сайте «Научный фонд им. Г. П. Щедровицкого». Он был заметным активистом движения, по праву считал себя методологом, однако его исторические труды никто пока, кажется, не ставил в прямую связь с методологией деятельности.

Роль Марка Григорьевича в системомыследеятельностной (СМД) методологии велика: с его «подачи» сложилась знаменитая схема мыследеятельности, ставшая краеугольным камнем множества крупных и значимых разработок, исследований, проектов, программ, организационно-деятельностных игр. Пусть об этом скажут более знающие люди, однако никто, кажется, не ставил под сомнение умение М. Мееровича использовать полученный в кружке арсенал. Усвоив принципы, методы, схемы, понятия, отказаться от них, «забыть» их уже невозможно, каким бы делом ты ни занимался, какую бы тему не изучал. Об этом уже говорили многие, прошедшие школу методологии.

Разумеется, характер личности и недюжинные способности со счетов сбросить нельзя, но решающее значение в столь грандиозной работе, которую проделал в истории советской архитектуры и градостроительства Марк Григорьевич, имеет онтология – картина мира, полагание объектов исследования. Ни категория стиля, ни традиционные модели истории архитектуры, ни даже острая политическая ангажированность не дадут необходимого объединительного начала. Ведь все факты – о разном, все свидетели лгут, документы скрыты и нередко фальсифицированы, целые пласты информации зияют отсутствием, правду открыть невыгодно никому, да ее почти никто уже не знает – такова специфическая реальность, с которой имел дело исследователь.

Парадигма системы деятельности позволяет все объединить, увидеть роли и позиции, восстановить отсутствующее и «привязать» все детали. Она не является «модной», не являлась уже и лет тридцать назад, когда шла активная работа МГ. Ее использование не приносит быстрых результатов, требует дисциплины и непреклонной организационной активности, а приложение в область масштабного исторического исследования многопозиционной деятельности (и связанных с ней областей жизнедеятельности) на протяжении целой эпохи, да еще и такой драматичной и засекреченной, вообще было осуществлено впервые, на свой страх и риск. И осуществлено, как мы знаем, успешно.

Поэтому утверждение о деятельностном характере исследования советской жилищной архитектуры и градостроения не является «красивым жестом» ни в коей мере. Никакого внешнего блеска здесь не возникает, но объединение и «свёртка» сложного материала в новую концепцию имеет место. Метод мыследеятельностного анализа применим к любым эпохам (так, Г. П. Щедровицкий осуществил анализ мышления Аристарха Самосского, III в. до н. э.) именно потому, что позволяет понять и выявить природу самого явления, его уникальность, а не «накладывать» на него предвзятую форму.

Открытие М. Г. Мееровича состоит в том, что «принуждение жилищем», т. е., казалось бы, разнонаправленная, несогласованная, а то и случайная с виду картина многих инициатив, решений, гласных и негласных действий, чиновничьих процедур и пр. была именно деятельностью – целенаправленной и эффективной для своих задач. Не хаосом, сумбуром, не паллиативом социально озабоченной власти, не досадным и временным недоразумением, не «перегибами на местах», но выстроенной и хорошо управляемой деятельностью со всеми требующимися для полноты ее сферы процессами, включая

текст
Петр Капустин /
text
Petr Kapustin

воспроизводство – «подготовку кадров», которые, как известно, «решают все». Как при этом трансформировалось творчество, что стало с проектированием как методом и технологией, что начало считаться объектом архитектурной и градостроительной работы – все эти и многие другие вопросы получили в работах Марка Григорьевича яркую и убедительную оценку, системную характеристику. Такая постановка вопросов позволила Марку Григорьевичу и тем, кто разделял его видение, выдвигать связную систему требований к новой, актуальной форме организации образования, науки, знания, взаимодействия профессии с обществом и властью – новую систему архитектурной деятельности. Новый организационно-деятельностный проект. Он не успел получить явного воплощения, смерть прервала работу, но его согласованные между собой черты очевидны, они осуществлялись в широкой общественной и профессиональной деятельности Марка Григорьевича.

В завершение сказанного хочу поблагодарить Е. Ю. Багину за смелость и точность формулировок; ей удалось, можно даже сказать, пришлось назвать своим именем ту парадигматическую основу трудов М. Мееровича, о которой все, кто хорошо знал его, имели представление, которая не была секретом, но как-то не выступала на передний план, предоставляя это право результатам исследования – интеллектуальной продукции, приготовленной на методологической «печи». Не выступала, возможно, в силу сравнения с манерой позиционировать себя другими представителями СМД-традиции, которые не могут слова сказать без цитаты «классиков», без натужной схематизации и без выстраивания самоопределения к актуальному отрезку «малой истории кружка». М. Г. Меерович как натура многогранная дистанцировался от такого, ему это было не нужно. У Марка история была с собой; он сам ее строил. И он вошел в Историю.

Марк Меерович и СМД-методология / Mark Meerovich and SMD Methodology

текст
Александр Раппапорт /
text
Alexander Rappaport

В своей статье, посвященной памяти Марка Мееровича, Е. Багина выдвигает тезис о близости работ Мееровича идеям СМД-методологии Г. П. Щедровицкого. Мне и хотелось бы поверить в это наблюдение, так как именно я в свое время, может быть, в начале 80-х годов, посоветовал молодому Марку присоединиться к кружку Щедровицкого, что он и сделал, принимая участие в ОД-играх, начавшихся в конце 1979 года.

Но увы, кроме нескольких ссылок на выступления Марка в ходе ОДИ, я не могу найти между его историческими трудами и СМД-методологией никаких реальных связей. Все работы Марка, которые мне известны, посвящены в большей степени задачам десталинизации истории советской архитектуры. Эта десталинизация, или критика административно-командной системы партократии И. В. Сталина, разрушившей начало архитектурного конструктивизма в СССР, стала центральной темой самого Мееровича и его друга и единомышленника Д. Хмельницкого. Но если Хмельницкий в своих статьях и книгах основное внимание обращает на непосредственное участие Сталина в выборе направления архитектурных идей и стиля, Меерович сосредоточивает свое внимание на жилищно-коммунальной политике сталинской империи.

Достаточно показательно, что в итоговой книге Мееровича «Наказание жилищем» (2008) нет ни одной ссылки на Г. П. Щедровицкого или СМД-методологию. Если бы Е. Багина была права, хоть какие-то следы связи идей автора с СМД-методологией в ней наверняка присутствовали бы.

Так что изучение реальных идейных влияний на историографию Мееровича нашей науке еще предстоит уточнить. Разоблачение партократии в сфере жилища Марк строит на документах, а не отвлеченных концепциях методологии. И делает это с поразительной силой и точностью.

Общим для работ Мееровича и Щедровицкого можно назвать лишь самую проблему социального управления, которая в 70-х годах выходит на первый план социологии города и дизайна жилой среды.

Но в отличие от работ, строившихся на информационно-коммуникативных концепциях и социологических

исследованиях городского образа жизни тех времен, Меерович берет за основу вменявшийся массам и профессиям образ жизни, подчиненный бюрократии, озабоченной скорейшей индустриализацией страны. И в этом образе жизни смешаны идеи монастыря средних веков и трудового лагеря XX века.

Работая в Иркутске и занимаясь преподаванием вместе с К. Лидиным, Меерович одно время даже примкнул к популярной для советской архитектуры идее типологии образа жизни. Но вместо типологии образа жизни, измеряемой количеством квадратных метров на человека, наличием сантехники и прочих элементарных удобств, Меерович и Лидин пытались построить типологию личностей разного социокультурного профиля, что уводило их мысль от реальных вопросов современного массового проектирования к утопиям XVIII–XIX веков. И эта линия ими вскоре была забыта.

Годы творчества Мееровича в Иркутске совпадали с годами работы в городе выдающегося мастера советского модернизма В. А. Павлова. Но никаких следов влияния Павлова в трудах Мееровича я тоже не нашел.

Рассматривается методологический аспект творческого наследия Марка Григорьевича Мееровича. Показана эволюция взглядов ученого от практической школы В. А. Павлова, через круг Г. П. Щедровицкого и главенствующую историософскую традицию Фуко. В последние годы жизни М. Г. Меерович приступил к реализации фундаментальной работы по обновлению межпредметной методологической базы архитектуры. Его неожиданная смерть прервала эту масштабную и перспективную работу.

Ключевые слова: архитектура; теория; методология; М. Г. Меерович; история; биография. /

The article reviews the methodological aspect of Mark Grigorievich Meerovich's creative legacy. It shows the evolution of the scientist's views, from V. A. Pavlov's practical school, through G. P. Shchedrovitsky's circle and Foucault's mainstream historiographical tradition. During the last years of his life, M. G. Meerovich started implementation of a fundamental work on updating of interdisciplinary methodological basis of architecture. His sudden death terminated this substantial and promising work.

Keywords: architecture; theory; methodology; M. G. Meerovich; history; biography.

М. Г. Меерович. Из неизданного / M. G. Meerovich. From Unpublished Works

Когда от нас уходит человек яркий, неординарный и значительный, всегда есть потребность осознать и подытожить все, что он сделал, подумал, написал. Однако порой уход совершается внезапно. По выражению братьев Стругацких, любая смерть мага безвременна, и Марк Григорьевич Меерович, несомненно, был тем самым магом из классической повести, которую наше поколение знало почти наизусть. И для нас, оставшихся, гораздо полезнее осмыслить – что ушедший не успел. Недодумал, недоговорил, не окончил.

Марк Григорьевич был человеком очень чутким и восприимчивым к идеям, наиболее активным в окружающей его интеллектуальной среде. В ранней юности он успел получить заряд творческой смелости от общения с «могучей кучкой» учеников и соратников В. А. Павлова. Формируясь как ученый, он никак не мог миновать самую «горячую точку» московской деятельностной школы – кружка Г. П. Щедровицкого. Погрузившись в историю архитектуры, испытал мощное влияние господствующей историософской школы. Эта методология, укушенная ядовитым зубом Мишеля Фуко, ищет и находит в любом историческом процессе лишь самые мрачные, примитивные и отвратительные мотивы – властолюбие, алчность, животную сексуальность в духе БДСМ и так далее.

Заметим, что господство и само появление столь однобокой методологии показывает, насколько комплекс наук о человеке отстает от комплекса естественно-математических наук. Разрыв продолжает нарастать; вместо прогресса в гуманитарной области наблюдается ярко выраженный регресс. Во времена Геродота Галикарнасского Клио была музой парадных гимнов для прославления олимпийцев и стратегов. Современная история (психология, социология, политология...) работает в стилистике панк-рока, но методологически она вернулась в пятый век до нашей эры. Труды современных историков полны черной желчи и ярости, но научная логика и объективность (хотя бы на уровне здравого смысла) в них исчезли напрочь. Неудивительно, что и небывалое развитие технологий сегодня протекает на фоне все большего одичания в сферах, где преобладает человеческий фактор.

Процессы схоластического вырождения гуманитарной методологии трудно заметить изнутри, пока принадле-

жишь к той или иной «научной» секте. Но Марк Григорьевич обладал редкостной интеллектуальной подвижностью, готовностью воспринимать новые способы мировосприятия, что так необходимо для выхода за рамки принятых теорий. Плюс к этому – общительность и могучее личное обаяние, привлекавшее к нему множество умных и мыслящих людей. Общаясь с представителями самых разных интеллектуальных областей, он пришел к выводу о необходимости построения нового, более взвешенного и прикладного подхода к архитектурной теории. И тут ему пришлось начинать с самого начала, с наработки надежного фактографического фундамента.

текст
Константин Лидин /
text
Konstantin Lidin

Несколько десятилетий его насыщенной жизни были посвящен добыванию объективных фактов. С удивительным упорством и изобретательностью Марк Григорьевич пробивался сквозь напластования пустой породы, состоящей из чередования прославлений и проклятий, безудержного восхваления и столь же безудержного очернения – пока не добрался до рудного тела первичных документов. Помню, как, вернувшись из очередной поездки в Германию (а в немецких архивах, как выяснилось, советские документы сталинского периода сохранились гораздо полнее, чем в отечестве), Марк Григорьевич с восторгом рассказывал: «Представьте себе, я получаю в архиве папку с документами, открываю – и вижу на карточке запись о предыдущем читателе этих бумаг. И вижу, что эту папку в прошлый раз открывали в 1938 году!...»

Огромный труд по изысканию и добыче объективных фактов уже начал приносить свои плоды. Выходили книги, статьи, читались доклады и лекции. Трактовки и выводы все еще оставались в русле главного потока, в духе Фуко. Демоническая фигура Сталина, правда, заменялась на полуабстрактную фигуру «советского государства», не менее сверхъестественную. В остальном риторика публикаций пребывала все в тех же рамках обличения абсолютного зла. Надо заметить, что самого Марка Григорьевича эти «фукоизмы» удовлетворяли все меньше. Но давила инерция. Помнится, на конференции в Челябинске в 2008 году я спросил Марка: что, собственно, он имеет в виду под словами «советское государство насильственно создавало дефицит жилья»? Что или кого конкретно он обвиняет в таком бесчеловечном поведении? Ответа я не получил, но позже, в гостиничном номере, Марк мне разъяснил всю неуместность подобных вопросов во время публичного доклада. Мы так и продолжали обсуждать эту тему приватно, в застольных беседах, иногда раскалявшихся вплоть до крика и взаимных обид (к счастью, недолгих).

Но уже был подготовлен фундамент для следующего шага: наработан достаточный авторитет, выращено множество учеников и потенциальных последователей, приобретены необходимые регалии, звания и степени. Уже можно было выдвигать новую, межпредметную методологию изучения архитектуры, и даже появлялась надежда, что ее заметят.

Собственно говоря, этот подход мы использовали уже много лет назад, в серии статей по дизайну интерьера. Статьи выходили в самых первых номерах журнала «ПРОЕКТ БАЙКАЛ», а главным редактором тогда был замечательный мастер и человек В. Ф. Бух – и для меня такая публикация сильно повышала самооценку. Позже эти материалы многократно перепечатывались разными изданиями, отдельные статьи срастались даже в цельную книгу, но издать ее мы не успели. В статьях тех лет методология не объявлена в открытом виде. Метод как таковой спрятан под россыпью любопытных фактов и легким, разговорным стилем изложения, так что даже проницательный А. Г. Раппапорт не увидел в этих публикациях ничего, кроме еще одной классификации культур в духе Винкельмана. И то прогресс: все-таки восемнадцатый век нашей эры, а не пятый до.

Многие разработки тех лет вспоминаются сегодня с удовольствием и конструктивным интересом. Скажем, так и не опубликованная система, обещавшая построить метод целебного интерьер-дизайна – такого оформления жилья, которое помогает человеку справляться с его уникальными личностными проблемами. Нечто подобное декларировал и применял на практике Фриденсрайх Хундертвассер, но в более узкой и специализированной форме, лишь как способ преодоления депрессии.

Остались без оформления и многие педагогические находки Марка Григорьевича. На нашем совместном

семинаре студенты-архитекторы осваивали основные конструкции при помощи телесных переживаний – скажем, два студента брали на себя роль колонн, а третьего держали на плечах; он изображал балку. Потом «стоечно-балочный» опыт обсуждался и зарисовывался в наглядных образах. Неудивительно, что на такие факультативные семинары студенты, бывало, сбегали и с плановых занятий.

В зрелый период своего научного развития, тот самый, который так внезапно прервался, Марк Григорьевич напряженно искал подходы, позволяющие с единых позиций рассматривать весь клубок межпредметных связей, образующих реальную архитектуру. Физика и химия, климатология и политика, психология и социология – все это влияет на развитие архитектуры и должно быть учтено в ее анализе. Собранный Марком Григорьевичем огромный массив фактов об одном, четко очерченном хронотопе должен был послужить основой для осознания закономерностей, не привязанных ни к какому конкретному месту и времени. Деятельностный метод Г. П. Щедровицкого – образцом научной систематичности. Практика архитектурного проектирования и сохранения культурного наследия – полигоном для проверки теоретических моделей в столкновении с градостроительной реальностью.

В 2015 году мы с Марком Григорьевичем приняли решение о том, что новая концепция созрела для опубликования. Решение было принято в начале апреля (точную дату я, к сожалению, забыл). Мы столкнулись как-то случайно, завязался разговор – и так, пройдя в беседе несколько километров по иркутским улицам, мы сформулировали план серии статей по урбанистической теории информационных потоков. Через два года вышли первые статьи (на английском языке).

Теория информационных потоков (ТИП) выглядит непривычно и даже чужеродно в сегодняшнем гуманитарном контексте. В ней нет расплывчатых дефиниций, позволяющих бесконечно играть со смыслами слов. Мало того, понятийный аппарат ТИП настолько ясен и четок, что допускает изложение на языке математики. В ней нет романтических образов, демонических правителей и праведных мучеников – вместо них фигурируют объективные законы природы. В ней нет героико-трагедийного пафоса, обращенного целиком в прошлое, зато есть вполне конструктивные рекомендации по управлению развитием современных городов. В общем, ТИП отвечает скорее не эстетическим, а научно-практическим критериям.

Вполне естественно, что первые публикации не были замечены. Начиная этот проект, мы рассчитывали получить первый отклик только через четыре – пять лет. К 2020 году мы надеялись реализовать также несколько локальных проектов по практическому использованию ТИП в разных областях архитектуры и дизайна. Начали собирать материалы еще к нескольким статьям – их должно было получиться около пятнадцати, а затем планировалось объединить тексты в книгу.

Все эти планы теперь вряд ли имеют шанс на продолжение. Негде взять человека с таким же уникальным сочетанием интеллектуальной силы и гибкости, с такой же готовностью сражаться за научную идею. Многим мыслям и начинаниям Марка Григорьевича Мееровича суждено остаться в рубрике неизданного.

Публикации Марка Мееровича (предварительный обзор) / Mark Meerovich's Publications (preliminary review)

Научное, творческое, духовное наследие Марка Мееровича еще предстоит изучить, осмыслить, понять, собрать воедино. Оно обширно: это огромный пласт печатных трудов, выпущенных в виде монолитных монографий и разбросанных по многочисленным сборникам научных статей, журналам, интернет-ресурсам.

Марк Меерович ушел из жизни неожиданно, скоропостижно, оставив после себя незавершенные планы, нереализованные проекты, неопубликованные тексты. Возникло чувство растерянности и непонимания точных величин его многолетней работы и осознание того, что его научный и творческий гений реализовал невероятно обширный и сложный объем научных изысканий, который требует тщательного изучения и классификации.

М. Меерович был невероятно продуктивным человеком, его трудоспособность изумляла. И очень системным, собранным: Марк Григорьевич методично фиксировал свои публикации в отчетах о творческой и научной деятельности вначале как советника, а затем как член-корреспондента РААСН. Эти отчеты сохранились благодаря Е. И. Григорьевой.

Список трудов М. Г. Мееровича отражен в электронной научной библиотеке eLibrary.ru (https://elibrary.ru/author_items.asp): 315 публикаций с общим количеством цитирований 883. Первая публикация в этом списке – автореферат его кандидатской диссертации (1984), последние – статьи в сборнике «Советское градостроительство. 1917–1941» 2018 г.¹ Становится возможно составить предварительный список научных трудов М. Г. Мееровича с 2000 по 2018 гг., который, несомненно, будет в дальнейшем пополняться благодаря изысканию новых фактов жизни и деятельности ученого. Так, например, не отражены публикации 2001, 2015 г. и, возможно, не все работы 2018 г. Предстоит найти и составить полный список трудов ученого, появившихся до 2000 г. В общий список не включены данные по опубликованным фотографиям. Некоторые статьи с аналогичными заглавиями напечатаны в разных источниках, но мы рассматриваем их как отдельные самостоятельные работы.

Всего с 2000 по 2018 г. М. Г. Мееровичем опубликовано: Основные публикации (монографии и т. п.) – 17; из них

– авторские моно-издания – 9,

– в составе авторского коллектива – 8.

Статьи – 304.

Этот предварительный подсчет дает представление о масштабе наследия, которое оставил Марк Григорьевич.

Данные с 2000 по 2017 гг., без 2001, 2015 и 2018 г.) татей М. Г. Меерович опубликовал в журнале «Проект Байкал»², бессменным членом редколлегии которого он был. Марк Григорьевич публиковался и в составе авторских коллективов. Его соавторами были: А. В. Антощенко, В. А. Асманкина, М. А. Белова, Ю. П. Бочаров, Е. А. Булгакова, А. Г. Вайтенс, Ю. П. Волчок, А. Г. Вяземцева, Е. Гладкова, Е. И. Григорьева, Х. А. Дулатова, С. С. Духанов, О. Е. Железняк, С. А. Забелина, Н. А. Зарубина, И. А. Казусь, В. В. Козлов, Л. Козлова, Н. Е. Козыренко, А. В. Колесова, Е. В. Конышева, Ю. Л. Косенкова, К. Л. Лидин, В. Г. Лисицин, Я. Ю. Лисицина, А. Малко, С. В. Муллаяров, Э. Писториус, А. А. Потапова, М. Синчурина, Ю. Д. Старостенко, О. Турукина, Т. Флирль, Д. С. Хмельницкий, А. К. Чертилов, А. С. Щенков, Г. Н. Яковлева, А. П. Якубовский, Ю. Францева, V. V. Vershinin, T. V. Papaskiri и др.

Основные публикации:

1. Биография профессии. Очерки истории государственной организации профессии архитектора в СССР 1917–1941 гг.: Монография. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ. – 2002. – 211 с.
2. Очерки истории жилищной политики в СССР. 1917–1941 гг.: Монография. – Иркутск: изд-во ИрГТУ. – 2003. – 217 с.
3. Рождение и смерть жилищной кооперации: жилищная политика в СССР. 1924–1937 гг. (социально-культурный и социально-организационный аспекты). Иркутск: Изд-во ИрГТУ. – 2004. – 272 с.
4. Как власть народ к труду приучала: Жилище в СССР – средство управления людьми. 1917–1941 гг.: Монография. – Stuttgart. Ibidem-Verlag. – 2005. – 138 с.
5. Квадратные метры, определяющие сознание: государственная жилищная политика в СССР. 1921–1941 гг.: Монография. – Stuttgart. Ibidem-Verlag. – 2005. – 210 с.
6. Иркутск – середина земли: Годы. Сверхшения. Судьбы – Хабаровск. Приамурские ведомства. – 2005. – 240 с. (в составе авторского коллектива)
7. Социалистический город: формирование городских общностей и советская жилищная политика в 1930-е гг. (раздел коллективной монографии) / Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. М.: 000 «Вариант», ЦГСПИ. – 2007. – 432 с., С. 84–117.
8. Рождение и смерть города-сада: градостроительная политика в СССР. 1917–1926 гг. (от идеи поселения-сада к советскому рабочему поселку). Иркутск: Изд-во ИрГТУ. – 2008. – 340 с.
9. Рождение соцгорода: градостроительная политика в СССР. 1926–1932 гг. (концепция социалистического расселения – формирование населенных мест нового типа). Иркутск: Изд-во ИрГТУ. – 2008. – 472 с.
10. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина. – 2008. – 303 с. – (История сталинизма).
11. La citta socialista e il nuovo uomo sovietico/ un modello di societa artificiale (раздел коллективной монографии) / Naturaleartificiale. Il palinsesto urbano. Lubrina Editore. Bergamo. – 2009. – pp. 73–87.
12. Административно-хозяйственное районирование страны в 1920–1930-х годах – основа градостроительной политики советского государства (раздел коллективной монографии) // Советское градостроительство 1920–1930-х годов: новые исследования и материалы / Сост. и отв. ред. Ю.Л.Косенкова. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ. – 2010. – С. 8–28.
13. Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток (на примере Магнитогорска). – М.: ЛЕНАНД. – 2010 – 224 с. (совместно с Е. В. Конышевой).
14. Первые шаги на пути к индустриализации: советский опыт 1920–1930-х / Массовое домостроение в России: история, критика, перспективы. М.: Комитет по архитектуре и градостроительству города Москвы. – 2016. – С. 29–41 (раздел коллективной монографии).
15. Градостроительная политика в СССР (1917–1929). От города-сада к ведомственному рабочему поселку. — М.: Новое литературное обозрение. – 2017. — 352 с.: ил.
16. Советское градостроительство : монография. 1917–1941. – М.: Прогресс – Традиция. – 2018. – Том. Книга 1. – С. 31–76, 77–114, 115–179 (в соавторстве с Косенковой Ю.Л.), 180–239. (в составе авторского коллектива: Вайтенс А.Г., Волчок Ю.П., Вяземцева А.Г., Духанов С.С., Казусь И.А., Конышева Е.В., Писториус Э., Старостенко Ю.Д., Щенков А.С., Яковлева Г.Н.)
17. Советское градостроительство : монография. 1917–1941. – М.: Прогресс – Традиция. – 2018. – Том. Книга 2. – С. 919–941 (в составе авторского коллектива: Вайтенс А.Г., Волчок Ю.П., Вяземцева А.Г., Духанов С.С., Казусь И.А., Конышева Е.В., Писториус Э., Старостенко Ю.Д., Щенков А.С., Яковлева Г.Н.)

текст

Яна Лисицина /
text

Yana Lisitsina

Параллельно с преподавательской деятельностью и научной работой Марк Меерович занимался реальным проектированием. Сначала это были интерьеры квартир, особняков и небольших общественных зданий. Можно предположить, что эта практика была вызвана необходимостью подзаработать: ведь наукой семью не прокормишь. Однако Марк одухотворял любое дело, за которое брался. Так случилось и с интерьерами: их было не стыдно показать самым взыскательным эстетам. Этот опыт нашел отражение и в статьях – блестящий цикл «Философия интерьера» был создан в соавторстве с Константином Лидиным и опубликован в нашем журнале.

Последнее десятилетие жизни Марка было наполнено крупными градостроительными проектами для Иркутска и Томска. Этот плодотворный период начался с участия в создании концепции 130-го квартала, а затем продолжился активным мониторингом воплощения этого проекта и его дальнейшего существования. В томском цикле (три проекта) Меерович сотрудничал с мастерской «Студия 7» и «Сибирской лабораторией урбанистики». Завершается подборка проектов работами, выполненными под эгидой основанной Марком же проектной структуры «Градостроительная школа» – проектами благоустройства важных общественных пространств Иркутска и региона.

EG

Alongside with his teaching and research activity, Mark Meerovich practiced design. At first he designed interiors of flats, houses and small public buildings. Maybe such practice was caused by the necessity to earn extra money: his research activity was not enough to maintain his family. However, Mark brought inspiration into everything he did. It also concerned interiors: they were recognized by the most sophisticated esthetes. This experience was also reflected in his articles – a brilliant series “Philosophy of the Interior” was created together with Konstantin Lidin and published in our journal. The last decade of Mark’s life was filled with large-scale town-planning projects for Irkutsk and Tomsk. This fruitful period started with his participation in the elaboration of the concept for 130 Quarter and then his active monitoring of its realization and further existence. Meerovich cooperated with “Studio 7” and “Siberian Laboratory of Urbanistics” in the Tomsk series (three projects). The collection of his works is culminated with the projects worked out under the auspices of the “Town-Planning School” project organization founded by Mark. These projects include improvement of significant public spaces in Irkutsk and the Irkutsk region.

EG

Антология проектов Марка Мееровича / Anthology of Mark Meerovich's Projects

^ Кафе «Лица».
Авторы: М. Г. Меерович,
А. П. Якубовский

> Дом в п. Молодежный.
Авторы: М. Г. Меерович,
А. П. Якубовский

> Квартира по
ул. Жуковского.
Авторы: М. Г. Меерович,
А. П. Якубовский

> Москва, Манеж, 2010 г. Вручение национальной премии «Хрустальный Дедал» коллективу авторов проекта квартала № 130.
Е. Григорьева, А. Боков (президент СА России), А. Макаров, С. Муллаяров, М. Меерович

Регенерация исторического квартала в границах улиц 3-го Июля, Седова, Кожова в Иркутске

Золотой диплом межрегионального фестиваля «ЗОДЧЕСТВО ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ – 2010»

Золотой диплом Международного фестиваля «ЗОДЧЕСТВО – 2010»

Российская национальная профессиональная премия в области архитектуры Хрустальный Дедал (2010)

Диплом РААСН за лучший реализованный градостроительный проект (2017)

Подробнее: Проект Байкал, 2014, № 23. – С. 40-51, Проект Байкал, 2014, № 43. – С. 154-155

проектирование
АНО «ВостокСибАкадем-
Центр РААСН»

авторы концепции
Елена Григорьева
Андрей Макаров
Марк Меерович

проектирование
ОАО
«Иркутскгражданпроект»,
проект планировки
Е. И. Григорьева
А. Ю. Макаров,
С. В. Муллаяров,
А. И. Козак,
Е. В. Чубова,
Л. А. Крылова
Н. Н. Красная
консультант
Е. Р. Ладейщикова
главный инженер
Л. Б. Ежова

фото
Анатолия Бызова

Проект выполнен по заказу инвестора торгового центра «Модный квартал» и был призван вернуть главные принципы построения центрального многоуровневого универсального подземного пространства, заложенные в концепцию и проект планировки 2009–10 гг. Многие удалось: в проект вернулись террасы и входы в здание с каждой из террас; главная лестница – важный элемент системы общественных пространств центра города – соединила Театральную площадь с платформой-переходом и центральную площадь 130-го квартала. Не удалось отстоять амфитеатр, даже в сокращенном виде.

Публикуется впервые

Согласительный вариант МУПП. 2011-12

Схема плана 5-го уровня на оти. +15.7

Схема плана 6-го уровня на оти. +20.4

Архитекторы
Елена Григорьева,
Андрей Макаров,
Марк Меерович

ООО "Забайкальский
институт территориального
планирования"

Конкурс на концепцию развития исторического квартала в Томске

Подробнее Проект Байкал, 2015, № 44. – С. 146–147
 Проект-победитель открытого конкурса (Томск, 2013)

проектирование
 Сибирская лаборатория
 урбанистики

авторы
 Алексей Козьмин
 Елена Григорьева
 Марк Меерович
 Олеся Куцакова
 Полина Заславская
 Дарья Кремлева
 Анастасия Репина
 Олеся Семина
 Станислав Соколов
 Сергей Маяренко

Томский государственный университет Концепция объемно-пространственного и планировочного развития

Подробнее Проект Байкал, 2015, № 44. – С. 138–143

**Эскизный проект
планировки и застройки
территории ТГУ**

заказчик

Национальный
исследовательский
Томский государственный
университет

проектирование
ООО ПТАМ «Студия 7»

архитекторы

Елена Григорьева
Сергей Муллаяров
Александра Козак
Алексей Сергеев
Станислав Соколов

при участии

Дарьи Кремлевой

научное сопровождение
профессор Марк Меерович

< Основной чертеж. Архитектурно-планировочные решения концепции проекта «Томские набережные»

Томские набережные / Tomsk Embankments

Подробнее: Проект Байкал, 2016, № 50. – С. 112–117

^ Вид на Дворец молодежи с пешеходного моста между старой и новой дамбами

генпроектировщик
ООО «Институт "Ленгипрогор"»

субподрядчик по разработке концептуальных архитектурно-планировочных решений проекта «Создание зоны опережающего развития города Томска "Томские набережные"»
ООО «Сибирская лаборатория урбанистики»

авторский коллектив

Алексей Козьмин
Елена Григорьева
Марк Меерович
Дарья Кремлёва
Олеся Куцакова
Анастасия Репина
Станислав Соколов
Анна Шпирко
Константин Здышев
Олеся Сёмина

< Принципиальный разрез застройки на южной платформе

Новый центр города Велико Търново

Международный архитектурно-дизайнерский конкурс на разработку генерального плана Старая Военная школа в Велико Търново и архитектурное проектирование здания выставочного центра

авторский коллектив

Елена Григорьева
Марк Меерович
Константин Лидин

«Мастерская архитектуры и дизайна ФОКС»

Наталья Коваль
Дмитрий Фальковский
Анастасия Соколова
Евгения Сурикова

ООО «Сибирская лаборатория урбанистики»

Полина Заславская
Валентина Казакова
Анастасия Репина
Станислав Соколов
Алёна Алёшина

< Дизайн-проект благоустройства озера в городе Черемхово

Проекты благоустройства с Градостроительной школой

v Эко-туристический природный парк в Прибайкалье

^ Дизайн-проект территории острова Юность и Бульвара Гагарина

< Сквер у Дома Европы

> База отдыха в поселке
Большое Голоустрое

v Благоустройство детских
площадок в рамках проек-
та «Умная школа»

> Благоустройство улицы
Горная

Список проектов Марка Мееровича / The List of Projects by Mark Meerovich

1. Регенерация исторического квартала в границах улиц 3-го июля, Седова, Кожова в Иркутске. Авторы концепции Елена Григорьева, Андрей Макаров, Марк Меерович. АНО Востоксибакадемцентр, 2009; проект планировки ОАО Иркутскгражданпроект, 2010. – Проект Байкал, 2014, № 43. – С. 154–155

2. Согласительный вариант МУПП. 2011–2012. Архитекторы Елена Григорьева, Андрей Макаров, Марк Меерович

3. Томский государственный университет. Концепция объемно-пространственного и планировочного развития. Эскизный проект планировки и застройки территории ТГУ. Заказчик – Национальный исследовательский Томский государственный университет. Проектирование ООО ПТАМ «Студия 7». Архитекторы Елена Григорьева, Сергей Муллаяров, Александра Козак, Алексей Сергеев, Станислав Соколов при участии Дарьи Кремлёвой. Научное сопровождение Марк Меерович. – Проект Байкал, 2015, № 44. – С. 138–143

4. Профессорский квартал. Проект-победитель открытого конкурса. Проектирование «Сибирская лаборатория урбанистики». Авторы Алексей Козьмин, Елена Григорьева, Марк Меерович, Олеся Куцакова, Полина Заславская, Дарья Кремлёва, Анастасия Репина, Олеся Сёмина, Станислав Соколов, Сергей Маяренков. – Проект Байкал, 2015, № 44. – С. 146–147

5. Концепция организации визуальной среды в рамках границ исторического поселения Иркутска. Несостоявшийся заказчик – Комитет экономики города Иркутска, 2015 г. Проектировщик ООО Агентство развития территорий «Градостроительная школа». Руководители проекта Марк Меерович, Евгения Ямова, Александра Козак. Авторский коллектив Алексей Желудков, Роман Литвиненко, Павел Карповский, при участии Юлии Никифоровой, Дениса Шпака, Натальи Бугаенко, Марины Мартынихиной. – Проект Байкал, 2015, № 45. – С. 128–133

6. Томские набережные. Генпроектировщик ООО «Институт "Ленгипрогор"». Субподрядчик по разработке концептуальных архитектурно-планировочных решений проекта «Создание зоны опережающего развития города Томска "Томские набережные"» ООО «Сибирская лаборатория урбанистики». Авторский коллектив Алексей Козьмин, Елена Григорьева, Марк Меерович, Дарья Кремлёва, Олеся Куцакова, Анастасия Репина, Станислав Соколов, Анна Шпирко, Константин Здышев, Олеся Сёмина. – Проект Байкал, 2016, № 50. – С. 112–117

7. Создание Купеческого сквера у «Дома Европы» в Иркутске. Заказчик – Общественная палата города Иркутска, 2016 г. Проектировщик ООО Агентство развития территорий «Градостроительная школа». Руководители проекта Марк Меерович, Евгения Ямова. Авторский коллектив Анастасия Репина, Полина Заславская, Александра Соколова, Федор Желудков, Анастасия Сапижева.

8. Концепция развития территории острова Юность и острова Конный в г. Иркутске. Заказчик – Комитет экономики города Иркутска, 2016 г. Проектировщик ООО Агентство развития территорий «Градостроительная школа». Руководители проекта Марк Меерович, Евгения Ямова, Александра Козак. Авторский коллектив Дарья Золотухина, Ксения Золотухина, Наталья Кривонос, Анна Мартынова, Артем Ольшевич, Анастасия Сапижева, Дарья Финакова, Анастасия Шешукова. – Проект Байкал, 2016, № 50. – С. 94–97

9. Дизайн-проект территории острова Юность и Бульвара Гагарина в городе Иркутске. Заказчик – КБ «Стрелка», 2017 г. Проектировщик ООО Агентство развития территорий «Градостроительная школа». Руководители проекта Марк Меерович, Евгения Ямова, Александра Козак. Авторский коллектив Дарья Золотухина, Ксения Золотухина, Анастасия Шешукова, Евгений Рупасов, Анастасия Сапижева, Дмитрий Бочкарев, Артем Ольшевич, Ия Еременко, Сергей Колосовский, Александр Цыбенков.

10. Создание эко-туристического природного парка по Байкальскому тракту в Иркутской области. Заказчик – Иркутский региональный фонд защиты природы «Прибайкальский», 2016 г. Проектировщик ООО Агентство развития территорий «Градостроительная школа». Руководители проекта Марк Меерович, Евгения Ямова, Александра Козак. Авторский коллектив Анастасия Сапижева, Евгений Рупасов, Наталья Кривонос, Елена Якимова.

11. Дизайн-проект благоустройства улицы Горная в городе Иркутске (на участке от ул. Байкальская до ул. Карла Либкнехта). Заказчик – АНО «Иркутские кварталы», 2017 г. Проектировщик ООО Агентство развития территорий «Градостроительная школа». Руководители проекта Марк Меерович, Евгения Ямова, Александра Козак. Авторский коллектив Дарья Золотухина, Ксения Золотухина, Анастасия Митичкина, Евгений Рупасов, Анастасия Сапижева, Александр Цыбенков, Анастасия Шешукова.

12. Новый центр города Велико-Тырново. Международный архитектурно-дизайнерский конкурс на разработку генерального плана Старая Военная школа в Велико Тырново и архитектурное проектирование здания выставочного центра, 2018 г. Состав коллектива Елена Григорьева, Марк Меерович, Константин Лидин. ООО «Мастерская архитектуры и дизайна ФОКС»: Наталья Коваль, Дмитрий Фальковский, Анастасия Соколова, Евгения Сурикова. ООО «Сибирская лаборатория урбанистики»: Полина Заславская, Валентина Казакова, Анастасия Репина, Стас Соколов, Алёна Алёшина.

13. Концепция развития территории под базу отдыха в поселке Большое Голоустное, Иркутский район. Заказчик – Компания СпецМонтажПроект, 2018 г. Проектировщик ООО Агентство развития территорий «Градостроительная школа». Эксперты Марк Меерович, Екатерина Процентова, Анатолий Казакевич. Авторский коллектив Евгения Ямова, Александра Козак, Валерия Ставицкая.

14. Благоустройство детских площадок в рамках проекта «Умная школа» в Иркутске. Заказчик – ООО «Паллстрой» по заказу проекта «Умная школа», 2018 г. Проектировщик ООО Агентство развития территорий «Градостроительная школа». Руководители проекта Марк Меерович, Евгения Ямова, Александра Козак. Авторский коллектив Евгений Верхозин, Ия Еременко, Дарья Золотухина, Ксения Золотухина, Сергей Колосовский, Антон Ковалев, Татьяна Плескань, Анастасия Шешукова.

15. Концепция развития территории общественного пространства в городе Черемхово, Иркутская область. Заказчик – Администрация города Черемхово, 2018 г. Генпроектировщик Fox Architecture & Design. Субподрядчик по разработке концепции и дизайн-проекта благоустройства. Проектировщик ООО Агентство развития территорий «Градостроительная школа». Руководители проекта Марк Меерович, Евгения Ямова, Александра Козак. Авторский коллектив Ия Еременко, Дарья Золотухина, Ксения Золотухина, Анастасия Митичкина.

Зимник-2019

Студгородок*

Трансформация кампуса в Иркутске

Программа культурного, социально-экономического и пространственного развития /

текст

Валерия Нуянзина
Александра Кострубова
Анастасия Косолапова /
text
Valeria Nujansina
Alexandra Kostrubova
Anastasia Kosolapova

фото

Артем Моисеев /
photo
Artem Moiseev

МБЗГУ – первое ежегодное международное проектно-образовательное мероприятие в области архитектуры и градостроительства в России. Оригинальная методология работы разработана международными градостроительными мастерскими Les Ateliers (г. Сержи-Понтуаз, Франция) и адаптирована российскими и зарубежными специалистами в Иркутске.

За 20 лет работы Зимним университетом выработана уникальная методология, суть которой состоит в создании образовательных-проектных воркшопов, позволяющих искать подходы к решению самых актуальных проблем города и региона посредством работы междисциплинарных проектных команд, сформированных из молодых специалистов до 35-ти лет из разных стран мира с учетом местной градостроительной политики и существующей ситуации.

Темой 20-й юбилейной сессии стала актуальная для города территория, на которой, к тому же, и существует Зимний университет – кампус Иркутского национального исследовательского технического университета.

Целью работы команд являлась разработка концепции развития Студгородка (территории ИРНТУ и прилегающих к ней) с учетом инициатив и предложений жителей, студентов, бизнеса, а также иных потребителей территории.

Задачи сессии

1. Выявить пространственный потенциал территории и выработать финансово-экономические механизмы, стимулирующие социальную, культурную, предпринимательскую активность постоянного и временного населения территории (стартапы, малый бизнес, самоуправление территориями и недвижимостью, соучастие, предпринимательство и т. п.).

2. Разработать проектные предложения по развитию территории в условиях новой городской экономики.

3. Разработать концептуальные предложения по планировке (в т. ч. благоустройству) территории.

Впервые научным руководителем (пилотом сессии) выступил не иркутский специалист, а москвич Александр Антонов, градостроитель, урбанист, эксперт Союза архитекторов России в области градостроительства и территориального планирования, член международного общества

Рассматривается стратегия Зимнего градостроительного университета, особенности МБЗГУ 2019 года. Перечисляются эксперты и пилоты воркшопа, его участники. Практическая ориентированность воркшопа и ценность территории планирования сделали Зимник интересной территорией дискуссий и инновационных предложений.

Ключевые слова: Международный Байкальский зимний градостроительный университет; кампус; университет; трансформация; ревитализация; сценарии городского развития; качество городской среды; городские исследования; Winter Uni; Winter Uni 20. /

The article tells about the strategy of Winter University of Urban Planning and the characteristics of Winter University of Urban Planning 2019, as well as the experts, pilots and participants of the workshop. The practice-oriented approach of the workshop and the value of the campus have made the Winter University a platform for interesting discussions and innovative proposals.

Keywords: International Baikal Winter University of Urban Planning; campus; university; transformation; revitalization; urban development scenarios; quality of the urban environment; urban studies; winteruni; winteruni20.

городских и региональных планировщиков ISOCARP, Россия. Вторым пилотом выступил Сергей Маяренко – предприниматель, директор АНО Иркутские Кварталы, представитель АСИ в Иркутской области по направлению «Молодые профессионалы», член Общественной палаты г. Иркутска, Россия.

По словам Сергея Маяренко, современный университет – это образовательная среда, которая генерирует знания, создает новые виды бизнеса и привлекает иностранных студентов и преподавателей. В этой среде, в которой мир знаний и мир практики связан через студентов, которые постоянно перетекают между этими двумя мирами, находят возможность реализовать свои идеи. Подобное взаимодействие университета и бизнеса есть основа развития города. Университет на современном витке развития цивилизации способен играть роль «градообразующего предприятия», которое дает импульсы к развитию города.

Методология 20-й сессии Зимнего университета претерпела некоторые изменения по сравнению с предыдущими годами. Постоянные команды появились только после первой презентации, но на первой неделе участники несколько раз меняли состав команд.

После презентации домашних работ ассистенты и пилоты распределили участников в соответствии с их навыками и учетом их специализации по направлениям работы первого этапа. Первый этап работы состоял в сборе исходной информации по заданной для каждой команды теме. Через три дня работы участники представили короткую презентацию по выявленным проблемам и перспективам развития территории кампуса. Результаты работы каждой команды ассистенты собрали в общую презентацию, которую представили на финальных докладах. После окончания первого этапа у команд был трехчасовой мозговой штурм по поиску наиболее удачных стратегий для этой территории. На голосование было вынесено 15 идей по развитию кампуса, и, большинством голосов определилось пять направлений развития территории. Четыре команды возглавили ассистенты, а пятую команду курировал пилот сессии Александр Антонов.

Пять команд работали над составлением технического задания по пяти разным проектам, которые и представ-

Winteruni 2019

Studgorodok* Transformation of the campus in Irkutsk. The program of cultural, socio-economic and spatial development

вили на первой презентации перед локальным профессиональным сообществом. Изначально планировалось, что участники на этом этапе поставят перед собой точные цели и подготовят список планируемых показателей. В реальности команды ограничились представлением целевых параметров, задач, общим видением развития.

Четыре наиболее удачные проектные идеи продолжили свое существование после первых презентаций. Вторая рабочая неделя началась с формирования новых проектных команд, которые продолжили работу по подготовленным на первой неделе техническими заданиями. В этих командах участники оставались до конца воркшопа.

Техническое задание сессии было подготовлено совместно пилотом и оргкомитетом сессии, а за дальнейшей научной работой команд следили ассистенты – помощники пилота: специалист в области градостроительства Никита Верма (Дели, Индия), архитектор Мухамед Махди Хагратс (Египет), градостроители из России Екатерина Гладкова (Иркутск) и Данил Арефьев (Екатеринбург).

Традиционный многоступенчатый отбор участников со всего мира позволил отобрать 26 студентов и молодых специалистов в области градостроительства, архитектуры, дизайна архитектурной среды, урбанистики, социологии и бизнеса из России, Германии, Франции, Нидерландов, Мексики, Австрии, Чехии, Египта, Индии, Таджикистана и Армении. Россия представлена участниками из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Уфы, Екатеринбурга и Иркутска. Отбор участников осуществляется на основании портфолио, личного профессионального опыта и мотивационного письма.

Сессия началась с представления участниками своих домашних заданий, где участники продемонстрировали собственное видение и перспективы проектной площадки. После этого их ждало распределение по командам, экскурсия на площадку проектирования, лекции локальных экспертов и, конечно же, первая рабочая неделя и первая защита.

Промежуточные презентации команд проходили при участии жителей города, сотрудников ИРНТУ, международных экспертов, научно-методического совета и членов профессионального сообщества города Иркутска.

В рамках сессии традиционно состоялись лекции международных экспертов – членов жюри: Франка ван дер Хувена (Нидерланды, Технический университет Делфт), Михаэля Кламера (Австрия, Технический университет Вены), Александра Колесникова (Москва, Российский институт градостроительства и инвестиционного развития «Гипрогор») Владимира Кузьмина (Москва, бюро «Поле-дизайн») и Елены Багиной (Екатеринбург, Уральский федеральный университет) а также представителя ISOCARP генерального секретаря Дидье Ванкуцема (Бельгия/Германия).

После финальных презентаций впервые не был выбран победитель. Это вызвано тем, что тема каждой команды уникальна, и разумнее оказалось объединить все темы в один концепт, чем искать лучшую.

Для дальнейшей проработки идей команд материалы были переданы администрации университета, чтобы учесть проектные предложения участников при работе над развитием территории кампуса ИРНТУ.

The main task is to give new life to the campus and the entire district by saturating its business function; to turn the campus territory into a center of cooperation between students, business, municipality and university of INRTU, to make it a point of attraction not only for local residents and students, but also for other citizens.

The expected result is a self-governing and self-developing ecosystem conducive to business development and research, contributing to the creation of companies that are successful both at the local and global market.

Команда № 1 «Бизнес» / Team 1 "Business"

Ассистент:

Мохамед Магди ХАГРАС
(Городской дизайн) Египет

Участники:

Полина КИРИЕНКО
(Архитектура) Россия

Отакар БУРСА (География
и региональное развитие)
Чехия

Михао Яблоновский
(Архитектура) Польша

Клара КРЕЛЬ
(Градостроение) Германия

Кирилл ШАБАЛИН
(Урбанистика) Россия

Жан-Батист ПРАДЕЙ
(Градостроение) Франция

Assistant:

Mohamed Magdi HAGRAS
(Urban Design) Egypt

Participants:

Polina KIRIENKO
(Architecture) Russia

Otakar BURSA (Geography
and Regional Development)
Czech Republic

Michal JABLONOWSKI
(Architecture) Poland

Clara KREHL (Urban
planning) Germany

Kirill SHABALIN (Urbanism)
Russia

Jean-Baptiste PRADEILLES
(Urban planning) France

Главная задача

Превратить территорию студгородка в центр кооперации между студентами, бизнесом, муниципалитетом и университетом ИРНТУ, сделать кампус точкой притяжения не только для местных жителей и студентов, но и для остальных горожан.

Дать новую жизнь студенческому городку и всему району за счет насыщения его бизнес-функцией.

Описание проекта

В качестве ожидаемого результата команда видит создание самоуправляемой и саморазвивающейся экосистемы, благоприятной для развития предпринимательства и исследований, способствующая созданию компаний, успешных как на локальном, так и глобальном рынке.

1 этап. Краткосрочный план

На этом этапе предполагается развитие инфраструктуры для привлечения инвестиционных компаний, создание

условий для формирования новых стартапов, улучшение качества образования и повышения конкурентоспособности будущих студентов на рынке труда.

Команда предлагает разместить на территории студенческого городка 30–35 морских (грузовых) контейнеров, которые будут совмещать в себе различные функции. Почему именно контейнеры? Они могут быть приспособлены под любые недостающие функции, имеют изначально низкую стоимость и могут перемещаться с места на место.

Центром размещения большей части контейнеров должна стать неэффективно используемая парковка Технопарка.

Финансирование инфраструктуры предполагается двусторонним. Для полноценной работы необходимы вложения около 27 миллионов рублей. Периферийная инфраструктура будет профинансирована за государственный счет и составит 37% от всех инвестиций. Остальные 63% инвестиций будут предоставлены частным инвесторам. Инвесторы могут использовать две основных бизнес-модели для окупаемости проектов:

- сдача офисов под аренду. Срок окупаемости – 6 лет;
- использование площадей для малого бизнеса. Срок окупаемости – от 1 до 2 лет.

2 этап. Среднесрочный план

На среднесрочном этапе планируется реструктуризация текущего технопарка и более эффективное использование имеющихся площадей. За счет внедрения новых учебных корпусов и аудиторий возможно будет использовать технопарк по его прямому назначению и добавить в него недостающие функции, а именно:

- зоны отдыха;
- комнаты для переговоров;
- зоны коворкинга;
- офисов для аренды.

На данном этапе 95% инвестиций должны быть частными, так как уже будет создана подходящая периферийная инфраструктура.

Таким образом, в среднесрочной перспективе планируется добиться уже сформировавшейся среды для совместной работы бизнеса, университета и студентов.

Система будет способствовать созданию стартапов, генерации новых идей, непрерывному диалогу между всеми сторонами процесса и повышению качества образования.

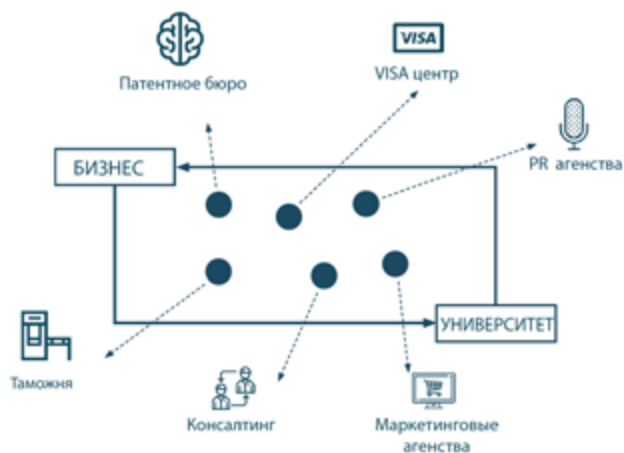
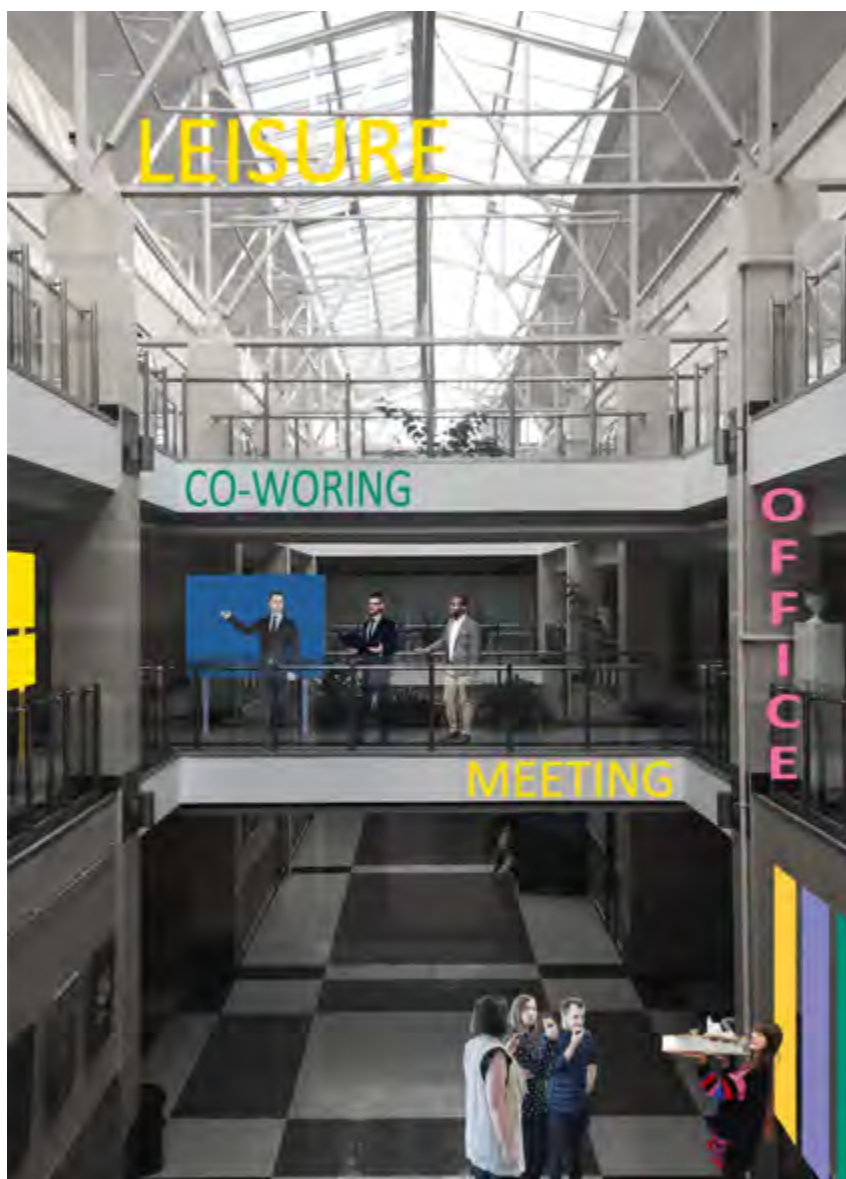
3 этап. Долгосрочный план

При успешном выполнении первых двух этапов и стабильных показателях мы предполагаем создание более крупного плацдарма для развития территории и выход на новый уровень.

Для развития малых и средних предприятий будут использоваться первые этажи зданий, неиспользуемые площади будут отданы под коммерческую и социальную функцию; а пустые жилые помещения – для улучшения бытовой обустроенности студентов. Текущая ситуация:

- увеличение количества студентов, проживающих на территории Студгородка (2000 новых мест);
- реализация нового частного жилья.

Финансирование новых общежитий должно осуществляться за счет федерального бюджета. Чтобы получить частные инвестиции, необходимо использовать смешанную застройку с частными квартирами в том же здании.

The goal of the project is to develop a compact campus as a “center of attraction” of the left bank of the Angara River, included in the polycentric model of Irkutsk development.

Considering that the project territory is mostly educational and scientific, the student campus was chosen as a catalyst accelerating the development of the whole area of design in various fields. It is proposed to identify the core of the campus, to make the structure of the university more readable, recognizable, to increase the density of buildings and the effectiveness of its use.

Команда № 2 «Кампус» / Team 2 “Campus”

Ассистент:

Данил АРЕФЬЕВ
(Градостроительство)
Россия

Участники:

Ирина ЧЕЛПАНОВА
(Транспорт) Россия
Серра УТКУМ ИКИ
(Городское планирование)
Турция
Шрути ПАНДИТ
(Городской дизайн) Индия
Крис ШТЕНХАУС
(Городской дизайн)
Нидерланды
Фабиан ЭГЛЕ (Архитектура)
Германия
Нора ФАТТУХ
(Архитектура) Египет
Валерия ТОЛКАЧЕВА
(Архитектура) Россия

Главная задача

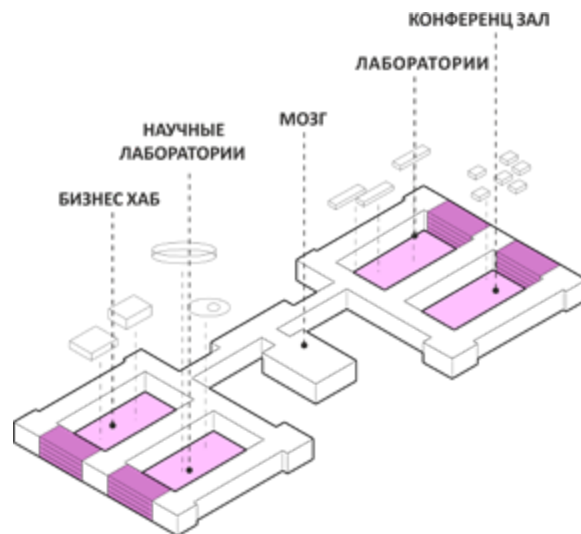
Студенческий кампус выбран в качестве катализатора, ускоряющего развитие всей области проектирования в различных сферах. Предлагается выделить ядро кампуса, сделать структуру университета более читаемой, узнаваемой, повысить плотность застройки и эффективность ее использования.

Описание проекта

Типологически кампус ИРНИТУ в настоящее время содержит элементы дисперсной и компактной среды. Предлагается выбрать вариант с компактным центром по следующим причинам:

- близкое расположение зданий различного функционального назначения способствует увеличению количества «случайных встреч»,
- сокращение транзитных участков между частями кампуса для создания доступной и комфортной среды.

Можно выделить следующие ценности компактного кампуса:

- доступная среда;
- разнообразие;
- взаимодействие.

Фаза 1. 2020

Первая фаза предполагает развитие основного корпуса университета ИРНИТУ, использование внутренних дворов и создания доступного и открытого учебного процесса, новых мест для междисциплинарных, межвузовских и международных коллабораций.

Четыре внутривортовых пространства главного корпуса предлагается использовать следующим образом:

- 1) размещение представительств бизнес-компаний для осуществления коммуникаций между заказчиком и университетом;
- 2) сбор и обработка информации, в том числе «больших данных», создание аналитических центров (think tank);
- 3) размещение научных лабораторий для прототипирования, создания образцов;

4) создание зала для проведения конференций и мероприятий.

Строительство пешеходного моста через улицу Лермонтова к зданию университета как способ привлечь внимание к новой политике открытости и сотрудничества и создание временной возможности осуществить связь через улицу Лермонтова.

Фаза 2. 2030

Во второй фазе планируется сделать акцент на территории университета и прилегающей территории бывшей радиостанции. Провести уплотнение застройки между общежитиями, расширить технопарк вдоль западно-восточной оси. Реорганизовать движение на улице Лермонтова.

Предложения:

- уплотнение застройки на территории общежитий, создание коммерческих функций на первых этажах, создание типологии внутреннего двора;
- строительство нового жилого квартала со школами и детскими садами на территории бывшей радиостанции;
- реконструкция ул. Лермонтова, повышение велосипедной доступности, перенос общественного транспорта в середину улицы на выделенные полосы, сокращение количества полос движения для личных автомобилей с 3 полос до 2 в каждую сторону, организация парковочных карманов вдоль улицы. Перенос трамвайных маршрутов с улицы Грибоедова в центр улицы Лермонтова с кольцом у развязки Академического моста, создание наземных пешеходных переходов, прилегающих к остановкам общественного транспорта;
- создание нового маршрута автобусного общественного транспорта по ул. Леси Украинки для жителей прибрежной зоны;
- строительство остановки речного транспорта на набережной;
- создание транспортного хаба на берегу реки со следующими возможными видами транспорта: речной, общественный (автобус), велосипедный, частный;
- демонтаж участка троллейбусной линии от развязки Академического моста до остановки Жуковского, созда-

ние нового маршрута Синюшина гора – Академический мост – площадь;

- создание второго транспортного хаба на развязке Академического моста со следующими типами транспорта: частный, велосипедный, рельсовый (трамвай, электричка,) общественный (автобус, троллейбус);
- высадка деревьев на улице Лермонтова для защиты от шума, уменьшения скорости потока и поглощения вредных веществ.
- строительство велосипедных переходов через развязку Академического моста;
- создание связей между образовательными учреждениями кампуса;
- демонтаж трамвайных путей по ул. Грибоедова, создание на этом месте новой городской площади.

Фаза 3. 2040

Третья фаза предполагает развитие западной части кампуса, ГРТ (геологоразведочного техникума), внедрение новых технологий в процесс обучения и создание велосипедной связи с островом Конный и историческим центром города.

Благодаря диджитализации и развитию альтернативных видов образования повысится эффективность и привлекательность университета, который может стать платформой для общения, обмена опытом и совместных проектов студентов, университетов и международных организаций. Это позволит Иркутску стать новым международным образовательным центром.

The aim is to create comfortable, welcoming and safe pedestrian areas and public spaces that coherently connect Studgorodok within its boundaries and the city, where all users can participate in recreational, cultural or academic activities.

The main goal of the project is the interconnection and unification of the attraction points described in the technical task into a coherent system, available and accessible to pedestrians.

Команда № 3 «Пешеходные связи» / Team 3 “Pedestrian Links”

Ассистент:

Екатерина ГЛАДКОВА
(Градостроительство)
Россия

Участники:

Швета ШИРКЕ
(Архитектура) Индия
Чанг ЛИУ
(Градостроительство)
Китай

Джахонгир ПИРОВ
(Транспорт) Таджикистан

Луиджи БАРАЗА
КАРДЕНАС (Архитектура)
Мексика

Светлана ИЛЬИЧЕВА
(Архитектура) Россия

Александра КУТЛУЯРОВА
(Архитектура) Россия

Ксения КАЛАШНИКОВА
(Социология) Россия

Цель проекта

Создать удобные, открытые и безопасные пешеходные зоны и общественные пространства, которые последовательно соединят Студгородок с другими частями города, где все пользователи смогут участвовать в образовательных, культурных и развлекательных мероприятиях.

Описание проекта

Исходя из анализа потребностей различных групп жителей, были выделены три типа общественных зон:

- зоны для активного использования;
- зоны для спокойного использования;
- центральные места, представляющие узловые точки социального взаимодействия, в которых могут происходить массовые события, а также в которых сосредоточена основная коммерческая и культурная активность.

1 этап (до 2021 года)

На первом этапе предполагается начать реализовывать комплексную программу интеграции студенческого сообщества и горожан. Планируется увеличить открытость кампуса для бизнеса и создать систему коммерческих пространств. В краткосрочной перспективе будет осуществлено комплексное благоустройство территории (размещение малых архитектурных форм, освещение, озеленение).

Будут предприняты первые шаги по трансформации транспортной системы. Предполагается развитие инфраструктуры для велосипедистов на основе уже существующих возможностей: велодорожек, парковок и пунктов проката. Будет положено начало реконструкции проезжей части улицы Леси Украинки. Также планируется создать на уже существующем мосту пешеходные связи, проложенные под проезжей частью. В качестве пер-

воначальной связи с противоположным берегом будет запущен паром.

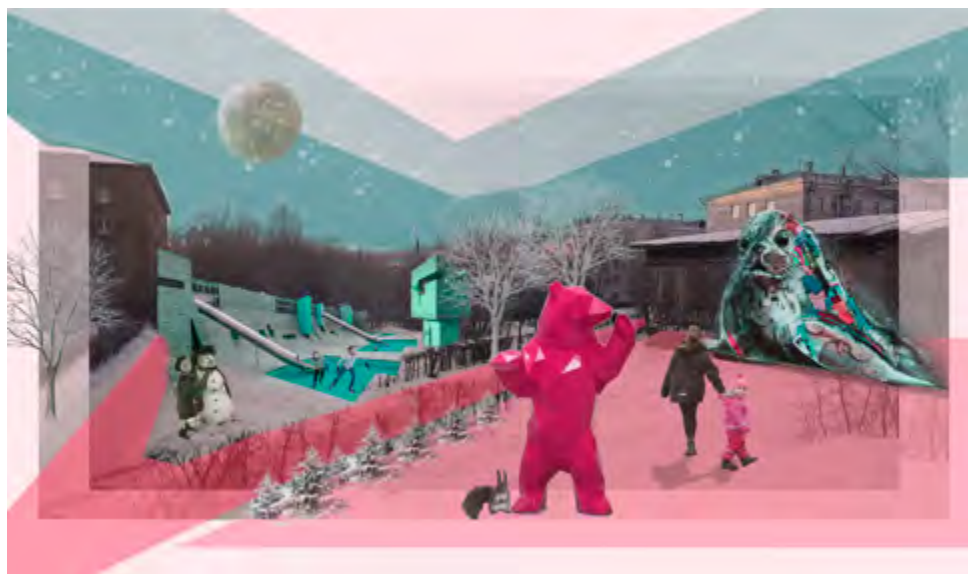
2 этап (до 2028 года)

На втором этапе планируется дальнейшее развитие бизнеса на территории университета, а также привлечение крупного инвестора, который будет вести переговоры с владельцами гаражей и создаст на их месте коммерческие пространства, выгодные для обеих сторон. Территория гаражного кооператива по проекту станет центром концентрации культурной и коммерческой активности.

На этом этапе планируется также трансформация внутренних дворов главного здания университета. Транспортная сеть будет развиваться за счет строительства нового пешеходного моста, второго этапа строительства магистрали вдоль набережной и строительства жилых домов, школы и детского сада на территории радиостанции. Шумозащита данной территории будет обеспечена специальными шумозащитными конструкциями. Планируется развитие инфраструктуры для велосипедистов. Также планируется заложить первый туннель, который свяжет здание университета с торговым центром «Лермонтов», а также станет местом активного, гибкого, многофункционального использования.

3 этап (до 2040 года)

На третьем этапе проектом предлагается организация подземных пространств: пространство перед главным корпусом ИРНИТУ, теплые подземные парковки, в которых можно предложить места владельцам гаражей. Планируется завершение строительства системы туннелей, ведущих к набережной, а на территории, где новый пешеходный мост примыкает к левому берегу, планируется разместить новый культурный центр. Такой центр на набережной станет новой точкой притяжения творческих людей всего города и расположится в непосредственной близости от нового пешеходного моста. В нем будут расположены музей, галерея и креативные пространства.

The main goal is to take on the Angara river as an artery for all citizens not only through the formation of connection with the city center, but also through the development of the waterfront as another recreational area with urban importance.

Team suggestion is not one extensive (and unmanageable in Russian reality) concept, but a big amount of small steps, because of the different features throughout the territory.

The project was divided into three phases, which are designed for 3, 5 and 10 years.

Команда № 4 «Набережная» / Team 4 “Waterfront”

Ассистент:

Никита ВЕРМА (Городские исследования) Индия

Участники:

Юлия НИКИФОРОВА (Градостроительство) Россия

Лаура МРОСЛА (Архитектура) Германия

Одиссеас ДОЙЧ (Пространственное планирование) Австрия

Нинад КАТДАРЕ (Городской дизайн) Индия

Юлиан ГЕЛЬСЕНЛИХТЕР (Архитектура) Германия

Маргарита АРУСТАМЯН (Архитектура) Армения

Assistant:

Nikita VERMA (Urban Studies) India

Participants:

Yulia NIKIFOROVA (Urban planning) Russia

Laura MROSLA (Architecture) Germany

Odysseas DEUTSCH (Spatial planning) Austria

Ninad KATDARE (Urban Design) India

Julian GELSENLICHTER (Architecture) Germany

Margarita Arustamyan (Architecture) Armenia

Цель проекта

Обрести реку Ангара как артерию для всех жителей не только при помощи создания связи с центром города, но и при помощи развития набережной в качестве еще одной рекреационной зоны городского значения.

Описание проекта

Предложение команды – не одна объемная (и невыполнимая для современных российских условий) концепция, а множество маленьких шагов, так как территория имеет разные особенности на всем своем протяжении. Проект разделен на три фазы, которые рассчитаны на 3 года, 5 и 11 лет.

Шаг 1 (3 года, маленькие интервенции)

В первую очередь, перед началом освоения территории команда обозначила четкую позицию: защита зеленых ландшафтов для сохранения природной идентичности берега реки.

Приоритет на данном этапе – привлечение потенциального пользователя. Немаловажную роль для преобразования набережной играют инвестиции, и именно поэтому создается платформа, которая будет привлекательна для инвесторов.

На проектируемой территории на первом этапе при помощи малых интервенций и переосмысления существующих функций построек (например, гаражей) станет возможно создание общественных пространств: байк-шэринг, стрит-фуд, кофе с собой, коворкинги. Это будет интересно не только жителям города, но и привлекательно для студентов как место отдыха, работы и учебы.

Заинтересовать владельцев гаражей в новой функции возможно в формате диалога: показать им, что новая функция будет экономически более эффективной, чем нынешняя. Они могут развивать бизнес на базе гаражей сами либо могут отдать их под развитие в аренду.

Жители города лишены возможности работать с землей, поэтому предлагается развить международную практику городского садоводства (urban gardening) и дать возможность горожанам, живущим в квартирах, выращивать собственные овощи, фрукты, зелень и цветы, учитывая климатические условия.

Существующая частная застройка на первом этапе преобразуется внешне: фасады приводятся в порядок, демонтируются заборы.

Для пересечения железнодорожных путей организуются регулируемые пешеходные переходы.

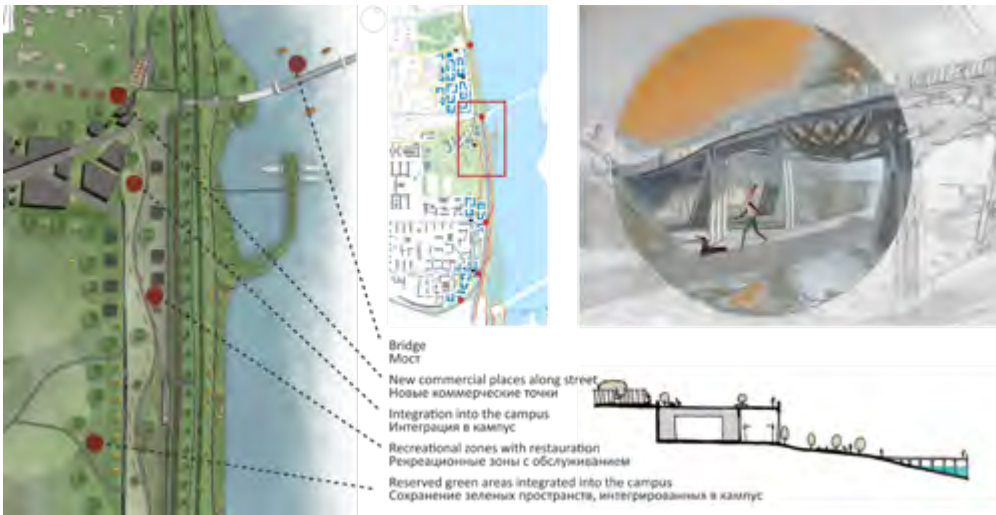
Связь с противоположным берегом реки осуществляется с помощью регулярного круглогодичного парома.

Таким образом, территория обеспечивается потоками людей, что дает городу возможность проводить здесь фестивали меда, рыбной ловли, ремесла и культуры.

Все это постепенно развивает безопасную и устойчивую среду, которая формирует новое сознание пользователя.

Шаг 2 (5 лет, подготовка серьезных интервенций)

В течение пяти лет открываются обзорные точки, появляются надземные мостовые переходы через железнодорожные пути, причалы-пирсы для рыбалки и наслаждения.

дения видами. Начинается строительство пешеходного моста – связи с правым берегом реки.

Решаются вопросы транспортной доступности набережной. Часть улицы Леси Украинки выделяется под формат shared space: на этом отрезке запрещается въезд личного транспорта; приоритет отдается общественному транспорту и велосипедам. Создаются пешеходные дорожки вдоль всей набережной.

Старая железная дорога используется в качестве исторического экскурсионно-развлекательного маршрута.

Строится амфитеатр для проведения мероприятий, фестивалей более сложного формата.

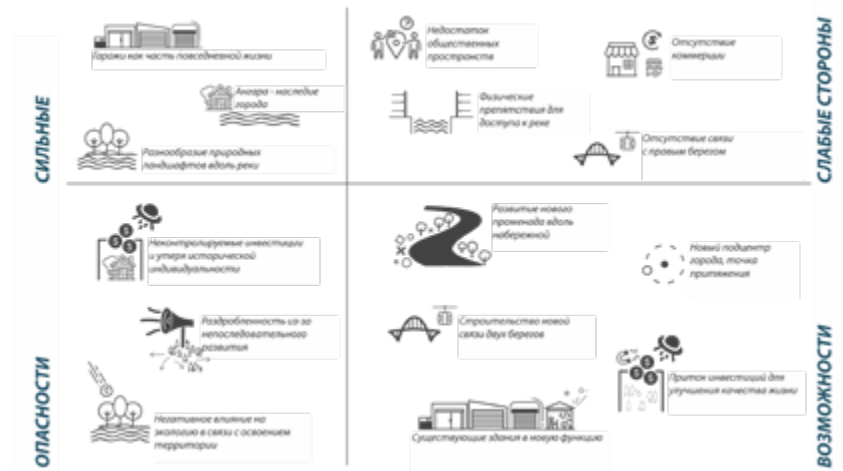
Шаг 3 (11 лет, завершение)

- Жилая функция на территории радиостанции.
- Детский сад и школа (согласно проекту команды «Кампус»).
- Детская площадка рядом с амфитеатром.
- Гаражи сносятся, на месте гаражей возводятся новые здания Студгородка.

Продолжение вышеперечисленных мероприятий по привлечению жителей, круглогодичная спортивная активность, объединение всех имеющихся точек притяжения в единую сеть. Открытие моста через Ангару. Приток людей со всего города, включая туристов.

Вследствие развития основной структуры набережной и привлечений инвесторов жилые и коммерческие пространства начнут жить, что создаст идентичность места, устойчивую среду, работающую на благо всего города.

Обустройство берега реки приведет к развитию потенциала Студгородка и улучшит качество жизни местных пользователей: студентов, преподавателей, жителей.

«Не навреди»... / “Do No Harm”...

PROSTOR GROUP

BUILDING TECHNOLOGY

Сумасшедший ритм жизни. Работа. Дом. День. Вечер. Выходные и будни.

Где-то рядом Байкал: безбрежные воды, вековые сосны, удивительная природа Сибири...

А из окна офиса виднеются одинаковые крыши серых панелек – отголосок советского времени...

Загазованность и смог, выхлопные газы и другие прелести научно-технического прогресса...

И так мало яркой, привлекающей внимание архитектуры, не разрушающей целостного восприятия города! И еще меньше проектов, которые бы не наносили урон окружающей среде...

В погоне за «дешевизной» проекта зачастую выбор делается в пользу не самых безопасных материалов, а иногда и вредоносных.

Районы с коттежными застройками пестрят облием домов, сделанных из натурального дерева, но облицованных пластиковым сайдингом. Некоторые марки пластиковых фасадов весьма недешевы и абсолютно не экологичны... О таких явлениях, как «дышащие дома», «зеленые» кровли или инновационные технологии, в «умных» застройках можно только мечтать.

Что же является альтернативой подобным материалам? Мировой рынок выделяет одного из безусловных лидеров: современный экологичный материал – фиброцемент!

Передовые страны в общегородских застройках уже более 50 лет используют именно его. Почему?!

Япония отвечает фразой, на которой основывается главный принцип японского строительства: «Не навреди». По мнению японцев, дом – это продолжение природы. Архитектура дома должна вписываться в ландшафт, а материалы для строительства – максимально экологичны.

Российскому рынку давно доступны эти материалы. Они прекрасно чувствуют себя в условиях сурового, переменчивого климата нашей страны. Лучше всего фиброцемент работает в составе навесного вентилируемого фасада, выполняя также функцию энергосбережения,

что для некоторых регионов является наиболее острым вопросом. Вентилируемый фасад служит не только для сохранения тепла внутри здания, но и препятствует возникновению грибка, сырости, защищает дом от перепада температур, увеличивает звукоизоляционные свойства. Но, конечно, главный плюс, на котором делает акцент один из лидеров японского рынка компания KMEW, основной поставщик фиброцементных панелей, – это ЭКОЛОГИЧНОСТЬ.

Песок + Цемент + Целлюлоза + Вода

Вот 4 составляющие, которые не наносят вреда окружающей среде, здоровью человека. Наша компания уже много лет сотрудничает с одной из ведущих японских компаний KMEW. Огромное количество проектов для «частного» заказчика, примеры реализации на объектах общегородского значения, успешный опыт в высотном строительстве. История работы именно с брендом KMEW показала, что, помимо своих основных преимуществ, материал еще и не подвергается воздействию времени. Объекты, смонтированные около 10 лет назад, имеют превосходное состояние сегодня. Города растут и развиваются, и мы как компания, имеющая непосредственное влияние на тенденции развития строительного рынка, хотели бы еще раз подчеркнуть, что городская и загородная среда обитания – это прежде всего часть природы! Сегодня огромное количество материалов, которые обладают не только эксплуатационной надежностью, но и экологичностью. Будущее за технологиями и инновациями, но только в том случае, если они выстроены на бережливом производстве и экологичности используемых материалов.

Хотелось бы напомнить всем нашим архитекторам, проектировщикам, застройщикам, влияющим на выбор материалов, главный принцип японского строительства: «Не навреди». И уже своими словами сказать: «Давайте беречь то, чем нас так щедро одарила природа».

Олеся Хачатрян / Olesya Khachatryan

на здоровье / in good health

Обсуждается понятие здоровья как степени устойчивости внутренней среды человека к внешним воздействиям. Предложено понятие эмоционально здоровой городской среды, предлагающей максимально широкий и сбалансированный спектр переживаемых эмоций. Мода на тот или иной архитектурный стиль вызывает преобладание одних эмоций над другими и, тем самым, мешает созданию здоровой среды. Влияние моды показано на примере каталогов компании Леруа Мерлен. Ключевые слова: архитектура; дизайн; здоровая среда; мода; тренд; невроз; детский аутизм, Leroy Merlin. /

The notion of health is viewed as a degree of resistance of the human internal environment to external influences. The authors propose an idea of emotionally healthy urban environment that provides a wider and well-balanced emotional spectrum. The trend for one or another architectural style causes predominance of certain emotions and thus hinders formation of a healthy environment. The impact of trends is illustrated by means of an example of Leroy Merlin catalogues. Keywords: architecture; design; healthy environment; trend; neurosis; infantile autism; Leroy Merlin.

> Рисунок 1. Пространство эмоций. Каждая точка плоскости соответствует эмоциональному состоянию. Пунктиром показана граница, за которой нарушение эмоционального равновесия переходит в невроз

Модные тренды VS городская среда /

текст
Константин Лидин
Елена Булгакова /
text
Konstantin Lidin
Elena Bulgakova

Введение. Здоровье как устойчивость гомеостаза

Вопросы здоровья всегда волновали человечество, а в последнее десятилетие эта тенденция сказывается практически во всех сферах жизни. Понятие здоровая городская среда уже прочно вошел в наш обиход. Но если спросить что же такое здоровый город, то практически каждый респондент выдаст свою версию.

Среди множества определений здоровья одно выглядит наиболее конструктивным. Это определение отождествляет здоровье с устойчивостью внутреннего равновесия (гомеостаза) к разнообразным внешним воздействиям. Здоровый человек способен сохранять работоспособность своей внутренней среды (внутренних органов и психики), даже если внешние условия меняются в широких пределах. Телесно здоровый человек, например, может без особого вреда пережить длительную голодовку или сильное охлаждение, которое менее здорового надолго (возможно, навсегда) выведет из строя. Точно так же здоровая психика способна успешно сопротивляться стрессам и прочим перегрузкам, каждый раз успешно возвращаясь состоянию равновесия.

Представление о здоровой городской среде не может не включать такой компонент, как психологическое здоровье и, еще конкретнее – здоровье в эмоциональной сфере. Именно эмоциональный аспект восприятия городской среды наиболее близок и актуален для архитектуры. Очевидно, здоровье в эмоционально-психологической сфере следует понимать как способность переживать самые разнообразные по типу и интенсивности эмоции. Эмоционально здоровый человек не избегает никаких переживаний – любые, даже самые сильные из них не лишают его душевного равновесия.

1. Эмоции, информация и здоровье

В наших предыдущих публикациях мы использовали определение эмоционального здоровья, ориентированное на непрерывную смену эмоциональных состояний в максимально широком их спектре [3; 8]. Преобладание той или иной эмоции (сужение спектра переживаемых эмоций) отождествляется с тем или иным неврозом [9].

Данное определение эмоционального здоровья и нездоровья позволяет выразить эти параметры с математической четкостью.

Пусть в каждый конкретный момент времени имеется некоторый спектр эмоциональных состояний (например, заложенных в архитектурном решении фрагмента городской среды). Расположим этот спектр в полярной системе координат, где каждое эмоциональное состояние E характеризуется двумя переменными – тип эмоции выражается углом α относительно условного нулевого вектора, а интенсивность переживания эмоции (в словных единицах) обозначается как переменная r :

$$E = f(\alpha; r) \quad (1)$$

Каждому эмоциональному состоянию E можно поставить в соответствие такое состояние E' , которое будет прямо противоположно данному. Так, переживание интереса противоположно эмоции печали; радость-гордость противоположна отвращению и презрению и так далее. Очевидно,

$$E' = f((\alpha + \pi); r') \quad (2)$$

Равновесность спектра эмоций в каждый конкретный момент времени (мгновенную равновесность) можно найти как интегральную величину $R(t)$:

$$R(t) = \int_0^\pi (r - r') d\varphi = \int_0^\pi (r(\varphi) - r(\varphi + \pi)) d\varphi \quad (3)$$

Полному эмоциональному равновесию соответствует такое состояние, когда R мгновенно близко к нулю. Однако подобное равнодушие (апатия, безразличие) еще нельзя считать критерием эмоционального здоровья городской среды. Согласно принятым определениям, здоровой средой мы должны считать такую, в которой эмоциональные состояния сменяют друг друга в широком диапазоне и уравниваются лишь в среднем, в течение достаточно длительного периода. Точно так же при здоровом образе жизни должны уравниваться фазы активного и пассивного состояния (сна и бодрствования), нагрузки и отдых и так далее. Таким образом, критерием эмоционального здоровья городской среды можно считать параметр R , интегральный по некоторому периоду времени t :

$$R = \int_0^t \int_0^\pi R(t) dt = \int_0^t \int_0^\pi (r(\varphi, t) - r(\varphi + \pi, t)) d\varphi dt \quad (4)$$

< Рисунок 2. Пространство стилей. Каждый стиль предлагает такой набор модных параметров, который стимулирует переживание той или иной эмоции

< Рисунок 3. Пространство неврозов. Постоянное нарушение эмоционального равновесия приводит к тому или иному виду невротического расстройства

The Latest Trends VS Urban Environment

Для здоровой городской среды параметр R стремится к нулю при небольших величинах t (до нескольких месяцев). Чем больше период, в течение которого эмоциональное равновесие нарушается, тем более нездоровое, болезнетворное воздействие оказывает такая среда на психические состояния горожан [10].

2. Мода и эмоциональное равновесие

Естественная, природная среда равномерно насыщена самыми разнообразными эмоциями. Природа не делает предпочтений одним эмоциям перед другими и не делит их на «хорошие» и «плохие». Иное дело – искусственная среда города, созданная человеком и несущая отпечаток его установок.

У архитектора, формирующего городскую ткань, нет средств для прямого воздействия на эмоциональные состояния горожан. Для создания искусственной среды жизнедеятельности человека он использует косвенные средства: объемно-пространственную композицию, цвет, свет, материал, звук, запах [4]. Палитра средств и приемов, которые использует архитектор, испытывает сильное влияние моды.

Модный тренд как понятие включает в себя как раз нарушение равномерности спектра эмоций, предлагаемых массовому потребителю. Мода выстраивает иерархию эмоциональных состояний, рассматривая одни эмоции как более ценные (модные, актуальные) и пренебрегая другими (немодными). Яркие, звонкие цвета, причудливые сочетания материалов, сложные текущие объемы стиля модерн и ар-деко способствуют переживанию возбуждающих эмоций интереса, радости-гордости, дерзости. Но вот, сменяется модный тренд – и в архитектурном дизайне начинают преобладать минималистические тенденции с их ахроматической неяркой палитрой, простыми объемами, нюансными фактурами. Вся палитра минимализма стимулирует переживание эмоций задумчивости и печали, скромности.

На следующем повороте модной становится стилистика деконструктивизма, декларирующего пересечение трех главных позиций: свободы смысла, свободы формы, непривязанности к духу времени. Дерзкие эксперименты деконструктивистов сосредоточены в области эмоций

гнева и агрессии. Особенность всех объектов этого стиля – игнорирование окружающей среды и существующей концепции застройки [12].

И вот уже возникает впечатление, что любой архитектор, движимый лучшими чувствами, даже будучи гуманистом по натуре, глубоко в душе является деконструктивистом, поскольку он уничтожает гармонию, созданную природой, и вместо нее создает новую – свою. Как непреложная истина воспринимается концепция, согласно которой, чем сильнее будет отличаться гармония архитектуры от гармонии природы – тем ярче будут выражены уникальные особенности его личности.

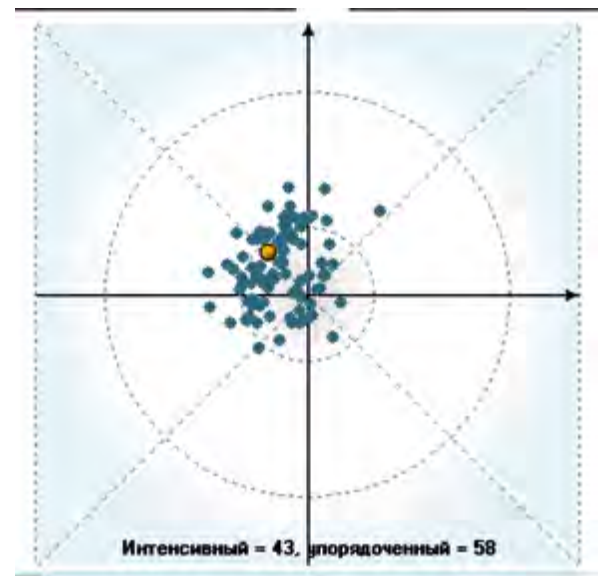
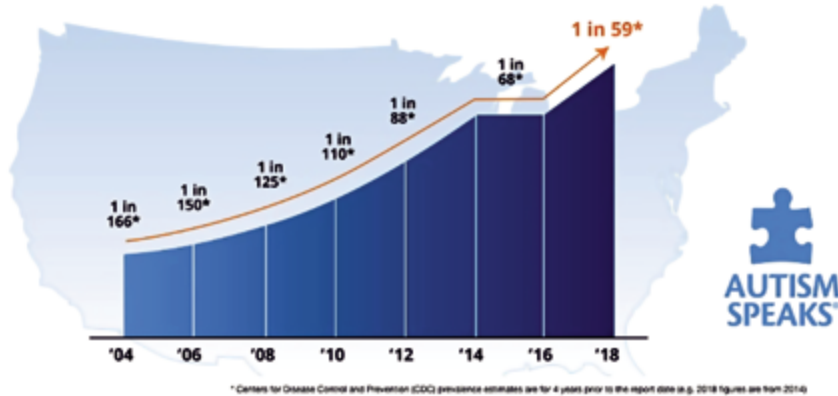
Таким образом, само понятие моды уже несет в себе элемент невротичности и противоречит требованиям здоровой среды. Каждый модный стиль несет в себе угрозу очередной «эпидемии невроза». И, чем более властный и диктаторский характер приобретает модный тренд, тем больше его нездоровое влияние на городскую среду.

3. Минимализм и астенические неврозы

Модный тренд последних лет включает в основном минималистические стили: лофт, прованс, японские стили кацура и сукия, скандинавский стиль и различные варианты трэша и панка. Все эти стили в эмоциональном плане располагаются в области астенических эмоциональных состояний (печаль, стыд, презрение). В свою очередь, застревание в астенических областях эмоционального спектра соответствует неврозам неврастенического типа – от экзистенциального расстройства до расстройства аутистического спектра (РАС). Отметим, что именно эти расстройства сегодня привлекают повышенное внимание психотерапевтов всего мира. Быстро растущее количество детей, проявляющих признаки РАС, вызывает сильную тревогу у врачей, тем более что ни причины этого грозного явления, ни способы борьбы с ним современной медицине не известны.

Еще в 2014 году на Шестьдесят седьмой сессии Всемирной организации здравоохранения при ООН было отмечено: «...во всем мире у все большего числа детей диагностируются расстройства аутистического спектра и другие нарушения развития, и вероятность того, что еще больше таких случаев остаются не выявленными или

Estimated Autism Prevalence 2018

^ Рисунок 4. Эмоциональные состояния, заложенные в образцы обоев для детской комнаты из каталога Леруа Мерлен. Каждая точка соответствует одной картинке

ошибочно диагностированными как в обществе, так и в учреждениях здравоохранения...

...расстройства аутистического спектра представляют собой нарушения развития и состояния, которые возникают в раннем детстве, и в большинстве случаев сохраняются на протяжении всей жизни; характеризуются наличием нарушений развития в том, что касается социального взаимодействия и коммуникации, а также ограниченности круга деятельности и интересов, сопровождающихся или не сопровождающихся ограниченными интеллектуальными возможностями и речевыми

затруднениями; и что проявления этих расстройств могут варьироваться в широких пределах в зависимости от сочетаний и уровней выраженности симптомов» [7].

Лидерами в печальной статистике роста аутистических расстройств являются богатые и, казалось бы, успешные страны – США, Южная Корея и Гонконг. Если в 2004 году в США один ребенок с диагнозом РАС приходился на 166 здоровых детей, то в 2018 году число детей с РАС увеличилось до одного на 59 (по данным организации Autism Speaks [1]:

Если от экстерьера обратиться к интерьеру, то здесь восприятие искусственной среды через призму эмоционального состояния еще больше вскрывает обозначенную в начале статьи проблему. Интерьер выполняет, как правило, две функции: гармонизирует и стимулирует и речь идет о возможности программирования эмоций посредством грамотного создания интерьера.

Грозное наступление «эпидемии РАС» вызвало появление множества работ, в которых решается задача компенсации этих расстройств методами архитектурного дизайна. Подобные работы выходят в самых разных регионах – от США до Малайзии [2; 5]. В большинстве работ преодоление аутизма включает насыщение интерьера элементами стенового характера – в первую очередь, светлыми и яркими красками, открытыми, перетекающими пространственными решениями, разнообразными фактурами [6].

Тем не менее, имеют место и противоположные тенденции.

Мы подвергли анализу каталог образцов декоративных материалов для детских комнат, который предлагает одна из крупнейших торговых сетей мира – Леруа Мерлен. Образцы взяты с официального сайта сети. Анализ был проведен при помощи специализированной программы ImageExpert (см. наши предыдущие публикации). Анализ показал, что подавляющее большинство образцов располагается в очень узком, однообразном секторе эмоционального спектра. Категорически преобладают ахроматические тона (в основном оттенки серого). Характер цвета плотный, глухой, подчеркивающий плоскости стен и замкнутость пространства. Выбор фактур невелик. Приведенные в каталоге примеры дизайнерских решений

> Пример интерьера детской комнаты от Леруа Мерлен

интерьера прямо противоположны тем, которые разрабатываются в плане противодействия аутистическим тенденциям развития ребенка.

Кластер точек в пространстве эмоций полностью сосредоточен в астенической области. Центр тяжести кластера располагается в области эмоций группы «стыд, скромность, застенчивость».

Заключение

У нас недостаточно данных, чтобы уверенно определить, где причина, а где – следствие в сложившейся ситуации. Можно ли утверждать, что мода на минималистическую стилистику и связанные с ней неврозы навязывается глобальными корпорациями? Или же, напротив, «эпидемия» астенических неврозов заставляет дизайнеров и архитекторов работать в узкой стилистической области, отсекая все прочие варианты?

Очевидно лишь, что задача оздоровления повседневной городской среды требует выхода из этого «порочно-го круга» навязанных модой неврозов.

Влияние архитектуры на человека на современном этапе оценивается очень высоко, поскольку формирование облика городов решается не только сугубо специальными планировочными и стилистическими задачами [11].

Учитывая влияние архитектуры на психические особенности человека, облик городов является одним из активных факторов формирования комфортного состояния психики горожан, чье воздействие пока тщательно не изучено, но неоспоримо. Таким образом, можно сделать вывод, что архитектурный облик города медленно, но очень точно воздействует на здоровье человека и либо формирует комфортное психологическое состояние, либо провоцирует постоянный стресс. Можем ли мы себе представить архитектуру, в которой главный приоритет – не прочность, удобство и красота, а именно здоровье?

Литература

1. CDC increases estimate of autism's prevalence by 15 percent, to 1 in 59 children. Autism Speaks calls on nation's leaders to adequately fund critically needed research and support services. April 26, 2018. URL: <https://www.autismspeaks.org/science-news/cdc-increases-estimate-autisms-prevalence-15-percent-1-59-children>
2. Izawati Tukiman, Asiah Abdul Rahim, Naziaty Mohd Yaacob, Nur Amirah Abd. Samad. (2015) A home for autistic child: residential spaces intervention in Malaysia. *Alam Cipta Vol 8 (Special Issue 2) December 2015*. Pp. 54–62
3. Lidin K. L. et al. (2017). Information Flows Balance and Price of Real Estate. *Journal of Advanced Research in Law and Economics, Volume VIII, Spring, 2 (24)* : Pp. 496–504
4. Magay A. A., Bulgakova E. A., Zabelina S. A. Organizing Vertical Layout Environments: a Forward-Looking Development Strategy for High-Rise Building Projects. – In: *E3S Web of Conferences Ser. «High-Rise Construction 2017, HRC 2017»*, 2018. – Pp. 150–158
5. Mostafa M. (2014). Architecture for Autism: Autism ASPECTSS™ in School Design. *The International Journal of Architectural Research*, 8 (1). Pp. 143–158
6. Paron-Wildes A. J. (2013). Interior Design for Autism from Childhood to Adolescence. Wiley E-book Design Shorts
7. WHA67/2014/REC/1 Шестьдесят седьмая сессия Всемирной ассамблеи здравоохранения. Женева, 19–24 мая 2014 г. – С. 17
8. Lidin K. L. Город-пациент: К исследованию эмоциональной атмосферы городов // Проект Байкал. – 2011. – № 29–30. – С. 33–36
9. Lidin K. L. Город-пациент. К исследованию эмоциональной атмосферы городов // Проект Байкал, 2011. №29-30. С. 33-36
10. Lidin K. L. Психологическая экспертиза в урбанистике // Психологическая экспертиза: современность и тенденции развития : монография / Под науч. ред. О. А. Белобрыкиной, В. Л. Дресвянникова. – Новосибирск : Издательство ООО «Немо Пресс», 2016. – С. 128–160
11. Магай А. А., Забелина С. А., Булгакова Е. А. Современные экологические проблемы городской среды // БСТ : Бюллетень строительной техники. – 2017. – № 6 (994). – С. 58–59
12. Свешникова С. В. Принципы устойчивой архитектуры в процессе реновации бывших промышленных территорий // Молодая наука–2017 : Архитектура. Строительство. Дизайн :Сб. трудов IV Всероссийской студенческой научно-практической конференции. – 2017. – С. 95–98
13. Шилин В. В. Архитектура и психология : Краткий конспект лекций. – Нижн. Новгород : Изд-во Нижегород. гос. архит.-строит. ун-та, 2011. – 66 с.

References

- CDC increases estimate of autism's prevalence by 15 percent, to 1 in 59 children. Autism Speaks calls on nation's leaders to adequately fund critically needed research and support services. (2018, April 26). Retrieved from <https://www.autismspeaks.org/science-news/cdc-increases-estimate-autisms-prevalence-15-percent-1-59-children>
- Lidin, K. (2011). The City as a Patient. Examining the City Emotional Atmosphere. *Project Baikal*, 8(29-30), 33-36. doi:10.7480/projectbaikal.29-30.313
- Lidin, K. L. (2016). *Psyhologicheskaya ekspertiza v urbanistike [Psychological expertise in urban studies]*. In O. A. Belobrykina & V. L. Dresvyannikov (Eds.), *Psyhologicheskaya ekspertiza: sovremennost' i tendentsii razvitiya: monografiya* (pp. 128-160). Novosibirsk: Izdatelstvo OOO "Nemo press".
- Lidin, K. L. et al. (2017). Information Flows Balance and Price of Real Estate. *Journal of Advanced Research in Law and Economics, Vol. VIII, Spring, 2 (24)*, 496–504.
- Magay, A. A., Bulgakova, E. A., & Zabelina, S. A. (2018). Organizing Vertical Layout Environments: a Forward-Looking Development Strategy for High-Rise Building Projects. In *E3S Web of Conferences. «High-Rise Construction 2017, HRC 2017»*, 150–158. doi: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/20183301016>
- Magay, A. A., Zabelina, S. A., & Bulgakova, E. A. (2017). *Sovremennye ekologicheskie problem gorodskoi sredy [Current ecological problems of the urban environment]*. BST: *Bulleten' stroitelnoi tekhniki*, 6(994), 58-59.
- Mostafa, M. (2014). Architecture for Autism: Autism ASPECTSS™ in School Design. *The International Journal of Architectural Research*, 8 (1), 143–158.
- Paron-Wildes, A. J. (2013). *Interior Design for Autism from Childhood to Adolescence*. Wiley E-book Design Shorts.
- Shilin, V. V. (2011). *Arkhitektura i psikhologiya [Architecture and psychology] (brief conspect of the lecture)*, 66. Nizhnii Novgorod: Izd-vo Nizhegorod. gos. archit.-stroit. un-ta.
- Sveshnikova, S. V. (2017). *Printsipy ustoichivoi arkhitektury v protsesse renovatsii byvshikh promyshlennykh territorii [Principles of sustainable architecture in the process of brownfield renovation]*. Proceedings from *Molodaya nauka-2017: Arkhitektura. Stroitelstvo. Dizain: IV All-Russian Student Research and Practice Conference*, 95-98.
- Tukiman, I., Rahim, A. A., Yaacob, N. M., & Samad, N. A. A. (2015). A home for autistic child: residential spaces intervention in Malaysia. *Alam Cipta, Vol. 8 (Special Issue 2)*, 54–62.
- WHA67/2014/REC/1. (2014, May 19–24). The 67th session of the World Health Assembly in Geneva, 17.

Участники обсуждали многоаспектную проблему здорового городского образа жизни. Характеризуются градостроительные, психологические, медицинские проблемы здоровья. Ставятся вопросы изменения генерального плана города и принципов его формирования, судьбы городских зеленых зон, влияние гражданского общества и общественных дискуссий на стратегическое направление развития города.

Ключевые слова: здоровый образ жизни; здоровье; Иркутск; градостроительство; зеленые зоны; генеральный план; салютонный дизайн. /

The participants of the discussion spoke about many aspects of a healthy life in the city. They featured town-planning, psychological and medical issues of health. They touched upon changes in the city master plan and the principles of its elaboration, urban green areas and the impact of civil society and public discussions on the strategy of city development.

Keywords: healthy lifestyle; health; Irkutsk; town planning; green areas; master plan; salutogenic design.

Здоровье города и здоровье в городе /

подготовка текста

Марина Ткачева

фото

Евгения Сурикова /

text prepared by

Marina Tkacheva

photos by

Evgeniya Surikova

В феврале 2019 года в Иркутском Доме архитектора состоялся традиционный дискуссионный клуб. Участники обсуждали главную тему ПБ 60 – здоровье.

В обсуждении участвовали: председатель Комитета по социальной политике и культуре г. Иркутска, зам. мэра Виталий Барышников; издатель и главный редактор газеты «Восточно-Сибирская правда», профессор ИГУ Александр Гимельштейн; архитектор, издатель и главный редактор журнала «Проект Байкал» Елена Григорьева; кандидат технических наук, докторант психологии Константин Лидин (Россия – Болгария; по видеосвязи); президент коллегии СРО НП «Байкальское общество архитекторов и инженеров», член-корреспондент Международной академии архитектуры в Москве (МААМ) Андрей Макаров; член Общественной палаты г. Иркутска, руководитель АНО «Иркутские кварталы» Сергей Маяренков; кандидат философских наук, доцент кафедры философии, искусствознания и журналистики, член Союза журналистов РФ Марина Ткачева; архитектор, председатель Совета ИРО ВООПИК, доцент ИРНИТУ Алексей Чертилов; кандидат исторических наук, доцент ИГУ, политолог Сергей Шмидт.

Елена Григорьева Тема этого номера – ЗДОРОВЬЕ – имеет много разнонаправленных аспектов применительно к городу и его жителям. Вода. Воздух. Промышленность. Мусор. Комфортная среда. Появляются новые термины – «салютонный дизайн» (буквально – рождающий здоровье). Становится модным здоровый образ жизни; это устойчивое словосочетание превращается в аббревиатуру – 30Ж.

Зелень. Нейтрализация вредных факторов. Безопасность. Транспорт. Жилье. Высотки. Образ жизни. Спорт в городе. Персональный (или хотя бы по группам адресатов) подход к среде и ее элементам: жуткие яркие батуты вредны для некоторых категорий детей, и это уже не частное мнение эстетов, а официальное заключение медиков-психологов. Цвет и здоровье. Визуальный мусор. Шум. Качество интерьера и его влияние на телесное и психическое здоровье. Продолжительность жизни – очень важный момент. Увеличивается продолжительность жизни – растет процент пенсионеров; вместе с тем,

сами они молодеют как внешне, так и по образу жизни. И их интересы тоже нужно учитывать – чем они будут заниматься в дорогих нашему сердцу общественных пространствах.

Наконец, что такое здоровье вообще? Только ли отсутствие болезни? Существуют ли абсолютно здоровые люди?

Стоит начать разговор с градостроительства. Зеленые зоны, их трансформация в градостроительной документации; иногда они вдруг из зеленых превращаются в красные – зоны застройки.

Андрей Макаров Я принимал участие в формировании градостроительных регламентов нескольких городов, регионов. Конечно, это прежде всего Иркутск; очень интересен опыт Красноярска, а также Читы, Улан-Удэ, Грозного, Сочи. Особенности каждого города очевидны, но во всех этих городах общий интерес к теме был замечен в СМИ, интернете, городских дискуссиях. Не так давно был принят новый генплан Иркутска – и никаких споров! Почему, чем это можно объяснить? Генеральный план города – это всегда передел, изменение баланса городских территорий, причем, как правило, в сторону уменьшения зеленых зон, легких этого города. Власть, бизнес, общество мучительно ищут компромисс на слушаниях, при утверждении в Думе. В СМИ я не увидел ничего, в интернете тоже! Что произошло? Исчезли конфликты на территории?

Сергей Шмидт Первое соображение, которое приходит мне в голову. Дискуссия не возникла, потому что ее никто не инициировал. Разработчики генплана могли сделать это сознательно, при этом они поступили очень правильно, как я считаю, поскольку я с очень большим скепсисом отношусь к иркутским дискуссиям. Ведь иркутяне любят, но не умеют дискутировать. Обычно иркутские дискуссии поражают своей нерезультативностью – это такая уникальная способность не слышать друг друга и не говорить на одном языке. Поэтому, если бы я отвечал за создание генплана, я сделал бы все от меня зависящее, чтобы никакой дискуссии не возникало.

Сергей Маяренков Мне кажется, дело в неконкретно-

Health of the City and Health in the City

сти генплана: весь город сейчас делится на очень крупные территории, в которых возможно практически любое функциональное зонирование. Раньше план был цветной и дифференцированный по зонам, а стал монотонный, собранный в большие массивы. Эти большие массивы нивелируют все разнообразие или борьбу за более точную зону: нет необходимости бороться на уровне генплана. Споры будут возникать на уровне ПЗЗ либо на уровне проекта планировки.

Александр Гимельштейн Если нет цели создать общественную дискуссионную комиссию, то сама собой она может быть создана только теми людьми, которые были ущемлены. Из чего мы делаем вывод, что общественность не поняла, что она ущемлена.

Алексей Чертилов Надо задать вопрос: почему во власть приходят люди, которые не решают городских проблем? Общественности нет, поэтому разработанный ГП не в ее интересах, а в интересах конкретных властных групп. ГП становится удобным способом устранить конкурентов, поэтому они не заинтересованы в публичных дискуссиях.

АГ Я не вижу такой агрессивной силы у власти в Иркутске, которая может задавить всех субъектов возмущения в своих интересах.

АЧ Ресурс сегодняшней городской власти – юридическая поддержка. И процедура соблюдена, и информация не раскрыта.

СМ Информация публично выносилась на Думу, на общественные слушания; было несколько этапов обсуждения согласно принятым процедурам...

АЧ При этом общественная активность очень низкая.

ЕГ Но ведь горожане не могут быть не заинтересованы в том, чтобы они, и, тем более, их дети и внуки жили в здоровой среде. Однако народ безмолвствует. В чем причина?

АГ Во-первых, у общественности не хватает компетентности. Во-вторых, у нас имеется очень интенсивное, а в плане пиар-обеспечения – просто блестящее движе-

ние по созданию рекреационных зеленых пространств в Иркутске. Население считает, что эта работа не просто ведется, а ведется на принципиально лучшем уровне, чем раньше. И в какой-то степени это так. Я ровно такой же некомпетентный горожанин: я не смотрел ГП, имею о нем только самое общее впечатление. И у меня нет опасения (возможно, в отличие от более компетентных людей), что изъяты зеленые зоны.

СШ Мне кажется, если бы общественность поактивней зазвали, она пришла бы и сожрала всех живьем, как она обычно и делает.

АМ Когда я летом прошлого года общался с Марком Григорьевичем Мееровичем, как раз ГП разрабатывался. Я предложил ему позаниматься рекреациями в центральной части Иркутска, зелеными зонами. У нас эта тема уходит, а в Красноярске она случилась. Он мне ответил, что в Красноярске другая ситуация. У меня возник следующий вопрос: в чем причина? Он мне сказал вещь, которая меня поразила: в Иркутске нет гражданского общества.

СШ А в Красноярске вы почувствовали его присутствие?

АМ В Красноярске меня на слушаниях рвали на части вопросами: «Где сквер?»; «Нам парк нужен!»; «Реку не запыайте!»; «Что вы творите?»

АГ Откуда они все узнали?

АМ Оппозиция.

АГ Иначе Красноярск был бы таким же, как и Иркутск.

АМ Там экология хуже: черное небо, народ задыхается. Еще до того, как мы начали работать над генпланом, запретили строить завод. Несмотря на то, что уже были потрачены немалые деньги. Там протестное движение более активное.

ЕГ В нашем дискуссионном клубе уже не раз поднимался вопрос о том, что зеленое движение в Иркутске почти заглохло, а такое сильное градозащитное движение, как в Москве и Нижнем Новгороде, так и не возникло.

АГ У нас очень много любителей, но они все в соцсетях.

СШ Нет, локальные вспышки происходят: протестуют конкретные дома.

АГ А по поводу туберкулезной больницы уже не хватило протеста. Закончилось тем, что все остается. И политического прикрытия у протеста тоже нет. С. Тен пытается, но пока в решениях никто не подвинулся ни на шаг: ни Минздрав, ни правительство.

ЕГ Не странно ли? В Сибири, видимо, земли совсем не осталось, и туберкулезную больницу надо строить, уплотняя существующий микрорайон... Это, кстати, тоже сфера граддокументации.

СМ Сейчас мы все больше сталкиваемся с ситуацией, когда бюджетные решения по размещению объектов производятся не назначенными профессионалами-экспертами, а приурочены к свободным участкам земли, которая принадлежит соответствующему ведомству: сначала закладывается проект, а под него формируются все программы. Гораздо грубее, но похожим образом действовали собственники «Иркутских кварталов»: строят, а только потом узаконивают, веря, что «если построено, то не снесут же». Когда потрачены ресурсы, приняты решения, трудно вернуться к первоначальному положению. Таким образом, власть становится заложником своих же решений: для отмены принятого решения нет процедуры. Например, если программа принята в бюджете, вопрос состоит не в том, где строить, а строить ли вообще. А если отказаться и не строить – значит, расписаться в собственной некомпетентности.

СШ Могу предположить: если бы проект туберкулезной клиники был в районе Чертугеевского залива, то борьба с ним пошла бы интереснее.

АГ Всем наплевать на размещение больницы на Синюшиной горе: я имею в виду прокуратуру, природоохранные органы и т. д.

СМ Ну да, инфекционная клиника есть, пусть и туберкулезная будет, так, видимо, считают.

АЧ Они рассчитывали правильно: надо, чтобы она находилась в лесу, роще, недалеко от города, чтобы не создавать новую инфраструктуру, не увеличивать расходы на дороги, сети. Вот и нашли площадку, которая была утверждена заранее. Почему общественность не отбивалась?

АГ Я бы не хотел в своем дворе иметь туберкулезную больницу. Я понимаю, что такая больница должна быть, но почему она должна быть в непосредственной близости от жилья? Ведь больные не заключенные, они имеют право на прогулки, а инфекционная опасность тем самым увеличивается.

АЧ У нас во дворе решили построить многоэтажный дом, до этого подобных домов не было. На каждом подъезде вывесили объявление об общественном обсуждении. При встрече с жильцами я пояснил, что могу рассказать, что делать и как с этим бороться, если людям это надо. Но так никто и не пришел. Вот и гражданская позиция.

АГ Зато когда выстроят, то народ начнет нервничать. Такая ситуация была со зданием торгового центра «Лермонтов»: пока строился – никто не волновался, наверняка также проходили общественные слушания, которые у нас все инсценированы, зато потом начали возникать вопросы.

СШ В разговоре с обитателями Синюшиной горы я понял, что это не только опасность для здоровья, но и своего рода последняя капля в низкой репутации района: промзона, ТЭЦ, инфекционная больница, и еще будет туберкулезная больница. Кстати, кто поумнее, начинает соображать, что это снижение цен на недвижимость в районе.

АМ В свое время мы уже делали ГП Иркутска. Бульвар Гагарина мог бы превратиться тогда в жилой квартал. Многие иркутские бизнесмены приходили, и каждый для себя территорию выкраивал... Отбив набережную (кроме «Акулы», «Александровского сада» и «Нежного бульдога»), мы, по сути, сохранили эту часть города. Что будет дальше? Сегодня из ГП исчезли многие зеленые зоны; далее – проекты планировок не все обозначи-

ли. Будет ли сегодняшнее общество либо то, которое появится, отвоевывать эти куски – набережную, зеленое кольцо? Как дальше это будет происходить? Ведь по-прежнему все любят воду, траву, деревья. Автор этого ГП отвечает, что на последующих стадиях мы это оставим, мы все это удержим. Стоит ли вообще этим заниматься?

АЧ «Промстройпроект» сделал версию ГП проекта планировки Кировского района – центра города в 2008 году. В итоге завершённый городская администрация – заказчик – проект не пропустила, потому что разработчик был не согласен с отдельными позициями ГП, с давлением городских чиновников. И завершала другая организация – «ИркутскгипродорНИИ». Скомкали как надо, изменили все, что требовал заказчик. «Промстройпроект» сейчас даже не автор данного проекта. Опять заказывает семья – нет гражданского общества, нет дискуссий.

ЕГ Увы, на уровне генерального права позиции проиграны. Что происходит в сфере создания комфортной городской среды? Общеизвестно, что этому сейчас уделяется особое внимание. Тренд уже нескольких сезонов. Иркутск обратился к теме общественных пространств, их значения и качества за несколько лет до того, как это стало модным. Не случайно в нашем дискуссионном клубе мы регулярно ссылаемся на опыт 130-го квартала (проект создавался в 2009–2010 гг.) и продвижение проекта «Иркутские кварталы». Именно здесь создан прецедент: утверждены жесткие нормы по проценту озеленения – 20%. Буквально для каждого участка (а там очень много мелких собственников) прописано, сколько должно быть крупномерных деревьев – высоких, полноценно работающих на выработку кислорода. Это правильно? Надо ли это продвигать?

АЧ Принципиально правильно. Надо продвигать. Тут прозвучал тезис: здоровье – культура. Нет культуры – нет здоровья, нет городской среды. Культурный человек не позволит себе то, что позволяет себе бескультурный человек. Так же устроено и все общество: какова культура, такой и результат получим.

ЕГ Ваш прогноз: здоровье будет падать, потому что падает уровень культуры?

АЧ В городе ничего не делается для того, чтобы эта культура повышалась. Сегодня все, что происходит негативного, конечно, не бескультурье, но все же... Есть культура – будет здоровье. Но не наоборот.

ЕГ Однако борьба с курением дает какие-то результаты. Мода на ЗОЖ тоже существует. Хотя над ней и издеваются, но модно быть спортивным и стройным. На работу не примут, если ты плохо выглядишь.

СШ Я больше 30 лет хожу в одно и тоже здание – Чкалова, 2. Это корпус исторического факультета ИГУ. Хочу отметить, что такого небольшого количества курящих студентов, как сейчас, не было никогда. Сейчас можно фиксировать своего рода рекорд победы ЗОЖ. Хотя среди молодежи возникает и некая контртенденция: «Курение – это бунт против системы».

Тема салютогенного, валеологического, берегающего здоровья, укрепляющего здоровье города – это тема синего и зеленого: воды, неба и зеленого пространства. Я думаю, если проводить психологические опросы среди иркутян, то для них пересечением зеленого и голубого будет бульвар Гагарина, он ассоциируется со здоровьем. Я пытался найти нечто положительное в «Акуле», «Александровском саду» и «Нежном бульдоге», но они могут быть примером только того, как не надо делать. Рядом с историческим факультетом, не без нашего с Александром Владимировичем топонимического участия, стоит памятник десантнику. Это пример для демонстрации того, как пьедестал должен быть соразмерен самой фигуре: подходишь – и обнаруживаешь, что там размещен генерал ВДВ в полный рост, хотя издали он смотрится как ребенок по сравнению с пьедесталом.

АГ Это архитектурно-художественная секция градостроительного совета рассматривает такие предложения.

СШ Я имею возможность почти 23 года следить за тем, что происходит на бульваре. Готов признать, что бульвар и острова находятся в лучшем состоянии из всех, что мне приходилось видеть в постсоветском Иркутске. Два пункта могут спасти эти достижения. Состояние бульвара и островов – это предмет гордости городской власти и именно тот случай, когда есть на что указать. Второй

пункт. Сейчас в Иркутске в дееспособном активном возрасте находятся десятки тысяч горожан, у которых теплые воспоминания связаны с бульваром Гагарина. В этом случае если будут угрозы – то найдутся защитники. И власть должна быть заинтересована в сохранении зеленого и голубого. Я довольно долго жил в квартире с окнами на Ушаковку и знаю доподлинно: город ждет, когда в конце концов будут выполнены посулы Н. Чековой и Ушаковка станет цивилизованным рекреационным пространством. Сейчас же у людей принято стихийно приезжать для отдыха и загрязнять берег Ушаковки. На субботниках работники мэрии чистят берега, всегда было приятно за этим наблюдать. Искать союзы зеленого, синего и голубого – есть где.

АГ На территории около курорта «Ангара» тоже есть потенциал.

ЕГ Нам с Андреем Юрьевичем довелось недавно увидеть проект, где остров Конный отдан под жилую застройку. На уровне здравого смысла – это невозможно. В проектных проработках некоторых местных урбанистов такие предложения уже существуют.

Константин Лидин Имеет смысл начать с того, что обозначает слово здоровье, потому что оно, к сожалению, ничего конкретного не обозначает. Мы еще более или менее договорились, что такое болезнь, но что такое здоровье, мы не договорились совсем. В Москве у меня недавно была аналогичная встреча с коллегами; удалось из врачей выдать хоть сколько-то внятное определение здоровья. Оно прозвучало парадоксально: здоровье – это способность реагировать на изменение внешней среды. Соответственно, здоровый человек – это тот человек, который может пережить изменение температуры, изменение давления, изменение рациона, голодовки и т. д., не теряя при этом жизнеспособности. Парадокс в том, что тут возникает выбор: либо мы здоровые люди, либо мы долгожители. То есть жизнь может быть либо здоровая, либо длинная: ведь в любом случае по мере накопления возраста снижается способность к адаптации, то есть

– здоровье. Естественная продолжительность жизни в естественной среде для таких животных, как люди – это 30–40 лет. То, что мы живем в 2–2,5 раза дольше, совершенно неестественно. И, чем ближе мы к естественной среде, тем более неестественно будет выглядеть такая продолжительность жизни.

Получается, что самая естественная среда – самая нездоровая. О каком здоровье вообще идет речь? Телесному здоровью уделяется больше внимания – на это работает целая медицинская промышленность. Телесное здоровье поддерживается на очень хорошем уровне: здоровое питание, строгий контроль, чистый воздух, отсутствие промышленности – для тела все хорошо, но для психики очень тяжело. Особенно это заметно в европейских городах. Здесь комфортно, но психологическая антисанитария дикая, аналогична той, которая в телесном плане была в средневековье. Тогда люди выплескивали в окна ночные горшки, а сейчас люди друг на друга выплескивают агрессию, совершенно не задумываясь о последствиях, загрязняя окружающую среду разрушительными эмоциями. В этом смысле Восточная Европа выглядит более нездоровой, чем родная Сибирь (хотя нельзя сказать, что в Сибири все любят друг друга). Но Восточная Европа в этом отношении намного хуже. Например, в Софии полно руин: вместо того, чтобы реконструировать старые ветхие здания, их просто бросают и строят новое поблизости. Расточительный подход, хотя места меньше, чем в Сибири. В результате город переполнен ветхими, брошенными, разрушающимися зданиями. Вот эти гниющие трупы зданий производят ужасное впечатление. Я хотел предложить разговор в этом направлении, и оно нас всех касается, хотя мы не врачи. Поговорим о психологической гигиене города и о том, как плохая архитектура, разрушающаяся архитектура может заразить город некрозом. Впечатление именно как от гангрены, и люди этим заражаются. Прямых угроз телесному здоровью вроде бы нет, но ощущение депрессии очень болезненное.

ЕГ Если проецировать на Иркутск, то такое впечатление производят сгоревшие деревянные здания. Только что была шокирована исчезновением одного здания

на привычном месте, на углу улиц Карла Либкнехта и Дзержинского. Пока так и не узнала его судьбу: исчезло навсегда или хотят реставрировать?

АЧ Этот объект на государственной охране, так что есть шанс, что отреставрируют.

СШ Красивая архитектура способствует смягчению нравов. Некрасивая архитектура способствует ужесточению нравов. Опыт иркутской жизни, опыт советского и постсоветского человека свидетельствуют именно об этом. Начиная со школы и больниц. Я побывал недавно в отреставрированной школе № 19. Сравнивал ее со школой, которую закончили мы с Александром Владимировичем (школа № 62), построенную, как положено – как фабрика, как тюрьма. Классическая школа 60-х годов постройки, действительно напоминающая казарму, по Мишелю Фуко. А школа № 19 – это школа из приключений Электроника: кажется, что Электроник выскочит из-за угла. Первая мысль была о том, что школьники в ней не должны оказаться такими жесткими. Возможно, конечно, они будут менее подготовлены к жизни.

АЧ Сомнительно, что красота спасет мир.

СШ Не спасение, а именно смягчение нравов.

ЕГ То, что пространство воспитывает – это понятно. Я это воспринимаю как аксиому. Осмелюсь возразить Константину Львовичу по поводу того, что «организм человека рассчитан на 30–40 лет». Многие ученые говорят, что наш организм рассчитан на 100–120 лет и даже более того; очень хочется верить им.

АЧ Ресурсов у человека больше, я в этом уверен. А если говорить про здания, то Иркутск действительно похож на Софию. Только причина другая: не потому, что хозяина нет, а потому, что создаются такие условия.

СШ В Иркутске я наблюдаю, что когда разрушенные и сгоревшие здания закрывают красивыми баннерами, это вызывает вспышку психологического здоровья. А через год-два, когда ничего не происходит, а баннер так и висит, как будто какое-то психотропное вещество тебя отпускает, и состояние становится еще более

унылым от того, что все те же сгоревшие бревна торчат из-под выцветшего баннера.

ЕГ Баннеры с нарисованными на них фасадами загадочны, не гарантируют не то что качества реставрации, но даже самого процесса.

То, что сейчас стали заниматься городской средой – необходимое лекарство для наших городов. Главным отличием наших городов от городов Европы всегда было не столько состояние самих домов, сколько отношение к земле между домами: благоустройство, озеленение, освещение, качество покрытия. В «Иркутских кварталах» по мере сил начали прибираться – и сразу возникает другое ощущение от пространства. Качественная среда повышает тонус, улучшает настроение, производит положительные эмоции. Метафора о 130-м квартале – не преувеличение, это действительно завод, который не дымит, а производит положительные эмоции и, одновременно, приносит солидный доход в бюджеты разных уровней. Однако и его надо лечить, поддерживать его здоровье. Улучшение среды необходимо, еще и потому что досуга в постиндустриальную эпоху становится все больше, да и гаджетовая революция позволяет нам работать где угодно – на улице, дома, в кафе... Возрастает и ценность общественных пространств. Сергей Юрьевич, расскажите нам, как вы, человек, глубоко погруженный в эту тему, видите идеальную городскую среду в центре Иркутска, в современном городе?

СМ Городская среда и гармония с природой в городе влияют на саму природу. И если мы игнорируем природные механизмы по ее самовосстановлению и самолечению, если мы не замещаем их некими экологическими решениями – тогда и воздух грязный, и дышать нечем, и ходить негде... Сейчас человечество разворачивает логику принятия решений на более длительный срок. Энергично развернулась дискуссия про устойчивое развитие, про поколенческие процессы. Для меня идеальный город – это город, который дает возможность жить многим поколениям вперед, дает место для нового, и для этого расширено пространство. Таким способом и с помощью таких механизмов город будет жизнеспособным. Мы сталкиваемся с большой проблемой: нет заказчика

на здоровый город, на здоровье. Люди пока живут очень короткими циклами принятия решений. Раньше власть жила циклом выборным, и это тоже не решало проблемы. А сейчас динамика смены власти, людей, команд такова, что цикл планирования стал полгода-год. Вопрос: а кто может держать долговременную и глобальную повестку? Ведь вопросы здоровья города решаются масштабными длинными циклами. Я пока не вижу, кто может это сделать. Реально существует разрыв между проектом изменений, которые длятся десятилетиями, и тем, что происходит сегодня. И чаще люди делают второй выбор, а не в пользу поколенческого длинного процесса.

ЕГ Сейчас много говорят о том, как воспитать, как руководить, как находить лидеров в городских сообществах. Надо сначала заразить такими долгосрочными целями городские сообщества, а уже потом, когда они будут носителями этой идеологии, появится шанс ее реализации?

СМ Мне кажется, это не может держаться на одном человеке: должны быть какие-то механизмы, которые выстраиваются над людьми. Когда, в широком смысле, строятся институты, сетевые сообщества, которые держат «длинную» повестку, которые видят, как изменяется загазованность, видят, на что влияет застройка. Сейчас это решается так: застроили, заработали здесь и сейчас – и вышли из процесса; больше ничего не важно. Получается махинация: сделали – продали, неквалифицированный потребитель купил, с проблемами столкнется только по прошествии лет. И все повторяется. В настоящее время таких объектов накапливается все больше, они начинают пустеть, арендаторы теряют к ним интерес. Квалификация потребителей постепенно повышается. Кто ориентируется на длинную перспективу, такие объекты не покупает, а кто на краткосрочную – покупает, потому что ему нужно сейчас; на другое у него денег нет, поэтому он выбирает «короткое» решение. Проблема здоровья городов и здоровья в городах выглядит так же. Люди не выбирают долгосрочные и поколенческие модели поведения, а беспокоятся только о сегодняшних интересах.

АГ Меня не смущает тезис о том, что власть меняется, нестабильна и т. д. Где найти более стабильный институт, чем Палата представителей Конгресса США? И где найти более нестабильный институт, чем та же самая палата, но с точки зрения ее комплектования – выборы каждые два года, не 4–5 лет. Это не является проблемой. Наш мэр почти весь срок отработал. Предыдущий отработал весь срок, предпредыдущий отработал 13 лет. Казалось бы, куда стабильнее. Хотя это не очень сказалось на преемственности, на задачах и т. д. Все-таки причина не в этом. Да, уровень линейный, уровень исполнительский, уровень топ-менеджеров – он у нас крепко менялся последние годы. По большому счету, об этом вообще думать не надо, потому что весомая политическая ответственность в Иркутске есть только у мэра и у Думы. Кого они там нанимают и как часто их меняют – не имеет значения, если они отвечают за результат. Если с них не спрашивают – значит, результат им по должности не предписан. Это к вопросу о том, где общественность, где общество. Пока, на данный момент, у меня нет никаких опасений за судьбу бульвара Гагарина и близлежащих окрестностей. Но поскольку у нас экономическое развитие не только в городе, но и в стране проседает и проседает, то можно представить себе темп, в котором начнут выдвигать рекреационные пространства. Вновь отстроенный «Союз», кроме всего прочего, усугубил транспортную проблему в Академгородке.

СШ Академгородок в ужасе ждет открытия Ледового дворца.

ЕГ Когда вопрос о новом стадионе только поднимался, на областном градсовете иркутские архитекторы настойчиво ставили вопрос о том, чтобы все шло в нормальной очередности: рассматривали комплексно транспортные проблемы, рассматривали интеграцию объекта в систему общественных пространств левобережья и т. д. Исправление градостроительной документации не стали заказывать или сделали это втайне. Конечно, единовременное передвижение на матч и обратно шести тысяч человек приведет к транспортному коллапсу, если ничего не предпринимать.

АГ Мы проезжали вместе с Дм. Бердниковым от Дворца до школы № 19, и он отметил, что здесь хотел поставить школу, которая хотя бы немного решила проблемы и ЖК «Союз», и Академгородка, и Студгородка; ее и без «Союза» не хватало.

Чувства опасности все-таки у меня нет, потому что промышленность в Иркутске скончалась, он стал торговым городом. Детские площадки есть, их стало намного больше: сейчас найти двор без детской площадки почти невозможно – это большой прорыв. Как правило, на территории двора растет что-то зеленое.

СШ Иркутянин привык бороться за чистоту Байкала, а не Иркутска. Он не видит здесь угроз, нет привычки, нет традиции. С Байкалом выстроилась традиция: попробуй только тронь его. А у нас присутствует фактор чистого неба и чистой воды.

АГ Мы и Ангару никогда не спасали, потому что не было прямых угроз.

АЧ Каждый год приходят абитуриенты, и я замечаю, что с каждым годом уровень культуры все ниже. Уже сформирована тестовость мышления, студенты сами не хотят думать. Они живут совершенно другими категориями: на 3-м курсе они организованны и работоспособны, но при этом работают тестово. Задаю им вопрос из краеведения, истории города – вообще ничего не знают. Нас учили думать, а не выбирать из предложенного списка готовые ответы, думать в первую очередь о деле, а не о себе, добиваться интересного результата. Кто подхватит нашу эстафету заботы о здоровье города?

СШ Мне кажется, что современный человек отличается от 40-летнего тем, что для него пространство частной квартиры не является какой-то абсолютной святыней, которой он молится. Помните, как ужасно выглядели подъезды и дворы в те времена, когда люди полжизни ожидали получения жилплощади, а потом проявляли чудеса изобретательности в оформлении частного собственного пространства? Уже лет 15–20 формируется интерес к тому, что в дворе, на улице. Это отвлекает от своей квартиры, это позитивный фактор для городской среды. Современный человек любит фотографировать и фотографироваться. Для 20–30-ти-летних людей обязательное условие существования – пополнять копилку инстаграма свежими фотографиями, и некая бессознательная потребность в красивом городе и интересном пространстве формируется. Эти два фактора присутствуют в динамике современной психологии.

ЕГ Урбанисты учитывают эту страсть к селфи, фону, рамке. На обновленной Иерусалимской лестнице, главном общественном пространстве этой части «Иркутских кварталов», замечено, что люди делают селфи даже в экстремальные морозы.

СШ Человеку очень важно демонстрировать, что жизнь его удалась, и если он 50 лет назад демонстрировал это хорошо обставленной и организованной квартирой,

то теперь – это еще хороший подъезд, двор и километр вокруг того места, где ты живешь. Это то, что подкрепляет нечто общественно ценное.

ЕГ Я не думаю, что живу в каком-то особенном доме, но у нас в подъезде лет 10 назад начали появляться картины. Потом появились цветы; ходят старшие по подъезду и что-то затевают благоустроительное, сфера преобразование уже расширилась до двора. Марина Ткачева делала репортаж из Университетского, где подъезды расписаны вручную.

АГ Это создает товарную ценность: неважно, что там в квартире, а вот если подъезд обшарпан, это уже не то.

СШ Любой может купить квартиру, а вот порядок во дворе – это эксклюзив.

ЕГ Недавно мы возили по Иркутску московского блогера, который увлечен советской архитектурой, в том числе архитектурой Павлова. Естественно, возили на дом-корабль. И, конечно, поинтересовались, заработали ли должным образом две внутренних улицы в структуре дома. Ответ отрицательный. В 90-е, когда к нам обращались с вопросом, что делать с этими галереями (там чуть ли не бомжи обосновались), мы ответили – поставьте контроль на вход. Но парадоксально, что и сейчас, когда люди уже ощущают подъезды как личное пространство, эти роскошные светлые галереи так не воспринимаются. После опроса жильцов дома-корабля (об этом писал ПБ 59), которые высказались о сложности навигации в самом доме, возникла идея спроектировать навигацию на современном хорошем уровне, а потом устроить выставку объектов Павлова – начать формировать сообщество изнутри.

АГ Действительно, в этом доме картинка с цветочками будут неорганично смотреться на фоне данного брутализма, а вот фотоколлажи с павловскими домами – это могло бы сработать.

ЕГ Александр Владимирович, мы помним, что вы когда-то сказали, что мы, архитекторы, даже еще не донесли до сообщества ценность павловского периода, и пытаемся действовать по мере сил.

АЧ Если делать там постоянно действующую галерею, то это будет музей, экскурсионная площадка.

АГ Шикарное пространство для выставочной улицы иркутских архитекторов!

ЕГ Есть идея рассказать и о том, как В. Бух с В. Воронешским замысливали микрорайон Солнечный с двумя пешеходными бульварами, перпендикулярными проспекту, и том, что реализация может и должна максимально продвинуться к первоначальному проекту.

КЛ Меня недавно втянули в местные разборки по поводу одного из зданий в Софии. Здесь нет такого развитого законодательства по охране памятников, как в России, зато общественность активнее. Это славный особнячок, на месте которого собственник хочет построить стандартное жилое здание – довольно обычная история. Поднялась местная архитектурная общественность, действуя очень решительно: ставят кордоны, перегораживают улицы, останавливают бульдозеры. Беда в том, что активисты никак не могут объяснить, в чем ценность здания, которое находится в очень ветхом, упадочном состоянии. Множество людей не понимают, зачем его нужно охранять. Это тесно связано с сегодняшней темой, потому что талантливые произведения – живые по ощущениям, от них исходит ощущение жизни. Городская среда, в которой мы находимся – очень искусственная, сколько бы мы парков ни затевали. Баланс количества живых

и мертвых объектов – это и есть основа отличия здоровой среды от нездоровой. Даже если объект красивый (мертвый объект тоже может быть красивым), но недостаточно живой, чтобы поддерживать жизнь, он в результате вызывает депрессию. Точечными инцидентами сложно это делать; надо людям объяснять: если они живут среди трупов, то здоровья никакого никогда не будет. Вот зачем нужны талантливые архитектурные произведения в городской среде и какое отношение они имеют к здоровью жителей. Если среда насыщена живыми объектами, то она помогает здоровью, она и есть здоровье. Мне недавно попала на глаза запись обсуждения к 7-летию 130-го квартала на площадке «Точка кипения» с В. Демчиковым в роли обвинителя. Его точка зрения довольна распространенная: дескать, гнилые бревна – это красиво. Надо консервировать и сохранять старые здания в материале. Но они же мертвы, и жить рядом с таким разлагающимся «трупом» опасно. Еще пример – брутализм Павлова. Его здания тяжеловесные, но при этом они все очень живые, с характером. Они сопротивляются давлению на них, они упрямые и живучие. Вот это присутствующее поле жизни необходимо. Я ощущаю сейчас общее настроение, что воля к жизни у людей сильно ослабла. В Европе это заметнее. Люди как бы говорят: если есть возможность хорошо жить – буду жить, а если нету – я лучше помру.

ЕГ Занимаю Вашу позицию, основанную на точности определений, и спрашиваю: а что значит – хорошо жить?

КЛ Много денег, большая квартира, много одежды.

СМ Тогда нужно рассматривать влияние экономики на здоровье и здоровья на экономику.

КЛ По крайней мере, молодежь разбегается отсюда – это очень болезненное явление во всей Восточной Европе. Молодежь не хочет жить на родине и вообще жить не хочет. Необязательно для этого умирать телесно. Огромное количество молодых людей умирает психологически, они превращаются в такие приделки к компьютерам. Особенно в крупных международных IT-компаниях. Казалось бы, отчего не работать в компании 14 часов в день, когда предоставляется квартира, машина, медицинское страхование? Даже зубы бесплатно лечат. Но это не жизнь – это смерть. И такой образ существования многих привлекает. В Россию эта тенденция тоже дойдет. АМ В каком виде площадь Сперанского вам больше нравилась – с домом Павлова или без?

КЛ Именно этот дом Павлова мне страшно не нравился – он меня раздражал, пока стоял на этом месте. И не меня одного. Может быть, он для того такой и был, чтобы дразнить и бередить умы. Без него площадь менее живая, чем была с ним. И сейчас на этом месте образовалась дыра. Без него хуже, чем с ним.

АМ Дыра, по-моему, страшнее, чем руины. Второй вопрос: а что делать с Римом? Он весь в развалинах: Колизей, центр. Но на меня он совершенно не производит депрессивного впечатления.

КЛ Только что знакомые вернулись из Рима и страшно разочарованы. Весь город пропах мочой, настоящий сортир. Развалины производят ужасное впечатление.

ЕГ В вашем монологе, Константин Львович, был эпизод, на который нельзя не отреагировать – об особняке. В последней «Агоре» ведущий Михаил Швидкой вел разговор с архитектурной и околоархитектурной публикой. Участвовал Михаил Хазанов. Он повторил, что все любят антикварную дверную ручку, старинную картину, старинную мебель, а ценность всего этого вместе в виде старинного дома приходится доказывать. Почему возникает такой парадокс, ведь действительно, никакой логики в этом нет?

КЛ Не всякая старинная вещь заслуживает почтительного отношения.

АГ А как это определять, что заслуживает, а что нет? Это очень субъективно!

ЕГ Дилетанты выбрасывают старинные комоды, а гурманы их подбирают и реставрируют.

АГ Например, иркутский коллекционер и мастер Аркадий Давыдов берет почти погибший антикварный комод, своими руками его восстанавливает и вновь превращает в произведение искусства.

КЛ Именно талантливо сделанная вещь является живой, неважно – современная или старинная.

АЧ По поводу дома Павлова. Ведь Павлов сам был очень напористый, брутальный.

ЕГ Более того, Павлов и сам говорил, что архитектура вовсе не обязана веселить, она должна рождать отношение к ней, пусть даже иногда мрачное.

АЧ Талантливый человек в свои произведения вкладывает свою энергию и себя, поэтому они живые. Ведь Павлов не всеми был любим в свое время: его кто-то боготворил, кто-то ненавидел – за это он и пострадал, поэтому его и выжили из Иркутска. И архитектура у него такая же противоречивая: ее кто-то принимает и понимает, а кто-то ненавидит. К нему нетерпимо относились многие интеллектуалы, в первую очередь – из писательских кругов.

ЕГ При этом в своем иркутском периоде он был тонким дипломатом в отношениях с властью, что позволяло ему проводить в жизнь нестандартные решения.

СШ А было ощущение, что Иркутск не готов к Павлову?

ЕГ Конечно. Безусловно, он опередил свое время. Но в другом месте он мог бы вообще не состояться – это еще хуже. Вот Константин Львович говорит, что его раздражал Дом на ногах. Можно провести аналогию: Константин Львович Лидин меня раздражает безумно, но я без этого уже просто жить не могу. Сначала, когда он появился в этом доме, нас просто бесило то, что он задавал такие вопросы, ответы на которые казались аксиомами. На самом деле он будоражит коренное, то, с чего надо начинать, когда идет диалог. Здания Павлова, особенно административное здание горкома и горисполкома, не пафосное и симметричное, как в других городах, а совершенно иное: повторяющее изгиб площади, стоящее на ногах, которые являются пропилями для связи с Ангарой. Общественное пространство заводится под здание. Это необычное, совершенно не свойственное для главных площадей советских городов архитектурное решение, тем более для зданий властных структур. Оно непонятное, оно раздражающее – вызов канонам диктатуры и некое воплощение демократии.

АЧ Любое музыкальное произведение заряжено творцом; если этого не происходит, оно становится холодным. Ту энергию, которую отдает творец произведению, любое произведение потом передает зрителю. Сегодня возле Иерусалимской лестницы так же тепло.

Виталий Барышников Заслуги власти не усматриваем.

СШ По-моему, давно понятно, что если из Иркутска выселить всех иркутян – цены бы ему не было!

АГ Меня угнетает, что новое строительство в своей массе мне не нравится (я не касаюсь технологий и трендовости), но даже и оно мне нравилось бы больше, если бы цвета были поярче. Новосибирск достаточно убогий в архитектурном смысле, но там хотя бы присутствуют какие-то яркие цвета, и в городе хоть что-то по-другому.

ЕГ В Университетском микрорайоне появились яркие здания спорткомплекса и торгового центра, они добавили живости. Но в историческом центре деревянные дома так раскрашивать неуместно. Иногда стремление к цвету приводит к неуместным решениям.

АГ Я никогда не понимал, как могут нравиться некоторые цвета, например розовый замок в Листьянке.

ЕГ Цвет – это отдельная история.

АЧ Я могу дополнить эту историю. Нашлись исторические данные по двум цветам стиля барокко (бордо – темно-малиновый) и классицизма (голубой). Когда представили проект церкви в бордовом цвете, священник этой церкви сказал – нет, давайте приучать людей постепенно. И цвет разбавили. И когда все этот ужас увидели, то возмутились и переокрасили не в голубую классику, а в желтый.

ЕГ Желтый все-таки имеет отношение к классицизму. В центре Иркутска много зданий, которые построены на контрасте фонового цвета и белых деталей (пилястры, карнизы...). Если взять и одновременно группу таких зданий покрасить не в разные цвета, а в желто-белом классическом сочетании России? Некоторые места в городе были бы гораздо гармоничней.

СШ Интересно спросить у людей с цветоведческими вкусами: Иркутск как город для какого времени года больше подходит?

Марина Ткачева Для осени.

АЧ Как минимум полгода – белый. Если взять историческую гамму, город точно будет интересен. А потом включить новаторство – сегодня нужно вносить что-то новое в новом цвете. И тогда будет гармония сознательная и бессознательная. Моя любимая «Традиция», которая красит фасады, использует собственные

представления о цвете, не принимая во внимание исторические гаммы. Например, больше 3 цветов на фасаде – это безвкусица. Сейчас же на фасадах можно увидеть 5–7 цветов.

МТ Хочу продолжить ремарку Сергея Федоровича относительно памятника десантникам и других скульптурных меморий. Я много раз писала о жизни скульптуры в городе. И тема эта продолжается в нашем разговоре. Напыщенный монументализм большинства иркутских памятников лишает горожан возможности взаимодействовать с ними (а не только фотографироваться), лишает жизни. А пассивность – это и есть отсутствие здоровья. Можно вспомнить историю неустановки намдаковского «Бабра»: одним из аргументов против как раз и было то, что его можно будет поворачивать в любую сторону, играть. Не хочется поминать власти всуе, но мне кажется, что с их точки зрения слишком здоровые горожане городу не нужны: уж слишком они активны.

Вот еще пример, который шокировал меня в сентябре прошлого года. Ректор тогдашнего БГУЭП (ныне БГУ, а в просторечии – нархоз) М. Винокуров заботился о том, чтобы пространство университета, коридоры, залы были насыщены оригинальными произведениями искусства. И вдруг я прихожу – и вместо больших картин Шелтунова (яркие и любопытные полотна) висят постеры шедевров мировой живописи из Эрмитажа. Они все одинакового размера, в одинаковых рамках – от Леонардо да Винчи до Ренуара. И уже сейчас начинают выцветать. По коридору невозможно стало ходить, в них стало тягостно. Если говорить о психологическом здоровье, то общение с оригинальными художественными работами является ресурсом для того, чтобы оживить атмосферу в городе. Но город не очень расположен ценить то, чем обладает. Когда возили выставку Иркутского художественного музея в Москву, москвичи задыхались от радости: какой прекрасный музей, какая коллекция! Сибирская Третьяковка! А в Иркутске в музейных залах почти пусто, кроме последней, бесплатной среды месяца.

ВБ Я понимаю, что мне очень нравится Иркутск из-за солнца; я терпеть не могу Москву и Санкт-Петербург – мне они всегда казались совершенно не солнечными, хотя, конечно, все города разные. Но в Иркутске мне не хватает зелени в некоторых районах. К примеру, ЖК «Эволюция» в Ново-Ленино: там есть садик, есть школа, а зелени нет. Меня это напрягает. Я помню старую часть Ново-Ленино: она всегда была в зелени. Новые комплексы коробят не столько из-за цвета, сколько из-за плотности и этажности; они спланированы, как каменные джунгли. Недавно посмотрел фотографию 60-х годов во время первомайской демонстрации. На центральных улицах из-за зелени не видно фасадов. Потрясающее зрелище!

ЕГ Есть простое лекарство – застройщиков нужно обязывать сажать крупномеры, взрослые деревья, следить, чтобы они укоренились. В Москве в историческом центре на стройках пишут: «снесено 5 деревьев, будет посажено 6 крупномерных деревьев». Надо создать правила и мониторить их исполнение.

АЧ Почему так происходило, я немного знаю. В 50-е годы, когда хрущевские дома строили, стартовала всеобщая муниципальная программа озеленения. В Иркутске, как и в других городах, появились Горзеленхоз, питомники и др., которые отвечали за эту программу. Грамотно относились к проблемам города, высаживая тополя, которые очищали воздух и пыль собирали. Что произошло? Специалисты Горзеленхоза высадили тополя вдоль многих улиц, не подумав, как они вырастут и что будет. Утвердив только процент озеленения, мы

ничего не добьемся. Нужна государственная программа, иначе ничего не появится. Что касается саморосов – есть пространство, где они легко приживаются. Сегодня все новостройки затемняют пространство, деревья невозможно вырастить, а ведь еще нужны и стоянки для машин, и места для пешеходов. В мэры должен прийти ботаник-дендролог.

ВБ Такая работа начата в рамках программы по созданию комфортной городской среды. Понятно, что это наблюдение касается не столько центра, где сейчас массово идет замена насаждений, сколько новых районов. Там она, наверное, даже не воспринимается как потребность. В новых районах отсутствуют водоемы, так как город удаляется от реки. В этом году стартует программа по благоустройству первого участка реки Ушаковки, это важный политический сигнал. Там тоже появляются новые комплексы и районы, а реку видно практически отовсюду. Но есть районы, где нет реки и зелени и при этом очень комфортное современное жилье: на Синюшиной горе – 600 квартир и ни одного дерева, в Юбилейном, Радужном дефицит зелени. Озеленение этих районов – посильная задача.

Есть еще и проблема самосознания горожан: характеристики «сибирский Париж» и «сибирская Третьяковка» используются как похвала городу. А ведь это подражательные характеристики. Хотелось бы других сюжетов – про самодостаточность иркутян. Маленькие города не пытаются себя с кем-то сравнивать. А в Иркутске, казалось бы, городе более крупном, с претензией на столичность, в самосознании горожан преобладает идея вторичности.

АЧ Озеленение пройдет только как формальное решение. До нас не докатится понимание, как в Европе, что на благоустройство должно тратиться денег столько же, сколько и на дом. А вот если нужно заключить договор и потратить 50 тыс. рублей на дерево, то лучше поедут и выкопают в тайге.

ВБ А вот это проблема сибирская и даже всероссийская. Потому что у нас море просторов: как говорится, тайга за воротами. Есть интересная идея у нашего фотографа А. Князева: с В. Кузевановым они делают художественный альбом о садах Иркутска. Он вспоминает Юрия Ножикова, который рассаживал елки. Мы можем сейчас назвать по именам тех людей, которые, вопреки традиции, занимались культивированием зелени в городе.

АЧ Меценаты сажали деревья у себя в усадьбах, переносили эту традицию в Александровский сад. Это другая культура.

ЕГ Интересная история с дендрологией в Академгородке, беспрецедентная для Иркутска.

АЧ Там интеллигенция, которая появилась вместе с академическим образованием. Часто езжу мимо, вижу, что там происходит, точнее – не происходит. Думаю, сейчас жители Академгородка уже не в состоянии превратить свою территорию в сад, продолжить традицию своих старших коллег.

ВБ Оригинальность восточной части России – во всех отношениях большая мировоззренческая проблема. Это штрих русской цивилизации, которая, после многочисленных «выламываний» дверей в Европу решила, что мы именно на Востоке создаем нечто свое.

ЕГ Что касается нашего родного города, то можно резюмировать вполне оптимистично: солнца в Иркутске много (как в Сочи), воздух чистый (промышленность – не наш конек), вода чистойшая (прямо из Байкала). Все предпосылки для самого здорового города налицо.

Статья посвящена историческому влиянию опыта чумных эпидемий на судьбу города как типа поселения. Чума рассматривается не столько в качестве медицинской и санитарно-технической проблемы, сколько в качестве трансвременного культурного текста, связанного с явлениями социальной деструкции города, в том числе и в наши дни. Особо выделен феномен сегодняшней «информационной чумы», благодаря мобильным средствам коммуникации и интернету распространяющейся среди населения современных городов со скоростью чумных блох средневековья.

Ключевые слова: город; чума; кризис урбанизации; карантин; гетто, социальная деструкция; театрализация; танец; карнавал; социальная чума; информационные манипуляции. /

The article is devoted to the historical impact of plague epidemics on the life of such type of settlements as the city. The plague is considered not so much as a medical and sanitary-technical problem as a transtemporal cultural text related to the phenomena of the city's social destruction, including nowadays. The article features the phenomenon of today's "information plague", which is spreading among present-day citizens at a speed of medieval plague fleas due to mobile means of communication and the Internet.

Keywords: city; plague; crisis of urbanization; quarantine; ghetto; social destruction; theatricalization; dance; carnival; social plague; information manipulations.

Город и чума / The City and The Plague

текст
Леонид Салмин /
text
Leonid Salmin

Ничто так не театрализует город, ничто так не превращает его в охваченную огнем зрительской вовлеченности сцену и не проявляет в нем концентрированную драму человеческого общежития, как внезапные и неотвратимые массовые бедствия. В особенности такие коварные, противостоят которым не в силах ни мощь научно-технических достижений цивилизации, ни культура социального взаимодействия и управления, ни даже общественная мораль или религиозное чувство. Речь о напастях такого рода, которые, в отличие от зримого ужаса пожара или бомбардировки, не уничтожают архитектурное тело города, но, напротив, оставляют нетронутыми городские ландшафты и при этом непостижимым образом превращают в ад саму человеческую жизнь, в этих ландшафтах существующую.

Речь пойдет о Чуме – о страшной болезни, относящейся к группе так называемых карантинных инфекций и успевшей за многие столетия мировой истории собрать по городам планеты многомиллионную жатву человеческих смертей. В контексте истории развития городской цивилизации чума – не просто заразное заболевание, безжалостно сокращавшее демографию самых разных ареалов человечества, не просто медицинский фактор, повлиявший на формирование санитарно-гигиенических стандартов и норм эпидемиологической безопасности. Чума – колоссальной силы культурный образ. Чума – символ, миф, текст. Именно в таком культурологическом и семиологическом ракурсе становится видно, насколько Чума и Город связаны между собой, в какой степени пространства города пронизаны силовыми линиями чумной истории.

Человек XXI века, с одной стороны, натренированный опытом века предшествующего (с его разрушительными войнами, эпидемиями, техногенными катастрофами, террористическими угрозами и прочими напастями), а с другой стороны, психологически дистанцированный от осязаемой реальности бедствий толщей медийных «подушек безопасности», кажется, уже потерял чувствительность к урбанистическим трагедиям любого масштаба и не способен испытывать такие эмоциональные потрясения, какие испытывал горожанин XVI или XVII века. Между тем, опыт чумы – слишком, казалось бы, далекий

и густо обросший патиной мифопоэтического переосознания – при взгляде из дня сегодняшнего представляет исключительный интерес. Чума – чрезвычайно мрачная эсхатологическая призма, но то преломление образа города, которое она задает, обретает неожиданную актуальность в контексте размышлений о современном кризисе урбанизации.

Урбанистическое развитие всегда сталкивалось с проблемами, ставившими под сомнение саму идею города как наиболее прогрессивного типа поселения. Но, пожалуй, лишь в XIV веке, когда Европа оказалась охвачена пандемией чумы, а города стали для сотен тысяч их жителей порталами в мир иной, впервые возникли предпосылки для стратегической рефлексии самих целей и смыслов городского развития. Чума высветила город как гигантское архитектурно-ландшафтное блюдо, на котором человеческая цивилизация преподносила свое коллективное тело как некое соборное жертвоприношение. Город, уже давно успевший достичь высокой плотности населения, предстал концентратом человеческой биомассы, подготовленной к пожиранию безжалостным чудовищем Чумы. Исторически Город и Чума словно бы специально двигались навстречу друг другу, чтобы кульминацией этого сближения стало жуткое в своем всепоглощающем, трансконтинентальном масштабе пиршество смерти. Если сегодня, в контексте современного научного знания, распространение чумы по городам Европы в XIV–XVIII веках рассматривается как чисто эпидемическая история, пусть и полная трагизма человеческих потерь, то в контексте религиозной ментальности городского населения того времени чумная напасть понималась, прежде всего, эсхатологически – как высший промысел, как наказание и знак всеобщего конца. В глазах жителей Марселя или Авиньона, Генуи или Барселоны чума, выкашивавшая население этих городов в середине XIV века, представляла проявлением Небесного гнева, обрушившегося на христиан за грехи их. Этот, по определению папы Климента VI, «тайный суд Божий» не отличался ни малейшей избирательностью. Чума убивала всех, не разбирая ни пола, ни возраста, ни положения, ни богатства. Эта ее индифферентность к каким бы то ни было различиям между людьми – один из самых важных факторов чумной истории.

^ Пляска Смерти. Гравюра Михаэля Вольгемута, 1493

< Гравюра, изображающая чумного доктора в специальном костюме. XVII в.

Религиозное население средневековой Европы, за тысячелетие христианства уже успевшее накопить опыт единства в духе, столкнулось с особым, предельно драматичным опытом единства в теле. С одной стороны, чумная напасть проявила всеобщность бессилия всякой человеческой плоти перед лицом Черной смерти (как назвали болезнь в то время). Непонимание причин и механизмов распространения, невидимость путей проникновения рождали ощущение массового характера «Божьего наказания», его тотальной неотвратимости. Чума писала чудовищную картину телесного равенства перед лицом смерти королей и нищих, солдат и гражданских, женщин и мужчин, праведников и грешников. Она упразднила все сформированные обществом социальные иерархии, обесмысливала привилегии и лишала население каких бы то ни было субординационных ориентиров. Город был гигантским горизонтальным жертвенником, где множество телесных индивидуальностей превращались в частицы единого страдающего тела. С другой стороны, чума привела к беспрецедентному разобщению между людьми. Чума как бы инвертировала опыт повседневной телесной общности, превратив любые ситуации телесной близости и единства (как, например, семейное застолье или супружеское ложе) в потенциально опасные и избегаемые. Все человеческое, что определяло влечение и интерес людей друг к другу, все ценности соорганизации, сближения, преодоления одиночества, все искомое тепло семейного и городского социума дискредитировались невыносимо жутким, инверсным зрелищем телесной общности – плотной горой чернеющих трупов.

Дошедшие до нас литературные свидетельства и образцы изобразительных повествований говорят о том, что чума лишала горожанина, прежде всего, психологической и моральной ориентации. Мгновенное крушение привычной картины мира сподвигало городского жителя к социально аномальным, «сумасшедшим» сценариям поведения. И у пережившего флорентийскую чуму Джованни Бокаччо в его «Декамероне», и в описывающем великую чумную эпидемию 1665 года в Лондоне романе Даниэля Дефо «Дневник чумного города» есть указания на то, как, оказавшись на краю жизни, люди пускаются во все тяжкие – впадают в пьянство и дебоширят, пре-

даются вызывающим развлечениям и удовлетворению подавленных дотоле страстей. Взрывы распущенности и растления, презрение морали и правил поведения – типичные симптомы того массового нервного срыва, который провоцирует неостановимое шествие чумы. Однако же главное при этом – не столько крушение нравственных установлений, не столько выход наружу темных сторон человеческого существа, сколько всепоглощающий страх, сознание фатальной невозможности противостоять надвигающейся смерти.

Время охваченного чумой города словно бы теряет привычную перспективу. Каждая минута – последняя. И потому пространство города, в благополучные, безопасные времена аккуратно обеспечивающее и разделяющее различные формы городской жизни, как бы «схлопывается». Трагедия конца происходит одновременно повсюду. Стены и архитектура города словно пропитываются единым апокалиптическим духом, и город ввергается в эмоциональный и смысловой коллапс, превращаясь для его обитателей в «черную дыру». Сознание горожанина, будучи не в силах справиться с неотвратимостью всеобщей гибели, сопротивляется, вытесняя страшную реальность, замещая ее сиюминутными фантомами жизни, некими карнавальными призраками, как бы аккумулирующими в ситуации отсутствия времени, за мгновение до смерти, все недожитое, недобранное, недовкушенное. Как тут не вспомнить пушкинский «Пир во время чумы»:

*Зажжем огни, нальем бокалы,
Утопим весело умы
И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие Чумы.*

Образ охваченного чумой города с гениальным лаконизмом нарисован у Пушкина в первой же авторской ремарке, предваряющей текст: «Улица. Накрытый стол. Несколько пирующих мужчин и женщин». Жутковатая карнавальная инверсия – город вывернут наизнанку. Люди с отчаянным вызовом пируют посреди улицы. Не плачут в доме, не молятся в храме, но пируют на улице. Пушкинский чумной город – театральная декорация для разворачивающейся драмы людского умопомраче-

ния. В целом ряде живописных и гравюрных изображений XVI–XVII веков, посвященных чумным эпидемиям, город представлен именно так – подчеркнуто сценографически. Отчасти это связано с общей театрализацией языка архитектуры этого времени (особенно в барокко), отчасти – с установившейся в изобразительном искусстве «мизансценичностью» иконографии, а отчасти – с парадоксальной, концентрированной «зрелищностью» сцен непридуманной человеческой трагедии, разворачивающейся повсюду в городе.

«Утопление умов», экзальтированное погружение в «пиры да балы» и восславление триумфа чумы – картина, конечно же, чрезвычайно странная, не объяснимая в разумной системе эмоциональных и моральных координат. Но зато обретающая острый экзистенциальный смысл в контексте карнавального переозначения всего происходящего. Карнавалы соединяет Город и Смерть в образах маскарадных превращений, он принимает Пир и Чуму в общем пространстве «жизни на краю». Пушкинский персонаж, один из героев чумного *scazzu show*, указывая на это взаимоисключающее и одновременно взаимосвязанное соседство, замечает:

*Развеселись – хоть улица вся наша
Безмольное убежище от смерти,
Приют пиров, ничем невозмутимых,
Но знаешь, эта черная телега
Имеет право всюду разъезжать.*

Он имеет в виду чумную телегу, не встречающую преград на своем пути – символ всепроникающей, никого не щадящей смерти. Этот пушкинский образ в чем-то вторит образу, который мы находим в созданных на сорок лет ранее венецианских эпиграммах Гете:

*Эту гондолу сравню с колыбелью, качаемой мерно,
Делает низкий навес лодку похожей на гроб.
Истинно так! По Большому каналу от люльки до гроба
Мы без забот через жизнь, мерно качаясь, скользим.*

Эти строки не обращаются непосредственно к чумной истории Венеции, но тень этой истории ощутимо ложится на них в виде мотива смерти, движущейся в пространстве города. Здесь, как и после у Пушкина, обнаруживается символическое схлопывание времени – когда между колыбелью и гробом почти неуловим просвет, именуемый человеческой жизнью. Венеция, как никакой другой город, аккумулировала в себе память чумной трагедии. Она хранит пережитое в самой своей культурной плоти. Причем хранит не только опыт страдания и гибели, но и опыт сопротивления, опыт противостояния всецелой болезни. Именно в Венеции в XIV веке, в период эпидемии впервые изобретен чумной карантин, в задачу которого входило не допустить проникновение болезни в город. Первоначально был установлен период в сорок дней и ночей (*quarantena*) для иностранных кораблей, прибывавших в Венецию с торговыми грузами и людьми. Вслед за Венецией технология изоляции потенциальных источников чумной опасности и выдерживания карантинного срока получила распространение во многих европейских (прежде всего приморских) городах. Первым венецианским чумным изолятором стала специальная больница на острове Лазаретто (изначально название связано с деятельностью рыцарей ордена Святого Лазаря, опекавших лепрозории и содержавших там больных, страдающих болезнью Святого Лазаря – проказой). Отсюда пошли и сам термин «изолятор» (от итальянского «*isola*» – остров), и наименование «лазарет», позже прижившееся преимущественно в качестве названия военно-медицинских учреждений.

Был в Венеции и другой образец территориальной изоляции, не связанный напрямую с противочумными мерами, но неожиданно проявившийся в условиях чумных эпидемий XVI–XVII веков. Речь о венецианском Гетто – изолированном каналами участке района Каннареджо. Здесь, в изоляции от остального города, с 1516 года проживали венецианские евреи. В условиях чумной эпидемии изолированность Гетто оказалась парадоксальным преимуществом для его жителей. Евреи перенесли чуму с меньшими потерями, чем остальной город. Свою роль в этом сыграли и принятые в Гетто весьма продвинутые для того времени санитарно-гигиенические нормы, и отсутствие для евреев запрета на занятия медициной. Правда, оборотной стороной этого, как и во многих других европейских городах, незамедлительно стало преследование и уничтожение евреев на основании подозрений в злонамеренном распространении чумной заразы.

Дошедший до наших дней образец затаянного городского праздника, известный всем Венецианский карнавал – во многом дитя драматического союза Города и Чумы. Именно перед лицом всеобщей гибели, на краю смертельной пропасти город способен превратиться в такую вовлекающую всех жителей игру, когда женщина и мужчина, старик и дитя, господин и слуга, богач и нищий могут посмотреть друг другу в глаза, ловя во встречном взгляде не тень сословных, возрастных или общественно-иерархических различий, а рафинированный, очищенный от всего суетного и переходящего момент истины. С этим высвобождением истины через экзистенциальное обезличивание межчеловеческой коммуникации на фоне гибнущего города связан и венецианский культ маски. Чума рождает городской театр переодетых и перелицовываний. Маска концептуализирует отношения Чумы и Города в сознании и переживании горожанина, оказавшегося перед лицом смерти, но не готового смотреть в это лицо прямо. В этом смысле маска – спасительная обманка, за которую хватается мечущееся воображение горожанина, и она же – последнее, что скрывает от него подлинный лик смерти.

Совершенно не случайно облик «Чумного доктора» (врача, занятого лечением больных чумой и облаченного в специальный защитный костюм, включающий особую клювообразную маску) вошел в маскарадный пантеон итальянской «Комедии дель арте». Длинный нос маски Чумного доктора – выразительный символ дистанции, разобщения, межличностного «карантина» и в то же время знак связи, коммуникации, врачебного любопытства, свидетельство сопротивления разгулу Черной смерти. Образ Чумного доктора интригует необычностью своего рисунка и пластики. Из человека он превращается в некое птицеподобное существо.

В том безумном театре масок, который разворачивается в охваченном чумой городе, вообще принципиально изменяется весь пластический рисунок человеческого облика и поведения. Предсмертная экзальтация находит вдруг неожиданно хореографические формы выражения. По многим иконографическим источникам мы видим, что запечатленные сцены чумного безумия полны какой-то странной танцевальной пластики, зачастую они прорисованы так, как будто люди не умирают, а танцуют, будто их страдание преобразовано в буйную, экспрессивную пляску. С этой интуицией танцевальной агонии связано появление в искусстве жанра, получившего название «Danse macabre» (Пляска смерти) и породившего богатую иконографию брэнности человеческого бытия. Танец – даже такой странный, нервный, нелепый, сумасшедший – все же последнее прибежище и прощальное наслаждение человеческого тела. Человек танцует вместе со смертью, продвигаясь к могиле. Глядя сквозь этот сюжет на город как место человеческого общежи-

тия, невозможно не ощутить глубинный трагизм всякого городского пространства.

На большом временном расстоянии мы уже порой не в состоянии отделить события чумной истории от событий, вызванных другими причинами, но вошедшими в хроники также под клеймом чумы. Так, в 1518 году в Страсбурге имело место загадочное явление, получившее впоследствии название «Танцевальная чума». В течение нескольких дней около четырехсот человек непрерывно танцевали на улицах города. Не в силах прекратить танец, многие из них скончались от физического изнеможения, инфарктов, инсультов и прочего. Вспышки «Танцевальной чумы» наблюдались и в других городах. Современные научные теории объясняют эти события пищевым отравлением психоактивными продуктами спорыньи, поражающей некоторые злаковые культуры. Однако же в контексте не научно-медицинского, а культурологического размышления о подобных эксцессах городской истории важнее тот мета-символизм

Чумы, который связан не с конкретными клиническими обстоятельствами в конкретном месте, а с единым, наблюдающимся в разных городах апокалипсическим переживанием преддверия всеобщего конца. И конечно, любопытно и показательно, что танец интуитивно интегрирован в картину триумфа Смерти.

При всей неисчислимости понесенных человеческих потерь города Европы, пережившие чумную напасть не могли все же не зафиксировать в своих пространствах, в своей архитектуре и в своей культурной среде в целом тему исторической победы над Чумой. На площадях многих городов, одолевших чуму, нашел место новый вид монумента – так называемый «Чумной столб» (как правило, сложно декорированная колонна со скульптурным изображением Девы Марии наверху). Сохранившиеся до нашего времени, созданные преимущественно в эпоху барокко чумные столбы можно увидеть в Вене и Вроцлаве, в Праге и Будапеште, в Мюнхене и Оломоуце. Некоторые городские пространства обрели качество

v Триумф Смерти. Питер Брейгель

^ Фреска «Триумф Чумы». Палаццо Абателлис, Палермо

мемориалов. Наиболее драматичными формами мемориалов стали погосты с тысячами чумных захоронений (как, например, венецианский остров-кладбище Сан-Микеле). Кое-где появился такой диковинный, шокирующий наших современников тип мемориального сооружения, как «Костница» – хранилище костных останков жертв чумных эпидемий (например, знаменитая Костница в чешском городе Кутна Гора, в которой все детали интерьера выполнены из скелетных фрагментов – черепов и костей). Костница – особенный символ города и, вероятно, самая безжалостная форма памяти о чумной истории. Костница прямым и жутковатым текстом говорит нам о том, что город в буквальном смысле стоит на костях предшествующих поколений горожан – людей, переживших такие ужасы, которые нам, ныне живущим, известны лишь в качестве страшных преданий и легенд.

Огромное архитектурное наследие европейских городов связано с увековечиванием их памяти о пережитом и с восславлением их небесных защитников и покровителей. Храмы, посвященные различным святым, способствовавшим избавлению от чумы, представляют собой целый большой слой культурной архитектуры. Достаточно вспомнить такие архитектурные памятники, как венецианская церковь Санта-Мария делла Салюте в районе Дорсодуро или венская Карлскирхе. В венецианском сестьере Сан-Поло расположена церковь Сан-Рокко, посвященная одному из покровителей города – святому Рокко (Роху), исцелителю от чумы (в церкви хранятся его мощи, выкраденные в свое время венецианцами так же, как и мощи Святого Марка). Рядом с церковью находится Скуола гранде ди Сан-Рокко, одна из шести подобных венецианских скуол. Ее интерьеры наполнены огромными живописными полотнами работы Якопо Тинторетто, посвященными о житии святого Рокко. Глядя на экспрессивный размах живописи Тинторетто, на пластический разгул его образов и композиций, невозможно не задуматься о том, как опыт проживания грандиозного масштаба чумных бедствий повлиял на масштаб пространственных амбиций изобразительного искусства. Опыт трагической театрализации города во дни страшного зрелища чумной эпидемии не мог не повлиять на творчество Тинторетто, как, впрочем, и многих других представителей венецианской школы.

^ Гравюра Гендрика Гондиуса, изображающая женщин, пораженных танцевальной чумой (по живописному оригиналу Питера Брейгеля)

Для сознания сегодняшнего жителя города чума – в большей степени жуткая историческая легенда, нежели актуальный образ. Научные, медицинские, социальные достижения развития городской культуры и жизни позволили достичь такого уровня санитарно-эпидемиологической безопасности, что чума уже давно не воспринимается как реальная угроза. Противочумные меры давно стали санитарно-технической рутинной. И все же чума как трансцендентально-символический опыт и как социально-психологический урок сохраняет свое значение поныне. Главное, что единодушно отмечали все исторические свидетельства далеких чумных событий – это существование как бы двух ипостасей чумы – клинической и социальной. При этом свидетели и хронисты событий обращали внимание на то, что «социальная чума» представляла более страшной и разрушительной силой, чем собственно чумная зараза. «Социальная чума» – это катастрофическое разрушение всех базовых связей городского сообщества, это деструкция и рассыпание всех привычных иерархических конструкций, утрата форм и смыслов социальной организации. Не случайно в XX веке слово «чума» трансформировалось в актуальный эмоциональный код, в политическую метафору и стало связываться в большей мере с явлениями не столько физического, сколько ментального порядка (достаточно вспомнить, скажем, выражение «коричневая чума» в контексте антифашистского дискурса и «красная чума» в контексте антибольшевистского дискурса).

Опыт чумы показал, как легко и быстро могут быть разрушены все те связи, все те коммуникационные механизмы, которые делают город целостным организмом, своего рода единой самоуправляемой «нейросетью». В наши дни клинические угрозы городу достаточно успешно блокируются. Вся мощь научных и технологических ресурсов, все возможности городской логистики и управления работают на благополучие населения и санитарную безопасность обитаемого пространства. Однако знакомые по опыту чумных времен социально-структурные симптомы кризиса города обнаруживаются и в нынешних условиях. Только связаны они уже отнюдь не с медицинскими эпидемическими угрозами. В современном мегаполисе мы видим наступление некой новой социальной

чумы – чумы информационно-коммуникационной. Место прежнего эпидемического субстрата заняла информация, распространяющаяся так же разнонаправленно и всеохватно, как и полчища чумных блох в портовых городах средневековья. Информационные сети, насквозь пронизавшие все урбанизированные ландшафты планеты и образовавшие особо плотные сгустки в мегаполисах, стали одновременно и связующим, и разобщающим фактором. Собственно, сами по себе сети нейтральны. Но лишь до тех пор, пока субъекты, обладающие властной монополией на информационные ресурсы, не начинают использовать их в своих идеологических, политических или экономических целях. Социальная чума и диссоциация городского сообщества начинается тогда, когда сети начинают транслировать токсичную информацию, прежде всего, преследующую цели манипуляции массовым сознанием. Масс-медиа обрушивают этот новый, информационный штамм чумы на головы населения, средства связи и коммуникаций обеспечивают мгновен-

ное его распространение по социальной горизонтали, и, спустя незначительное время, город и его пространства становятся жертвами мгновенно возникающей поляризации информационного поля и, как следствие, программ человеческого поведения.

Впрочем, это уже отдельная тема, развить которую будет разумнее вне рамок настоящего текста. Ограничимся пока лишь мыслью о том, что опыт чумы много глубже и объемнее, чем это может показаться на первый взгляд. А потому смысл пушкинских строк из «Пира во время чумы» обнаруживает непреходящую актуальность.

*Царица грозная, Чума
Теперь идет на нас сама
И льстится жатвою богатой;
И к нам в окошко день и ночь
Стучит могильною лопатой....
Что делать нам? и чем помочь?*

Чума и город как формы абсурда / The Plague and the City as Forms of Absurdity

Чумные эпидемии превращали город из места спасения в место гибели. Чума была обезврежена химией и тут же вернулась – в утрате масштаба, росте городских территорий и дорог, в появлении чудовищных городских лабиринтов.

Ключевые слова: город; чума; парадоксальность; амбивалентность; явления современной урбанизации, аналогичные чуме. /

Замечательное эссе Леонида Салмина о городской чуме наводит на бесконечное размножение, как в узорах кафельной плитки, следствий этого парадоксального бедствия. Именно парадоксального – что и делает его таким амбивалентным – толкая людей в пляс на краю могилы.

Парадокс же в том, что чума, как и справедливость, не разделяет своих и чужих, виноватых и невинных – она карает всех без разбора, разрушая и нарушая и логику, и закон рациональной мысли.

Город из места спасения становится местом гибели, поцелуй становится отравлением. Мы готовы принять парадоксальность удачи, но парадоксальность безвыходности становится замыканием плюсов и минусов цепи – коротким замыканием.

Она стирает одну из самых загадочных границ – границ внешнего и внутреннего, как будто мы вступаем в лукавую игру с самим лукавым: метя в него, попадаем в самих себя или, что еще хуже, в своих любимых. Стекло превращает пустоту в стену, а зеркало – взгляд вперед во взгляд назад.

Впервые рефлексия служит не пониманию, но безнадёжности понимания.

Город как символ закона и порядка становится местом издевательства над законом и порядком; в каком-то смысле сказки Л. Кэрролла превращают этот парадокс в абсурд, и то, что мифу казалось нарушением,

Plague epidemics turned the city from the place of recovery to the place of death. The plague was neutralized by chemistry and came back immediately in the loss of the scale, growth in urban territories and roads, and emergence of awful city labyrinths.

Keywords: city; plague; paradoxicality; ambivalence; contemporary urbanization phenomena; analogous to plague.

становится разрушением, а разрушение – нарушением. Эта алогичность города может быть и была явлена чумой как назидание логическому конструированию, сохраняющему целостность.

Усвоила ли архитектура этот урок, разорвавший мнимую ясность триады Витрувия и все последующие ветви рационального функционализма? Была ли эта игра диверсией против логики и конструктивизма, призывом к возвращению в царство природы, где абсурд зарастает добротой?

Чума как новый механизм вавилонской башни, как лабиринт – или символ безвыходности с ее амбивалентностью – и людей вновь тянет в этот лабиринт. И они специально делают лабиринты и как игру, и как назидание для легковверной надежды, показывая, что тут мы сталкиваемся с двумя противоположностями, путающими следы и предчувствия.

Можно ли эту чудовищную игру обманов превратить в игру ума, своевременное понимание блага и зла?

Город и чума – это огромный, до неба растущий знак вопроса.

Эта загадка природы была обезврежена химией. И тут же вернулась в утрате масштаба роста территорий и дорог – нового лабиринта, с которым пытаются бороться с помощью скорости, светофоров и столкновений – с самими собой.

текст
Александр Раппапорт /
text
Alexander Rappaport

В статье описываются сталинские реформы в области жилищного строительства в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х годов и их последствия. На примере городов Магнитогорск и Сталинск (Кузнецк) прослеживается формирование структуры новых городских поселений. Анализируется разделение советского градостроительства на официальное и неофициальное. Первое оперировало каменными квартирными домами, предназначенными для советской элиты разного уровня. Второе занималось формированием рабочих поселков при предприятиях, состоящих из коммунальных барачков. Ключевые слова: соцгорода; типология; бараки; комнаты для домработниц; жилая норма. /

The article tells about Stalin's housing reforms in the USSR in the late 1920s and early 1930s and their results. The case studies of Magnitogorsk and Stalinsk (Kuznetsk) show the formation of the structure of new urban settlements. The division of the Soviet urban planning into the official and unofficial branches is analyzed. The first one designed stone apartment houses for the Soviet elite of different levels. The second one created industrial workers' settlements, which consisted of communal barracks.

Keywords: socialist cities; typology; barracks; rooms for housekeepers; housing standard.

Здоровье барачного города / The Barracks City's Health

текст

Дмитрий Хмельницкий /
text

Dmitry Khmelnitsky

Сталинская архитектурная реформа довольно точно уложилась в годы первой пятилетки. Началась она с недоразумения.

В 1929–30 гг. несколько партаппаратчиков среднего звена (Николай Милютин, Леонид Сабсович и др.) инициировали кампанию по созданию фантастических проектов «соцгородов» с коммунальными, но благоустроенными капитальными жилищами для рабочих. Таким неожиданным образом они интерпретировали установку Политбюро на отказ от строительства квартирного жилья для низших слоев рабочих, предусмотренный планами первой пятилетки. Пятилетний план предполагал снижение затрат на жилищное строительство до абсолютного минимума, чему кампания по проектированию благоустроенных «соцгородов» полностью противоречила.

Публичное обсуждение этих проектов приняло форму т. н. «дискуссии о расселении». Никакого реального влияния на жилищное строительство в СССР те события не имели, но породили множество проектов «обобществленного жилья» разной степени абсурдности (иногда, замечательных в художественном смысле) и еще более абсурдную полемику на эту тему в архитектурной и партийной прессе [1].

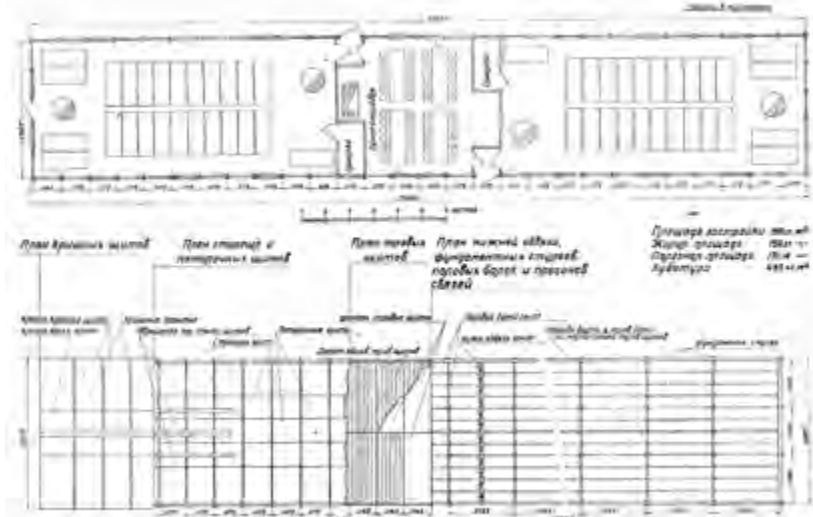
Весной 1930 г. информация о происходящем в архитектуре дошла до высшего партийного начальства, которое немедленно приняло меры. Конец «дискуссии о расселении» был положен постановлением ЦК ВКП (б) «О работе по перестройке быта» от 16 мая 1930 г. Фраза из постановления о «необходимости в данный момент максимальной концентрации всех ресурсов на быстрой индустриализации страны» одновременно с инвективами в адрес тех, кто делал «...проекты перепланировки существующих городов и перестройки новых исключительно за счет государства, с немедленным и полным обобществлением всех сторон быта трудящихся» [2] ставила крест на любых дискуссиях о типах массового жилья для рабочих. Капитальные благоустроенные дома для этой цели больше не проектировались и не строились, а публичное обсуждение проблем барачного неблагоустроенного жилья в центральной прессе было невозможно по очевидным цензурным причинам.

В 1928–1932 годах сформировалась упрощенная типология жилой архитектуры сталинской эпохи. Она была жестко дифференцирована иерархически. Основную массу вновь построенного жилья с самого начала индустриализации составляли коммунальные бараки и землянки без всякого благоустройства – порядка 90% по площади. Остальное жилье было благоустроенным, квартирным либо коммунальным (общезития) и предназначалось для привилегированных слоев населения. На вершине иерархической пирамиды находились дома с роскошными квартирами для высшего чиновничества с «черными» лестницами и комнатами для прислуги. Последние строились и в 20-е годы, но только начиная с 1932 г. такие дома были легализованы центральной прессой как едва ли не единственный тип советского жилья для трудящихся. Все остальное осталось за кадром.

Таким образом, в самом начале 1930-х годов произошло расслоение советского жилищного строительства на официальное и неофициальное. То же самое случилось и с градостроительством. Официальное градостроительство в виде проектов кварталов каменных квартирных домов разной степени роскоши с весны 1932 г. заполнило страницы советских архитектурных журналов. Неофициальные барачные города, разраставшиеся вокруг новых промышленных предприятий, практически исчезли из поля зрения профессиональной прессы.

Однако в ведомственной печати проблемы барачков иногда обсуждались, даже объявлялись и оценивались конкурсы на лучшие (т. е. самые дешевые) проектные решения. Так, в № 3 за 1934 г. ведомственного журнала НКТП «Планировка и строительство городов» вышла статья инженера Б. П. Горбушина «Растущий город», посвященная проблеме барачных городов. Статья помещена с пометкой «В порядке постановки проблемы», и речь в ней идет об идее строительства таких барачков, которые можно было бы со временем не сносить, а усовершенствовать и превращать в нечто похожее на постоянное жилье. Статья интересна в первую очередь данными о том, что считалось тогда нормальным барачным жильем, какова была его стоимость и какие могли в то время ставиться теоретические цели по его совершенствованию. Статья начинается с утверждения, которое ни в коем

^ Магнитогорск. Землянка.
Источник: Архив Краеведческого музея г. Магнитогорска

^ Проект растущего барака. Иллюстрация к статье Б. Горбушина «Растущий город» // Планировка и строительство городов. – 1934. – № 3. – С. 17

случае не могло появиться в центральной прессе: «При бурном росте промышленности Союза и повышенных требованиях к темпам и масштабам жилищного строительства барачное строительство применялось для удовлетворения наиболее острых потребностей в жилье наших гигантов. Вокруг промышленных строек создались целые «барачные города» на 200000–300000 населения (Магнитка, Сталинск и т. п.) [3].

В статье рассматриваются два проекта трансформируемых двухэтажных рамно-каркасных зданий с двумя лестницами. В первом случае в начальной стадии речь шла о «бараке-примитиве» на 320 человек с жилой площадью 1100 кв. м и стоимостью в 45000 рублей. Весь прямоугольник плана – 12 × 52 м – занят кроватями (за исключением двух лестничных клеток). Никаких других помещений, кроме единого спального отсека на 160 человек на каждом этаже, в здании нет. На одного жильца приходится 3,44 кв. м жилой площади. Стоимость одного квадратного метра – 41 рубль. Надо полагать, что барак именно с такими исходными показателями (но одноэтажный) – реальный и наиболее массовый вариант жилища того времени. Заселение такого барака рассматривается автором, как выходящее за «пределы существующих норм».

На второй стадии на первом этаже появляются входные тамбуры, умывальные, сушилки и комнаты дневного пребывания; число жильцов уменьшается до 196 человек, жилая площадь – до 822 кв. м. Общее спальное пространство делится на отсеки по 22–37 человек. Стоимость дома возрастает до 55000 рублей; стоимость одного квадратного метра жилой площади до 67 руб., а жилая норма – до 4,2 кв. м на человека. Это стадия «нормального барака», отвечающего действующим нормам.

На третьей стадии барак превращаются в общежитие с комнатами на 2–3–4 человека, уборными, умывальными и сушилками на каждом этаже. Количество жильцов уменьшается до 103 человек, жилая площадь уменьшается до 700 кв. м, стоимость квадратного метра жилья возрастает до 111,5 рублей, а жилая норма – до 6,8 кв. м на человека.

Во втором случае похожие метаморфозы происходят с меньшим по размеру барак. На первой стадии это

«барак-примитив» на 144 человека, жилой площадью 456 кв. м и общей стоимостью 21009 рублей. Отсюда стоимость квадратного метра – 46 рублей, норма заселения – 3,17 кв. м на человека. На второй стадии внутри возникают обслуживающие помещения, количество жильцов уменьшается до 89 человек, стоимость квадратного метра жилой площади возрастает до 57,8 рубля, норма жилой площади – до 4,85 кв. м на человека. На третьей стадии здание становится 16-квартирным домом, число жильцов уменьшается до 48, стоимость дома возрастает до 38500 рублей, стоимость квадратного метра жилой площади – до 109 рублей, норма расселения – до 7,3 кв. м на человека. Предполагается, что из таких «растущих барачков» будет состоять «растущий город».

Для сравнения: сметная стоимость одного квадратного метра жилой площади в благоустроенном квартирном многоэтажном жилье в середине 1930-х г. составляла от 500 до 700 рублей.

Идея «растущего города» была мертворожденной уже потому, что в планы советского правительства ни тогда, ни позже (вплоть до середины 1950-х годов), не входило систематическое улучшение жилищных условий населения, и, следовательно, не могло быть и речи о планомерном финансировании реконструкции барачков с целью повышения их комфортности. Социальная дифференциация предусматривалась в жилищном строительстве изначально – для разных социальных групп строилось жилье разного уровня. Советский человек мог надеяться улучшить жилищные условия только повысив свой социальный статус. Это касалось не только жилья, но и всех прочих жизненных благ.

Ценность приведенных расчетов в том, что они демонстрируют диапазон типов жилья, соответствующих социальной иерархии внутри низших слоев населения. От общих, лишенных всякого благоустройства барачков-казарм для основной массы рабочих и комнатных барачков с повышенным уровнем комфорта для мелких служащих и много семейных рабочих до примитивных квартир на одну семью для служащих и инженеров.

Имеет смысл взглянуть в то, что собой представляли в то время упомянутые в статье Горбушина «образцовые» барачные города – Магнитогорск и Сталинск.

^ Проект двухкамерного фанерного барака на 50 человек. Источник: Сборные деревянные дома (конструкция): Альбом. – М. –Л., Гос. научно-техн. изд-во. – 1931. – С. 91

> Кузнецкстрой. Засыпные бараки. Источник: Меерович М. Г., Конышева Е. В., Хмельницкий Д. С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). – Москва, 2011

Развернутую картину того, каким образом и с помощью каких методов шло строительство Магнитогорского комбината и города Магнитогорска дает исследование Надежды Макаровой «Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929–1935 гг.». Магнитогорский комбинат был основной стройкой Урала, а город Магнитогорск возник на пустом месте, практически с нуля. Население туда доставлялось принудительно и плановым образом. В основном это были крестьяне, бежавшие на стройки от голода и коллективизации, заключенные, ссыльные и спецпереселенцы (то есть те же крестьяне, но депортированные в места поселения под охраной).

По данным советского издания 1961 г., «в сентябре 1930 г. в Магнитогорске жило около 30 тыс. человек, в декабре – 60 тыс., весной 1931 г. – 90 тыс., а летом того же года 100 тыс.» [4].

Согласно актам прокурорского надзора от декабря 1934 г. и другим документам, «...за четыре предыдущих года к Магнитной горе в концлагерь прибыло 32 тысячи политзаключенных, осужденных по 58-й статье. Кроме них на строительстве было 40–45 тысяч спецпереселенцев» [5].

В 1932 г. население города составляло 205 тыс. чел., из них заключенных и спецпереселенцев – 50 тыс. чел., или 24,3% [6, с. 57], при этом численность их постоянно менялась. В ноябре 1932 г. численность заключенных ИТК составляла около 6 тыс. человек, в декабре выросла до 13 тыс., в 1934 г. она составляла около 10 тыс. человек [6, с. 57–58].

В 1933 году среди заключенных официально насчитывалось 77,6% «трудящихся» и 22% «классово-чуждого элемента». В 1934 г. ситуация резко поменялась. Трудящихся было 8,4%, «классово-чуждых» – 71,4% [6, с. 57]. «Классово-чуждым элементом» были, видимо, зажиточные крестьяне и «нэпманы». Остальные 20,2% составляли колхозники и лица без определенных занятий [6, с. 57].

Можно предположить, что резкое изменение социального состава заключенных было результатом введения в начале 1933 г. паспортной системы и очистки с ее помощью городов от «классово-чуждых элементов», становившихся «лишенцами». Изгнанные на первых

порах из центральных городов, они в большинстве своем в конечном счете оказывались в лагере.

В 1932 г. в Уральском регионе числилось 484380 спецпереселенцев, закрепленных за различными леспромхозами. В 1932 г. только при Главном Управлении Магнитостроя числилось 40000 человек спецпереселенцев. Половину из них составляли сосланные «кулаки». Условия жизни спецпереселенцев во всех регионах СССР были особенно тяжелы. Как следует из докладной записки Генриха Ягоды от 26 октября 1931 г. на имя Я. Э. Рудзутака: «Заболеваемость и смертность спецпереселенцев велика... Месячная смертность равна 1,3% к населению за месяц в Северном Казахстане и 0,8% в Нарымском крае. В числе умерших особенно много детей младших групп. Так, в возрасте до трех лет умирает в месяц 8–12% этой группы, а в Магнитогорске еще более, до 15% в месяц» [7, с. 48]. Последняя цифра означает, что примерно за семь месяцев дети до трех лет вымирали практически полностью.

К январю 1935 г. количество жителей уменьшилось до 154790, норма жилплощади во всех типах зданий повысилась до 3,89 кв. м на человека. При этом 16% жителей города жили в «домах», 75% – в бараках, 9% – в землянках [8, с. 117].

Средняя норма жилплощади скрывала за собой классовую дифференциацию: «Приблизительная норма для рабочих и членов их семей составляла 3,2 кв. м, а для инженеров, технического персонала и членов их семей – 6,26 кв. м в домах с улучшенной планировкой» [8, с. 105].

Относительно детальное представление о реальной и изначально запланированной типологии жилья в Магнитогорске можно получить по данным справочника «Магнитогорск в цифрах», изданного в 1931 г. К началу 1932 г. в Магнитогорске на 200000 человек населения имелось 302313 кв. м годного к использованию временного и основного жилья.

Всего жилой площади в общих и смешанных бараках насчитывалось 198054 кв. м, что составляло 65,5% от всей жилой площади на 1 января 1932 г.

В комнатных бараках насчитывалось 68136 кв. м жилой площади, что составляло 22,5%. Можно предположить, что туда расселяли низший уровень управленцев и многосемейных рабочих.

> Кузнецкстрой. Верхняя колония. Типовой двухквартирный жилой дом. Фасады, планы. 1929. Источник: Шасс Ю. Архитектура жилого дома. Выпуск 1. Поселковое строительство 1918–1948 годов. – М., 1951. – С. 23

Вместе это составляет 88% всего жилья. Можно предположить, что именно такая доля общей жилой площади Магнитогорска находилась в строениях, считавшихся временными. Стоимость квадратного метра такого жилья колебалась от 40 до 53 рублей. Плотность расселения колебалась от 2,6 до 6 кв. м на человека, в среднем – 3,6 кв. м.

Рубленные, каркасные и щитовые дома, относившиеся к «основному строительству», суммарно занимали 10,2% всей жилой площади (34038 кв. м) и служили для расселения привилегированной части населения (вряд ли более 3–4% населения).

Однако по плану 1931 г. жилая площадь города должна была в сумме с построенной ранее жилплощадью составить 414580 кв. м. Из них на каменные дома соцгорода (творчество группы Эрнста Мая) должно было приходиться 57270 кв. м, 13,8% всего жилого фонда. Во «временных» коммунальных бараках (общих, каменных, смешанных, комнатных) в Магнитогорске планировалось иметь 314334 кв. м жилья, т. е. 75,8% всего жилого фонда. В «основных» рубленых, щитовых и каркасных домах и гостинице – 43712 кв. м, 10,5% всего жилого фонда [9]. Каменные дома соцгорода считались постоянным жильем, но по уровню благоустройства и плотности заселения соответствовали общим деревянным баракам.

Таким образом, запланированная в 1931 г. структура жилого фонда существенно не отличалась от фактической. На неблагоустроенное коммунальное жилье для рабочих приходилось 89,6% всего учтенного жилого фонда, 10,5% приходилось на жилую площадь повышенного уровня комфортности.

В 1937 г. население Магнитогорска составляло 152,4 тыс. человек. При этом с 1930 по 1935 г. город покинуло 100 тыс. человек [6, с. 45]. За этой статистикой стоит катастрофическая картина блужданий по стране сотен тысяч и миллионов нищих и голодных людей, безуспешно пытающихся найти возможность прокормиться и выжить. Частная экономика уже уничтожена, а условия работы на государственных предприятиях всюду более или менее одинаковы и всюду одинаково ужасны.

Как пишет Макарова, «весомую долю среди первых магнитогорцев составляли <...> крестьяне Уральского

региона. Важным каналом трудовых ресурсов стал организованный набор рабочих по договорам с колхозами. Подобная практика получила в масштабах СССР широкое применение. В частности, такая практика активно применялась для вербовки трудовых ресурсов в Кузбассе» [6, с. 51].

В 1937 г. средняя норма жилой площади в Магнитогорске была 2,6 кв. м на чел. [10].

По данным американца Джона Скотта, работавшего в 30-е годы в Магнитогорске, распределение жителей города по типам жилья в 1938 г. выглядело следующим образом. В поселке для начальства «Березки» и гостинице «Центральная» жили 2% населения города; в многоквартирных каменных домах Кировского района – 15%; в частных домах – 8%; в бараках и прочих временных сооружениях – 50%; в землянках – 25% [11, р. 281]. Скотт ссылается на тогдашнюю внутреннюю статистику – у него в Магнитогорске был знакомый чиновник, который владел цифрами.

Поселок Березки состоял из одноквартирных домов-вилл, которые впоследствии традиционно публиковались в советской прессе как примеры «жилья для трудящихся». В «Березках» и гостинице «Центральная» жил высший правящий слой города.

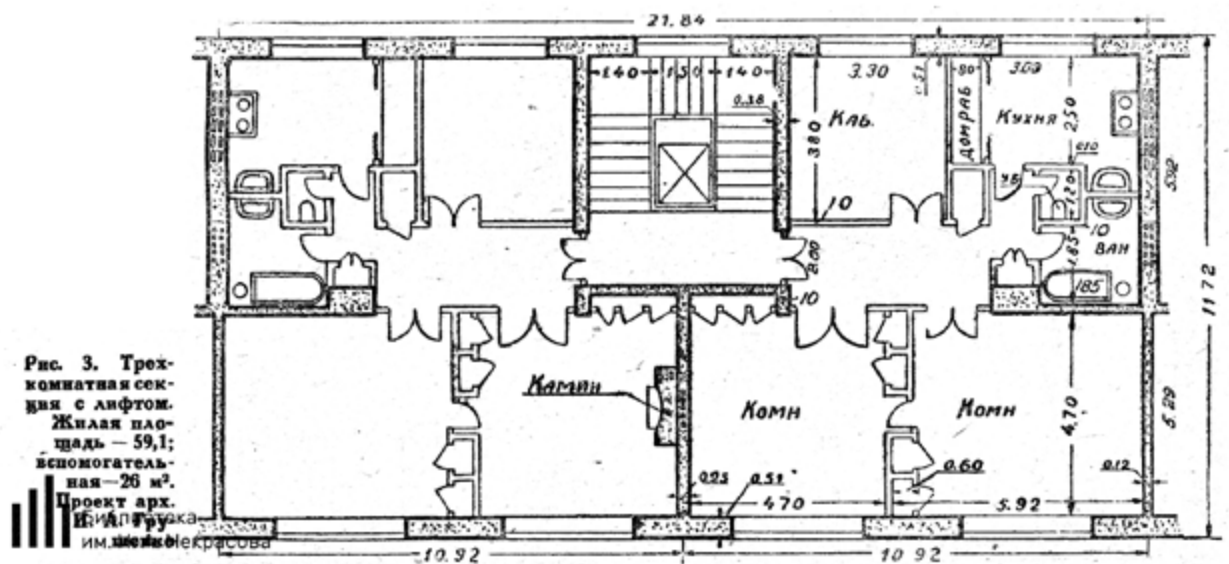
Кировский район – бывший «соцгород» – состоял из пятидесяти 3–5 кирпичных этажных домов, каждый на 75–200 комнат, без кухонь и ванных. На человека в Кировском районе приходилось 3,34 кв. м, селили по 4–5 человек в комнату. Средняя норма площади в бараках была 3,68 кв. м, в землянках – 3,7 кв. м [11, р. 118].

В 1939 г. по официальным данным в Магнитогорске жило 158000 человек, и на каждого приходилось 3,5 кв. метра жилплощади [12]. Данные за 1941 дают цифру 3,6 кв. м на человека [8, с. 118].

Жутким условиям жизни в Магнитогорске соответствовал и уровень смертности. Коэффициент смертности в 1930 г. достигал 110,22 чел. на 1000, в 1931 г. – 27,21, в 1932–20,21. В 1935 г. коэффициент смертности уменьшился до 13,01 [6, с. 47].

Младенческая смертность в Магнитогорске в 1930 г. была равна 8,4%, а к 1932 г. выросла в 4,5 раза и составила 38,6%. В 1933 году показатель младенческой смертности составил 23,9% [6, с. 47–48].

> Типовая секция с трехкомнатными квартирами с нишами для домработницы в кухне. Источник: Социалистический город. – 1935. – № 10. С. 53

Пика младенческая смертность на Урале достигла в 1933 г., когда в возрасте до года умирала примерно треть всех новорожденных. В частности, в Свердловской области коэффициент смертности младенцев составлял 307,8 (на 1000 новорожденных); в Челябинской области — 325,4; в Магнитогорске — 355,9; в Челябинске — 433,7. В следующем, 1934 г., в Свердловской области младенческая смертность уменьшилась в полтора раза, в Челябинской — в 1,8 раза. «Данные по уральским городам были хуже, чем по аналогичным поселениям РСФСР и СССР. На 1000 родившихся горожан умерло детей до одного года в Европейской части СССР в 1933 г. 238,1, в 1934 г. — 167,1 чел.; в Европейской части РСФСР соответственно — 250,2 и 177,3; по городам РСФСР в целом — 247,1 и 178,5» [13].

Ситуация в Магнитогорске характерна для всех промышленных городов и регионов СССР начала 30-х годов, хотя в отдельных местах она принимала особо катастрофические формы: «В СССР и в Уральском регионе в 1933 г. развернулась полномасштабная катастрофа, характеризующаяся скачкообразным ростом смертности. В частности, на Урале в 1933 г. естественный прирост был отрицательным и составил –14,3%. В Магнитогорске рост смертности начался еще в 1932 г. и к лету 1933 г. достиг своего пика. Главными факторами высокой смертности в это время были не ее сезонные колебания, а голод в стране и эпидемии. Если по стране отрицательный естественный прирост населения был обусловлен массовым вымиранием, а не снижением рождаемости, то в Магнитогорске сказывались оба этих фактора. После стабилизации ситуации в сфере снабжения населения и здравоохранения рождаемость в СССР сокращалась по инерции вплоть до 1934 г. включительно» [6, с. 49].

Так же быстро и так же противоестественно росли и другие новые промышленные города. Город Сталинск (до 1931 г. — Кузнецк, в 1932 и после 1961 г. — Новокузнецк, крупный центр уральской промышленности) вырос с 1930 г. по 1935 г. с 40 до 220 тыс. человек. При этом текучесть рабочей силы в нем составляла в 1931 г. — 70,9%, в 1932 г. — 69%. Только к 1935 г. она уменьшилась до 3,9% [6, с. 46].

В 1930 г. братья Веснины сделали хорошо известный проект «соцгорода» на 35 тыс. чел. в Кузнецке, состоящий из многоэтажных жилкомбинатов с «обобществлением быта», жилыми ячейками на одного-двух человек по 9–15 кв. м и с полным коммунальным обслуживанием.

В 1931 г. ситуация в городе выглядела так: «Во временных жилищах на Нижней Колонии обитает 60 тысяч человек, т. е. две трети населения города. В бараках проживает 27500 человек. Кроме того, 4 тысячи человек живет в палатках и шатрах. В землянках живет 8000 рабочих. Школы тоже помещаются в бараках. <...> Прибывающих в город колхозников привозили эшелонами, которые стояли по два дня на станции и грузились под открытым небом. Бараки для жителей строили бригады плотников, где нередко на 49 плотников приходилось 11 топоров. Квалифицированные шоферы живут прямо на улице. Иностранцы отказываются выходить на работу из-за скверных жилищных условий. Было принято решение поселить их в 21 заезжий дом на Верхней колонии, для чего пришлось оттуда выселить почти исключительно руководящих работников. <...> Как несомненный прогресс по сравнению с прошлым годом Кузнецов называет факт, что в городе появились койки, одеяла и простыни аж в 115 бараках. В остальных люди спят в одежде на топчанах. <...> В городе 600 больничных коек, но в некоторых больничных бараках на одной койке лежат по двое больных. Действует всего 12 медпунктов. Кругом эпидемии, вши и клопы. На весь город — 20 коек для рожениц» [14].

Нижняя Колония — это собственноручный рабочий поселок. Верхняя Колония — благоустроенный поселок для начальства.

Как пишет Виктор Исаев, в первые годы строительства комбината 95% рабочих Кузнецкстроя жило в бараках и землянках [15, с. 44]. Видимо, речь идет о 95% всех жителей города. Оставшиеся 5%, скорее всего, представляли собой служащих разного уровня, имевших право на жилища повышенного комфорта. Такая иерархия характерна для всех промышленных новостроек СССР того времени.

По данным Виктора Исаева, в 1932 г. в Новокузнецке на одного человека приходилось 1,27 кв. м жилплощади,

а без землянок и времянок вообще 0,44 кв. м. В январе 1931 г. в Кузбассе в среднем на человека приходилось 2,4 кв. м [15, с. 44–45]. К 1937 г. обеспеченность жильем в Новокузнецке, Кемерове и Анжеро-Судженске выросла до 3,1 кв. м на человека [15, с. 46].

В других городах Сибири, где строилось меньше новых предприятий, положение с жильем было лучше. В Барнауле в 1931 г. – 3,4 кв. м на человека, в Иркутске – 3,9 кв. м, в Омске – 3,9 кв. м [15, с. 45].

В целом, в городах Зап. Сибири обеспеченность жильем снизилась с 4,2 кв. м в 1929 г. до 3,6 кв. м в 1932 [15, с. 45].

В Восточной Сибири в промышленных районах на человека приходилось 2,0–2,5 кв. м жилья.

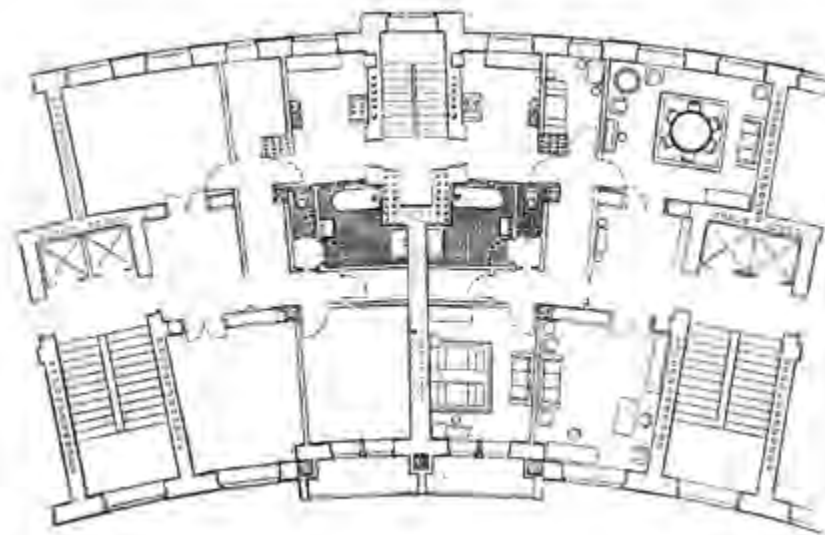
К 1937 г. засыпные землянки и глинобитные жилища, совершенно не подходившие к сибирскому климату, составляли 48% жилищного фонда угольных шахт Кузбасса. В Кемерово бараки, землянки и деревянные крестьянские избы составляли 76% жилфонда.

В таком примерно состоянии советские промышленные города находились до середины 1950 годов, то есть до хрущевских реформ. Хрущев по непонятным причинам, возможно, в силу природного добродушия натуры, решил поднять уровень жизни населения СССР, о чем при Сталине даже речи быть не могло. В том числе, впервые за всю историю советской власти, была поставлена и начала решаться жилищная проблема. Для этого понадобилось изменить всю структуру советской экономики, распустить ГУЛАГ, уменьшить армию и с нуля начать создавать промышленность для массового домостроения.

Только в 1959 г., в программе семилетки, была официально декларирована цель партии и правительства СССР когда-нибудь обеспечить все городское население СССР индивидуальными квартирами. Так неофициальное сталинское градостроительство переросло в официальное хрущевское. А прежние засекреченные барачные города стали превращаться во всем известные панельные микрорайоны.

Литература

1. Подробнее о «дискуссии о расселении» см.: Хмельницкий Д., Милютин Е. Архитектор Николай Милютин. – М., 2013
2. Милютин Н. Соцгород. – Москва, 1930. – С. 82
3. Горбушин Б. П. Растущий город // Планировка и строительство городов. – № 3, – 1934. – С. 16
4. Казаринова В., Павличенков В. Магнитогорск. – М., 1961. – С. 14
5. Летопись Магнитки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vmagnitogorske.ru/book/1932–1940-god>
<http://www.74m.ru/index.php?act=sub3&value=326&rzd=500&article=1125&full=1>
6. Макарова Н. Н. Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929–1935 гг.: дисс. ... кандидата истор. наук. – Магнитогорск, 2010
7. Земсков В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. – 1994. – № 1. – С. 120–121. Цит. по: [6, с. 48]
8. Коткин Стивен. Жилище и субъективный характер его распределения в сталинскую эпоху // Жилище в России: век XX. – М., 2002
9. Магнитогорск в цифрах: Статистический отчет за 1931 г. – Магнитогорск: Изд-во «Магнитострой». – 1932. – С. 324–325
10. Бакунин А. В., Цыбульников В. А. Градостроительство на Урале в период индустриализации. – Свердловск, 1989. – С. 34
11. Skott John. Jenseits des Ural. – Stockholm, 1944
12. Из истории магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска (1929–1941 гг.). – Челябинск, 1965. – С. 45
13. Журавлева В. А. Младенческая смертность в городах Урала в 1930-е гг. // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: Сборник статей. – Екатеринбург, 2016. – Том 1. – С. 72–77. http://elar.ufu.ru/bitstream/10995/43203/1/irdso_2016_12.pdf
14. Из стенограммы 4-й районной партконференции Кузнецкстроя. 10–15 июля 1931 г. [Электронный ресурс]. Бедин В., Кушникова М., Тогулев В. Кемерово и Сталинск: панорама провинциального быта в архивных хрониках 1920–1930-х гг. Режим доступа:

^ Алесей Щусев. Типовая секция жилого дома «Советский архитектор» на Фрунзенской набережной в Москве. План. Квартиры с «черными» лестницами и комнатами для домработниц. Источник: Работы архитектурно-планировочных мастерских за 1934 г. – М., 1936. – Том I. Мастерская № 2. – С. 12

<http://kuzbasshistory.narod.ru/book/Stalinsk/1931.html>

15. Исаев В. И. Быт рабочих Сибири: 1926–1937 гг. – Новосибирск, 1988

References

- Bakunin, A. V., & Tsybulnikov, V. A. (1989). Gradostroitelstvo na Urale v period industrializatsii [Urban planning in the Urals during the period of industrialization]. Sverdlovsk.
- Bedin, V., Kushnikova, M. & Togulev, V. Кемерово и Сталинск: panorama provintsialnogo byta v arkhivnykh khronikakh 1920–1930-kh gg. [Kemerovo and Stalinsk: an overview of provincial life in archive chronicles of the 1920s–1930s]. Retrieved from: <http://kuzbasshistory.narod.ru/book/Stalinsk/1931.html>.
- Gorbushin, B. P. (1934). Rastushchii gorod [A growing city]. Planirovka i stroitelstvo gorodov, 3, 16.
- Isaev, V. I. (1988). Byt rabochikh Sibiri: 1926–1937 gg. [Lifestyle of workers in Siberia in 1926–1937]. Novosibirsk.
- Iz istorii magnitogorskogo metallurgicheskogo kombinata i goroda Magnitogorska (1929–1941 gg.) [Glimpses of the history of the Magnitogorsk smelter and the city of Magnitogorsk (1929–1941)]. (1965). Chelyabinsk.
- Kazarinova, V., & Pavlichenkov, V. (1961). Magnitogorsk. Moscow.
- Khmel'nitsky, D. & Milyutina, E. (2013). Architect Nikolai Milyutin. Moscow.
- Letopis' Magnitki [Chronicle of Magnitka]. Retrieved from <http://vmagnitogorske.ru/book/1932–1940-god>
- Kotkin, S. (2002). Zhilishche i sub'ektivnyi kharakter ego raspredeleniya v stalinskuyu epokhu [Dwelling and the subjectivity of its allocation in the Stalin epoch]. Zhilishche v Rossii: vek XX. Moscow.
- Magnitogorsk v tsifrakh: Statisticheskii otchet za 1931 g. [Magnitogorsk in numbers: Statistical report for the year 1931]. (1932). Magnitogorsk: Izd-vo "Magnitostroy".
- Makarova, N. N. (2010). Povsednevnyaya zhizn' Magnitogorska v 1929–1935 gg. [Everyday life of Magnitogorsk in 1929–1935]. (Ph.D. dissertation). Magnitogorsk.
- Milyutin, N. (1930). Sotsgorod [Socialist city]. Moscow.
- Skott, J. (1944). Jenseits des Ural. Stockholm.
- Zemskov, V. N. (1994). Sudba "kulatskoi ssylki" (1930–1954gg.) [The history of the "kulak exile" (1930–1954). Otechestvennaya istoriya, 1, 120–121.
- Zhuravleva, V. A. (2016). Mladencheskaya smertnost' v gorodakh Urala v 1930-egg. [Infant mortality in Ural cities in the 1930s]. In Dinamika i inertsiionnost' vosproizvodstva naseleniya i zameshcheniya pokolenii v Rossii i SNG: Collection of articles (Vol. 1, pp. 72–77). Yekaterinburg. Retrieved from http://elar.ufu.ru/bitstream/10995/43203/1/irdso_2016_12.pdf

> Рис. 1. Палатки строителей Магнитогорского металлургического комбината. Начало 1930-х гг. [6]

Комплектование трудовыми ресурсами соцгородов-новостроек первых пятилеток (1920–1940-е гг.), часто возводившихся на пустом месте – в степи, тайге или пустыне – было невозможно без массового строительства жилищ. Первым подлинно массовым жилищем, возводимым в соцгородах-новостройках первой пятилетки, являлись бараки. Бараки были массовым явлением; они обеспечивали крышей над головой около 80–85% населения промышленных новостроек.

Ключевые слова: бараки; соцгород; индустриализация; советская расселенческая политика. /

In the period of Soviet industrialization (1920–1940s), Sotsgorod new developments were often erected from scratch – in steppe, taiga or the desert. Their workforce recruitment was impossible without large-scale housing. Barracks were the first truly mass housing to be built in Sotsgorod new developments in the industrialization period. They were a mass phenomenon providing a roof for about 80–90% of the population of industrial settlements. Keywords: barracks; Sotsgorod; industrialization; Soviet policy of urbanization.

Бараки как наиболее массовый тип жилищ в советских индустриальных городах-новостройках первых пятилеток /

текст

Марк Меерович
Елена Булгакова /
text
Mark Meerovich
Elena Bulgakova

Предисловие

Сформировавшаяся большевиками в первые послереволюционные годы организационно-управленческая модель основывалась на ликвидации семьи, как базовой социально-культурной, социально-экономической единицы общества. И замене ее новой единицей – трудо-бытовым коллективом, который формировался по месту труда и состоял из трудящихся вместе рабочих или служащих (и членов из семей), которые, согласно этой модели должны были совместно проживать.

В отличие от автономного домохозяйства (индивидуального дома на своем клочке земли) – основы существования семьи в предреволюционный период – новым способом пространственной организации трудо-бытового коллектива стало коммунальное жилище, которое люди получали от дирекции предприятия (или советского учреждения), на котором трудились его члены.

В первые послереволюционные годы советская власть формировала коммуналки в существовавшем жилом фонде – бывших квартирах городской буржуазии. Этот процесс довольно подробно описан [1]. В отличие от них, бараки всегда оказывались за рамками рассмотрения, потому что советская архитектурная наука никогда не признавала этот тип жилища как базовую составляющую государственной жилищной политики начала 1930-х гг. Она лживо трактовала его лишь как случайное, крайне редкое явление. Как следствие, характеристики этого типа жилища почти полностью отсутствуют в научной литературе.

Советская историография, описывая процесс создания индустриальных городов-новостроек первых советских пятилеток, очень скупо говорила о бараках – строениях для совместного проживания в одном помещении 80–120 однополых рабочих (а часто и разнополых – семейных). В историографии советской архитектуры практически полностью отсутствовали объяснения того, почему именно бараки стали наиболее распространенным типом жилища, а также сведения о том, что они были основным помещением общественных функций: столовая, почта, клуб, офис, больница, детский сад, школа и т. п.

Никогда не раскрывалась степень их инженерного обеспечения, а точнее – ее отсутствие: отсутствие воды,

канализации, теплоснабжения и проч.

Все это замалчивалось для того, чтобы у читателя складывалось впечатление: советская власть, в отличие от правительства царской России, искренне и постоянно заботится о рабочих – развивает технологии жилищного строительства, проектирует все более комфортные типы жилых зданий, улучшает качество среды обитания.

Данная статья закрывает это белое пятно. Она разрушает один из советских мифов и показывает, что в СССР индустриальные города-новостройки были ничем иным, как «старой» для рабочей силы, главным предназначением которой было обеспечивать функционирование создаваемой промышленности. Бараки и являлись «складами» для основной массы трудовых ресурсов индустриальных городов-новостроек первых пятилеток.

Цель исследования – описать бараки как основной тип массовой жилой застройки первой пятилетки, в которых в 1920–1930-е гг. проживало 80–85% населения советских индустриальных городов-новостроек.

Научная новизна. Массовое жилищное строительство в СССР известно лишь в связи с политикой Никиты Хрущева, когда в Советском Союзе в большом количестве начали строиться пятиэтажные панельные дома. Однако и до него, в период сталинской диктатуры, существовало подлинно массовое строительство. Статья на фактическом историческом материале доказывает, что в СССР на стройках первых пятилеток бараки были основным типом жилой застройки; их проектирование и строительство предписывалось программами на проектирование и финансировалось государством.

Статья впервые рассказывает о малоизвестных технологиях изготовления барачков и выявляет пять типов по конструктивным особенностям (материалу стен и технологии возведения). Описывается социальная типология барачков (по типу заселения): 1) для однополых членов трудовой бригады; 2) для семей). Выделяются разновидности планировки: а) с одним входом; б) с несколькими входами в семейные ячейки. Кратко описано различие внутреннего устройства бригадных и семейных барачков. Демонстрируются редкие фотографии, собранные из разрозненных источников.

Introduction

Formed by the Bolsheviks in the first post-revolutionary years, the management model was based on the elimination of the family as the basic socio-cultural, social and economic unit of society and its replacement by a new unit - work-life collective. This unit of society was formed at the place of work and consisted of workers or employees (and members of their families), who according to this model have been living and working together.

Unlike an autonomous household - the foundation of the family in the pre-revolutionary period, the new type of housing for the work-life collective was a communal dwelling, which people received from the directorate of the enterprise (or another Soviet institution), where members of the collective worked.

Kommunalka, formed by the Soviet power in the first post-revolutionary years in the existing housing stock - in

the former apartments of the urban bourgeoisie, are described in some detail (Bliznakova, 2001; Gerasimova, 1998; Levin, 1997; Semenova, 1996; Utekhin, 2004; Kotkin, 1995, and others). Unlike them, barracks were always outside the scope of consideration, because Soviet architectural science never recognized this type of dwelling as a basic component of the state housing policy of the early 1930s. It was falsely interpreted with Soviet architecture only as an accidental, extremely rare phenomenon. As a consequence, the description of this type of dwelling is almost completely absent in the scientific literature.

Soviet historiography, describing the processes of construction of new industrial cities of the first Soviet five-year plan, spoke very little about barracks – buildings for living together 80-120 same-sex workers in the same room (and often opposite-sex families). In the historiography of Soviet architecture, there was almost no information why the barracks became the most common type of dwelling, that they

Barracks as the Main Type of Mass Housing in the Soviet Industrial Towns Constructed During the First Five-Year Plans

Баракы – основной тип жилища для первостроителей советской индустриализации

В СССР насильственная урбанизация периода индустриализации основывалась на искусственно ускоренном росте псевдогородского населения, прежде всего, за счет выталкивания в города-новостройки раскрестьяненного деревенского населения, а также на принудительном перемещении крупных контингентов трудовых ресурсов из существовавших городов на индустриально осваиваемые территории. Как следствие, население соцгородов-новостроек составляли: а) крестьяне, оторванные от привычного образа жизни; б) «социально-чуждые» советской власти категории населения, выдавливаемые комплексом законодательных мер из существующих городов [2]; в) кочевые народы, принуждаемые к оседлому образу жизни и труда; г) наемные работники, подписавшие контракты на работу; д) специалисты, а также советские и партийные руководители различных рангов, направляемые на стройки пятилетки по приказам; е) отбывшие наказание заключенные, а также бывшие трудопоселенцы, которым после освобождения некуда было податься, поэтому они оставались на постоянное жительство рядом с бывшими зонами трудовых лагерей [3], и др.

Соцгорода-новостройки первых пятилеток часто возводились на пустом месте – в степи, тайге. Каждая советская промышленная новостройка начиналась с возведения примитивных жилищ для ее рабочих. Это были: а) палатки, которые иногда обкладывались досками и присыпались землей для удержания тепла [4] (Рис. 1), б) землянки (Рис. 2), в) юрты [5] (Рис. 3), г) балаганы, шатры (Рис. 4) и проч.

Постепенно, на протяжении нескольких лет, рабочих из утепленных палаток, землянок и полуземлянок переселяли в бараки, которые возводились дирекцией строящегося завода.

Баракы являлись основным типом массового жилищного строительства на промышленных новостройках в течение всего предвоенного периода (1920–1940-е гг.). Они давали крышу над головой перемещаемым сюда сотням тысяч людей. Так, в Магнитогорске в течение 1929 г. для размещения первой группы строителей (6700 чел.) [7, с. 41] построено 52 барака (37 зимнего и 15 летнего

типа) [8] (Рис. 5). На 1 января 1931 г. возведено 140 общих и 55 смешанных барак. В 1931 г. было запланировано выстроить еще 221 общий барак. Подобное строительство велось в Челябинске (Рис. 6; 7), Кузнецке (Рис. 8) и в других индустриальных поселениях-новостройках. Например, в Нижнем Тагиле на 1 мая 1933 г. из возведенных 51268 кв. м жилой площади 44294 кв. м (то есть 86%) – это бараки.

Вся история первых десятилетий советского градостроительства связана именно с данным типом домостроений. Их проектирование и массовое возведение были вызваны их большой дешевизной (в 8–10 раз дешевле благоустроенного каменного строительства) и стремлением власти возвести как можно больше жилой площади за как можно меньшие средства.

Конструкции и материал барак

Баракы по материалу стен подразделялись на: 1) камышитовые (соломитовые), 2) дощатые (деревянные), 3) щитовые, 4) фанерные, 5) каменные, 6) дуковые и т. п.

1) **Камышитовые (соломитовые)** бараки – каркасная деревянная конструкция, к которой крепились деревянные щиты, обшитые слоем камышита (толщиной до 6 см) (Рис. 9). Стены штукатурились с обеих сторон (Рис. 10).

2) **Дощатые (деревянные)** представляли собой деревянный каркас из бруса или бревен, который закладывался досками. Для защиты от осадков и в целях

< Рис. 2. Землянка.
Соцгород Магнитогорск.
Предоставлено
В. А. Токаревым

contained basic social functions: a canteen, a post office, a club, an office, a hospital, a kindergarten, a school, etc.

There was never revealed the degree of their engineering support - or rather its absence: lack of water, sewerage, heat supply and so on.

Gradually – for several years, workers from weather-resistant tents, dugouts and semi- dugouts were moved to barracks, which were erected by the directorate of the plant under construction.

Barracks were the main type of mass housing construction on industrial new buildings of Soviet industrialization throughout the pre-war period (1920-1940's). They gave a roof over their head to hundreds of thousands of people being moved here. Thus, in Magnitogorsk, during the year in 1929, 52 huts (37 winter type and 15 summer one) (V.S. Fedosikhin, V.V. Khoroshanskiy, 1999) were erected to accommodate the first group of builders (6,700 people) (I.F. Galiguzov, M.Ye. Churilin, 1978). By the first of January in

1931, 140 general and 55 mixed barracks had been erected. In 1931 it was planned to build another 221 common barracks. Similar construction had been carried out in Chelyabinsk (Fig. 2), Kuznetsk (Fig. 3) and in other new settlements. For example, in Nizhny Tagil by the first of May 1 in 1933 from the built 51268 square meters – 44294 square meters of living area (that is, 86%) were barracks.

The history of the first decades of Soviet urban development is associated with this type of housing construction. Their design and mass erection were caused by their extreme cheapness (8-10 times cheaper than well-organized stone construction) and the desire of the authorities to erect as much residential space as possible for as little as possible.

Structures and materials of barracks

Barracks according to the material of the walls were divided into the following groups: 1) reed-fiber (straw);

> Рис. 3. Юрта. Соцгород Магнитогорск. Архив МУ «Магнитогорский краеведческий музей». Предоставлено Е. В. Коньшевой

> Рис. 4. Балаганы. Соцгород Орск. Жилой лагерь казахов – рабочих Орского «Локомотивстроя», 1934. Предоставлено О. В. Котляровым

продления срока эксплуатации дощатые бараки часто обшивались дранкой и штукатурились (Рис. 11; 12; 13).

3) Щитовые бараки широко использовались в поселениях-новостройках, потому что были стандартизованы и, как следствие, быстры в изготовлении комплектующих деталей и сборке [12]. Деревянные щиты, из которых монтировались стены бараков, могли быть: а) пустотелыми – в них использовались теплоизоляционные свойства воздушных прослоек; б) заполненными различными утеплителями. Щитовые бараки, как и деревянные, либо оштукатуривались, либо оставались неоштукатуренными (Рис. 15; 16).

4) Фанерные бараки проектировались двух разновидностей: а) сборно-разборные – из готовых фанерных

щитов с утеплителем, б) возводимые на месте (неразборные). Так, например, торфо-фанерный сборно-разборный барак конструкции В. А. Андреевского (спроектирован по заказу военного ведомства в 1929 г.) изготавливался из листов фанеры (5 мм), между которыми был зажат слой сфагнума (5 см) (Рис. 17; 18).

5) Каменные были «побочным» продуктом рытья котлованов под фундаменты цехов промышленных комбинатов, в ходе которого извлекался естественный, т. н. «дикий» камень, который и использовался для их возведения [15]. Поэтому таких бараков строилось немного. Например, в Магнитогорске несколько таких бараки было построено только в 1929–1930 гг., когда шло рытье котлованов под цеха завода.

> Рис. 5. Соцгород Магнитогорск. Строительство бараков к зиме 1929 г. Фотография датирована 30 августа 1929 г. Предоставлено В. А. Токаревым

> Рис. 6. Соцгород Челябинск. Поселок строителей. Бараки, 1931 [9]

2) plank (wooden); 3) panelized; 4) plywood; 5) stone; 6) dukovy, etc.

1). The reed-fiber (straw) barracks are a frame-shaped wooden structure to which wooden shields were clad, lined with reed-fiber layer. (6 cm thick) (Fig. 4). The walls were plastered up on both sides.

2) Plank barracks were a wooden framework made of sawn or whole section timber which was backed up with planks. Plank barracks were often shingled and plastered to protect it from precipitations and to prolong its life (Fig. 5, 6, 7).

3) Panelized barracks were widely used in new development settlements because they were standardized, and, as a consequence, they were fast to fabricate of components for its installing (Tishchenko F.V. (1932). Barrack walls were assembled from wooden panels which could be: a) hollow – heat-insulating qualities of air gap were used; b) filled with various insulants. Panelized barracks, as well as wooden ones were either plastered up or remained unplastered (Fig.

8).

4) Plywood barracks were designed two varieties: a) demountable ones made of ready plywood panels with insulant; b) erected on site (indecomposable); For example, plywood-peat demountable barrack by V.A. Andreevskiy construction (was developed by the order of Military Department in 1929), it was made of plywood sheets (5 mm.) with a layer of sphagnum (5 cm.) between them (Fig. 9).

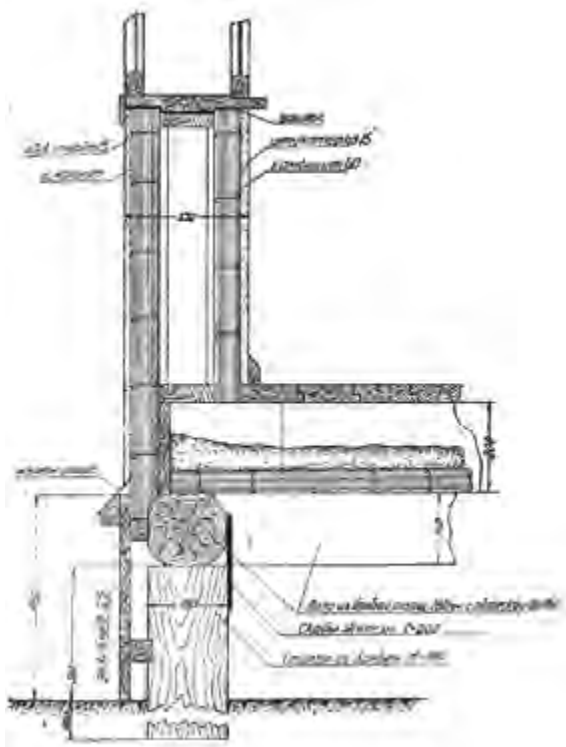
5) Stone barracks were "by-product" of foundation excavation work for integrated industrial plants' workshops, during that process natural so-called "wild" stone was mined and it was used for barracks construction. For example, several barracks were made only in 1929-1930 during excavating works in Magnitogorsk.

6) Dukovye. A reference to them was found in the statis-

< Рис. 7. Соцгород Челябинск. Поселок строителей. Строительство барачков, 1932 [9]

< Рис. 8. Соцгород Кузнецк. Бараки. Предоставлено И. В. Захаровой

6) **Дуковые**. Указание на них обнаружено в статистическом отчете за 1931 г. [16]. Но что такое «дуковые» бараки, установить не удалось. Какие-либо материалы в Государственных архивах Российской Федерации (ГАРФ, РГАЭ) отсутствуют. Выявление и описание данного типа барачков – задача дальнейших исследований.

Внутренняя планировка барачков

Принципы проектирования внутренней планировки барачков для размещения рабочей силы в соцгородах-новостройках резко отличались от принципов планирования и строительных технологий военных казарм, разработанных

< Рис. 9. Конструкция камышитового барака кооперативного товарищества «Ленинград-НОРД» [10, с. 83]

< Рис. 10. Барак (изготовитель: Кооперативное товарищество «Ленинград-НОРД»). 1930 [10, с. 82]

tical report for 1931. (Statistical Report for 1931 (1932)). But it was not possible to ascertain what «dukovye» barracks were. There are no any materials about it in the archives (State Archive of the Russian Federation, Russian State Archive of Economics). The identification and description of this type of barracks is the task of further research.

Internal planning of barracks

The design of the internal layout of the barracks for the labor force in the new settlements- sotsgorod sharply differed from the principles of planning and building techniques of military barracks, developed back in the 19th century. First of all because in the cities of pre-revolutionary Russia for permanent deployment of servicemen, capital brick multi-storey barracks and even entire military camps were erected (Figure 10) and in the field military personnel lived in tents.

As for the so-called "workers' barracks", i.e. dwellings for

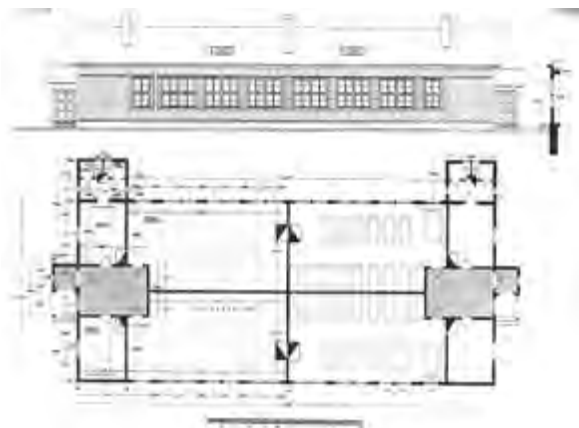
living together workers of the same sex, which were built in the cities of tsarist Russia by large industrialists, were also, as a rule, capital multi-storey buildings, made of stone.

A different situation with the organization of housing during this period for workers and for workers and technical personnel was observed only in the undeveloped territories of Siberia, during the initial development of this region. (L.B. Shchavinskaya, 2015)

Unlike the barracks for workers of pre-revolutionary period, the designs of the barracks of the Soviet period were primitive structures with the main function of protection the inhabitants from natural and climatic influences. The tasks of architectural expressiveness, of developing any artistic elements were not only solved, but were not even discussed, because the attractiveness of barracks had no significance.

The reason is that the huge housing deficit excluded the

> Рис. 12. Барак (одноэтажный, деревянный) на 50 человек со столовой. Проект. 1929 [11, с. 203]

> Рис. 13. Барак (одноэтажный, деревянный, оштукатуренный) на 60 человек Проект. 1929 [11, с. 203]

ных еще в XIX веке. Прежде всего потому, что в городах дореволюционной России для постоянного размещения военнослужащих возводились капитальные кирпичные многоэтажные казармы и даже целые военные городки (Рис. 19; 20) а в полевых условиях военнослужащие обитали в палатках.

Что же касается так называемых «рабочих казарм», т. е. жилищ для совместного проживания рабочих одного пола, которые возводились в городах царской России крупными промышленниками, то они также, как правило, были капитальными каменными многоэтажными сооружениями (Рис. 21).

В отличие от рабочих казарм дореволюционной России проекты барачков советского периода представляли собой примитивные сооружения, основной функцией которых было оградить обитателей от природно-климатических воздействий. Задачи архитектурной выразительности, разработки каких-либо художественных элементов не только не решались, но даже и не ставились, потому что архитектурная привлекательность барачков не имела никакого значения. Причина в том, что гигантский дефицит жилья исключал возможность выбора потребителем «понравившегося» ему здания. Архитектурное и художественное оформление барачков не имело никакого смысла, так как лишь отнимало время и увеличивало

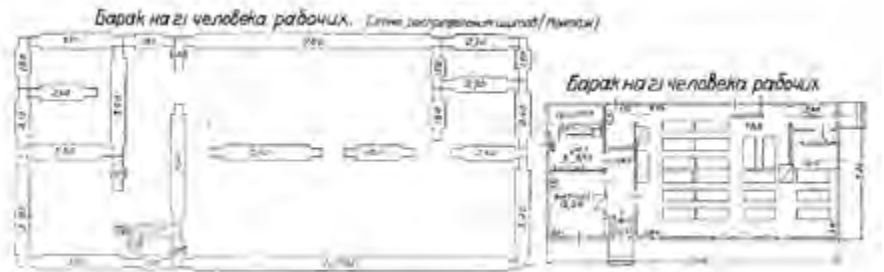

> Рис. 14. Поселок перестроителей Челябинского Ордена Трудового Красного Знамени станкостроительного завода им. Серго Орджоникидзе. Оштукатуренные по дранке дощатые бараки [9]

v Рис. 15. Щитовой барак (тип Щ-11) – общежитие для одиноких [13]

v Рис. 16. Щитовой барак на 21 человека. ИННОРС. Не позднее 1931 [14]

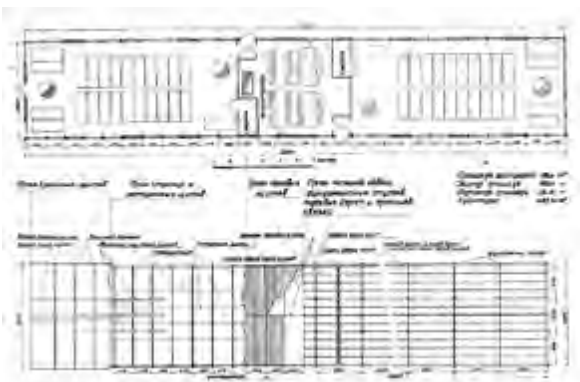

^ Рис. 17. Фанерный (сборно-разборный) барак конструкции инж. Андреевского. Конец 1920-х гг. [10, с. 78-80]

< Рис. 19. Военные казармы. Ново-Николаевск (ныне Новосибирск). 1902–1903 [17]

v Рис. 18. Фанерный (неразборный) барак на 50 чел. Союзлеспром. Стандартдом. Не позднее 1931 [14, с. 91].

< Рис. 20. Военный городок. Ново-Николаевск (ныне Новосибирск). 1902–1903 [17]

possibility of the consumer choosing a "liked" building. Architectural and artistic design of barracks did not make any sense, as it only took time and increased construction costs. And for many first-builders, the mere fact that they got places to sleep on wooden bunks in a barrack, not in a tarpaulin tent or in a semi-dugout - living room, being half under the ground, half covered with branches or planks and with packed soil top layer.

Architecturally expressive but complicated in technique and construction method projects were not accepted for implementation, remaining only on paper (Figure 12).

Barak was a single-storey building of a corridor type with the entrance from the end of building through the annexed tambours (Fig. 13). In extraordinarily long barracks, there were arranged additional entrances, in the middle of the structures.

The barracks were settled separately, on the basis of gender - either unmarried men, or unmarried women. And

since the construction was erected mainly by men, they were placed by a brigade - in large rooms and each of them for 15-20 people (Fedosikhin V.S., Khoroshanskiy V.V., 1999, p.46). Married couples sometimes had to live there also because of the acute shortage of accommodation: «We moved into the barracks ... There were 80-100 persons ... The stoves was taken out of the windows. Couples lived here in the barracks too, fenced off with blankets, or even just so ... » (RSALA Fund № 2285).

In the brigade barracks wooden bunk beds were installed. Metal beds were the rare exception and were used as a means of encouraging the foremost workers who were provided with accommodation in less densely populated barracks.

Those workers new towns-sotsgorod, who created a family and demonstrated positive results in labor and also activities in party organization, Komsomol and social activities,

> Рис. 21. Рабочая казарма [18]

Прим. 1. В сентябре 1930 г. (почти через год после начала строительства соцгорода) в Магнитогорске в палатках обитало около 2000 рабочих.

расходы на строительство. А для многих первостроителей один лишь факт того, что они получали места для сна на деревянных нарах в бараке, а не в брезентовой палатке (Рис. 22) [19] (Прим. 1) или в полуземлянке – жилым помещением, наполовину выкопанном в земле, наполовину прикрытом ветками или досками и присыпанным землей (Рис. 23) сам по себе уже являлся огромным подарком судьбы.

Архитектурно выразительные, но сложные в техническом и конструктивном отношении проекты не принимались к реализации, оставаясь лишь на бумаге (Рис. 24).

Барак представлял собой одноэтажное здание коридорного типа, вход в которое осуществлялся с торца

через пристроенные тамбуры (Рис. 25). В особенно длинных бараках посередине устраивались дополнительные входы.

Барак заселялись отдельно, по половому признаку – либо неженатыми мужчинами, либо незамужними женщинами. А поскольку на строительство приезжали в основном мужчины, их заселяли по бригадно – в большие комнаты по 15–20 человек в каждой [8, с. 46]. Из-за острого дефицита жилья здесь же иногда жили и семейные: «Мы переехали в барак... Там жили человек 80–100... Печки выводили в окна. Женатые жили там же в бараке, отгородившись одеялами, а то и просто так...» [15].

В бригадных бараках устанавливались деревянные двухъярусные нары [4, с. 398]. Металлические кровати были редчайшим исключением и использовались как средство поощрения передовиков производства, которым предоставлялось жилье в менее уплотненных бараках (Рис. 26).

Те труженики соцгородов-новостроек, которые создавали семью и демонстрировали положительные результаты в труде, а также активность в партийной, комсомольской и общественной деятельности, имели шанс получить обособленное жилое помещение в семейных бараках. Эти бараки были аналогичной конструкции и размеров, что и для холостых рабочих, только внутреннее пространство было поделено на изолированные комнатки с отдельным входом площадью по 12–15 кв. м (Рис. 27).

В каждом бараке было 30–36 таких комнат. «При наличии в семье детей родители устанавливали над входной

> Рис. 22. Палатки. Соцгород Магнитогорск. Лагерь первостроителей Магнитогорского металлургического комбината. Фото. Начало 1930-х гг. [6]

> Рис. 23. Полуземлянка. Соцгород Магнитогорск. Архив МУ «Магнитогорский краеведческий музей». Предоставлено Е. В. Кобышевой

had a chance to get a separated room in family barracks.

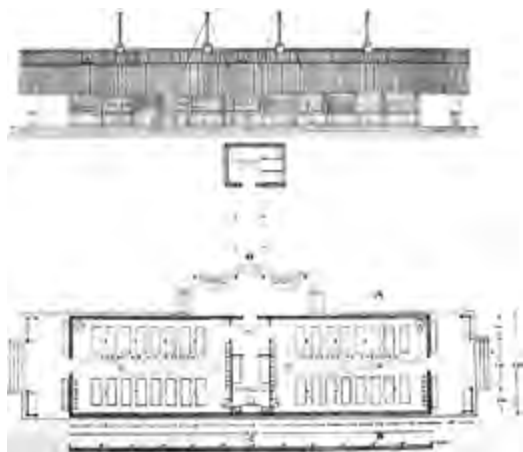
These barracks were similar in design and dimensions to ones for unmarried workers. The only difference was division into the interior space into isolated rooms with a separate entrance, a space of 12-15 sq.m.

There were 30-36 such rooms in each barracks. "In the presence of children in the family, parents installed over the entrance door an entresol for playing and sleeping, with an area of up to 5 sq.m. In the rooms to the right or left of the front door there was a stone or brick oven for heating the room and for cooking, which were brasqued by the residents. The wood or coal was put into the oven from the side of the corridor. Often in the rooms, the inhabitants themselves arranged cellars under the floor to keep food cool. Opposite the entrance to the outer wall, there was a small glazed window; its frames were sealed with newspaper strips for the winter period in order to reduce cold air blowing through

the leaky windows cracks in the doorway. Along one of the room walls an iron bed was placed, which often had a duck-board instead of a grid. Door had no door latch, so the rooms were not locked and disabled women (sick, pregnant) always looked after the children. (RSALA Fund № 2285)

In each family barracks, there was a red corner (an area of about 30 sq.m.). Here you could see several tables and chairs, portraits of Stalin and other proletarian leaders on the walls, as well as awards of the barrack team in competitions for a better life. There was a barracks library and children often had free access to books. In this room, the students did their homework, the kids played. In the evenings in the red corner, illiterate inhabitants learned to read and write. In one of the barrack rooms, more often near the main entrance door, a family of a barrack policeman lived and also here was a room of "senior", who was chosen by the barracks team. (RSALA Fund № 2285, pp. 49-50)

Barracks - for both single and family - were built without

дверью антресоль для игр и сна, площадью до 5 кв. м. В комнатах справа или слева от входной двери размещалась каменная или кирпичная печь для обогрева помещения и для приготовления пищи, которую выкладывали сами жители. Печь топилась со стороны коридора. Часто в комнатах под полом обитатели самостоятельно устраивали погреба для хранения продуктов. Напротив входа в наружной стене устраивалось небольшое остекленное окно, рамы которого на зиму заклеивались полосками газет, чтобы снизить чрезмерное продувание комнаты холодным воздухом через щели в рамах окна и в дверях. Вдоль одной стены комнаты размещалась железная кровать, которая часто вместо сетки имела дощатый настил. Двери не имели запоров, поэтому комнаты оставались не запертыми и неработающие женщины (больные, беременные) всегда присматривали за детьми [4, с. 398].

В каждом семейном бараке, в помещении площадью около 30 кв. м размещался красный уголок, где стояло несколько столов и стулья, на стенах висели портреты Сталина и других пролетарских вождей, а также награды коллектива барака в соревнованиях за лучшую жизнь. Здесь же часто находилась барачная библиотечка, и дети имели свободный доступ к книгам. В этом помещении школьники выполняли свои домашние задания. Здесь же играли малыши. Вечерами в помещении красного уголка

< Рис. 24. Барак на 32 чел.
Арх. Л. А. Веснин [20]

< Рис. 25. Барак. Соцгород
Сталиногорск. 1930–1934
[21]

неграмотные жители учились грамоте. В одной из комнат барака, чаще всего около основной входной двери, проживала семья барачного милиционера; кроме того, в каждом бараке был «старший», выбранный барачным коллективом [4, с. 49–50].

Баракы – и для холостых, и для семейных – строились без кухонь.

Баракы являлись выражением реального социального неравенства советского общества, которое проявлялось через типологию возводимого в СССР жилища: а) основные трудовые ресурсы (80–85% населения) коммунально обитали в бараках; б) средний технический

< Рис. 26. Соцгород Магнитогорск. Барак для ударников. Интерьер. 1931 г. [22]

kitchens. The barracks were an expression of the real social inequality of Soviet society which was manifested through the typology of housing development in the USSR: a) the main labor resources (80-85% of the population) lived communally in barracks; b) the average technical and managerial personnel and foremost workers (10-15% of the population) lived in 2-storey wooden 8 and 16 apartment houses also communally (Fig. 14, 15), c) higher Soviet-party authorities (2-3%) with families - in separate cottages, concentrated in isolated settlements, protected by the NKVD (Figure 17) (Table 1.).

The location of the barracks in the territory of socialist cities

The residential zone of new large towns-sotsgorod was a chaotically scattered barrack settlements (Figure 17), which were divided into several sections - "quarters", which had their own numbers.

Each of sections consisted of barracks, placed parallel to each other at a distance of 20-30-50 meters.

Barracks "quarters" were erected on the site of the projected blocks of capital (stone, wooden) development. A resident of Magnitogorsk L. Nikolaev remembered that the barracks were divided into large plots, which had numbers from 1 to 14. The first section was "elite". It was situated to the south-west of the Metallurgists' city park, the stadium and Pushkin Avenue and extended to the Zheleznodorozhny [Railway] transport club. It was considered elite because it housed city facilities: shops, the People's Court, the Magnit cinema (which was opened in August 1932). ... The largest site was the fifth one, which was located to the north of the future Pushkin Avenue (RSALA. Fund № 2285, p. 45).

Internal toilets were absent. Internal toilets were absent. Therefore, there were, external common wooden toilets (similar to Roman ones) on the territory between the barracks. They were unheated structure of boards for 8-12

> Рис. 27. Барак с отдельными комнатами для семейных (с отдельными входами с улицы) [13]

33; 34), которые разделялись на несколько участков – своеобразных «кварталов», имевших свои номера.

Каждый из них состоял из барачных, поставленных параллельно друг другу на расстоянии 20–30–50 метров.

Барачные «кварталы» возводились на месте запроектированных кварталов капитальной (каменной, деревянной) застройки. Так, житель Магнитогорска Л. Николаев вспоминал, что барачные поселки делились на крупные участки, имевшие номера с 1 по 14. Первый участок был «элитным». Он располагался юго-западнее городского парка Metallurgov, стадиона и проспекта Пушкина и простирался до клуба Железнодорожного транспорта. Элитным он считался потому, что в нем размещались городские объекты: магазины, нарсуд, кинотеатр «Магнит» (открывшийся в августе 1932 г.). Самым крупным участком был пятый, который расположился севернее будущего проспекта Пушкина [22, с. 45].

Внутренние туалеты отсутствовали. Поэтому на территории между бараками строили наружные общие деревянные туалеты (подобные римским) – неотапливаемые строения из досок на 8–12 дырок в полу, разделенные перегородкой на две части – мужскую и женскую. Рядом располагались ящики для мусора и бытовых отходов [22, с 45]. Здесь же – в пространстве между бараками – возводились вспомогательные деревянные строения

и управленческий персонал и передовики производства (10–15% населения), также коммунально, в 2-х этажных деревянных 8 и 16-квартирных домах (Рис. 28; 29; 30); в) высшее советско-партийное начальство (2–3%) (Рис. 31) с семьями – в отдельных коттеджах, сконцентрированных в обособленные поселки, охраняемые НКВД (Рис. 31; 32) (Табл. 1) (Прим. 2.)

Расположение барачных на территории соцгородов

Жилая зона крупных соцгородов-новостроек представляла собой хаотично разбросанные барачные поселки (Рис.

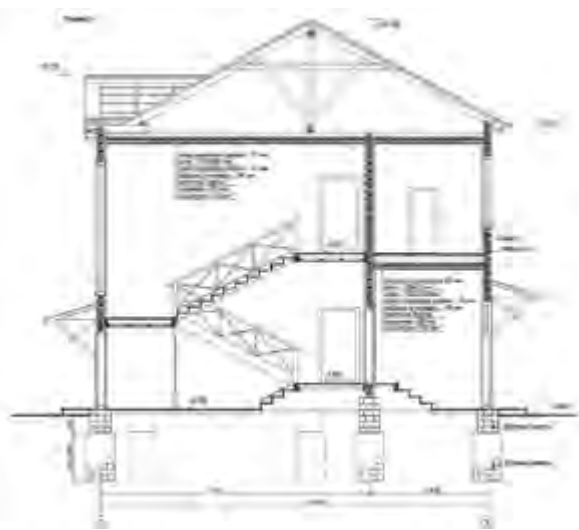
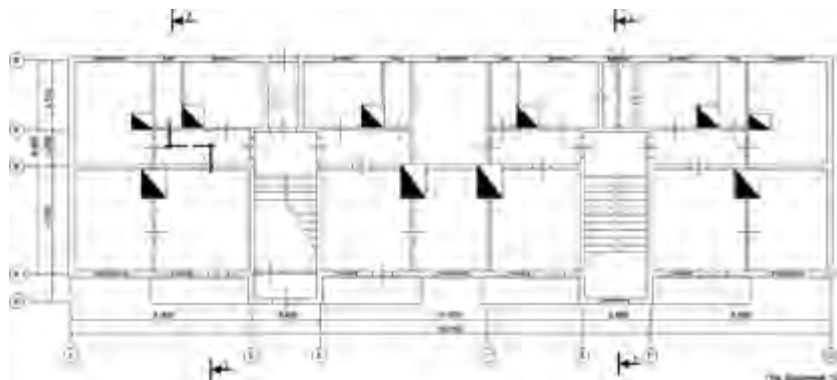
Прим. 2. На данное процентное отношение указывает Дж. Скотт [23]. Оно проверено и подтверждено на примерах других соцгородов-новостроек первой пятилетки в диссертационном исследовании [24]

> Рис. 28. Деревянный 8-квартирный дом. Внешний вид. Фото с природы. Предоставлено А. В. Сидоренко

Рис. 29. Деревянный 8-квартирный дом. Внешний вид. Фото с природы. Предоставлено А. В. Сидоренко

^ Рис. 30. Деревянный 16-ти квартирный дом. План, разрез [24, с. 64]

< Рис. 31. Коттеджный поселок «Березки» для высшего административно-технического руководства города и завода. Соцгород Магнитогорск. Архив МУ «Магнитогорский краеведческий музей». Предоставлено Е. В. Конишевой

< Рис. 32. Коттеджный поселок для высшего административно-технического руководства города и завода. Соцгород Чирчикстрой. Арх. Г. М. Орлов, В. А. Лавров, М. И. Тараканов, 1930-е гг. Фото с натуры [26]

80-85 % barracks	10-12 % 2-storey wooden houses (communal settlement); 3-4 - storey brick houses	2-3 % detached houses (for executives)
<p>materials</p> <p>metal concrete brick plywood stone</p>		

< Таблица 1. Типология жилища в индустриальных городах-новостройках первых пятилеток (1929–1937 гг.)

Составитель
М. Г. Меерович

holes in the floor, separated by a partition into two parts - male and female. Nearby here were boxes for garbage and household waste (RSALA. Fund № 2285, p. 45). In the space between the barracks - auxiliary wooden structures - sheds, which were called «budka» were built. The inhabitants kept wood and coal in them. Later in the sheds «budka» a bird, rabbits and even kept cows were bred.

In new towns barrack districts were built: a) on a planned basis - in designated areas, according to the general development plans and b) were erected spontaneously - in those places where the planning projects were foreseen for a different construction (districts of 2-storey wooden 8 or 16 apartment buildings (Fig. 16, 17) or 4-storeyed stone ones (Fig. 18). Barrack settlements were built as "temporary", and existed for 20-30 years (until the mid-1960s) (Dolgolyuk A.A., 2013, pp. 386, 390, 393). In some places they are still preserved now (Fig. 34)

And this fact seriously influenced the formation of the spatial structure of sotsgorod because the structural designers had to take into account the barrack settlements that had arisen «out of position» even to prolong their existence by developing projects for the growth of settlements, developing engineering facilities for this territory where the barracks were.

Public structures (domestic, medical, cultural, etc.)

All objects of service to the population of new socialist cities-sotzgotod (domestic, medical, cultural, educational, educational, etc.) were located in residential barracks specially adapted for these purposes. The workers ate in the canteens, which were located in the same barracks. At the entrance the cards were checked, and each one was given a wooden spoon. As a rule, workers ate at long wooden tables. Behind the backs of the eating persons stood their comrades, who were waiting for their turn (Fig. 19) (RSALA.

> Рис. 33. Соцгород Магнитогорск. Барачные поселки (обозначены черным). 1933–1934 [27]

> Рис. 34. Барачный поселок первостроителей Челябинского Ордена Трудового Красного Знамени станкостроительного завода имени Серго Орджоникидзе, 1931–1932 гг. План [9]

– сараи, которые назывались «будками». В них жители хранили дрова и уголь; позднее в сараях-«будках» разводили птицу, кроликов и даже держали коров.

В городах-новостройках барачные поселки возводились: а) планоно – на отведенных для этого местах, согласно генеральных планов застройки, и б) стихийно – на тех местах, где проектами планировки была предусмотрена совершенно иная застройка (кварталами 2-этажных деревянных 8 или 16-квартирных (Рис. 28; 29; 30) или 4-х этажных каменных домов (Рис. 35). Барачные поселки возводились как «временные», а потом существовали по 20–30 лет (до середины 1960-х гг.) [4, с. 386, 390, 393]. А кое-где сохранились до сих пор (Рис. 36). И это серьезно влияло на формирование пространствен-

ной структуры соцгородов, потому что планировщики вынуждены были, формируя проекты роста поселений, учитывать возникшие «не на своих местах» барачные поселки и даже продлевать их существование, разрабатывая проекты инженерного благоустройства занимаемой ими территории.

Общественные здания (бытового, медицинского, культурного и т. п. назначения)

Все объекты обслуживания населения соцгородов-новостроек (бытового, медицинского, культурного, образовательного, воспитательного и т. п.) располагались в жилых бараках, специально приспособленных для этих целей. Питались рабочие в столовых, которые располагались в таких же бараках. При входе в барак проверялись карточки и каждому выдавалась деревянная ложка. Как правило, рабочие питались за длинными деревянными столами. За спинами обедающих стояли их товарищи, которые ожидали своей очереди [4] (Рис. 37; 38).

Прочие объекты обслуживания (клуб, почта, временный автогараж, конюшня, пожарные депо, прорабская

Fund № 2285, p. 45).

Other service facilities (club, post office, temporary car garages, stables, fire stations, foreman's offices, shop, bakery, and nursery) were located in the same barracks, only shortened in length (Fig. 20).

Conclusion

"Artificial" violent urbanization in the USSR was inextricably linked with the general line of the Bolshevik government for the accelerated erection of military industrial enterprises. Resettling, town-planning, housing policies were only a side effect of industrialization, in which man was viewed only as a kind of "natural resource", which should be used in the public interest. Barracks, during the first five-year plan, and in the following years, expressed and embodied this doctrine.

Soviet urban planning materialized state postulates of the labor-mobilization and military-mobilization organi-

zation of the country's population in a specific structure of habitable space. Therefore, the new industrial cities had a planning division of residential area on the barrack settlements, divided into "quarters", which ensured the following: the territorial distribution of the population which were led and controlled by the territorial party bodies and factory party committees; control over domestic processes; to keep accurate records of the quantity and "quality" of the inhabitants; facilitated fulfillment of labor obligations; the strictness of population accounting for conscription to military service.

The design and building of barracks, like any massive housing construction in the USSR, was carried out exclusively by the state, and in the 1920-1930s barracks were the main means of providing of the population of new industrial cities with a roof over their heads.

контора, магазин, пекарня, детские ясли), располагались в таких же бараках, только укорачиваемых по длине (Рис. 39; 40).

Выводы

Насильственная урбанизация в СССР была неразрывно связана с генеральной линией большевистской власти на ускоренное возведение военно-промышленных предприятий. Расселенческая, градостроительная, жилищная политика являлись лишь побочным следствием индустриализации. В ее рамках человек рассматривался всего

< Рис. 35. Жилые дома центральной зоны квартала № 1 (тип Госпроекта, 1931). Внешний вид (1960-е гг.) [28]

< Рис. 36. Брянск. Бараки, 2016 [29]

лишь как разновидность «природного ресурса», который следует использовать в государственных интересах. И в период первой пятилетки, и в последующие годы бараки выражали и воплощали эту доктрину.

Советское градостроительство материализовало в конкретной структуре обитаемого пространства государственные постулаты трудо-мобилизационной и военно-мобилизационной организации населения страны. Поэтому индустриальные города-новостройки имели планомерное членение селитьбы на барачные поселки, разделенные на «кварталы», что обеспечивало терри-

v Рис. 37. Соцгород Магнитогорск. Столовая для строителей плотины № 1. Предоставлено В. А. Токаревым

< Рис. 38. Соцгород Магнитогорск. Барачный поселок 1931 г. Крупное здание, перпендикулярное баракам – столовая (?) [6]

References

Bliznakova, M. (2001) Sovetskoe zhilishchnoe stroitelstvo v gody eksperimenta: 1918-1933 gody / Zhilishche v Rossii: vek XX. [Soviet housing construction in the years of the experiment: 1918-1933 [Housing in Russia: the XX century] Arkhitektura i sotsialnaya istoriya. Monograficheskiy sbornik [Architecture and social history. The monographic collection] Moscow: Tri kvadrata, pp. 53-89.

Gerasimova Y. Yu. (1998) Sovetskaya kommunalnaya kvartira [Soviet communal apartment] Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal]. Vol. 0, № 1-2. pp. 224-243.

Lebina N. (1997) Kommunalnyy, kommunalnyy, kommunalnyy mir... [The communal, communal, communal world ...] Rodina [Homeland]. Vol. 1, pp. 16-21.

v nishchete: Simvolicheskoe znachenie «kommunalok» v 30-50-e [Equality in poverty: The symbolic meaning of «communal» in the 30-50's] Sudby lyudey: Rossiya XX vek [The fate of people: Russia XX century]. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, pp. 373-390.

Utekhin I. (2004) Ocherki kommunalnogo byta [Essays on communal life]. Moscow: OGI (Obedinennoe Gumanitarnoe Izdatelstvo). (in Russian).

Kotkin S. (1995) Magnetic mountain: Stalinism as civilization. Berkley: University of California Press.

Meerovich M.G. (2004) Sotsialno-kulturnye osnovy osushchestvleniya gosudarstvennoy zhilishchnoy politiki v RSFSR (1917-1941 gg.) [Socio-cultural basis for the implementation of the state housing policy in the RSFSR (1917-1941)]. PhD. Irkutsk National Research Technical University. (in Russian).

Meerovich M.G. (2010) «Nagrazhdennye trudom» ili kochevniki ponevole [«Rewarded by Labor» or nomadic involuntarily] Proekt-Baykal, Vol. 24, pp. 114-118.

Dolgolyuk A.A. (2013) Sibirskie stroiteli v 1946-1970 [Siberian builders in 1946-1970]. Novosibirsk: Parallel, p. 381.

Wit, Cor de. Johan Niegeman (1979), 1902-1977: Bauchaus, Sowjet Unie, Amsterdam. Amsterdam, p. 81.

> Рис. 39. Поселок перво-
строителей Челябинского
станкостроительного
завода им. Серго Орджони-
кидзе. Почта [9]

> Рис. 40. Поселок перво-
строителей Челябинского
станкостроительного
завода им. Серго Орджоники-
дзе. Прорабская контора [9]

ториальное упорядочивание населения, руководимого и контролируемого территориальными партийными органами и заводскими парткомитетами, облегчало контроль над бытовыми процессами, позволяло вести точный учет количества и «качества» обитателей населенных пунктов, упрощало привлечение к отбытию трудовой обязанности, обеспечивало строгость учета населения при призыве на военную службу.

Проектирование и строительство барачов, как и любое массовое строительство жилища в СССР, осуществлялись исключительно государством. В 1920-1930-е гг. именно бараки являлись основным способом обеспечения крышей над головой 80-90% населения промышленных новостроек.

Литература

1. Близнакова М. Советское жилищное строительство в годы эксперимента: 1918-1933 годы / Жилище в России: век XX: Архитектура и социальная история: Монографический сборник / сост. У. Брумфилд и Б. Рубл. - М.: Три квадрата, 2001. - С. 53-89; Герасимова Е. Ю. Советская коммунальная квартира // Социологический журнал, 1998. - Том. 0. - № 1-2. - С. 224-243; Левина Н. Коммунальный, коммунальный, коммунальный мир... // Родина, 1997. - № 1. - С. 16-21; Семенова В. Равенство в нищете: Символическое значение «коммуналок» в 30-50-е годы // Судьбы людей: Россия XX век. - М: Институт социологии РАН, 1996. - С. 373-390; Утехин И. Очерки коммуналь-

ного быта. - М.: ОГИ (Объединенное Гуманитарное Издательство), 2004. - 280 с.; Kotkin S. Magnetic mountain: Stalinism as civilization. - Berkley: University of California Press, 1995

2. Меерович М. Г. Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917-1941 гг.): дис. ... доктора истор. наук / Иркутский гос. ун-т. - Иркутск, 2004. - 659 с.

3. Меерович М. Г. «Награжденные трудом» или кочевники поневоле // Проект Байкал. - 2010. - № 24. - С. 114-118

4. Долголюк А. А. Сибирские строители в 1946-1970 гг. - Новосибирск: Параллель, 2013. - 476 с.

5. Wit, Cor de. Johan Niegeman, 1902-1977: Bauchaus, Sowjet Unie, Amsterdam. - Amsterdam, 1979. - P. 81

6. USSR im bau, 1932. - № 1

7. Галигузов И. Ф., Чурилин М. Е. Флагман отечественной индустрии: История Магнитогорского металлургического комбината им. В. И. Ленина. - М., 1978. - С. 25

8. Федосихин В. С., Хорошанский В. В. Магнитогорск - классика советской социалистической архитектуры, 1918-1991 гг. - Магнитогорск, 1999. - 168 с.

9. Поселок первостроителей ЗСО [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://eh-la-bas.livejournal.com/2398.html>

10. Васильев Б. Ф. Сборные и разборные конструкции деревянных зданий: Обзор и критическая оценка. - М. - Л., 1931. - 112 с.

Galiguzov I.F., Churilin M.Ye. (1978) Flagman otechestvennoy industrii. Istoriya Magnitogorskogo metallurgicheskogo kombinata im. V.I. Lenina. [The flagship of the domestic industry. History of the Magnitogorsk Metallurgical Integrated industrial plant named after V.I. Lenin] Moscow: Publishing house «Thought», p.25. (in Russian)

Fedosikhin V.S., Khoroshanskiy V.V. (1999) Magnitogorsk – klassika Sovetskoy Sotsialisticheskoy arkhitektury. 1918-1991 [Magnitogorsk is a classic of Soviet Socialist architecture 1918-1991] Magnitogorsk: Bauman Moscow State Technical University p. 41. (in Russian)

Tishchenko F.V. (1932) Novye metody proizvodstva stroitelnykh работ. Odnoetazhnye karkasnye stroeniya (Opyt Magnitostroya) [New methods of construction works. One-story frame structures (Experience of Magnitostroy)]. Sverdlovsk-Moskva: Ural. obl. gos. izd., p. 46.

Statistical Report for 1931 (1932) Magnitogorsk v tsifrah [Magnitogorsk in figures] Magnitogorsk: «Magnitostroy», pp. 318-319.

Makarova N.N. (2010) Povsednevnyaya zhizn Magnitogorska v 1929-1935 [The daily life of Magnitogorsk in 1929-1935]. (PhD Thesis) Magnitogorsk, pp. 64-65.

The Russian State Archive of Literature and Art (RSALA). Fund № 2285. Inventory 1. File 104. Sheet № 49.

Lidin K.L., Meerovich M.G., Bulgakova E.A., Vershinin V.V., Papaskiri T.V. Applying the theory of informational flows in urbanism for a practical experiment in architecture and land use. *Espacios*. 2018. T. 39. № 1. C. 12.

11. Проекты рабочих жилищ: Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. – М., 1929. – 270 с.

12. Тищенко Ф. В. Новые методы производства строительных работ. Одноэтажные каркасные строения: Опыт Магнитостроя. – Свердловск – Москва: Урал. обл. гос. изд, 1932. – 46 с.

13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://s16.photobucket.com/user/chmelnizki/media/Arkhitektura/Stalilingrad_Doma_ASSR_N10-45-600_zps8a9525fe.jpg.html

14. Сборные деревянные дома (конструкции): Альбом. – М. – Л.: Гос. научно-техн. изд-во, 1931. – 208 с.

15. РГАЛИ. Ф. 2285. Оп. 1. Д. 104. Л. 29

16. Магнитогорск в цифрах: Статистический отчет за 1931 г. – Магнитогорск: Изд-во «Магнитострой», 1932. – 341 с. – С. 318-319

17. «Красные казармы»: Комплекс зданий военно-остановочного пункта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://kraeved.ngonb.ru/node/3684> (дата обращения 12. 11. 2017)

18. Как жил русской рабочий до революции? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://gifakt.ru/archives/index/kak-zhil-russkij-rabochij-do-revolyuicii/>

19. Макарова Н. Н. Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929–1935 гг.: дис. ... кандидата истор. наук. – Магнитогорск, 2010. – 280 с. – С. 64–65

20. Рабочие жилища: Примерные проекты архитекторов: Л. А. Веснина, К. А. Грейнер, А. К. Иванова, А. Иваницкого, В. Д. Кокорина, Н. Я. Колли, Б. А. Коршунова, Э. И. Норверт, Н. Чайковского, С. Е. Чернышева. – Л.: Гос. тип. им. И. Федорова, 1924. – 18 с.: прилож.

21. Сталиногорск 1941 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://stalinogorsk.ru/zemljanye_baraki_pervostroitelej_stalinogorska (03.08.2017)

22. Ларин Ю. Показательная роль Магнитогорска в коммунальном и жилищном хозяйстве // За социалистическую реконструкцию городов. – 1932. – № 1

23. Скотт Дж. За Уралом: Американский рабочий в русском городе стали. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://read24.ru/fb2/djon-skott-za-uralom-amerikanskiy-rabochiy-v-russkom-gorode-stali/> (последнее посещение 31. 10. 2013)

24. Меерович М. Г. От городов-садов к соцгородам: основные архитектурно-градостроительные концепции в СССР (1917 – первая

половина 1930-х гг.): дис. ... доктора архитектуры. – Нижний Новгород, 2016. – 926 с.

25. Меерович М. Г. Типовое деревянное жилищное строительство в Иркутске: 1920–1950-х гг./в соавт. с А. Сидоренко, А. Чертиловым // Academia. Архитектура и строительство. – М., 2009. – С. 62–67

26. Шасс Ю. Архитектура жилого дома. Вып. 1. Поселковое строительство 1918–1948 годов. – М.: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1951. – Таблица 26

27. Макарова Н. Н. Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929–1935 гг.: дис. ... канд. истор. наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история. – Магнитогорск, 2010. – Приложение 2

28. Казаринова В. И., Павлюченков В. И. Магнитогорск. – М.: Гос. изд-во лит-ры по стр-ву, арх-ре и строит. материалам, 1961. – С. 151

29. В Брянске планируют сносить бараки на деньги из резервного фонда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://regnum.ru/news/есомоту/2132391.html> (последнее обращение 12. 11. 2017)

Обсуждается ограниченность концепта «здоровый город», его нерелевантность задачам городского развития. Обозначены обстоятельства в сфере знаний и представлений, в которых идея «здорового города» может обернуться очередным инструментом манипуляции. Проведен анализ категории «место», центральной в сегодняшнем дискурсе; даны предложения по развитию указанной сферы.

Ключевые слова: место; здоровье; комфорт; идентичность; городская среда; манипуляции и подлинность в урбанизме. /

The article considers a “healthy city” as a limited concept, which is irrelevant to the tasks of urban development. It features the conditions in the field of knowledge and ideas, where the idea of the “healthy city” can turn into another manipulation tool. The article analyses the category of “place”, which is the focus of today’s discourse, as well as suggests some proposals for the development of the given field.

Keywords: place; health; comfort; identity; city environment; manipulations and authenticity in urbanism.

«Здоровый город» и живое место /

текст
Петр Капустин /
text
Petr Kapustin

Начнем с тезиса, который, несомненно, вызовет отвращение у чиновников или маркетологов, но это отвращение взаимно. Тезис таков: живое, в т. ч. и город, не может быть... вполне здоровым. Полнота здоровья... умерщвляет, поскольку здоровое тело консервативно: оно живет самоподдержанием статуса, но не развитием, не творчеством. Для творчества нужны разрывы повседневности, просветы бытия и щели в Иное: надо видеть То, что стоит по ту сторону здоровья – о человеке ли мы говорим, о городе или об обществе в целом. Творчество, развитие, способность порождать новое – разрушительны. Да, они не всем и не всегда нужны или доступны, а тезисы о здоровье, комфорте и качестве понятны и близки всем. На этом и основывается очередной подвох, в который мы вольно или невольно рискуем попасть. Поэтому следует понимать и помнить, что концепт здоровья – инструмент остановки развития (или может в таковом качестве использоваться). Равно как и концепт комфорта или качества городской среды.

Ударить комфортом по среде и разгильдяйству
Идея среды не позволяет доверять всяким «квалити» – качественным оценкам. Квалитетрия – явление рынка, в т. ч. и консультационного, развивающегося сегодня темпами, намного опережающими развитие интеллектуального обеспечения таких занятий. Среда не бывает комфортной или дискомфортной: если она есть – тогда она опознается своей на симпатическом уровне, без экспликаций, нормативных оценок и сопоставлений с избранными кем-то и для каких-то целей образцами (как правило, идеализированными). Если же ее нет – нет и качеств (Рис. 1). Категория качества к городской среде неприменима. Среда – феномен, а феномены преобладают субъект-объектную дихотомию, т. е. в среде нет отдельно «субъекта» и «объектов». Качества среды неотчуждаемы, а поэтому оценивать как что-то внешнее городскую среду может только тот, кто в ней не обитает, кто к ней безразличен. Но он оценивает уже не среду, а что-то совсем другое: «пространство», его благоустройство (оснащенность и обеспеченность благами и прочие сугубо бюрократические фикции). Он может взять нормы, сверить с ними наличие, пригласить архитекторов и ди-

зайнеров для восполнения нормативной недостаточности и т. п. (в особо продвинутых случаях – даже собрать мнения и пожелания жителей). Но состоявшаяся (увы!) привычка называть все это «проектированием комфортной среды» или заботой о средовых качествах выражает лишь общую недоразвитость языка и метода устойчивых практик работы с городом.

Итогом массированного распространения фикции «комфортной городской среды» неизбежно станут (и уже становятся) невозможные утраты живого городского тела – от исторических домов, кем-то вдруг признанных «некомфортными», до вашей любимой скамейки в парке. Но гораздо более обширными будут утраты смысла и чувства подлинности обитаемого пространства, ощущения сопричастности горожан к существованию и развитию города.

Модернизм начинался с так называемого «гигиенизма», постмодернизм – с «прав человека»; теперь все добьет «комфорт», цинично соединенный с инородным для него понятием «среда», на которое еще оставались хоть какие-то надежды.

Живое и его рационализации

С момента возникновения городов никто не гарантировал в них здоровый образ жизни или свободу от всего нездорового. Скорее напротив (Рис. 2). Отпуская относительную безопасность и относительный комфорт как редкий и строго дозируемый товар, города – эти аттракторы всех соблазнов – ввергают в пучину совсем иных ценностей и целей. Здоровье в городах никогда не было ни ценностью, ни целью, но было разменной монетой; в лучшем случае – тем же товаром. Отчаянные пуританские попытки подчинить городское устройство идеям порядка, здоровья, нравственности, оставившие после себя специальным образом сконструированные предметы знания, обросшие со временем чем-то вроде практики, благополучно растворились в многообразии городских движений; растворятся и нынешние, не сумев подчинить себе всю полноту Города. Города пребывают в кризисе, это известно, но кризис – их обычное состояние.

Достаточно не быть больным, по крайней мере – фатально больным. Совершенное здоровье, как и пол-

^ Рис. 1. Группа Urbanautica. Городская зарисовка. Воронеж, 2013 г.

< Рис. 2. Города – извечные плацдармы борьбы норм и их нарушений, порядка и хаоса, карантина и карнавала, дисциплины и свободы.
Питер Брейгель Старший. Битва Масленицы и Поста, 1559 г. Фрагмент

A “Healthy City” and a Living Place

ный порядок, существуют лишь на кладбище (Прим. 1). Но гораздо более безжизненны, чем кладбища (которые, в конце концов, не противостоят жизни, но обслуживают и оттеняют ее), так называемые «идеальные города» (Рис. 3). Общее между Идеальным и Здоровым состоит в том, что они не знают локаций. Болезнь, как и Жизнь, как и акт творчества, всякий раз локальна, всегда здесь-вот... Локализовать здоровье, как и «привязать» идеал, наверное, можно, однако такие действия отчетливо одиозны, за ними ощущается привкус самых жестоких манипуляций, и слышен вопрос: какой ценой, за счет чего или кого они осуществлены? Это вопрос о субъективности, перешедшей социально приемлемые границы, т. е. вопрос о норме: он-то всегда и обсуждается в урбанистике и других сферах, имеющих дело вовсе не со здоровьем или мечтой, идеалом или даже с реально протекающей жизнью, но с различного масштаба рамками приемлемости всего здесь и теперь – рамками, не всегда осознаваемыми. Идеальное и Здоровое – утопичны (Прим. 2) и должны таковыми оставаться. У – топичны, то есть не имеют места. Категория места (а во многих языках это синоним города) здесь центральная.

К метафизике места

Говоря «место», мы обычно предполагаем постановку кого-то или чего-то в должное им и назначенное им положение. Мы предполагаем, что адресат нашего местоуказания послушно, собаке подобно, встанет туда именно, где мы ему указали быть. Здесь уже речь не идет о властных одергиваниях или о манипуляциях – нет: обыденное указание на место чего-либо обладает уже в полной мере качествами назначения. За этими качествами стоит ряд допущений, все из которых сильны.

Первое: место есть локальность в пространстве и даже, возможно, во времени. С этим тезисом можно было бы и не спорить, если бы не все то, о чем будет сказано ниже. Второе: адресат – кем бы или чем бы он ни был – не только послушно занимает место (это допущение управленческое, то есть вторичное), но и в принципе способен:

- занимать определенное место, то есть обрести локальную позицию;

- совпадать с этим местом, не превосходя его и не оставляя пустот.

Оба эти допущения представляются чрезмерными. Локальное позиционирование умалет природу вещей, лишая их полиморфности и отказывая им в способности к диффузии, уже не говоря о трансцендентализме. Но реальные вещи точно так же не поддаются локализации, как не поддаются они руководству, требуя более реалистических стратегий действия с собой. О том, что любое «занятие места» означает вымещение из места чего-то (или кого-то) там до того находившегося, тут уж можно и не вспоминать. Однако такое вымещение в жизни создает массу проблем; представление же о «местах» как точках в пустом пространстве, эта абстракция математики, должна быть отброшена и крепко забыта: таких мест нет. Места не пусты, а пустоты безместны. Появление пустот в локусах наличного или ожидаемого присутствия должно быть отнесено к ужасающим событиям ложного воображения мира, приводящим к катастрофам. Таковы именно все катастрофы модернистского духа и производных от него мутантов, включая нацизм и большевизм. Опустынивание мира таким воображением точно описал Андрей Платонов. Живое движется, оно везде и нигде – только благодаря этому оно всякий раз здесь и теперь. Мертвое же не подлежит временной локализации (в этом его сила, издревле известная жрецам), а его пространство – выморочное и легко поддается напору извне. Поэтому модернизм и все остальные стратегии небрежного действия с местами предпочитают иметь дело с мертвым или делать мертвым то, к чему прикасаются (Прим. 3).

Совпадение замысла с местом также есть фикция технократического воображения. Места, даже создаваемые нами, всегда сложнее, «больше» и коварней наших замыслов. Такова среда: ее плотность явственно превышает фиктивную упорядоченность пространства; не знаясь с предзаданностью, она исполняет все функции не только более эффективно, чем рациональное пространство размещений, но и избыточно, что создает условия новации и сингулярности. Такая мерцающая, «экранная» онтология должна была бы существенно обновить весь инструментарий нашего мышления и деятельности. В идее

^ Рис. 3. Каковы бы ни были попытки привнести в городское устройство тотальный порядок – от урбинских ведут до «Лучезарного города» и далее – их источники расположены не в этом мире, не «здесь и теперь». И проблема вовсе не в недостижимости, но, напротив, в легкости «осуществления» надмирных идей. Лучано да Лаурана. Ведута. Урбино, ок. 1470 г.

среды предполагалось, что мы далеко уйдем по этому пути от наивных представлений об «объекте» – представлений, данных нам конвенциями, ставшими столь привычными, что уже принимаются за данные органов чувств. Но, увы, важнейшие концепты – Проектирование, Среда, и Архитектура – оказались нашими лебедем, раком и щукой, они тянут в совсем разные стороны. Этот «параллелепипед сил» уже полвека оставляет «воз и ныне там, он порождает странные мутации (об обыденных отождествлениях, равно как и о профессиональной привычке не замечать различия, здесь говорить не хочется): так, утопии оказываются реалистичней местничества, подрыв даэзин – уместней его наивного утверждения. Мода своими циклами (сегодня – опять «авангард», опять «утопии»...), все более ускоряющимися циклами, не оставляет, кажется, уже ни времени, ни сил, чтобы осмотреться, чтобы осознать разрастающуюся безместность и воспроизводящееся отсутствие, чтобы выйти из круга и неспешно обратиться к ценности места и доблести присутствия. К счастью, есть в архитектурной практике сегодня и такое, но его еще очень мало.

Зияющая язва проектности могла бы быть признана пороком на умиротворенном теле архитектуры, которой издревле приписывается умение создавать места. Но ведь архитектура, создавая места, отнюдь не лишает их неопределенности и присутствия иного, она оставляет люфты для наших метаний и déjà vu. В то время, как про-

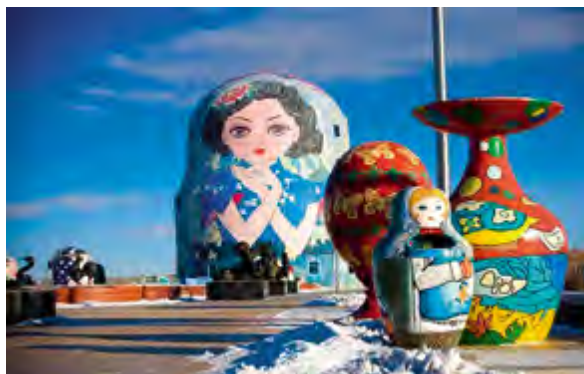
ектность до обидного легко теряет всякую «экранность», легко, увы, становясь орудием вменения несомненного. Не стоит забывать и то, что все древнейшие средства архитектурного соиздания мест посвящены загробному покою, но вовсе не мятущейся витальности. Всему живому лишь дозволяется быть между, среди их величества Форм – в среде. Проектирование же внесло в архитектуру новый «вирус», до сих пор, судя по всему, не вступивший с телом носителя в приемлемый симбиоз.

Немного об алхимии

Указанный «вирус» и порожденная им двойственность – самая суть Нового времени. Как теперь можно замышлять места – а ведь, вроде бы, это требуется от архитектурного, градостроительного или ландшафтного проектирования? Как исполнить эту совершенно немислимую миссию? (Прим. 4). Как, в самом деле, даже мыслить о ней? Картезианский параллелизм лишил места не только невинности, но и самого существования: ведь существовать в виде натуральной данности может только наивное. Нельзя не признавать, что соединение места и содержания (город), территории и мысли (регион), идеала и ландшафта (сад, парк) – вполне «алхимическая» техника, результат которой достигим долгим и интенционально напряженным действием, вроде толчения несоединимых ингредиентов в ступе, и соприроден чуду их синтеза.

Так было всегда, но после Декарта развернулись две противоположные линии: одна выросла из гордыни соиздания. Но в компенсацию ей наследовала и наивность натурализма, верящего в инертность всего внемыслительного, извращающая (и парадоксально продолжающая) великую традицию Утопии тем, что напрямую отождествляла топик своего мышления с организованностями в пустоте. Планиметрический рационализм, на который обычно указывают в связи с разворачиванием этой линии, – лишь внешняя сторона дела, хотя его символизм и неслучаен, и неизбывен. Но важнее то, что алхимия и техника «пространственного соблазнения» [1] (увлечение материи вослед интенциям) отброшены здесь и заменены блуждающим технологическим насилием. Стоит ли сегодня удивляться умиранию так именно созданных «горо-

> Рис. 4. Все эти местные вещи поглощены media. П. Эйзенман. Площадь в городе Маньчжурия, Китай

дов» и «регионов»? Однако не стоит забывать и того, что едва ли не все, что мы привычно зовем проектированием (в т. ч. «градостроительным»), все еще принадлежит этой линии, все еще питается перебродившими соками надмирного воления.

Другая линия – попытки возвращения утраченной невинности. Здесь, напротив, изо всех сил делается вид, что никакой глобальности не существует, в т. ч. не существует и мышления. Наивность здесь другая: она имеет природу нативности (native), и здесь готовы с усердием толочь скучную смесь из местных ингредиентов (Рис. 4). Однако в ступку неизменно «забывают» добавить хоть что-то связующее (Прим. 5). Но, разумеется, использовать какое-то проектирование, кроме того самого, опьяненного диктатом вымысленного, не могут, как правило, и здесь. Жуткость соединения не искупается сильным разбавлением плохо очищенной утопии порожными массами подручных материалов. Этим мы собираемся лечить наши измученные города?

Существенно более осмысленной могла бы быть третья линия, возможность которой до сих пор открыта. Она могла бы базироваться на наблюдении: за пределы «мест» выходят смыслы, а не энергетические леи, как это представлялось архаическому сознанию, и не абстрактная воля чистого мышления. Точнее, феномены первого и ноумены второго – теперь уже разновидности смыслов места, хочет оно того или нет [2]. Та линия, о которой речь, должна взять такую идею именно в качестве эмпирического наблюдения, а для этого сформировать соответствующую ему, овозможную его перцептивную культуру – привычку видеть смыслы и восстанавливать маршруты их трансцендентализма. В этом нет ничего невероятного и даже нового: это, по сути, все то же фонетическое воображение пространства, описанное М. Маклюэном. Беда лишь в том, что оно ныне помалу умирает, а нам тут требуется, напротив, развитая и совершенная его форма. Откуда ее взять?

К практикам работы с городами

Ресурсы ответственности видятся в проблематике идентичности. Г. П. Щедровицкий, провозглашая, что «никаких "мест" не существует» (обращаясь к архитекторам и географам, так любящих свои теплые места), имел в виду, что нет мест в партере зрелища идентичности. Что идентичность надо, приходится, строить – сознательно и усиленно, пусть бы этот процесс и напоминал алхимическое толчение. Как прозорливо указывает, вслед за Бюффеном, А. Г. Раппапорт, состоявшаяся и подлинная идентичность обретает форму стиля. Свежесть этой мысли крайне трудно оценить в нашей цивилизации симулякров, однако именно в ней она получает небывалую конструктивность. Стиль – мифологическая действительность, истина которой пребывает в ней самой, чем и достижима хоть какая-то локализация. Разумеется, дела не решает стайлинг, мифология которого, согласно Р. Барту, транзитивна и паразитарна. Впрочем, если кому-то достаточно имитации жизни – он найдет великое множество развитых технологий такого занятия.

В отличие от последних, техники восстановления подлинной идентичности все еще в большом дефиците. Пока ясно немного, но в т. ч. и то, что места не находятся (поиском) в пространстве и не расположены (к нам) априорно. Места феноменальны, в них снимается как объективность и объектность, так и субъективность и субъектность. Но, коли так, способность иметь дело с местами превосходит всякие технологии и культуры, всякую нормативность, в т. ч. и фонетическую, где-то в неведомых глубинах платоновского «воспоминания», соединяясь с древним опытом дофонетического воображения и – страшно сказать – довербального и даже доязыкового мышления. Будучи повседневной,

эта способность латентно оперирует такими трансцендентальными энергиями, которые неместны ни в какую проектировочную методу и, возможно, ни в какой метод философской или поэтической деконструкции. Весь фокус лишь в умении выводить смыслы в непотаенность. Это умение и создает места: так Архитектура и создавала их, будучи ремесленно-жреческой практикой символического воссоединения духа и плоти. Но ремесленнику-зодчему было «легко»: соединение формы и субстрата, согласно Аристотелю, ни в малой мере не затрагивало проблему творимости формы. Мы же давно уже покусились и на эту божественную функцию, а потому наша месса по месту вынуждена быть пост-невинной, пост-проектной (если под проектированием понимать описанное выше наивничание чистого разума).

Место – топос прохвата материи духом (а территория – локус захвата материи ужасом рассудочных классификаций, terror-ом опустынивания и монотонности.) Место (place) – в невероятной гетерогенной конкретике своего трансцендентализма – гораздо в большей степени, нежели абстракции пространства и космоса (space), способно возратить нас к категориям веры. В местах, в истинствовании созданных и дарующих подлинную идентичность, тут же просвечивает Иное, светом нездешним. Не потому ли так широко развернулась в век рационализма война с умением создавать места? Не потому ли столь усиленно стирались различия и границы между местами и даже их типами? И не потому ли так дискредитировалась сама категория места – от действий «на местах» (призванных означать территориальную привязку фикций тотальной власти), до «знай свое место» (чем предполагалось, что «место» – позиция в иерархической тотальной деятельности, но также и признавалось, что живое способно об этой условности забывать). И сегодня места, увы, не обиталища жизни, но плацдармы борьбы – исчезающие оазисы различия в океане Тождественного (Прим. 6) (Рис. 5).

Поэтому осмысленной стратегией действия с городами и средой сегодня, особенно в России, является вовсе не достижение целей, представляющихся очевидными, вроде «оздоровления», «повышения комфортности», роста/понижения плотности и пр. Имеющиеся технологии достижения всего этого не приносят социального блага, не дают удовлетворения, не защищают от втягивания в грязные манипуляции с общественным мнением и в банальное разворовывание ресурсов всех видов, включая лимит человеческого доверия. Осмысленна постановка всего известного «в скобки», постановка вопросов о происхождении наших убежденностей и ориентиров. Не стройка, но размышление; не синтез и симбиоз всего со всем, но анализ и постижение синкретических феноменов; не разбрасывание, но собирание камней. И уж точно не форсированная инноватика, демон которой все еще застит глаза администрациям, долж-

< Рис. 5. Нас лишают всякой инаковости, всякой необычности и обрекают на воспроизводство Того же самого в бесконечном процессе отождествления, в универсальной культуре тождественности. Ж. Бодрийяр. Застройка в провинции Цзянсу, Китай

> Рис. 6.

Что и кого собрались мы оздоравливать, если в нашем собственном профессиональном сознании остаются слеплены знак и объект, модель и идея, идеальное и натуральное, архитектурная морфология со структурой диаграмм, преждевременные и неуправляемые формализации – с атактистическими штампами формообразования и прочее, прочее? Не оттого ли постоянные провалы попыток строить «здоровые города»? Начинать оздоровление стоит с ревизии профессионального инструментария (в т. ч. семиотического), концептуального аппарата, используемых форм рефлексии, с подъема методологического и гуманитарного уровня профессии

на стать задачей проектной и управленческой работы с городами [3]. После «коргии» урбанизма меньше всего урбанист сегодня имеет право на позицию и самосознание доктора – врачевателя городов. Скорее уж актуальна и востребована позиция вдумчивого ученика. Или антрополога, впервые открывающего экзотические миры. Наши знания и представления обязаны пройти стадию самокритического обнуления, пока еще есть какое-то время, пока надвигающаяся реальность не обнулила нас самих.

Охрана мест, забота о сохранении и воспроизводстве их идентичности становится центральным делом социально-экологических движений, беда которых, однако, в том, что они не очень четко понимают, от чего следует охраняться и что оздоравливать. Ведь дело, увы, не только и уже не столько в злых умыслах, сколько в методах и способах проектного мышления и прочего наследия мегамашин. Дракон живет здесь. Здоровье городов, коль уж всерьез заботиться о нем, начинается не с фильтров на трубах и не с количества зеленых насаждений на душу, но... с самой души, с защитных фильтров, которыми мы сможем ее обеспечить; оно начинается с отказа умиляться картинкам и макетам сто- и пятидесятилетней давности, со способности видеть в них «белые нитки», так долго шивавшие наши воспаленные грёзы и наши скоропостижные решения (Рис. 6). Потому так важны и нужны сегодня эксперименты по диверсификации проектирования, нацеленные не на форсированную футурологию, как в 1960–70-х, в которой так много легковесных ложных конструкций, оборачивающихся тяжелым похмельем, но, напротив, на деконструкцию неистинного, на возрождение и воспоминание подлинного.

Примечания

1. По сути, описанию «совершенного» состояния всего того, к чему так стремятся сегодня наши дизайны и сервисы, наши девелоперы и маркетологи, на что направлены заботы о комфорте и здоровье, Жан Бодрийяр посвятил свою книгу «Америка» (1986). Вот, например: «На благоухающих холмах Санта-Барбары все виллы напоминают funeral homes [место, где происходит гражданская панихида (англ.)]. Здесь, среди гардений и эвкалиптов, в изобилии видов растительности и однообразия человеческого вида, зловещая судьба реализованной утопии. В этом средоточии богатства и свободы всегда стоит один тот же вопрос: «What are you doing after

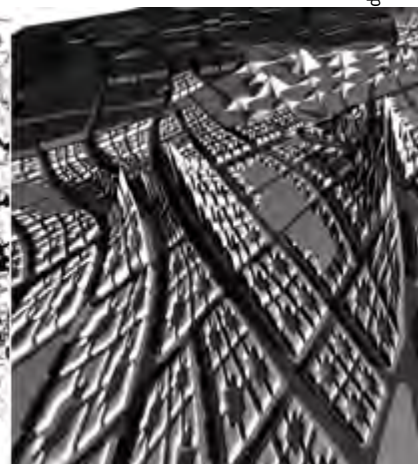
the orgy?» Что делать, когда все доступно: секс, цветы, стереотипы жизни и смерти? Вот в чем проблема Америки, которую унаследовал весь остальной мир. Все дома мертвенны, и ничто не нарушает этого искусственного спокойствия. Отвратительная вездесущность зеленых насаждений как навязчивая мысль о смерти, застекленные проемы, напоминающие хрустальный гроб Белоснежки, массивы бледных и низкорослых цветов, расползающихся подобно рассеянному склерозу, бесконечное ветвление проводов над, под, вокруг дома, напоминающих катетеры в реанимационном отделении госпиталя, TV, стерео, видео, которые устанавливают контакт с внешним миром, машина, машины, обеспечивающие связь с погребальным торговым центром, супермаркетом, наконец, жена и дети как наглядные признаки успеха, – все здесь говорит о том, что смерть в конце концов нашла себе идеальное пристанище» [4] (Рис. 7).

2. Идеал и Утопия, разумеется, должны различаться, они принадлежат различным интеллектуальным стратегиям, в чем-то и противоположным. Но сходятся они как раз на своем отсутствии в мире реальных мест и вещей, на потусторонности ему; а, будучи втянуты в практику, – на известном онемении (анестезии) в отношении собственных локализаций. Онемение – подходящее слово, поскольку проблема как раз в немоте, в отсутствии языка описания феноменов места в идеальной или утопической действительности. Отчего попытки оздоровить города уже несколько столетий неизменно прибегают к тем или иным формам анестезии – «заморозке» мест?

3. Корбюзье: «В 1922 г. я предпринял серию лабораторных исследований. Изолировав микроб, я наблюдал за его развитием. Биологическая сущность микроба выявилась с исчерпывающей ясностью. Результаты были установлены, диагноз был поставлен. Затем путем обобщения я вывел основные принципы современного градостроительства» [цит. по: 5]. Спросим себя: далеко ли ушла предметная логика сегодняшних попыток решать проблемы городов от таких диагнозов и рецептов?

4. Как существует т. н. «ландшафтное проектирование»? Что это вообще значит: взять ландшафт в качестве материала проектных полаганий? (Обратим внимание: речь не об архитектуре и не о ее способах работы с ландшафтом. Архитектура порождает Место. Если есть место – оно создано архитектурой. Вне архитектуры мест нет, а природные места мы опознаем и называем местами благодаря действию норм восприятия организованного пространства – архитектурных же, по происхождению, норм.) Но как возможно проектировать ландшафт? Подчеркнем: не ландшафт, но ландшафтом; ведь то, чего ради мы распространяем свою волеющую интенцию на ландшафты, вовсе не связано с вопросом их, несчастных, существования, их самобытности или их «желания стать тем-то и тем-то».

Итак, как возможен «ландшафтный дизайн»? Как и всякий любой дизайн (в т. ч. оформление помещений) – за счет воспитания особого вида бесчувственности к даэин (Dasein). Чем меньше доступен вам даэин, тем сильнее ваш дизайн, и наоборот: чем больше вы форсиру-

ете дизайнерские качества, тем меньше – до исчезновения (очень скорого) – остается всякого дазайн, всякой подлинности. Отсюда и «любовь» к безжизненным интерьерам (пространствам/зданиям/ландшафтам...) – только и остается, в компенсацию, уверять себя и других, что вам это нравится. Кстати, есть подозрение, что восточная культура садово-паркового искусства развилась именно благодаря культивированию изощренных техник элиминирования места и создания не нового и лучшего места, но идеального безместья. Случайно ли, что японская культура была столь значима для становления модернистских проектных практик, в т. ч. и ландшафтного проектирования?

5. Питер Эйзенман: «До сего дня существовала региональная архитектура, которая была озабочена климатом, местными обычаями, местной иконографией и т. д. Все эти местные вещи поглощены media... В местном более нет никакого содержания, как и в том, что сегодня означает местное. Поэтому архитектура, которая обычно заботилась о контексте, значении и эстетике, должна критически переосмыслить свою роль на месте, в пространстве, во времени и форме» [цит. по: 6]. (Рис. 4). В этом пассаже важна не нигилистическая позиция самого Эйзенмана, но точное свидетельство о «поглощении» лежащей на поверхности символики масс-медиа, что известно всем, занимающимся темой брендинга городов, а также стоящий за цитированной фразой призыв искать более глубокие основания выстраивания идентичности.

6. Ж. Бодрийяр в Московской лекции «Город и ненависть» (1997) предупреждал: «В этом Трансполитическом Новом Порядке над нами нависла угроза не столько лишиться самих себя (Verfremdung – очуждение), сколько лишиться всего другого, всякой инаковости (Entfremdung – отчуждение). Мы уже не претерпеваем процесс очуждения, не становимся другими (в этом присутствовала по крайней мере какая-то доля инаковости, и, оглядываясь назад, мы воспринимаем очуждение как Золотой век), нас уже не лишают нас самих в пользу Другого, нас лишают Другого в пользу Того же самого; иными словами, нас лишают всякой инаковости, всякой необычности и обрекают на воспроизводство Того же самого в бесконечном процессе отождествления, в универсальной культуре тождественности» [7] (Рис. 5).

Литература

1. Бодрийяр Ж. Соблазн. – М.: Ad Marginem, 2000. – 318 с.
2. Капустин П. В. Запад – Восток: воображение линии // Проект Байкал. – № 54. – 2017. – С. 66–70. – Режим доступа: <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1251>
3. Капустин П. В. Конверсия проектирования // Проект Байкал. – № 55. – 2018. – С. 142–147. – Режим доступа: <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1306/1293>
4. Бодрийяр Ж. Америка. – СПб.: Владимир Даль, 2000. – 204 с.
5. Глазычев В. Л. Эволюция творчества в архитектуре. – М.: Стройиздат, 1986. – С. 226
6. Кияненко К. В., Анисимов Ю. В., Анисимова Л. В., Белоаярская И. К. Стратегические ориентиры развития высшего архитектурного образования. – Вологда: ВоГТУ, 2002. – С. 37
7. Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Логос. Философско-литературный журнал. – 1997. – № 9. – С. 107–116

References

- Baudrillard, J. (2000a). America. Saint Petersburg: Vladimir Dal.
- Baudrillard, J. (2000b). Soblazn [Seduction]. Moscow: Ad Marginem.
- Baudrillard, J. (1997). Gorod i nenavist' [City and hate]. Logos. Philosophical and literary journal, 9, 107-116.
- Glazychyev, V. L. (1986). Evolyutsiya tvorchestva v arkhitekture [Evolution of creativity in architecture]. Moscow: Stroiizdat.
- Kapustin, P. (2017). West East: Imagining the Line. Project Baikal, 14 (54), 66-70. doi:10.7480/projectbaikal.54.1251
- Kapustin, P. (2018). Conversion of Design. Project Baikal, 15 (55), 142-147. doi:10.7480/projectbaikal.55.1306
- Kiyankenko, K. V., Anisimov, Yu. V., Anisimova, L. V., & Beloyarskaya, I. K. (2002). Strategicheskie orientiry razvitiya vysshego arkhitekturnogo obrazovaniya [Strategic targets of the development of higher architectural education]. Volgda: VoGTU.

< Рис. 7.
На благоухающих холмах Санта-Барбары все виллы напоминают funeral homes. Ж. Бодрийяр Санта-Барбара, Калифорния, США

Изучение возможностей цветового феномена в формировании жизнепригодной среды диктует необходимость учета целостности пространства цветового воздействия, которая охватывает биологическое цветовое поведение; осознанную Ра-терапию/хромотерапию; неизменную полихромность окружающего мира, непрерывно влияющего на организм человека; встроенность цветности в представления о жизнепригодности среды и здоровом образе жизни; а также потребность перманентного мониторинга в условиях бесконечно меняющейся реальности.

Ключевые слова: жизнепригодность среды; Ра-терапия/хромотерапия; экспансия цвета; биологическое цветовое поведение; амбивалентность цветности; «цветовой голод»; имиджевые цветовые образы; полихромная реновация городской среды; видеоэкология, цветосветовая среда интерьеров; модные цветовые тренды; цветной свет. /

Studying the prospects of the colour phenomenon for the formation of the livable environment necessitates consideration of the integrity of the space of colour effect, including the biological colour behavior; intended Ra-therapy / chromotherapy; permanent polychromy of the environment constantly influencing the human organism; involvement of chromaticity in the ideas of livability of the environment and a healthy lifestyle; as well as the necessity of permanent monitoring in the constantly changing conditions of the reality.

Keywords: livability of the environment; Ra-therapy / chromotherapy; expansion of the colour; biological colour behavior; ambivalence of chromaticity; "colour hunger"; colour images; polychromic renovation of the urban environment; videoecology; colour and light environment of the interiors; current colour trends; colourful light.

«Купание в цветете» – от Ра-терапии до современной цветосветовой среды (Полихромия как неизменная парадигма жизнепригодной среды)

текст
Ольга Железняк /
text
Olga Zheleznyak

«Купание» в цветном свете в специально созданной комнате храма для восстановления здоровья пациента практиковалось еще врачами Древнего Египта и называлось «Ра-терапия» – лечение цветами радуги [1; 2; 3; 6], полученными при непосредственной дисперсии солнечного света и выделении определенных цветов спектра. Применяя Ра-терапию, впоследствии трансформированную в «хромотерапию», заменившую (в основном) цвета солнечного спектра на искусственное цветное освещение, цветные лучи и объекты, целители Древней Индии, Египта, Персии, Китая, Лаоса и других стран Востока разработали целостную систему воздействия различных цветов на организм человека, основанную на уникальных свойствах отдельных цветов. Ношение особой цветной одежды, использование цветной ткани, камней, разноцветных лучей, создание специальной цветовой среды и пр. в оздоровительных целях присуще многим более поздним культурам.

Существенный вклад в изучение разных сфер влияния цвета вносят индивидуальные разработки ученых и практиков. Так, Авиценна видит непосредственную взаимосвязь здоровья и психики человека с цветом, использует окрашенную воду в ваннах, цветные шторы на окнах, одежду соответствующего цвета; Парацельс применяет для лечения цвет драгоценных камней и черный, белый, зеленый или красный пластырь; Гете создает комплексное учение о цвете; французские медики Пото, Жуар, Поэг, английские ученые Даун и Блунт, американцы Баббит и Плизантон, русский психиатр В. Бехтерев, швейцарский инженер Петер Мандель и др. расширяют экспериментальную базу цветотерапии и диапазон теоретических исследований воздействия цветовых ощущений на психофизиологические процессы, здоровье в целом [3; 4].

Важную роль играют отдельные учения и философские традиции. Например, в йоге человек представляется как система энергетических центров – чакр, соотносящихся с цветами радуги, цветовая сбалансированность которых, их гармонизация позволяют сохранять энергетическое равновесие и здоровое состояние организма человека.

Аюрведческая медицина по сей день отводит цветотерапии значимое место в ряду других нетрадиционных форм лечения.

Философия фэн-шуй соотносит цвета (красный, оранжевый, желтый, зеленый, синий, фиолетовый, розовый, белый, золотистый, серебристый, бежевый/коричневый, черный) с пятью элементами мироздания (Огонь, Вода, Земля, Металл, Дерево) и сторонами света. В соответствии с этим каждый цвет трактуется как поток энергии, неверное применение которого «расстраивает» организм и ослабляет здоровье; напротив, грамотное усиление доминирующих («правильных») цветов приносит значительную пользу организму человека. Особую роль играет цвет в доме: он может повышать жизненный потенциал среды, очищать и обновлять ее энергию, восстанавливать и сохранять стабильность пространства. В случае ошибочного употребления цвета происходит развитие «плохой», отрицательной энергии (се-ци), что особо отмечается мастерами фэн-шуй. В их трактатах непременно фиксируются цвета, которых следует избегать в каждом конкретном случае (учитывая расположение основных элементов и соответствие сторонам света). Например, избыток, недостаток или общая «разбалансированность» Деревя (сфера действия которого распространяется на Восток и Юго-Восток, а основными цветами являются зеленый и фиолетовый) отражается на деятельности печени, усиливает проявление ярости и гнева, агрессивного поведения человека. В целом, согласно фэн-шуй, человек способен регулировать и корректировать здоровье, управляя энергиями, в т. ч. цветовыми, при создании антропогенной среды и осуществлении контроля за своим организмом.

Возвращение сегодня к «купанию в цветете» не случайно и может быть актуальным средством оздоровления современной среды. Говоря в этом контексте о возможностях цвета, следует выделить «прямое», непосредственное воздействие (физическое, психофизиологическое, психоэмоциональное), с одной стороны, и опосредованное – в качестве культурного феномена и пространства ассоциаций – с другой. Эти два аспекта влияют на формирование жизнеспособной среды, повышают роль полихромии во всех сферах жизни и в предметно-пространственном окружении.

Значимость ярких цветов для оздоровления человека и в становлении здорового образа жизни задается собственно физиологией организма человека: третья часть

“Bathing in the Colour”: from the Ra Therapy to Contemporary Colour and Light Environment (Polychromy as an eternal paradigm of the livable environment)

серого вещества отвечает за освоение видимых оттенков цвета; специальный участок мозга занимается анализом цветовой информации; для нормального функционирования организма необходимо, чтобы через цветковое зрение поступало до 80% всего объема информации [6; 7].

В соответствии с традиционными представлениями об оздоровительном, терапевтическом воздействии цвета, во многом подтвержденными более поздними специальными исследованиями, следует прежде всего выделить физическое и физиологическое действие цвета. В частности, на физиологическом уровне созерцание цвета оказывает на людей одинаковое действие, независимо от расовой принадлежности: эксперимент с американскими студентами разных национальностей показал, что оранжево-красный цвет повышает пульс, давление, частоту дыхания, в то время как темный синий цвет, напротив, вызывает падение давления, замедление дыхания и пульса.

Учитывая физику и физиологию воздействия цвета, красный цвет, начиная с традиций древнекитайской медицины (а также в славянской культуре), применяется для повышения кровяного давления, формирования красных кровяных телец, стимуляции нервных центров. Его используют при лечении малокровия, терапии бронхиальной астмы, патологии сетчатки глаза, пневмонии, ревматизма и др. Однако длительное воздействие красного цвета вызывает усталость и упадок физических сил [7].

Влияние цвета на психофизиологию происходит через симпатический и парасимпатический отделы нервной системы. Именно активация симпатической нервной системы приводит к увеличению частоты сердечных сокращений, учащению дыхания, росту концентрации глюкозы в крови и т. д. Стимулирующее действие на парасимпатическую нервную систему вызывает обратную реакцию, что соответствует состоянию отдыха и необходимо для восстановления сил.

Изучение влияния цвета на эмоциональную реакцию показывает, например, способность красного, желтого и белого усиливать уровень тревоги, а синего и зеленого – снижать состояние тревожности и агрессии, вызывать ощущение расслабленности. При этом эмоциональная оценка может трансформироваться в зависимости от вре-

мени воздействия: нередко при увеличении времени «экспонирования» неприятные цвета начинают меньше раздражать, а приятные теряют привлекательность. Более того, «временная передозировка» цвета может диаметрально поменять эмоциональную оценку любого цвета.

Отсутствие цвета или его плохая визуализация при цветодиагностике, по версии Г. Бреслава и К. Рай, свидетельствуют о следующих особенностях психоэмоционального состояния человека: красный цвет – усталость, истощение, апатия, недостаток физических сил или воли; оранжевый – пассивность, упадок настроения, снижение либидо, недостаток энергии; желтый – недостаток энергии, деградация чувства независимости и уверенности в себе, слабое осознание собственной индивидуальности; зеленый – скрытое возбуждение или тревожность, недостаток чувства самоутверждения, ощущения душевного равновесия; голубой – скрытое возбуждение или депрессия и др. [8; 9; 7].

Эмоциональное воздействие цвета зависит также от субъективных цветовых представлений, которые вы-

^ Фэн шуй. Искусство управления жизненной энергией и принципы обустройства дома: <https://yandex.ru>

^ Экспрессия и символизм красного цвета. Ворота святилища Фусими Инари. Япония: <https://yandex.ru>

< Активная полихромия архитектурной среды города. «Цветовой экстрим»: <https://yandex.ru>

^ «Биологическое цветное поведение»: яркая предупреждающая окраска поперечно-полосатого древолаза: www.zoopicture.ru

^ «Биологическое цветное поведение»: защитная/маскировочная окраска хамелеона, мимикрия под окружающую среду: <http://yandex.ru>

страиваются на базе индивидуального опыта, культурных стереотипов и их актуальных интерпретаций (например, некоторые студенты ИРНИТУ при определении эмоциональной реакции на черный цвет отдают предпочтение «успокаивающему» или «возбуждающему» воздействию). Эти факты в еще большей степени повышают значение социокультурных явлений, пространств цветовой культуры и бытия цвета, общего потенциала полихромии при формировании полноценной среды, приспособленной для здоровой жизни.

Существование цвета как парадигмы жизнестойкости среды, специфической нормы жизнедеятельности задается широкой временной, деятельностной и предметной экспансией цвета в бытие отдельного человека и общества в целом. Относясь к категории ценностей, цвет влияет на становление ценностных ориентаций субъекта и формирование социальных и культурных идеалов.

Цветовая экспансия, определенная потенциальной многофункциональностью цвета, его значимостью как ценности и местом, которое он занимает в современных и традиционных культурах, задает и регулирует различную психоэнергетику среды и происходящих в ней процессов, в т. ч. религиозных ритуалов и обрядов, показательного примера «сценарного погружения» цвета в среду жизнедеятельности. При этом сложная взаимозависимость цветовых канонов и сакральных действий и сред позволяет говорить, с одной стороны, о следовании цвета ритуалу (и/или заданной программе, сценарию), а с другой – об обратном влиянии цвета на формирование отдельных элементов ритуала/сценария. О реальности такого взаимодействия свидетельствует, например, факт изначальной детерминации интерьера Храма Господня, его отделки, украшения и освещения (целостной цветовой среды) священными текстами [10]. Также регламентируется цвет одежд служителей культа. Т. о., цвет не только предопределяет ритуально-обрядовые действия на содержательном, символично-семантическом уровне и сценарии развития среды, но и нормирует психоэнергетику, накал, эмоционально-ритмическое построение ритуалов и пространств.

Язык цвета в природной среде, по мнению его исследователей, включает камуфлирующую, предупреждающую, ориентирующую и другие возможности цвета [11],

определяя полихромии как жизненную необходимость, одно из средств приспособления и выживания. В растительном и животном мире цвет выступает в качестве важного жизненного кода, обеспечивающего естественное существование, контакты, воспроизводство потомства и другие значимые функции. Наряду с этим можно выделить элементы своеобразной «ритуальной» роли цветности как компонента биологического поведения, например, брачная окраска отдельных птиц и животных, изменение цвета растений соответственно фазам созревания и т. п. Базовые значения, связанные с цветностью, закладываются в генетическом коде, образуя основу «биологического поведения», и тем самым превращают любую особь природного мира в носителя цветового смысла-кода.

Такое «прямое» употребление цвета наследуется первобытными культурами, продолжая существовать как один из способов жизни/выживания в «космосе» и среди себе подобных (коммуникация, встраивание в «космос», контакт с «постсторонними силами», различение, маркирование и т. д.), как жизненно важная функция, в связи с чем большинство населения выступает непосредственными носителями основных цветовых смыслов. При этом ритуально-магическая цветовая деятельность со временем обособляется и превращается в часть жизнедеятельности отдельных субъектов, но тотальная доступность цветовых смыслов и значений при этом не исчезает, что повышает потенциал «оздоровительного» использования цвета.

По мере развития цивилизаций и появления все большего числа искусственных сред «природное» употребление цвета как инстинкт самосохранения отходит на второй план. Осознание цветности как первоуродного элемента жизни переходит, прежде всего, в религиозно-ритуальную сферу и хромотерапию, цвет становится специфическим способом жизни, приобретает ценностно-нормирующую роль. Постепенно происходящая «артификация» цветовой деятельности придает цвету/цветности дополнительную значимость, но не вырывает цвет из жизненной реальности [12].

Подобные реалии жизни человека и природы, их взаимодействия формируют базовые цветовые ассоциации, соотношенные с ключевыми для выживания человека

явлениями и веществами – свет, тьма, молоко, земля, кровь, огонь. Первичные цветовые ассоциации, уходя глубоко в подсознание, приобретают форму первообразов и архетипов, которые по одной из версий [8] имеют следующие значения: белый – ясность, холод; серый – сдержанность; черный – страх, тайна; красный – опасность, запрещение; желтый – радость, оптимизм; зеленый – безопасность, покой; синий – даль, глубина.

При этом следует также принять во внимание сдвиг стереотипов в зависимости от индивидуальной «цветовой истории», личностных ассоциаций и культурного пространства, что вызывает потребность постоянного мониторинга. В частности, сегодня, как показывают ежегодные опросы студентов-дизайнеров ИРНИТУ, первая ассоциация, которая возникает от различных цветов нередко значительно отличается от традиционных, например, зеленый цвет вместо травы/листьев связывается с «черепашками ниндзя», а маджента ассоциируется с цветом волос.

С течением времени под воздействием цвета формируются основополагающие понятия и представления, многие из которых приобретают сущностные смыслы и значения, напрямую связанные с цветом (например, свет – белый; тьма – черный; любовь – красный и др.).

Собственно, представление о цвете, пространстве его существования, заданные, в т. ч., священными текстами и традиционными ритуалами, закрепленные в культурных стереотипах, отражают двойственность цветности, когда цвет – это высшее, трансцендентное, почти божественное, т. е. ценность, с одной стороны, и с другой стороны – повседневное, обыденное, совершенно земное до грехопадения, реальность жизни человека, данная ему как цвет мира и способ его (мира) освоения, приспособления под себя.

Подобная двойственность во многом задается изначальной полярностью смыслов отдельных цветов. В связи с этим для корректного описания цвета как парадигмы жизнепригодной среды необходимо выделить ключевую особенность цветового феномена – амбивалентность цветности, значение которой возрастает из-за введения представлений о цвете как ценностной категории.

Для примера можно обратиться к Красному, одному из основных цветов, амбивалентному во многих культу-

рах. Среди положительных значений следует отметить его трактовку как обладающего жизнетворной силой целебного средства, что у разных народов обретает разные формы. Так, на древнем Крите красный относится к цветам, отпугивающим демонов и злых духов, поэтому, чтобы защитить от болезней и злых духов, новорожденных детей и мальчиков при инициации окрашивают красной краской (тело целиком или только лицо), надевают красную повязку на руку. У древних греков и римлян красный служит символом плодородия, в честь чего статуя Приапа (бога плодородия) окрашивается в красный; у японцев средневековья этот цвет является символом любви и брака. Также в красный цвет окрашиваются различные предметы, колонны царских дворцов, в повседневной жизни люди носят красные амулеты и обереги [15]. Негативные значения красного столь же разнообразны и соотносятся с агрессивностью и плотскими желаниями, со смертью, грехом, насилием и возмездием.

Амбивалентность смыслов и оценок присуща и одному из самых стабильных и нейтральных цветов – зеленому. В странах с сухим жарким климатом он традиционно имеет преимущественно положительную символику. Особо почитается зеленый в культуре ислама, где с ним ассоциируются все блага, исходящие от растений: пища, тень, прохлада, красота. У древних египтян он входит в триаду любимых цветов: зеленый – белый – красный. Но при этом зеленый является цветом Осириса, бога «произрастания и царства мертвых», «бога-злака, умирающего и воскрешающего каждый год», амбивалентного по сути своей так же, как зеленый, содержащего (по мнению Х. Э. Керлота) «две противоположные тенденции: жизни и смерти» [14]. Амбивалентностью обладает зеленый и в Древнем Риме. Это относится, прежде всего, к цвету одежды, в которой зеленый считается прерогативой женщин, в то время как его использование в мужском костюме выглядит «семантически отрицательным». Наличие отрицательных смыслов у зеленого характерно и для русского фольклора – «тоска зеленая», «зелье» и пр. П. В. Яншин считает, что в XX веке вообще происходит сдвиг семантики зеленого в негативную сторону, в частности, потому, что предпочтение насыщенному зеленому цвету начинают отдавать психически нездоровые люди [15].

^ Амбивалентность зеленого цвета: Осирис бог растительности и владыка царства мертвых. Папирус с изображением ритуальной сцены: <http://proznanie.ru/photo/image1307175855.jpg>

^ Амбивалентность зеленого цвета: Роспись саркофага с изображением Осириса. Египет: http://img5.arrivo.ru/cfcd/b3/4630/0/luxor_deiralmedina51_flickr_Prof._Mortel.jpg

^ Ахроматизм типовой жилой застройки: <https://lh3.googleusercontent.com>

^ Гомогенная, эмоционально- невыразительная архитектурная среда: <https://i0.photo.2gis.com>

Амбивалентность представлений о цветности, ее ценностных свойствах формирует и своеобразную норму цветности, допустимую степень употребления цвета. Значимость цветного колеблется от символа прекрасного, богатого до признака безвкусицы, дурного тона, варварства; представляется критерием положительного или отрицательного, что существенным образом влияет на создание жизнепригодной среды, на характеристики ее эмоциональной и психологической комфортности, а также на установление границ необходимого разнообразия эмоциональных впечатлений, позволяющих избежать депрессивных состояний из-за цветовой перегрузки или цветового голода.

Общее расширение современных представлений о здоровой среде, порождающей здоровье, а не защищающей от болезней и, более того, генерирующей счастье, повышает значимость цветового феномена при формировании и сохранении комфортной, жизнепригодной среды. Критерием ее livability является качество жизни сообщества, обусловленное суммой факторов, в том числе состоянием городской и природной среды, степенью процветания и стабильности, культурным и рекреационным потенциалом территории и пр. [16]. Словарь «Культурное планирование и развитие территорий и местных сообществ» [17] определяет городскую «жизнепригодность» и особенности пригодных для здорового образа жизни городов как концепцию создания безопасного и легкодоступного средового окружения, «вовлекающего» граждан в процессы его построения и непосредственно влияющего на отношение людей к месту проживания, способам его освоения, мифологизации и эмоционально-психологической оценки. Немаловажное влияние на этот процесс оказывают месторасположение каждого сообщества в границах города [18], степень присвоенности среды, сложившиеся представления о комфортной и здоровой жизни, в т. ч. о цветовом пространстве как части этой системы.

Обладая богатым потенциалом и сочетая в себе множество функций (семиотических, религиозно-мистических, художественно-образных, социально-коммуникативных и регламентирующих, коммуникативных, психотерапевтических, проксемальных, формообразующих, формально-организующих, ориентирующих и т. д.), цвет предстает

непременным атрибутом практически любого вида деятельности и компонентом любого фрагмента естественно-искусственного мира жизни человека. Это позволяет рассматривать его как средство активного воздействия на человека, на его здоровье и здоровый образ жизни.

Более того, многие специалисты полагают, что механизмы и причины возникновения и развития целого ряда болезней, обусловлены и цветовой деградацией, нарушением цельности и гармоничности цветового пространства. Переизбыток или недостаток отдельных цветов, несбалансированность цветовой палитры негативно отражаются на здоровье человека. Поэтому «гармоничное присутствие» всего диапазона спектральных цветов в повседневной жизни людей необходимо для нормализации среды, психофизиологического и эмоционального состояния человека. Соответственно, считается, «что если восстановить цветовую гармонию – вернуть необходимый цвет, очистить его от посторонних примесей, сделать ярким и сочным, – то можно восстановить нарушенное равновесие всего организма и вылечить человека» [8]. В качестве прототипа, прообраза и своеобразного идеала цветовой целостности и полноценной гармонии нередко выбирается природная палитра с ее разнообразием и сложностью. Но это нельзя считать единственным допустимым подходом, т. к. в условиях тотального использования оно также ведет к однообразию. Наиболее целесообразным является внедрение естественных природных материалов, что, к сожалению, не всегда возможно.

Признавая цветность, цветовое пространство необходимой составляющей «здорового существования», важно отметить «цветовой голод» как фактор нездоровья, специфический аналог депрессии, наряду с дефицитом иных сенсорных ощущений становящийся причиной различных органических и нервно-психических заболеваний.

В отечественной культуре, предметно-пространственной среде, архитектуре и полихромии города цветовой голод начинает заметно ощущаться во второй половине XX столетия. К этому времени пространство повседневного пребывания в СССР, как правило, представляло стереотипную невыразительную среду жилых районов или общественных и производственных комплексов, не обладающую традициями и спецификой, ставшую фактически особой социокультурной нормой. Такие

< Шавен – город синего цвета: www.wiweb.ru

среды пропитаны негативностью, отсутствием образа, индивидуальности и пр., ведут к деградации средовых и культурных ценностей, к становлению депрессивных и/или недостаточно жизнеспособных интерьерных и городских пространств.

Достигнув своего апогея, ахроматизм среды в России/СССР провоцирует ответную реакцию – активизацию цветовой проблематики. Достаточно ощутимый толчок для возвращения в отечественную культуру представлений о роли полихромии в формировании целостной жизнепригодной среды дают сложившиеся к концу прошлого столетия концепции цветовой культуры и колористики города, сопровождающиеся расширением диапазона цветоносителей. При этом первые опыты «управления» цветовым изобилием порою имеют довольно печальные результаты, особенно во внепрофессиональной сфере (напр., применение избыточного макияжа представительницами женского пола в ситуации, когда на отечественном рынке появляется изобилие тайваньской косметики с огромным количеством цветных теней и румян; вторжение «разноцветья», цветового хаоса в одежду, пришедшие на смену пуританской сдержанности и пр.).

Серия проектов и исследований колористики города под руководством А. В. Ефимова задают новый тренд комплексной работы с городом для образования жизнепригодных пространств с полноценной полихромией. Важным для города становится возрождение, развитие и консервация имиджевых, культурно-закрепленных цветовых образов, что придает месту своеобразие, является неотъемлемой частью кода среды, ее уникальности, создает богатство и разнообразие сенсорных ощущений.

Ярким примером может служить город Шавен (Шефшауэн, Шевшавен, Шаоуен, Chefchaouen) [19] в Марокко, который по сей день сохраняет и культивирует традиционные оттенки синего, голубого, лазурного и фиолетового цветов, восходящих корнями к иудейскому периоду истории города, с трактовкой синего как символа молитвенного покрывала талита (талеса), напоминания о Боге. Небесные тона медины в сочетании с белым цветом, полихромией деталей и элементов дизайна и колористическим разнообразием флоры создают незабываемый образ, обладающий культурной идентичностью, аутентичный месту, соответствующий его природно-клима-

тическим особенностям, ценностям и закономерностям формирования комфортной среды.

И если в ситуации с Шавеном сохранение ведущей цветовой темы, построенной на основе одного базового цвета, создает целостный, культурно-осмысленный образ и полноценную жизнеспособную среду, то заметный приоритет коричневого цвета (особенно в сочетании с серым) в современной застройке Иркутска не только не создает позитивный имидж города, но формирует весьма однообразную и напряженную цветовую среду.

Как показывают многочисленные исследования воздействия цвета на человека, оттенки коричневого в наше время имеют довольно много положительных значений, ассоциируясь с домашним очагом, уютом, физическим комфортом и стабильностью, особенно при использовании натуральных материалов с богатыми фактурами. На физиологическом уровне он замедляет процессы обмена и нервной деятельности. Это практичный цвет принадлежит к стихии Земли, символизирует здравый смысл. Но учитывая амбивалентность цветности, коричневого в т. ч., невозможно закрыть глаза на наличие множественных негативных оценок коричневого цвета, уходящих корнями в историю. В мифологии греков коричневый – цвет Геры, богини смерти, и, одновременно, воскрешения и земледелия. В Древние и Средние века он считается цветом угнетения, бедности и старости: в Древнем Риме коричневые одежды предназначаются только рабам, а в Средневековой Европе этот цвет предназначен для самых уродливых. Художники модерна коричневым выражают настроения грусти, уныния, увядания, тоски. После появления «коричневых рубашек» в Германии коричневый становится символом фашизма и любых тоталитарных явлений. В культуре Ислама коричневый – свидетельство распада и разложения; в христианстве – наказания, отречения от мира. Одеждой покаяния, символом бедности является монашеская ряса коричневого цвета. Интерпретация коричневого как соединение красного и черного, их психологического воздействия и семантики, вызывает ассоциации с «дьявольской одеждой», с дьяволом, с пепелищем Содомы и Гоморры. Современные негативные оценки коричневого включают страх, скудность, ностальгию, меланхолию и пр. Коричневый также отсутствует в списке цветов, благотворно влияющих на здоровье человека [20; 21;22].

> v Уникальность и разнообразие оттенков коричневого цвета деревянной архитектуры. Музей деревянного зодчества «Тальцы». Иркутск. Фото автора

Учитывая весь спектр возможного воздействия оттенков коричневого цвета на организм человека, реальные архитектурно-градостроительные и средовые ситуации его использования в Иркутске, апелляция к колористическим традициям деревянной застройки в данном случае также представляется некорректной, т. к. замена трансформирующегося с течением времени «живого», разнообразного по цвету и текстурам дерева современными отделочными материалами не является адекватным решением. Особенно если принять во внимание масштабы и размеры цветочных поверхностей и их соотношение с деталями и элементами декоративного оформления, которые в традиционной деревянной застройке играют значимую роль.

Означает ли изобилие коричневого цвета в Иркутске устойчивость и стабильность или это символ стагнации, ведущей к депрессии? Вероятно, с этим следует еще разбираться, проводя более тщательные исследования актуальных цветовых представлений и предпочтений горожан, анализ обживания среды, параметров состояния эмоционального и психофизиологического комфорта, реальных оснований и причин выбора подобных решений и пр.

«Полихромная реновация» – еще одно важное основание обращения к цвету в рамках изучения современной цвето-световой среды как парадигмы жизнеспособности городской среды. Тот факт, что архитектура города существуют веками и от нее нельзя избавиться, даже если она не соответствует современным представлениям и функциям, свидетельствует о неизменности базовых констант города, о невозможности полной и непрерывной модернизации среды. Город невозможно «взорвать» по причине устаревания его пространства [11], однако можно выполнить «цветовую реновацию», используя существующую застройку как основу для создания новых образов, «редактируя» город цветом. Городская среда приобретает новое звучание; новая цветовая палитра и ее композиционная организация [23], воздействуя на эмоциональное состояние человека, создают соответствующее настроение, вызывают чувство комфорта или раздражения, ощущение красоты и гармонии, аутентичности, уникальности «места».

Существенным компонентом современной городской среды является колористика мобильного наполнения, которая отличается совокупностью множества различных цветоносителей, образующих динамичную пространственную полихромную, буквально погружающую горожан в цвето-свет. Для многих крупных городов нередко это превращается в серьезную проблему видеозаконологии из-за хаоса и переизбытка рекламы, информационных вывесок и стендов, медиафасадов, декоративного освещения и пр., разрушающих визуальный комфорт и баланс цвета, трансформирующих целостность и органику среды. Все чаще это вызывает общее немотивированное беспокойство, приводит к психоэмоциональному дискомфорту и стрессовым состояниям [24]. В такой ситуации обращение к полихромии как средству гармонизации

городской среды, несмотря на всю сложность задачи, представляется весьма целесообразным.

Спектр проблем, связанных с формированием цветосветовой среды интерьеров разного профиля, достаточно широк, и в контексте обсуждаемой проблемы следует выделить несколько аспектов.

Прежде всего, необходимо отметить возможность интерьерной среды иметь более выстроенную и организованную цветовую палитру и структуру колористики, что позволяет охватить весь комплекс возможных воздействий цвета на человека, в т. ч. способность обеспечивать комфортное существование, формируя ощущение спокойствия или, напротив, беспокойства и даже раздражения, чувство радости, возбуждения, умиротворения или печали, обостряя или рассеивая внимание, повышая или снижая работоспособность, увеличивая товарооборот и пр. [25].

При создании цветовой концепции важным становится анализ функционального назначения объекта, определяющего основные требования к физике, психофизиологии, эмоциональной энергии пространства, а также выстраивающего цветовой сценарий проживания среды. Цветовая среда сакральных и ритуально-обрядовых помещений, традиционных производственных и общественных интерьеров имеет наиболее разработанную теорию и практику применения. Но появление новых типов пространств требует постоянного мониторинга колористического потенциала, средств и способов его использования для создания здоровой, жизнеспособной среды. Серьезные изменения претерпевают цветовые традиции жилых интерьеров в современной ситуации дихотомного существования глобального и локального, метакультурного и уникального.

Модные цветовые тренды и новые направления в колористике интерьеров отражают новейшие достижения в науке и технике и актуальные тенденции культурного развития. Источником становятся исследования и разработки модных прогнозов и перспективных цветов для формирования предметно-пространственной среды, выполняемые национальными центрами цвета, институтами и специализированными фирмами, а также торговые выставки (напр., текстильные выставки в Германии, выставки мебели в Милане, выставки кухонных принад-

лежностей и товаров для дома в США и др.). В частности, одна из современных тенденций «охлаждения» цветовой палитры, предпочтения голубых оттенков, по мнению специалистов, связана с общей экологизацией сознания и культуры в третьем тысячелетии, что в целом ведет к приоритету «экологических» цветов. Еще один модный прогноз предполагает появление «вегетарианских» цветов\палитр в интерьерах. Иногда цвета фирменных интерьеров модных домов корректируются в соответствии с актуальными направлениям в модельном бизнесе [26].

На наш взгляд, важным моментом работы с колористикой интерьерной среды как средством корректировки ее качеств здорового, жизнеспособного пространства является обращение к индивидуальным особенностям субъектов, для которых создаются интерьеры. Как показывают исследования и заключения экспертов, у каждого человека имеется своя собственная «цветовая история», в разных ситуациях определяющая любимую палитру, «цветовое поведение» человека и эмоциональную оценку среды. Кроме того, следует принимать во внимание региональные и культурные особенности «места», не менее серьезно влияющие на специфику восприятия и освоения, обживания интерьеров. Цветовые предпочтения и представления, культурные символы и знаки, смысловые архетипы во многом служат основой для цветовых решений, создания полноценного комплекса сенсорных ощущений. Так, стереотипы комфортной жизнеспособной цветовой среды интерьеров для современного европейца включают пастельные, естественные палитры и выразительные оттенки кораллового, лилового, баклажанного, терракотового и табачного цветов. Однако нельзя при этом недооценивать значение чистых ярких цветов, которые также «необходимы человеку, особенно городскому жителю, поскольку в определенной мере восполняют его естественную потребность в положительных эмоциях» [26].

В целом, для создания «правильного» интерьера необходимо соотнести между собой весь спектр факторов, определяющих качество цветовой среды, ее соответствие представлениям о комфорте и здоровом образе жизни. В противном случае цветовые эксперименты могут оказаться аналогичными опыту одного из швейцарских предпринимателей, выкрасившего в активный красный

^ Коричневый цвет в архитектуре жилых комплексов Иркутска: ЖК Персона. Однообразие и дефицит сенсорных ощущений: <https://yandex.ru>

^ Коричневый цвет в архитектуре жилых комплексов Иркутска: ЖК Новый город. Однообразие и дефицит сенсорных ощущений: <https://yandex.ru>

^ «Цвето-световая реновация». Archmixing Studio: <http://cdn.bestdesignideas.com>

^ Цветной свет в городе. Баку. Фото автора

цвет стены кафе в надежде интенсифицировать процесс приема пищи и увеличить оборот. Но результатом стало увеличение скандальных выходов и драк, устраиваемых возбужденными посетителями [6].

Сегодня «купание в цвете» становится, практически, естественным состоянием человека. Помимо все увеличивающегося количества цветочных носителей и разнообразия цветов, особую роль играет цветной свет, как бы возвращая нас к древним экспериментам с цветными лучами, к Ра-терапии и цветам солнечного спектра. Получающий все большее распространение, цветной свет из городской среды, театральных пространств и общественных интерьеров начинает активно проникать в повседневные пространства жилых интерьеров. Цвето-световая драматургия театральной среды имеет древние традиции и ориентирована на создание, прежде всего, эмоционально-образного впечатления. Это касается как городских шоу, так и спектаклей на закрытых площадках. Цветной свет в купе с материальной цветовой средой в общественных пространствах, помимо задачи формирования завершенного образа, обретает также функциональную и эмоциональную нагрузку, соответствующую назначению объекта, специфике его жизнедеятельности, особенностям психоэнергетики. Цветной свет в жилых интерьерах чаще всего сегодня представляет собой экспериментальную площадку проектировщиков, создающих цвето-световые спектакли, сценарии которых не всегда достаточно корректно соотносятся с процессами жизнедеятельности и представлениями о здоровой, комфортной среде.

Таким образом, цветовой феномен, будучи неотъемлемой частью окружающего мира и представлений о жизнепригодной среде, в своем генезисе проходит стадии от существования в качестве системы действий, направленных на поддержание биологической жизнедеятельности, до активной деятельности как специфической нормы взаимоотношений с окружающим миром, приобретая при этом ценностно-конституирующий статус и своеобразную жизнерегулирующую роль. Элементы «биологического цветового поведения» как средства и формы выживания не исчезают, а начинают сосуществовать с искусственно нормируемой деятельностью в разных типах цветового пространства.

Исследование бытия цвета в индивидуальном жизненном пространстве человека, а также в городской среде и культуре, свидетельствует о глубокой укорененности цвета в обыденном, религиозном и эстетическом сознании человека, о постоянной и плотной включенности цвета в жизнедеятельность человека и о встроенности его в городскую культуру. Это делает цвет, полихромиию не только неизменной составляющей, парадигмой жизнепригодной среды, но и важным средством терапии, способом постоянного физического, физиологического и психоэмоционального воздействия на организм человека, специфической формой контроля за состоянием его здоровья и одним из критериев здорового образа жизни.

При этом изучение возможностей цветового феномена в формировании жизнепригодной среды вскрывает потребность перманентного мониторинга в условиях непрерывно меняющейся реальности, а также показывает необходимость учета целостности пространства цветового воздействия, охватывающей: а) биологическое цветовое поведение; б) осознанную Ра-терапию/хромотерапию; в) неизменную полихромность окружающего мира (естественного, природного и искусственно созданного), непосредственно влияющего на организм человека; г) встроенность цветности в представления о жизнепригодности среды и здоровом образе жизни.

Литература

1. Эзотерика. Ра-терапия – лечение цветами радуги [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://way-s.ru/ezoterika/19/34.html#top>
2. Ра-терапия – лечение цветами радуги [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://praktikdelosvet.ru/pro-auru/ra-terapiya-lechenie-tsvetami-radugi>
3. Бельшева Г. Все цвета здоровья [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://parallelnyj-mir.com/1/20/8490-vse-cveta-zdorovya.html>
4. История возникновения цветотерапии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zdorovyi-piter.ru/psikhologiya/tsvetoterapiya/25-istoriya-vozniknoveniya-tsvetoterapii>
5. Что такое Фэн Шуй [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.13min.ru/kultura/chto-takoe-fen-shui>
6. Баранова Н. Сила цвета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.myjane.ru/articles/text/?id=1176>
7. Цветотерапия (хромотерапия) [Электронный ресурс]. Режим доступа: maxpark.com/community/2233/content/1843017

< Колонны символического красного цвета в интерьерах Кносского Дворца: <https://yandex.ru>

8. Бреслав Г. Э. Цветопсихология и цветолечение для всех. – СПб.: Б.&К., 2000. – 212 с.
9. Цветовой тест «Цветодиагностика» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.onln.pro/tsvetovoj-test-tsvetodiagnostika/>
10. Исход. (Вторая книга Моисеева). Глава 26; Глава 28; Третья книга Царств. Глава 8
11. Oberascher L. Memory for Colours: Evidence for a Universal Colour Language // Colour for town. – Moscow, 1990. – P. 218–224
12. Железняк О. Е. Цвет. Город. Культура. Монография. – Иркутск: ИРГТУ, 2013. – 308 с.
13. О цветовой семантике [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.club-mate.ru/vm; www.psyfactor.org
14. Базыма Б. А. Цвет и психика. Монография. – Харьков, 2001
15. Яньшин П. В. Введение в психосемантику цвета. – Самара, 2001
16. What is Livability? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.livable.org/about-us/what-is-livability>
17. Культурное планирование и развитие территорий и местных сообществ: Переводной терминологический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://avpopoff.wordpress.com/2011/12/15>
18. Железняк О. Е., Мурашова С. В., Корелина М. В. Дизайн: имидж города и жизнеспособность урбанизированных территорий // Вестник ИРГТУ. – 2013. – № 11 (82). С. 160–169
19. Шавен: город небесного цвета в Марокко [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.travel.ru/wow/chefchaouen.html>
20. Кулинич Т. Психология цвета: коричневый цвет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://junona.pro/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=1463>
21. Нестерова Л. В. Символика цвета – коричневый [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.b17.ru/article/42621/>
22. Значение коричневого цвета в одежде [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ask4style.ru/brown-color/brown-color-sense.html>
23. Колористика города [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://color-lab.org/koloristika-goroda/>
24. Цвет города [Электронный ресурс] // ЭКОREAL. – 2007. – № 2 (9). Режим доступа: <http://terraplan.ru/arhiv/29-2-9-2007/222-147.html>
25. Значение цвета в дизайне интерьера [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://colorhome.ru/cvet/page_0_0.html
26. Зарубежные цветовые тенденции и модные прогнозы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://colorhome.ru/cvet/page_0_1.html
- References**
- Baranova, N. (2006, May 18). Sila tsveta [The power of colour]. Retrieved from <https://www.myjane.ru/articles/text/?id=1176>
- Bazyma, B. A. (2001). Tsvet i psikhika. Monografiya [Colour and psyche. Monograph]. Kharkov.
- Belysheva, G. (2016, July 28). Vse tsveta zdorovyia [All colours of health]. Retrieved from <http://parallelnyj-mir.com/1/20/8490-vse-tsveta-zdorovyia.html>
- Breslav, G. E. (2000). Tsvetopsikhologiya i tsvetolechenie dlya vseh [Colour psychology and colour therapy for all]. Saint Petersburg: B & K.
- Chto takoe Fen Shui [What is Feng Shui]. Retrieved from <https://www.13min.ru/kultura/chto-takoe-fen-shui>
- Ezoterika. Ra-terapiya – lechenie tsvetami radugi [Esoterics. Ra-therapy, a rainbow colour treatment] (n.d.). Retrieved from <http://way-s.ru/ezoterika/19/34.html#top>
- Gulnik (2016, July 25). Istoriya voznikoveniya tsvetoterapii [The history of formation of colour therapy]. Retrieved from <https://zdorovyi-piter.ru/psikhologiya/tsvetoterapiya/25-istoriya-voznikoveniya-tsvetoterapii>
- Iskhod (Vtoraya kniga Moiseeva) [Exodus (The Second book of Moses)]. (n.d.). Chapter 26; Chapter 28; The third book of kingdoms. Chapter 8.
- Koloristika goroda [City Colouristics]. (n.d.). Retrieved from <http://color-lab.org/koloristika-goroda/>
- Kulinich, T. (2015). Psikhologiya tsveta: korichnevyy tsvet [Psychology of the colour: brown]. Retrieved from <https://junona.pro/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=1463>
- Nesterova, L. V. (2015, December 27). Simvolika tsveta – korichnevyy [Symbolics of the colour: brown]. Retrieved from <https://www.b17.ru/article/42621/>
- Oberascher, L. (1990). Memory for Colours: Evidence for a Universal Colour Language. Colour for town. Moscow.
- O tsvetovoi semantike [About colour semantics]. (n.d.). Retrieved from www.club-mate.ru/vm; www.psyfactor.org
- Popov, A. V. (2011). Kulturnoe planirovanie i razvitie territorii i mestnykh soobshchestv: Perevodnoi terminologicheskii slovar' [Community cultural planning and development glossary]. Retrieved from <http://avpopoff.wordpress.com/2011/12/15>
- Ra-terapiya – lechenie tsvetami radugi [Ra-therapy, a rainbow colour treatment] (n.d.). Retrieved from <http://praktikdelosvet.ru/pro-auru/ra-terapiya-lechenie-tsvetami-radugi>
- Shaven: gorod nebesnogo tsveta v Marokko [Chaouen: the city of sky-blue colour in Morocco]. Retrieved from <http://www.travel.ru/wow/chefchaouen.html>
- Tsvet goroda [Colour of the City]. (2007). EКОREAL, 2(9). Retrieved from <http://terraplan.ru/arhiv/29-2-9-2007/222-147.html>
- Tsvetoterapiya (khromoterapiya) [Colour therapy (chromotherapy)] Retrieved from maxpark.com/community/2233/content/1843017
- Tsvetovoi test "Tsvetodiagnostika" [Colour test "Colour Diagnostics"]. (n.d.). Retrieved from <http://www.onln.pro/tsvetovoj-test-tsvetodiagnostika/>
- What is Livability? (n.d.). Retrieved from <http://www.livable.org/about-us/what-is-livability>
- Yanshin, P. V. (2001). Vvedenie v psikhosemantiku tsveta [Introduction to psychosemantics of the colour]. Samara.
- Zarubezhnye tsvetovye tendentsii i modnye prognozy [Foreign colour trends and forecasts]. (n.d.). Retrieved from http://colorhome.ru/cvet/page_0_1.html
- Zheleznyak, O. E. (2013). Tsvet. Gorod. Kultura. Monografiya [Colour. City. Culture. Monograph]. Irkutsk: IRTU.
- Zheleznyak, O. E., Murashova, S. V. & Korelina, M. V. (2013). Dizain: imidzh goroda i zhiznispriygodnost' urbanizirovannykh territorii [Design: image of the city and livability of urbanized territories]. Vestnik IRTU, 11(82), 160-169.
- Znachenie korichnevoogo tsveta v odevzhd [The meaning of the brown colour in clothing]. (n.d.). Retrieved from <https://www.ask4style.ru/brown-color/brown-color-sense.html>
- Znachenie tsveta v dizaine interiera [The meaning of colour in interior design]. (n.d.). Retrieved from http://colorhome.ru/cvet/page_0_0.html

Уезжают, уезжают... /

текст
Ольга Смирнова /
text
Olga Smirnova

Когда к моей маме приходит соцработница, мы обе начинаем ее расспрашивать: «Вера, а как поживает ваша Таня?»

Дело в том, что лучшая подруга Веры по имени Таня с детства страдала астмой. Два баллончика сальбутамола в день для нее было нормой. И еще она никак не могла родить. Аж шесть выкидышей было. Но однажды в новосибирской командировке она вспомнила про свой баллончик только в поезде на обратном пути в Красноярск. Удивилась, но выводов никаких не сделала. А вот когда слетала в командировку в Москву и вспомнила о том, что ей трудно дышать, только выйдя на трап самолета в красноярском аэропорту – тут и заподозрила, что живет не там.

Когда она высказала свою догадку мужу, тот в три дня через интернет продал их квартиру в Красноярске и купил в Калининграде. Они даже предварительно не съездили туда, чтобы посмотреть, что и как. Бросив престижные должности в Красноярске, переехали туда в течение месяца после покупки. Наша Вера сильно печалась от разлуки с любимой подругой: «Представляете, мы с ней с детского сада дружим, и вдруг – так».

А дальше события с Таней развивались стремительно. Она в Калининграде забыла о своей астме, быстро забеременела и благополучно родила дочку. Фирма, в филиале которой она работала в Красноярске, нашла ее в Калининграде и предложила работу. Муж поначалу работал дома – шил декоративные диванные подушки в виде букв и продавал через интернет под женским именем (стеснялся), а потом и он нашел там хорошее место.

Мать Тани в возрасте «хорошо за шестьдесят» в Красноярске страдала болезнью сердца. Уже почти нигде не выходила из дому – боялась. Но переехала вслед за дочерью, чтобы помочь ей с ребенком. Забыла в Калининграде про свое сердце, купила велосипед, устроилась на работу уборщицей. Отработав утром часа два, она садится на велосипед и едет к морю. Если тепло, то купается, покупает шашлык и ест его на берегу, любясь прибоем. Стала ходить на концерты, в театр и даже на КВН.

«И, представляете, там столько оказалось людей из Края! – рассказывает Вера. – У Тани парикмахерша

Описываются случаи отъезда жителей Красноярска в другие регионы. Миграцию из Сибири автор связывает с неблагоприятной экологической ситуацией в крае. Подчеркивается, что ценности здоровья оказываются приоритетными по отношению к ценностям карьеры и во многом определяют жизненный выбор.

Ключевые слова: здоровье; Красноярск; экология; миграция; жизненные стратегии. /

The author describes how people leave Krasnoyarsk and move to other regions. The author attributes the migration from Siberia to the bad ecological situation in the region. The author points out that the health values prevail over the career values and radically define the life choice.

Keywords: health; Krasnoyarsk; ecology; migration; life strategies.

теперь – из Назарово, участковый врач из Красноярска, зубной – из Новоселова...»

Надя долго перечисляет новых знакомых Жени, переехавших из Красноярска и Края в Калининград. В последний раз она сообщила, что Таня в Калининграде уже стала депутатом. «Она очень активная, энергичная, умная, – рассказывает Надя. – Но здесь ей астма не давала развернуться. Все агитирует меня переезжать. А я не хочу. Мне нравится в Красноярске. И родители у меня здесь».

Приятельница моей младшей дочери переехала в Сочи. Тоже из-за красноярской экологии. Иногда мы разговариваем с ней по скайпу. Она очень хвалит Сочи и агитирует переезжать туда – тепло, воздух чистый, море. Через год она стала считать себя сочинкой, а не краснояркой. «Здесь у нас есть сибирская диаспора. Вот недавно был корпоративчик. Мы друг другу помогаем, если, например, работу надо найти или другое что. Сибиряки, они же отличаются от других. Когда я пришла устраиваться на работу (а я всегда работала старшим бухгалтером), директор спросил, откуда я приехала. И как только узнал, что из Красноярска, сразу сказал, что берет, потому что сибиряки хорошо работают».

Агитирует мою младшую дочь переезжать в Сочи. Но та послушалась мужа и переехала пожить деревню – тоже из-за здоровья детей. В Красноярске болели много.

Управляющая ТСЖ нашего дома вдруг недавно уволилась и исчезла. Куда? Оказывается, тоже переехала в Сочи: экология здесь достала.

Друзья сына, только заимев ребенка, сразу же уезжают – ребенок в Красноярске болеет. Вот и сам сын со своей женой уехали из Красноярска: «Мама, мы хотим, чтобы наши дети родились в хорошей экологии». В Москву улетели. И там тоже оказалось много их знакомых, ровесников, бывших красноярцев. Говорят, что воздух в Москве не сравнить с красноярским – он там гораздо чище.

От печали, что все дети разъехались, пошла я на актерские курсы. И там предложили упражнение – взять друг у друга интервью. Так вот, из шестнадцати человек трое на вопрос о своей мечте ответили – уехать из Красноярска туда, где воздух чище и теплее. Месяц назад мы

закончили курсы, и двое из группы уже переехали вместе с семьями. Один – в Сочи, другая – в Казань.

Встретилась я как-то в Москве с женщиной из Краснодара: «Ой, – говорит, – как у вас там холодно! Но зато, наверное, все здоровые. Недаром же желают людям сибирского здоровья».

«Да нет, – говорю. – Болеют много. И раньше, и сейчас. И средняя продолжительность жизни в Сибири ниже, чем средняя по стране. А сибирским здоровьем называют не потому, что сибиряки не болеют, а потому, что терпят то, что другие не хотят терпеть».

Согласно официальной статистике по Красноярскому Краю [1], в 2018 году население Красноярского края уменьшилось на 278 человек из-за уехавших из него на ПМЖ в другие города и веси. А вот в 2017 году оно, наоборот, увеличилось на 929 человек по сравнению с 2016 годом. Рождаемость в Крае по сравнению с 2017 годом в 2018 году уменьшилась с 12,4 чел. на 1000 жителей до 11,6.

Всего же население Красноярского края в 2018 году по сравнению с 2017 годом уменьшилось на 2046 человек. А вот в 2017-м увеличилось на 286 чел. по сравнению с предыдущим годом.

Литература

1. Официальная статистика: Красноярскстат [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.krasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krasstat/ru/statistics/krsnStat/population/

References

Ofitsialnaya statistika: Krasnoyarskstat [Official statistics: Krasnoyarskstat]. (n.d.). Retrieved from http://www.krasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krasstat/ru/statistics/krsnStat/population/

They Are Leaving, They Are Leaving...

Дискуссия «Здоровый город» объединила участников из разных профессиональных сфер; собеседники попытались определить, что входит в понятие здоровой городской среды. Затронуты понятия психологического здоровья городской среды и соотношение представлений о комфорте, здоровье и счастье жителей города. Участники признали необходимость поиска баланса между здоровым образом жизни и стремлением к пассивному комфорту и гиподинамии. Высказаны предположения о возможности создания архитектуры, главным приоритетом которой становится здоровье и об особенностях обучения архитекторов, создающих здоровые города.

Ключевые слова: здоровье; комфорт; счастье; архитектура; проектирование; медицина; салютогенный дизайн. /

The discussion "A Healthy City" united participants from different professional spheres. They tried to define the scope of the notion of healthy urban environment and touched upon the notions of psychological health of the urban environment and the relationship of the ideas of comfort, health and happiness of citizens. The participants admitted the necessity of reaching the balance between a healthy lifestyle and a desire for passive comfort and hypodynamia. They spoke about the possibility to create architecture, which major priority is health, as well as peculiarities of training architects aimed at creating healthy cities.

Keywords: health; comfort; happiness; architecture; design; medicine; salutogenic design.

Здоровый город / A Healthy City

подготовка текста
Марина Ткачева /
text prepared by
Marina Tkacheva

10 апреля 2019 г. на площадке технопарка МИТУ – МАСИ прошло обсуждение в рамках дискуссионного клуба журнала «ПРОЕКТ БАЙКАЛ/project baikal» на тему весеннего номера «Здоровье города».

В дискуссии приняли участие практикующие архитекторы и ученые: блогер, исследователь архитектуры советского модернизма Константин Антипин; архитектор, директор архитектурного бюро Асадовых Андрей Асадов; канд. архитектуры, советник РААСН Елена Булгакова; Заслуженный архитектор России, академик РААСН Сергей Гнедовский; Заслуженный архитектор России, член-корреспондент РААСН Елена Григорьева; первый проректор МИТУ – МАСИ Светлана Забелина; канд. технических наук, культуролог Константин Лидин; представители сообщества «Салютогенный дизайн» руководитель направления оздоровительной архитектуры и дизайна Института междисциплинарной медицины, исполнительный директор Ассоциации градостроительных компаний «Тринити – город будущего» Иван Таранов; канд. мед. наук, координатор инфраструктурных проектов «Превентивная медицина» Сергей Чудаков; руководитель отдела по связям с общественностью Ассоциации междисциплинарной медицины Анастасия Чурилова.

Елена Булгакова Мы рады приветствовать вас на площадке технопарка Наукоград. На мой взгляд, не случайно круглый стол, посвященный такой неоднозначной проблеме, как здоровье города, проводится именно в нашем учебном технопарке, поскольку сегодня это новое место знаний и база для инновационного насыщения и активизации продвижения массива знаний, т. е. пространство, организованное для реализации востребованных форм взаимного контакта на уже существующих примерах.

Вопросы здоровья затрагивают все сферы жизни человека, и такое понятие, как «здоровый город» прочно вошло в обиход. Готовясь к нашей беседе и воспользовавшись служебным положением, я провела анкетирование среди студентов кафедры «Архитектура» МИТУ – МАСИ, где задала вопрос о том, что же такое здоровый город глазами будущих архитекторов. Версий было очень много, но чаще всего они были связаны с эмоциональным аспектом восприятия городской среды.

По мнению большинства студентов, проектируемые объекты и вся городская среда в целом должны стать местом, способствующим сохранению здоровья и дающим ощущение спокойствия и счастья. Т. е. в здоровом городе ты чувствуешь, что о тебе позаботились, и пребываешь в состоянии полного физического, психологического и социального комфорта. Конечно, решение этой задачи требует междисциплинарного подхода, совместных усилий архитекторов, инженеров медиков, психологов и социологов.

Проблема настолько заинтересовала будущих архитекторов, что мы решили сделать ее темой секции «Архитектура» на проходящей у нас в апреле V Всероссийской молодежной научно-практической конференции «Молодая наука – 2019». Поэтому поднятая журналом ПБ тема для нас как образовательной площадки особенно актуальна: заложить основы здорового проектирования на стадии обучения – первый шаг к реализации проекта «Здоровье города».

Елена Григорьева Тема нашего сегодняшнего разговора на первый взгляд простая, а на второй – совсем нет. ЗДОРОВЬЕ – самое главное, то, что каждый день мы желаем друг другу – здравствуйте! В праздничных и юбилейных пожеланиях пишем: главное – здоровье. А что происходит с городом, средой, природой? Как они влияют на это самое главное? Как мы, архитекторы, влияем на здоровье города и горожан? И влияем ли вообще? Ведь на встречах архитекторов часто звучит мысль, что главные для города и градостроительства в стране решения принимаются без нашего участия.

Что происходит с природой в городе? Несет ли зелень здоровье или копит осадки вредных выбросов (набережная в Парке культуры)?

Что приносит нам комфортная среда? Комфорт и гиподинамию?

Город всегда был и сейчас является концентратом инфекций: в средние века – чума, сейчас – грипп. Это скопище и главный производитель мусора. Впрочем, это уже планетарная проблема: пластик сбивается в острова в океане, его глотают рыбы, а мы едим их вместе с пластиком.

Город вреден? Однако для слабых и маломобильных только он и пригоден для жизни. Так и звери: в неволе они живут дольше, а белые львы, к примеру, выживают только в неволе.

Парадоксально, но разговор на эту тему в Иркутске был необычно благостным для наших круглых столов: наши лучшие друзья – солнце, воздух и вода; там, вблизи Байкала, они первоклассные. Однако статистика по продолжительности жизни не очень совпадает с этим оптимизмом: две столицы вместе с республиками Северного Кавказа находятся в первой четверке, а Иркутская область – примерно шестидесятая. Красноярск чуть выше, несмотря на смог и жуткую экологию.

Константин Лидин Понятие «здоровье» очень неопределенно и, к тому же, сильно меняется с течением времени. Можно проследить, как менялись представления о здоровом городе, о здоровом дизайне. Внятно сформулировать получилось у Жюль Верна. У него в совершенно замечательном произведении «500 миллионов бегумы» получивший гигантское наследство француз строит город счастливых людей – здоровый город. Основа здоровья заключается в том, что в каждом доме есть канализация и ванная. В конце XIX века считалось, что этого достаточно для здоровья людей. С тех пор многое изменилось. Я уже полгода живу в Восточной Европе; продолжительность жизни здесь одна из самых высоких: очень заметно, что люди живут долго. 70–80 лет – это вполне активный возраст. У меня лично есть несколько знакомых, которым за 80, и они вполне бодрые, полноценные, активные члены общества, что для Иркутска выглядит странно. Не знаю насчет Москвы. По данным Всемирной организации здравоохранения, детская смертность в Болгарии одна из самых низких в мире. Что на это влияет? Озелененность? Может быть. В Софии нет такого квартала, места, от которого больше пяти минут пешего хода до парка. Если из дома идти больше пяти минут до зеленого массива – это уже неблагоприятное место, и люди там стараются не жить. А может быть, влияет уровень тревожности? Он гораздо ниже – люди не боятся друг друга, что очень контрастирует с российскими городами. Низкая детская смертность обусловлена хорошим

отношением к детям? Если на улице взрослый человек начнет кричать на ребенка, то прохожие вызовут полицию. Тем не менее, однозначно решать вопрос о здоровье оснований у нас не хватает. Чем больше мы посадим деревьев, тем здоровее будем? Вот сейчас в Болгарии очень красиво, все вокруг цветет, но я – астматик и очень страдаю. Озеленение мне здоровья не добавляет.

Андрей Асадов В проекте «Медицинский центр в Сколково» мы пытались реализовать принципы здоровой архитектуры, по поводу которой подробно общались с коллегами. Мы постарались сделать некий оазис архитектуры, тем самым ответить для себя на вопрос: «Что такое здоровые здания, здоровая архитектура?» И в процессе работы сформулировали пять простых принципов, благодаря которым любое здание, независимо от функций, может позитивно влиять на человека, место, привносить ценность в город и окружение. Первый – внешний облик здания несет позитивный заряд. В проекте больницы мы постарались перевернуть саму ее философию: больница кажется чем-то монументальным, грубым, уже своим видом показывающим, что отсюда человеку не выбраться живым. Мы хотели создать приветливый, легкий, приглашающий образ здания, поэтому сделали нетрадиционный облик, использовали непривычный материал. Например, все фасады – стеклянная оболочка (объект находится в Сколково, а это типично для них), имеющая хорошую энергоэффективность. И поверх вуалью на оболочку надеты солнцезащитные ламели – вертикальные полоски, расположенные часто и со сдвигами, образующие некую кардиограмму, оборачивающую данное здание. Этот легкий образ продолжается в интерьере.

Второй принцип – здание, предназначенное для лечения, должно быть здоровым само по себе. Иметь здоровый микроклимат, принципы салютотенного дизайна, большое количество солнечного света, мягкие позитивные цвета, воздух и просторность.

Третий принцип – функциональность всех помещений.

Четвертый – многофункциональность пространств. Когда мы заходим в больницу, то попадаем в центральный атриум – огромное универсальное пространство,

которое может гибко трансформироваться. Даже мебель мы спланировали так, что из нее, как из конструктора, можно собирать разные конфигурации: презентацию, выставку; получились модульные конструкции. Ведь, помимо основной части, там есть разные зоны: научные, конференц-зоны – штаб будущего кластера, где сидит команда кластера и привлекает разных специалистов из разных стран. Они приглашают молодых специалистов и врачей для стажировки со всей страны и прокачивают их на современном оборудовании, тестируют сложные операции.

Пятый принцип – архитектура, которая вращается вокруг человека и создает наиболее благоприятную среду. Это целый ряд принципов, куда включены планировочные, цветовые, естественная среда, отделочные материалы, дизайн, планировка, которые нацелены на то, чтобы побуждать человека к общению, к взаимодействию – проявлять задачи, которые заложены в самом здании. Например, в коворкингах, трансформируемых и многофункциональных зданиях очень хорошо читается свободное открытое пространство, стимулирующее к общению, нестрогим действиям, к рождению новых идей. То есть пространство, стимулирующее людей развиваться и реализовываться в нем. Такие идеи и принципы мы применили в данном здании, но и в целом мы стараемся применять принципы здоровой архитектуры в каждом проекте. Понятие здоровой архитектуры всеобъемлющее. Для меня смысл здоровой архитектуры – раскрывать потенциал человека. Поэтому мы вместе с коллегами и большой междисциплинарной командой обсуждаем понятие здоровой архитектуры и стараемся максимально широко внедрять ее принципы в проекты, которыми занимаемся сами.

Сергей Чудаков Андрей хорошо продолжил тему. Она очень интересная и не так проста, как нам хотелось ее видеть. За всю историю человечество делает «заход» на эту тему неоднократно. Она точно не родилась в XX веке. В XX веке, в период массовой застройки, она просто предельно обострилась. Когда мы, например, говорим о штучных объектах на Руси (я не буду брать лачуги для бедняков), то и русская изба, и дворец князя

всегда были грамотными жилищами. Попытки заселять людей в какие-то объекты при фабриках – бараки, хрущевки (таких примеров много не только в СССР, но и за рубежом) – создают некую обезличенность. По сути человек заселяется не в «соту», которая является гармоничной архитектурной единицей, а в клетку с квадратными метрами, которая безлика как внутри, так и снаружи. Это очень серьезно повлияло на наши представления о состоянии здоровья. Подобным образом строились и больницы, и детские сады... У нас есть достойное четкое оправдание – мы восстанавливали страну после войны, и нам нужно было людей просто-напросто заселить. Но сейчас нужно практиковать совершенно другие ориентиры. Человек, пока он будет чувствовать себя животным в клетке, безусловно будет болеть, как болят животные на фермах, где их искусственно поддерживают. Сейчас мы вправе рассчитывать на другой уровень жилья; к счастью, это ярко демонстрируется во всех городах России и за рубежом также. Появляются совершенно другие объекты – это штучная, пусть и типовая застройка, с совершенно другими планировочными, цветовыми решениями, и люди в этом пространстве совершенно по-другому себя ощущают. Почему для нас, медиков, это важно? Человек не заболевает в медицинской отрасли, он заболевает вне медицины: на работе, дома, от безысходного взгляда на жилье. И когда попытались применить количественные показатели, оказалось, что это измеримо, что можно влиять на эту ситуацию. А дальше возникает вопрос об инструментах влияния. Об этом говорили древние – ориентировка на местность, это очень важный фактор. Никто не отменял силовые линии земли: неправильно построенное здание входит в диссонанс с живым организмом. Второй важный момент, о чем всегда говорилось, хотя и было запрещено – строительство объектов на кладбищах и захоронениях. У нас масса таких объектов. Ярким примером является Триумф-палас на Соколе. В таких зданиях человек обязан болеть, потому что кладбище с точки зрения энергетики и биоэнергетики – «гиблое» место. Там нельзя строить никогда, но земля в Москве дорогая. Мы это наблюдаем как медики, как специалисты превентивной медицины. Появилось удивительное понятие «раковый подъезд»:

люди, которые живут на геопатогенной зоне вверх по стояку, болеют, и многие, к сожалению, болеют онкологией. О цвете, геометрии формы, материалах коллеги расскажут лучше меня.

Иван Таранов Константин сказал: мы не понимаем, что такое здоровье в принципе и как его определить. Я тоже об этом задумывался. ВОЗ выдала всеобъемлющий тезис: «Здоровье – это состояние полного физического, психологического и социального благополучия, а не просто отсутствие болезней и недомогания». Когда мы говорим о здоровой среде, это не значит, что люди не будут заболеть инфекционными заболеваниями. Сначала у нас были ГОСТы, СНиПы по качественному строительству зданий – теперь крайне редко люди погибают от травм или заражаются инфекционными заболеваниями из-за некачественной построенной среды. Сейчас медицина дошла до такого уровня, что может справляться с большинством инфекционных заболеваний, но появляются неинфекционные заболевания – стресс, синдром выгорания, депрессия, офисный синдром – множество болезней, которые приводят к ослаблению иммунитета, к инфекционным и другим заболеваниям. В 1997 г. ВОЗ обозначил, что ареной борьбы с этими заболеваниями должно стать место, где человек проводит большее количество времени. Мы долгое время приходили к этой концепции, в рамках которой сейчас работаем. Важно понимать, что принципы здоровой архитектуры не начнут реализовываться, пока это не станет массовой общей идеей, которая будет выгодна не только с точки зрения здоровья, но и с точки зрения экономической выгоды для различных участников системы; также это должно быть и экологически правильно сделано. К вопросу здоровой архитектуры нужно подходить комплексно и одновременно решать все вопросы. И такие системы есть. Наша ассоциация совместно с Институтом междисциплинарной медицины и Международной Академией дизайна и здоровья выработали несколько пунктов, которые должны быть в каждом здании, но представлены в разных формах. Как мы обозначили, это синергические решения в различных формах. Первое – это активная среда: велодорожки, парки. В этом пункте любое реше-

ние с научной точки зрения должно быть обосновано. Мы не можем просто посадить деревья. В Москве проводилось исследование: когда сажали деревья вдоль скверов, потом в этих местах из-за ухудшившейся проветриваемости скапливались автомобильные газы. Мы не можем просто сказать: «зелень – это хорошо». Каждое явление может быть хорошим или плохим с разных точек зрения и приводить к разным результатам, поэтому все должно быть научно обосновано и рассчитано. Здоровая пищевая среда. Чистый воздух и микроклимат: проветриваемость, особенно в спортивных учреждениях (сейчас есть специальные системы вентиляции с фильтрами). Чистая вода. Доступ дневного света в помещения – это одна из фундаментальных функций. У человека есть ритмические часы, и любое освещение должно быть синхронизировано с этими ритмами – это научно обоснованный факт. Приходим на работу затемно – нужен определенный свет, вечером, например, нужен более теплый свет. В Институте междисциплинарной медицины уже это реализовали: лампы, которые могут добавлять определенные оттенки цвета, например, обычный белый, а по кромке зеленый и другие цвета, которые способствуют продуктивности, отдыху и т. д. Хочу акцентировать внимание, что решения, которые улучшают здоровье, уже экономически выгодны. Когда мы занимались переоборудованием офиса (500 кв. м), потратили около миллиона рублей, чтобы поставить новые лампы. Экономический расчет показывает, что через 7,5 лет эти лампы полностью окупятся за счет того, что они более экономичные; при этом мы не упоминаем об улучшившейся продуктивности сотрудников. Акустический комфорт в шумных помещениях. Здоровая природная среда. Активный транспорт, успешная социализация и эстетическая среда – это последние три пункта. Важно, что, попадая в такую среду, человек должен интуитивно понимать, что для него лучше – это понятие называется социальное подталкивание и легкий выбор. Хороший пример: когда мы входим в лобби отеля, перед нами стойка ресепшен. И нам говорят: «Пройдите туда-то на лифт». А если бы была большая лестница, мы бы подтолкнули себя к ней и не искали бы лифт.

ЕГ Очень многое из того, что вы говорите – общеизвестные факты, этому нас учили еще в Советском Союзе. Тем не менее, на практике путь реализации сильно осложнен. Очень редко проект сопровождается предпроектными исследованиями. В простом проекте благоустройства должны быть не только социологические исследования, но и экологические, и по вашему, медицинскому профилю. Каким вы видите путь внедрения благих намерений, великолепных знаний, результатов изысканий в нашу отечественную суровую действительность?

Анастасия Чурилова Первое, что к этому ведет – введение зеленых стандартов. Это не касается только лишь зеленых насаждений, как мы привыкли, а зеленых в том смысле, что они умные. На данный момент наш институт занимается разработкой собственных стандартов, по которым должны строиться здания. К этому мы прикладываем определенный знак качества.

ЕГ Это не те зеленые стандарты, которыми пользуется сейчас мировое сообщество?

АЧ Мы хотим провести собственные исследования, провести аналогию с международным опытом и стандартами и адаптировать их под Российские реалии. На данный момент общепризнанных глобальных есть три – LEED, BREEAM и WELL. О человеке из этих трех заботится только WELL. LEED и BREEAM в основном направлены на энергосбережение, ресурсоэффективность, снижение эксплуатационных расходов и бремени на экологию. По стандарту уже сертифицировано более 600 зданий в 31 стране мира, и это число продолжает расти. Но в России зданий, построенных по стандарту WELL, пока нет, даже на самом низком уровне – «серебро». С LEED и BREEAM ситуация другая: в них легче и дешевле получить «проходной балл» для получения сертификации он намного ниже, чем в WELL.

ЕГ Одну из башен Москва-Сити объявили соответствующей этому уровню.

АЧ Да, по всей России и в Москве, в частности, есть несколько объектов, сертифицированных по BREEAM и LEED. В основном это объекты, построенные к чемпионату мира по футболу, и бизнес-центры. Мы в Институте за то, чтобы предварительно был научный и аналитический подход. Помимо этого, мы за то, чтобы на каждом объекте при проектировании присутствовал аккредитованный специалист-консультант по оздоровительным и ресурсосберегающим технологиям. К сожалению, таких специалистов мало, и мы сами сталкиваемся с проблемой, когда компании заказывают консалтинг для уже построенных зданий. Одной из таких была энергетическая компания, проблемой которой являлась низкая продуктивность работы сотрудников (сотрудники были вымотаны, присутствовал высокий уровень стресса, высокая текучка кадров). Их фабрика прошла по всем СНиПам идеально, к этому претензий не было. Они обратились к нам за советом непосредственно по среде: почему так происходит? Из основного – это качество освещения, качество воздуха, график смен работников (12-часовой день, 4 смены в неделю), удаленность ближайшего крупного населенного пункта (несколько часов езды от объекта). Мы предложили, несмотря на экологическую ситуацию вокруг, типовые проекты энергоэффективных жилых домов: это очень дешево; во-вторых, не требует никаких затрат на их содержание. Было очень приятно, что компания, после всех наших переговоров, глубокого консалтинга и аудита от наших экспертов, согласилась внедрить определенные предложения: предоставить место людям для сна между сменами, произвести модернизацию их среднего оборудования, улучшить вентиляцию на производстве.

ЕГ Вы коснулись того, что планируете влиять и на нормы. Нормы следует менять? Какие именно?

АЧ Очень щепетильный вопрос. Мы считаем – да. Некоторые из них на данный момент устарели, над ними определенно нужно работать специалистам смежных областей. В данном вопросе возможно создание структурного подразделения, которое на данный момент есть только в Великобритании, где Министерство здравоохранения инвестирует в специальное направление – «Urban Health». Их задачей является интересная междисциплинарная область – определение того, как здания влияют на здоровье людей, и последующие предложения изменений градостроительных планов. Нам необходима такая же государственная структура для решения задач на национальном уровне.

Елена Булгакова Вопрос к Сергею Викторовичу: насколько город Москва здоровый? Мне кажется, у нас не все так плохо. Конечно, чистота воздуха, микроклимат и акустический комфорт страдают, а все остальное есть. И вопрос к Андрею Асадову: как удастся соблюсти жесткую технологию и дать гибкие планировочные решения?

Сергей Гнедовский Говорить о Москве довольно сложно, потому что город очень неоднороден, с разными условиями и традициями жизни. Если говорить об исторических районах, то их можно, на мой взгляд, отнести к комфортной части городского пространства: она наполнена исторической памятью и современным содержанием, обеспечивается определенное психологическое равновесие, которого недостает в районах современной массовой застройки. Помимо того, есть и системы обслуживания, уклад жизни. Что касается районов массовой застройки или отдельных мест реновации – то в них возникают проблемы. Одной из них является пространственная и социальная однородность, это основа для стресса и дискомфорта, которая приводит к негативным последствиям, проявлениям нездорового образа жизни. Следующие проблемы массовой застройки – скученность, низкий комфорт жилья, отсутствие разномасштабности архитектуры, отсутствие качества, собственного исторической застройки – возможность читать город как текст (когда мы идем по улице, мы рассматриваем дома друг за другом, как будто читаем сложившийся текст), возможность культурно себя идентифицировать, находить для себя комфортные места. Историческая (сложившаяся) застройка дает свободу выбора, в новой застройке в ее худших примерах, она, как правило, отсутствует. Ей необходима разномасштабность, разнонасыщенность. Это и есть одно из условий психологического комфорта. Здоровье – это некое вибрирующее, колеблющееся состояние между организмом и внешним миром, оно неустойчивое, зависит от физического состояния человека, возраста и т. д. Маловероятно, что есть специальный рецепт комфорта: нельзя сделать человека счастливым, он может это сделать только сам, выбрав из того, что ему предлагается, то, что ему нужно. Или создать самому комфортное жилье или среду в малом городском или сельском поселении. Нам же, как правило, предлагается определенный «набор счастья»: детская площадка, парковка, урна, скамейка – и будьте счастливы. Необходим контакт между тем, кто создает комфортную среду и теми, кто в ней обитает – в этом заложена главная проблема. Одним из инструментов ее преодоления являются предпроектные исследования, позволяющие в ходе проектирования находить индивидуальные решения, раскрывающие потенциал и специфику места. Предпроектные исследования – важнейшая часть проектного процесса, потому что они предполагают поиск решений, органичных для данного места. Андрей Асадов в своей работе смоделировал, исходя из пони-

мания того, что нужно клинике и пациенту, ценности, сформулировал принципы, спроектировал качественную архитектуру. Москва сложная: где-то есть комфортные зоны, где-то – зоны, связанные с плохой экологией, где-то – связанные с шумом. В крупном городе такие проблемы так или иначе будут – это объективная реальность нашего XXI века. Но не забываем: существует право выбора. В Берлине, например, 60% – это рентное жилье. Люди выбирают для жилья то место, которое соответствует их конкретным потребностям в тот или иной период жизни. Этот опыт у нас только прививается. Если говорить о здоровье нации, о стратегии будущего, в важном вопросе градостроительной политики мы находимся в довольно сложной ситуации. В нашей колоссальной по размерам многомиллионной стране из 140 млн. человек 107 млн. живет в городах. Произошло это в силу существующей политики: неравномерное распределение трудовых ресурсов в стране, политике выморачивания экономически невыгодных территорий, создание крупных городских агломераций. Последнее – это проблема 107 млн. граждан, съезжающихся в агломерации и порождающих те самые проблемы, о которых мы с вами говорим. Это вопрос государственной политики.

АА Я хотел обратить внимание, что реновация – это шанс повернуть тему депрессивной среды современных районов к созданию нового качества. Не зря к участию в этой программе было привлечено немало профессиональных архитектурных бюро и в рамках конкурса, и в рамках текущих проектов планировок. Для нас в данном случае был повод переосмыслить среду: чего можно добиться в рамках жесткого экономного жилья, приблизив его к европейскому уровню. И мы доказали, что возможно; наши предложения были подтверждены точным экономическим расчетом. Концепция называется «Неспальный район». Мы показали, что каждый район, преобразуясь, трансформируясь с помощью реновации, может стать полноценным пространством для жизни: и местом проживания, и местом труда. Мы просчитали, что примерно 20% нежилых помещений, расположенных на 1-х и 2-х этажах, могут обеспечить всех трудоспособных жителей. Они могут снять жилье в данном районе, нигде не выезжая. Тогда транспортный трафик сильно падает. Такая возможность есть, и постепенно, с течением времени, с футуристической направленностью, возможна реализация в течение последующих 50-ти лет. Наша задача как архитекторов – с помощью реновации задать максимальную планку, несмотря на противодействующие факторы. Город должен показать уровень доступного жилья, который может быть, и Москва точно может себе это позволить. Мы сложили все эти факторы, начиная с квартальной застройки и правильной расстановки домов. Тогда квартал становится естественной границей между общественным и частным пространством, дома образуют фронт улицы – это полноценная традиционная европейская улица с широкой пешеходной зоной, зоной проезда машин, с парковками вдоль дорог, зелеными зонами. Все общественные функции выходят на эту улицу, благодаря этому она получается насыщенная, неспальная. А дальше сами дома образуют приватную зону для жильцов внутри двора и одновременно – стилобат для парковок с максимальной изоляцией транспорта и насыщенностью пешеходными пространствами. Как один из принципов мы предложить крыши сделать эксплуатируемыми – это дополнительный бонус для верхних этажей, а у первых этажей расположены небольшие террасы-патио. Фасады выполнены из качественных материалов: кирпич, керамика-терракота. Все эти элементы влияют на общее качество среды. Когда экономисты посчитали возможную стоимость жилья в районе, построенном по данным принципам, они поняли, что он сопоставим с районами

бизнес-класса. Цена чуть ли не в полтора раза больше, она покрывает все расходы по реновации, а при необходимой плотности еще и приносит прибыль городу. Это была большая неожиданность для нас самих. Качественная среда может автоматически повысить коммерческую привлекательность застройки. Город как стратегический девелопер должен это понимать, в отличие от коммерческих застройщиков, которые не обладают такими инвестиционными ресурсами.

При работе с объектами медицины (клиника в Сколково и Центр детской гематологии, а также реконструкция Центра акушерства и гинекологии на ул. Опарина) важным фактором являлась готовность врачей: с самого начала они были заряжены идеей создания совершенно нового – позитивного, «выздоровливающего» – образа больницы. Мы работали вместе с замечательной компанией, которая обеспечивала объект сложными технологиями. Всего лишь реконструкция существующих корпусов на уровне фасадных решений, не затрагивающая жесткие медицинские технологии, показала, что так можно создать красивый градостроительный ансамбль.

ЕГ Сергей Викторович и Андрей затронули две важные темы. Разнообразие – текст городского пространства – должен читаться увлекательно. Часть центра исторического Иркутска пострадала от монофункции: стихийная торговля оккупировала несколько кварталов и привела их в абсолютно негодное состояние, позор для исторического города. Эта проблема породила проект «Иркутские кварталы»; сейчас мы насыщаем эту территорию разнообразием, пытаемся вернуть жилую функцию, культуру, образование и т. д. Разнообразие – один из пяти постулатов нашего проекта. Множественность функций, множество нюансов городского текста создают интригу, сюжет...

Андрей, рассказывая о «Неспальном районе» и типологии жилья, сделал акцент на то, что происходит на крышах и на первых этажах. Во времена засилья типовой застройки архитектор В. А. Павлов ввел в Иркутске новый тип дома, преобразовав самые непопулярные первый и последний этажи. В объявлениях об обмене квартир про них писали «не предлагать!». Павлов сделал эти этажи привилегированными: первый этаж имел дворик-патио, последний этаж с квартирой в двух уровнях имел террасу (прообраз пентхауса). Это имеет отношения и к вопросу разнообразия: хрущевская пятиэтажка получает другой архитектурный образ. И это абсолютно не требует глобальных затрат.

АА Самое интересное, что мы все эти решения постарались вписать в бюджет района. Мы показали, что интеллектуальные усилия архитекторов могут создать, при тех же деньгах, среду совсем с другими качествами.

КЛ Я хотел бы обратить внимание, как мы плавно ушли в методологическую мешанину, перепутав понятия комфорта, здоровья и счастья. Они у нас слиплись воедино, хотя это совершенно разные понятия; очень часто комфорт вредит здоровью. Например, фастфуд очень комфортная, полноценная форма питания, но вряд ли кто-то будет защищать его и говорить, что он помогает здоровью. Конечно, развитая транспортная система в городе – это очень комфортно, но людям, конечно, здоровее ходить ногами и т. д. Комфорт и здоровье – это очень часто противоречивые вещи. Относительно счастья, конечно, тоже много неясного. Две международные команды ведут мониторинг уровней счастья. По той и другой версии наиболее счастливые страны находятся в Карибском бассейне и в Юго-Восточной Азии. Великобритания действительно много усилий прилагает, но результат не очень утешительный: при наличии мощной правительственной экспертной структуры результат нулевой или почти нулевой. И по комфорту она не является

образом, в отличие от Дании или, скажем, отдельных городов Канады. Я – обычный житель обычного восточно-европейского города, столицы довольно крупного европейского государства. Здесь проблем достаточно: и дороги разбиты, и парковок не хватает, коммунальные услуги дико дорогие – все это здесь есть. Не надо кивать на Европу, здесь нет такого идеала, с которого можно было бы снимать копии. Ждать, что обо мне кто-то позаботится – не дожидусь. Крупный бизнес занят своими прибылями; мелкий бизнес – битвой с чиновниками; государственные структуры пишут документы друг другу, в этом их главная задача и цель существования. Не будет никто из этих крупных игроков заботиться о здоровье населения, это им не нужно. Давайте перестанем себя обманывать. Нам нужны какие-то общие, понятные принципы здорового образа жизни в городе, чтобы мы сами могли об этом позаботиться. Что может архитектура предложить мне, обычному горожанину?

АА Согласен с тезисами. Среди участников в процессе городского развития только архитектор воспитан изначально, по природе своей профессии, он понимает, возможно ли учесть интересы и города, и застройщика, и инвестора, и жителей. Как это все учесть, объединить и направить к общей цели. Обеспечить комфортную среду. Поэтому в наших реальных проектах мы, по возможности, стараемся реализовывать эти принципы. Мы их понимали на интуитивном уровне, а с некоторых пор осознанно формулируем и перечисляем. И в виде манифеста рекламируем в более масштабных проектах. Я убежден, что архитектор в силу синтетического мышления как дирижер, как режиссер может эти интересы объединять, предлагать, каким образом достичь состояния благоприятной среды.

ЕГ Это так, и архитектор должен и может это делать, но на практике не всегда получается. Все понимают, что не архитекторы принимают решение, например, размещать ли жилую застройку на кладбище.

СЧ С кладбищами все понятно, хотя тема глубокая и требует отдельного обсуждения. Я хотел бы поднять тему материалов, она очень важная и имеет отношение к обсуждаемому вопросу. Задача медиков в данном случае – некий надзор за стандартами среды. И мы сталкиваемся с некоторыми проблемами. Например, столкнулись в период стандартизации здравоохранения – это программа, которая прошла совсем недавно, по которой было построено большое количество объектов, появилось большое количество техники. В этот период строители стремились обойтись «малой кровью»: отделочные материалы, которые применялись в данных постройках, необходимо было заменять: линолеумы, краски, отделка стен. Мы сейчас сосредоточены на пожаробезопасности. Мы мало сосредоточены на том, что посетители муниципальных объектов дышат этим всем, дышат жители, живущие в своих собственных квартирах, и болеют. Медики столкнулись с совершенно новой формой болезни. Раньше мы говорили, что болезни цивилизации от того, что люди употребляют фастфуд, мало двигаются, переживают стрессы. Сегодня отделочные материалы и мебель являются мощнейшим фактором заболеваемости. Мы склеиваем материалы, пары от хлорвиниловых покрытий испаряются, и мы этим дышим. Наряду с едой это, по мнению международных экспертов, – один из важнейших трендов возникновения заболевания. Момент управляемый – неуправляемый. Большую роль играет неграмотность тех, кто застраивает и отделяет социальные помещения: использование дешевых материалов уменьшает расходы и обеспечивает соблюдение экономии бюджета. Это касается и тех, кто покупает своим сотрудникам мебель в офис: они не понимают,

что это скажется на работоспособности сотрудников. Ряд веществ, о которых идет речь, проникают внутрь разными путями: через кожу, через дыхательные пути – влияют на функцию гормональной системы, полностью дезорганизуют деятельность организма.

ЕГ А как обстоят дела с сертификацией?

СЧ Сертификация – это, как статистика, – «продажная девка империализма». Как проводится сертификация? Нет острого токсического эффекта (три месяца) – и этого достаточно, и протаскивают так называемую экономию. Не учитывается, что токсический эффект наступает через несколько лет; что есть очень важные кумулятивные моменты. Мы боремся с этой ситуацией. Мы побуждаем людей выводить эти токсические продукты из себя, но надо же думать, чтобы они туда не попадали.

ЕГ К каким болезням могут привести неправильные отделочные материалы?

СЧ Вплоть до онкологических заболеваний с доказанными эффектами, с опытами на лабораторных животных. Это хорошо разработанная тема, но она сильно не афишируется. Люди должны иметь возможность свою квартиру обставить. В маленьком городе люди должны отделать свою больницу хоть чем-то, нет у них больших денег.

Константин Антипин Строительство на кладбищах – это не какое-то новое явление, оно возникло даже не в XX веке. При каждой приходской церкви в городе всегда были кладбища, но уже в середине XVIII века их стали застраивать доходными домами. Так Москва начала уплотняться, и появились те самые узкие улочки центра, которые сегодня все так любят. Плотность застройки и ее непрерывность – это ключевой фактор комфорта городской среды, обеспечивающий жителей инфраструктурой. Сегодня в качестве некоего идеала при реновации в Москве пропагандируется квартальная застройка с дворами без машин. Тем не менее, в процессе стремления к этому «идеалу» теряются главные достоинства – непрерывность застройки и комфортные улицы. Ведь машины, вытесненные из дворов, оказываются именно на улицах.

В Советском Союзе при всей массовости застройки перед ее началом были произведены масштабные исследования по типологии жилья. Все дома соответствовали минимальным требованиям среднестатистического человека и были ответом на стремительный рост населения. Несмотря на то, что аскетичные хрущевки предполагались как временное решение, по мере их строительства количество людей, нуждающихся в жилье, не снижалось, и приходилось увеличивать высоту застройки сначала с 5 до 9 этажей, затем с 9 до 16, а потом и еще выше. В попытках угнаться за темпами роста населения не хватало времени на то, чтобы решать проблемы по разнообразию и выразительности архитектуры. Также уходило на второй план и благоустройство пространств между домами. Но ошибочно думать, что все эти проблемы не поднимались еще тогда; просто инерционность строительной индустрии не позволяла архитекторам их решать, хотя решения и предлагались. Так, проблема однородности архитектурной среды поднималась еще в 70-е годы. И тогда был объявлен конкурс на проектирование экспериментального микрорайона в Тропарево-Никулино: случилась небольшая пауза в погоне за потребностями населения в жилье. После нее в Москве несколько увеличилось разнообразие типовой архитектуры.

По поводу чтения города как текста. Сегодня принято критиковать советскую архитектуру и смотреть на нее как на что-то серое и однородное. На деле же и во второй половине XX века создавалось немало интересней-

ших индивидуальных проектов. Просто сегодня они в нашем восприятии того периода тонут в океане типовых домов. Тем не менее, гуляя по Москве, можно и вне Садового кольца увидеть немало интересного даже в районах с, казалось бы, сплошь индустриальной застройкой.

Но в советские годы в условиях плановой экономики существовал совершенно иной подход к организации городских пространств. Если в плотной квартальной застройке благодаря рыночной экономике все цокольные этажи улиц занимают разнообразные магазины и предприятия обслуживания, покрывая потребности живущих вблизи людей, то в отсутствие конкуренции в советской микрорайонной застройке вся инфраструктура существовала ровно в том количестве, в котором она была минимально необходима населению конкретной территории. И это в определенной степени стимулировало людей к большому передвижению внутри своего микрорайона и вне его, а свободная планировка расширяла вариативность маршрутов этих передвижений. Какой стимул к движению будет у жителей новых районов, если вся инфраструктура и даже работа находятся в шаговой доступности?

АЧ Мне кажется, у нас произошла путаница понятий. В моем контексте урбанистика – это не что-то современное, а урбанистика в целом. Мы ни в коем случае не советуем людям строить 80-этажные здания, говоря, что это комфортно. Наоборот, мы за разноплановое жилье, за дифференцированную типологию. Вспомнилось начало разговора о том, что самые грязные зеленые насаждения выявлены вдоль Москва-реки. Так может быть, это хорошо? Эти загрязнения не идут дальше в город. За пределами этих зеленых зон люди не дышат вредным воздухом. У бюро градостроительства в Великобритании было исследование: как зеленые насаждения влияют на воздухопоток в городе. Мы говорим, что нам нужно проводить такие же исследования, чтобы понять, как все это работает в наших городах. Это поможет нам не только слепо следовать «зеленым стандартам» в мире, а понимать их и создать свою собственную научную базу. Мы должны работать над тем, чтобы понять и донести до общественности, как зеленая архитектура и самотогенный дизайн работают в России. Здесь следует говорить о преемственности опыта аналитики и проведения исследований. Например, банальная ситуация: многие говорят, что ковровое покрытие – это плохо, это рассадник бактерий и пыли, но при этом оно поглощает всю пыль. Может быть, при должном уходе это лучше, чем, например, вездесущий дешевый линолеум? То же самое мы можем сказать про тканевые жалюзи на окнах, тем более, что сейчас есть специальные пылепоглощающие и бактерицидные разработки. Далее, оконные фильтры – спорная тема для города – они фильтруют частицы от 2-х микрон. Выявили, что мелкие частицы попадают в организм и вызывают респираторные и неврологические заболевания.

ЕГ Получается дистиллированный воздух?

АЧ Вопрос: получится ли он? На этот счет идет полемика: из исследований производителей оконных фильтров получается, что это самая нужная вещь в вашем доме. Но лично нам кажется, что не хватает исследований, которые проводятся независимыми организациями. Нет финального вердикта, который говорит: а так ли это на самом деле и хорошо ли это? Насколько хорошо жить в инкубаторе? Если через 10 лет мы будем жить в таких стерильных условиях – не приведет ли это к тому, что нашему собственному иммунитету придет крах?

ЕГ Байкальская вода является, возможно, таким аналогом; она настолько чистая, что в ней нет необходимых

для жизни элементов, в частности, йода, и это большая проблема для тех, кто живет в Байкальском регионе.

КЛ Я бы хотел обратить внимание, что есть конструктивное определение здоровья, оно, правда, не совсем медицинское. Здоровье – это глубина гомеостаза. Насколько человек способен приспосабливаться к меняющимся условиям – настолько он здоров. Если, например, человек простужен, он не может выдерживать охлаждение, а здоровый выдерживает охлаждение и потом восстанавливается. Создавая комфортную среду, мы притупляем, а иногда и разрушаем компенсаторные механизмы человека. Мы делаемся гораздо более болезненными и зависимыми от этой среды. Я бы хотел обратить внимание, что в глобализующемся мире есть множество сил, которые заинтересованы в эскалации зависимости людей. В Болгарии очень много представительств транснациональных компаний, которые, на первый взгляд, кажутся весьма человеколюбивыми. В течение рабочего дня каждые 40 минут производственная гимнастика, в середине дня развозят обязательный обед, 3–4 разновидности фастфуда, и ты не имеешь права его не съесть. Если ты этого не сделал – тебя штрафуют. Фирма нанимает квартиру, машину, оплачивают квартплату – только работай. Такое ощущение, что родной отец заботится о своих детях хуже, чем фирма о своих сотрудниках. На самом деле людей превращают в монофункционалов, которые, кроме работы в своей узкой области, ничего не могут, которые вынуждены оставаться на одном месте всю жизнь, потому что как только он его покинет, он не будет знать, куда пойти даже за продуктами. Стремление к комфорту, подмена комфортом понятия здоровья приводит именно к этому. Следующий шаг – это Матрица, как в фильме братьев Вачовски: мы все лежим в ваннах, и наша жизнь нам кажется полноценной. Нельзя делать среду безгранично комфортной – она убьет, разрушит наше здоровье. Нельзя безнаказанно делать больницы веселыми и привлекательными, потому что людям будет нравиться болеть: люди с удовольствием будут ждать следующего повода пойти в больницу. Разумеется, они себе такой повод организуют, особенно дети. Все мы прекрасно знаем, что, если у ребенка повышенная потребность привлечь к себе внимание родителей, он начинает болеть каждую неделю. С этим нужно обращаться очень аккуратно – подмена понятий совершенно небезобидна. Фальсификация очень опасна. Между прочим, линолеум происходит от слов «лин» и «олеум» – льняное масло. Это природный материал, очень здоровый – мешковина, пропитанная льняным маслом и пробковой пылью. Угроза здоровью появилась оттого, что его фальсифицировали при помощи поливинилхлоридных смол, из которых испаряется пластификатор и вызывает букет последствий. Здесь, в Болгарии, мы наблюдаем, как разрушают сельское хозяйство: в магазинах появляется стерильное стандартизированное немецкое мясо, потому что коровы выращиваются в искусственной среде. Как это все будет влиять на людей во втором и третьем поколении, никого не интересует. Ведь крупный бизнес заинтересован в том, чтобы люди жили мало, работали много, потребляли стандартно и умирали в день выхода на пенсию. И правительства тут ничем не отличаются от крупного бизнеса, им так же не нужна здоровая городская среда. Единственный вариант создания здоровой среды – это больше доверия самим людям. Не надо забывать, что люди не хомячки. Притцкеровскую премию в прошлом году получил Алехандро Аравена: он доверяет жильцам, он им отдает значительную часть работы по созданию конечного образа жилого пространства. Это единственное направление, в котором мы реально можем достичь здоровой среды.

СЧ Интересные вопросы подняты, и прозвучали спра-ведливые вещи. Как врач я хотел бы обратить внимание, что сколько бы воздействий не было на человека, все они в итоге реализуются примерно одинаково. Все, что нам не нравится извне, приведет к одному и тому же резуль-тату. Природа не столь разнообразна в выборе способов преодоления стресса: стресс многообразен, а реакция одинакова. Поэтому мы должны, когда говорим о здоро-вье и окружающей среде, понимать, что в конечном счете снижение уровня стресса будет отражаться на продолжи-тельности жизни. Стресс мы зачастую понимаем прими-тивно, хотя о нем много написано. Стресс – это избыточ-ное постоянное повреждение человека. Не тренирующее и не способствующее развитие.

КЛ Это дистресс.

СЧ Не буду спорить. Этот вопрос за рубежом был отработан Гансом Селье («Стресс без дистресса»), а уже в России был развит нашими советскими учеными: профессора Л. Гаркави и Е. Квакина выявили, что есть тренирующее воздействие, но они это детализировали и выявили, что человек должен подвергаться трениру-ющему воздействию. Тренирующие воздействия выли-лись в то, что мы строим фитнес-клубы, потому что все остальное не делаем в процессе жизни. Раньше человек вплетал тренировку в определенные движения, кото-рые необходимы были для выживания. Сейчас это ушло из жизни, сейчас нужно выживать психологически. По-явился другой вид стресса, но отрабатывается он точно также. Питание и негативные факторы внешней среды усугубляют эту ситуацию. Поэтому здоровая архитектура, по моему мнению, должна быть антистрессовой архи-тектурой. А среда – антистрессовой, не вычеркивающей человека из принятия решений. Человек не должен быть пассивным воспринимателем улучшения среды, иначе он действительно прекратит свое существование. Важным моментом является то, что мы бурно врываемся в период, когда человек рискует оказаться именно в этой ситуации. Потому что еще 10 лет – и произойдет тотальная робо-тизация. Сейчас встает важнейший вопрос: а чем будет заниматься человек в принципе? Новые города, которые мы будем строить, не будут учитывать понятие «поездка на работу», потому что сам процесс отменится и не будет работать в том понимании, в котором он сейчас существу-ет. Человек вернется к своим человеческим функциям: воспитание детей, уход за пожилыми и творчество. Это и будет расхолаживать: можно перепоручить производ-ственные процессы машинам, а самим наслаждаться жиз-нью. Если мы не придумаем новые эффективные формы занятости, в том числе и среду, кончится это плачевно. У российских космистов есть очень интересная книжка на эту тему, которая посвящена футуристической карти-не, когда люди достигли долголетия и бессмертия, а то, что произошло в итоге – полный апокалипсис. Основные риски проявились, когда человек стал жить бессмертно – общество оказалось жутко несчастным: они не могут умереть и не знают, чем заниматься, потому что все делают машины. Это было написано в конце XIX века, а мы вошли уже в этот период.

СГ Поэтому великий космист Циолковский придумал ракету, чтобы отправить лишних за пределы Земли.

СЧ Не надо забывать, что в 2025 году произойдет первый полет на Марс людей, которые оттуда больше не вернуться. Они оснут там колонию и потомство.

ЕГ Когда случается катастрофа, 30% людей не могут выбраться из нее самостоятельно, им нужна помощь. А остальные 70% – это салютогенные люди, которые могут сами вытащить себя из депрессии, из этой беды. Является ли нашей с вами миссией увеличить тот процент

людей, которые сами способны найти себе занятие, когда его нет, выйти из катастрофы, преодолеть стресс, воспри-нять стресс как тренировку? Возможно ли это или нет? Или такое соотношение – 30/70% – константа?

СЧ Конечно, возможно. Мой коллега постоянно поднимает этот вопрос, потому что есть внутренний протест против таких событий, которые пытаются сделать человека послушным винтом в общественном механизме. Тема не нова. Она всегда существовала, только раньше крестьяне работали на помещика... Эта ситуация лишь обострилась в постиндустриальном и индустриальном обществе. Занимаясь превентивной медициной и факти-чески отвечая за этот процесс в масштабах федеральной повестки, мы сталкиваемся с тем, что существует два образа будущего на сегодня, и они есть у людей, которые принимают решения. Первый образ будущего – теория заговора; есть люди, которые не хотят такого сцена-рия, и в том числе не хотят горожан, сидящих на игле фармкомпаний. Это мощный бизнес-план, и у него очень серьезные лоббисты.

Елена Булгакова Константин Львович затронул такую тему: здоровый город – счастливый город.

ЕГ Мне кажется, СЧАСТЬЕ – это отдельная тема и очень популярная сейчас, достойная стать главной темой одного из следующих номеров ПБ. Не случайно «Happy Spaces – Integrating Architecture and Landscape» – тема конкурса, вчера объявленного одним из китайских уни-верситетов под эгидой МСА.

Елена Булгакова Гармоничная среда и счастье. За ру-бежом спокойно встраивают архитектуру, мешают стили. Например, Тель-Авив входит в десятку самых дорогих го-родов в мире – там не однообразная архитектура, но она в жутком состоянии. Такого отсутствия эстетической сре-ды я не видела давно. Хотя есть прекрасная набережная, которая объединяет этот разрозненный город. При этом они этого не замечают. Уровень благоустройства тоже жутчайший. Мы живем в благоустроенной среде и не-счастливы, а тель-авивцы живут в жуткой среде, несмотря на существование моря, но они счастливы. При этом там каждый третий болен раком, у них постоянный стресс – их бомбят. Как с этим?

СГ Я думаю, в Тель-Авиве граждан объединяет и то, чем мы любим пользоваться – наличие общего врага, по-этому и счастливы: они противостоят. А есть еще и един-ство самосознания, которое отражается на ощущении комфорта. Что такое здоровье – это динамическое равновесие между организмом и окружающей средой. Если этот так, то нет всеобъемлющего понятия здоровья, как и счастья. Нет такого и быть не может. Это такое динамическое равновесие, которое мы, архитекторы, пытаемся создавать. Потому всякий раз решаем конкрет-ные задачи того социума, для которого мы делаем, и с той программой функций, которые требуются. Не обяза-тельно, что мы должны создавать вещи и объекты благопри-ятные, которые должны нам нравиться, потому что это спокойно. Ничего подобного. Архитектура – это иску-ство. Архитектура Френка Гери – это взрыв, который не дает никакого представления о покое или равновесии. Это эмоциональный пространственный взрыв, который необходим в культуре и в архитектуре как некий язык современной архитектуры. Но он создает ощущение современного искусства, пространства, современного существования человека в этом мире как отражения культурных процессов. Как Сиднейская опера со своими парусами стала символом времени. Архитектура многооб-разна, как и представление о счастье, покое и гармонии – это все очень разное. Мне кажется, решение вопроса – в профессионализме, культуре и знаниях, которые несете

вы и которые должны быть изложены в каких-то понятиях (как методическая система, как принципы). Мы в свое время жили по правилам, СНиПам, СанПином и т. д. Есть все сертификации материалов. У меня строится здание, где мы все материалы прописали, но из котлована под фундамент строители вынули 16 тонн костей – это бывшее кладбище XVII века, а там будут детишки и зверюшки. Это неблагоприятная ситуация, но мы вынуждены ее преодолевать, т. к. живем в XXI веке. Здесь требуются знания, исследования, информация – это все то, что необходимо, что дополняет и обогащает профессию архитектора.

ЕГ Френк Гери, кстати, родил еще и экономический термин – эффект Бильбао. Это и доход, и возрождение города к новой жизни. Успешная архитектура, которая соответствует этим критериям, она выгодна.

КЛ Конечно, любой европейский город гораздо разнообразнее Москвы. Хотя бы из-за возраста. Тут вот заходишь во двор обычного жилого дома – а во дворе ранневизантийская церковь четвертого века. Тут же рядом находятся изрядно облезлые дворцы в стиле сецессион и современная деконструктивистская архитектура. Европейский город – это такой салат, в котором намешано много чего. Москва в этом плане выглядит более единообразно. У нас сейчас идет такой международный проект: мы определяем образ счастья для жителей города. Люди очень разные, и у каждого счастье свое. Образ не повторяется, счастье абсолютно индивидуальное. Есть методы, которые позволяют его выявить. После того, как мы у человека выявляем образ счастья, мы подбираем для него уголок Софии, который с ним созвучен, и его туда помещаем. У нас такой фотопроjekt – «Разные люди в Софии». В хорошо устроенном человеколюбивом городе не принципы довлеют, а люди. Не люди служат принципам, а принципы служат людям. В достаточно разнообразном городе для любого человека может найтись место, где он себя сможет почувствовать «на месте», и там он будет счастлив. По крайней мере, у него там появится возможность почувствовать себя таким. «Счастливые люди гораздо чаще переживают смертельно опасные операции и гораздо быстрее восстанавливаются», – написал наш великий хирург Амосов. Через его руки прошли десятки тысяч сердечников со смертельно опасными ситуациями, поэтому он знает, что пишет. Счастливый человек здоровее несчастного.

ИТ Мы обсуждаем крайности, говорим: разнообразие – это хорошо или плохо? Фильтры, которые пропускают 2 микрона или 10 – это хорошо или плохо? Нельзя так однозначно говорить. Активная среда – когда мы создаем инфраструктуру для передвижения на велосипеде – вроде бы хорошо, а моей бабушке, которой за 80 – это нехорошо, неудобно. Мы говорим о предельно обширной теме – о сдвиге социальной нормы в целом. Мы приходим к новой системе, и сюда следует привязать тему социального спроса. Если есть спрос, то это будут производить. Спроса на здоровую архитектуру пока очень мало – это как люкс-сегмент.

Когда у человека спрашиваешь, что нужно делать, чтобы быть здоровым, он не скажет – нужно жить в таком-то доме. Одна из задач нашей ассоциации – это просветительская работа с населением и процесс вовлечения людей в процесс проектирования. Мы это делали много раз и продолжаем делать. Человек должен быть соучастником создания этой среды.

ЕГ Желательно – просвещенным соучастником, иначе получится профанация.

ИТ Ничего страшного. Когда это общественное движение – оно убирает экстремальные значения. Мы полу-

чаем средний результат, который устраивает и полезен для большинства. Если мы устраиваем велодорожку, это не значит, что никто не должен ездить на автомобиле; если создаем комфортную среду – что не может быть чего-то еще. Нужно дать выбор – а это и зависит от нас в том числе. Я призываю более аналитически подходить к нашей теме и понимать, что существует очень тонкая грань, которую нужно найти; она варьируется и от места к месту, и от социального слоя, и от страны, и даже от квартала в рамках одного города. Очень щепетильный момент.

СГ Вопрос в архитектуре весьма спорный.

ЕГ И ориентироваться на вкусы большинства – сомнительный путь...

СГ Пример – здание на Воздвиженке, которое в 1899 году построил в мавританском стиле Арсений Морозов, приехав из Португалии. Это одна из жемчужин московской архитектуры, которой мы все любимся. Он ориентировался на собственный вкус и представление о красоте, но матушка оценила его художественное пристрастие так: «Только я знала, что ты дурак, а теперь знает вся Москва».

Светлана Забелина В Москве проводится конкурс с вовлечением в обсуждение жителей. Мы в этом конкурсе принимаем участие, и для проекта нашей территории будет очная защита. Мне кажется, что один из вариантов сотрудничества с жителями города – помощь от нас. Многие школы решают эти проблемы. Потому что от родителей и от детей исходят правильные инициативы. Студенты и преподаватели выезжают со школьниками на экскурсии. Такое движение нужно продолжать, оно будет очень полезно, когда архитектор будут взаимодействовать с детьми. Дети очень активные: приходят к родителям, к соседям, проводят социологические опросы «О чем мечтают жители?», «Какие у них желания?». Оформляют как могут, если мы будем помогать. Это предпроектный анализ, который так дорог. Проекты-победители будут реализованы городом – это здорово.

ЕГ Наш сегодняшний дискуссионный клуб имеет черты уникальности. Мы никогда не встречались за круглым столом с врачами. Хотя сами любим сравнивать свою профессию с вашей, и руководствуемся той же заповедью: «Не навреди». И даже предлагали ввести что-то вроде клятвы Гиппократова, чтобы дисциплинировать архитекторов.

Сергей Викторович определил архитектуру как искусство. Парадоксально, но не все архитекторы так считают: в Шерегеше один из лекторов, архитектор, возразил мне, аргументируя тем, что у архитектуры нет собственной музыки. У живописи и у скульптуры тоже нет музыки, но это искусство – и никто не сомневается в их статусе...

СЧ Гиппократова я воспринимаю как древнего врача, а он же внук Асклепия – бога медицины, поэтому там очень серьезный статус. Асклепионы – храмы здоровья, которые были построены на разных островах Греции; сохранился единственный на острове Кос, где практиковал сам Гиппократ – это храм здоровья. Он разрушен, но есть понимание, как это выглядело. Главным аспектом было оздоровление через геометрию формы. Находясь там – восстанавливали здоровье. Эта тема интересная.

ЕГ С античных времен архитектура и здоровье шли рука об руку.

Уверена, что мы не в последний раз встречаемся, и рискну сказать от имени журнала, что мы готовы мониторить тему салютотенного дизайна.

Идею здоровья города связывают, как правило, с зеленью. Все ратуют за парки, скверы, озеленение улиц, но декларации не совпадают с действительностью. С городской зеленью поступают по-варварски. «Зеленая архитектура», которая многим архитекторам кажется панацеей, на самом деле подобна фиговому листочку, который прикрывает кризис архитектуры.
 Ключевые слова: город; зелень; здоровье города; зеленая архитектура; кризис архитектуры. /

The idea of the city's health is usually associated with greenery. Everybody calls for parks, gardens, street landscaping, but the declarations are not consistent with the reality. Urban greenery is treated cruelly. Being considered a cure-all solution by many architects, "green architecture" is like a fig leaf, which covers the crisis of architecture.

Keywords: city; greenery; city's health; green architecture; crisis of architecture

< Прага Карлов мост. Фото Елены Багиной

Фиговый листик «зеленой архитектуры» /

ТЕКСТ
 Елена Багина /
 text
 Elena Bagina

«Здоровый город – зеленый город».

Название экологической программы

*Соединив безумие с умом,
 Среди пустынных смыслов мы построим дом...*

Н. Заблоцкий

Здоровый город – зеленый город! Представляется высокая трибуна, на трибуне некто, говорящий правильные слова: «экологическое сознание», «все больше скверов»... Зал аплодирует [1; 2]. Потом «Эколята», юные защитники природы, клянутся: «Я честный, добрый и заботливый человек. Я хочу вступить в ряды Эколят. Я люблю всех живых существ, поэтому я обещаю всегда защищать и беречь братьев наших меньших! Я люблю дышать чистым воздухом, поэтому я обещаю беречь зеленые насаждения, высаживать новые деревья и ухаживать за ними» [3]. Зал аплодирует. Эколятам повязывают зеленые галстуки.

Но каждый день дети видят корявые, больные, грубо обрубленные деревья на улицах, машины, припаркованные на чахлах газонах и пр. Так они усваивают уроки «двоемыслия», которые, несомненно, в жизни им пригодятся.

На самом деле деревья в городе мешают многим: рекламщикам – закрывают рекламные щиты, автомобилистам – негде парковаться, уборщикам улиц – приходится чистить снег вручную, городским властям – нужно отвечать на письма трудящихся, которые сетуют на плохое состояние зелени и превращение парков в скопище аттракционов и т. п. И мешающая деловой жизни города зелень исчезает.

Говорят, Петр I носил в карманах желуди и разбрасывал их повсюду. Некоторые из дубов, которые выросли из этих желудей, могли бы дожить до сегодняшнего дня, если бы... В петровское время людей били батогами за порубку городских деревьев, но батоги давно отменили [4]. Сегодня главными порубщиками деревьев стали «государевы люди» – специалисты «Зеленстройа». Это они занимаются так называемым «кронированием». В результате вместо раскидистых деревьев на улицах городов – обрубки стволов. Понятно, что спилить полдерева быстрее, а работа-то сдельная...

> Стамбул. Вид на башню Галата-таур. Фото Сергея Астапова

Чиновничьи декларации, школьные сочинения, архитектурных утопии – мир грез. Когда-то грезы имели традиционный розовый цвет; сегодня они преимущественно зеленые. Кое-кто извлекает из «зеленых грез» политическую выгоду. Так, партия «Зеленых» в Германии – влиятельная сила. «Гринпис» уже давно стал выгодным коммерческим предприятием.

Названия аптек, организаций, занимающихся наркозависимыми, модных презентаций и программ говорит о том, что сентиментальная мечта о городе, где пышущие здоровьем граждане пишут стихи в тени вековых деревь-

< Город будущего, проект

A Fig Leaf of “Green Architecture”

ев, живет в сознании и рядовых жителей, и властей... Мы все за городскую жизнь, но – «на природе» или «с природой». Идеал – город, утопающий в зелени. Для ознакомления с идеалом можно съездить в городок на острове Шенгшан, что находится в 65 километрах от Шанхая. Жители покинули его в 1990-е годы. Сейчас туда постоянно приезжают туристы, чтобы посмотреть на дома, которые густо заросли зеленью. Гулять можно только по одной тропе, которую зелень поглотить не смогла. В Шенгшане осталось всего несколько жителей. Там невозможно жить, потому что людям нечем зарабатывать на жизнь и не на что строить школы и детские сады [5]. Итак, как выглядит зеленая архитектура в реальности, можно посмотреть за 10 долларов. Природа позаботилась о том, чтобы на острове Шенгшан были стерты следы деятельности человека.

Но почему архитекторы – сторонники «зеленых технологий» так стремятся спрятать архитектуру под зеленым покровом? «Доктор может посоветовать посадить плющ, а архитектор может только посоветовать посадить плющ», – так говорил Фрэнк Ллойд Райт. Можно предположить, что сторонники «зеленой архитектуры» инстинктивно хотят скрыть свою беспомощность, используя зелень в качестве того самого пресловутого плюща, которым Райт предлагал исправлять свои ошибки. Библейские прародители Адам и Ева соорудили первую одежду из листьев смоковницы (фиги): «сшили смоковые листья и сделали себе опоясания», устыдившись своей наготы. Использование травы, плюща, деревьев в «зеленой архитектуре» тоже можно считать фиговым листом, прикрывающим нищету архитектурной мысли.

«То, что архитектура демонстрирует нам успехи – бесспорно. Но это именно успехи в обесмысливании человеческого бытия на нашей планете... Выражение «пудрить мозги» впервые обретает свой смысл при рассмотрении новых архитектурных проектов. Человек исчезает из самой архитектуры – куда-то уезжает – охота к перемене мест сильнее гения места. Человек исчезает из архитектурной мастерской – тут царит игра в куклы и ползучие растения... Трансгуманизм и трансархитектура ждут нас прямо за углом» [6].

Растительные мотивы в архитектуре – тема древняя. Это и капители колонн коринфского и композитного

< Город будущего, проект

ордеров, и растительный декор, и попытки подражать формам живой природы в Art Nouveau и, наконец, архитектурная бионика, которой были увлечены в 60-х – 70-х годах прошлого столетия многие архитекторы. Декларацией бионики было использование законов живой природы как на уровне отдельного здания, так и в градостроительстве. В XX веке эта идея дразнила многих архитекторов, которые вкладывали силы в создание утопических проектов городов, как урбанистических («Биотехнический город» – «Меза-Сити» Паоло Солери, 1960; проект «Великой Москвы» С. Шестакова, 1924 и др.), так и дезурбанистических (Город на острове Эллис Ф. Л. Райта, 1960; Схема системы поселения, состоящей из «живых клеточек» Эриха Глэдена, 1923).

Направление «Зеленая архитектура», которое развивается с 70-х годов прошлого века, обретает все больше сторонников. Травяные газоны на крышах, фасады, оплетенные зеленью, дома, похожие на пещеры в зеленых (искусственных!) холмах, вертикальные бульвары в небоскребах, озелененные переходы на уровне этажа и т. п. Зелень всегда была привлекательна. Но вот что интересно. На современных магистралях в пространстве между небоскребами появляются крохотные зеленые островки, созданные по принципам барочного

> Счастливое будущее

регулярного парка – строгая зеркальная симметрия, газоны, украшенные замысловатыми орнаментами, стриженные деревья (шары, пирамиды, кубы...). Что это, как не замещение тех смыслов, которые утратила архитектура?

Понятно, что «зеленые» сооружения стоят дорого. Это аттракционы для богатых. (В 2009 году на планете количество городских жителей сравнялось с сельским – 3,4 млрд. человек – и продолжает расти. Для большинства из них удел – «зеленые грезы»). Так, небоскреб Боско Вертикале в Милане доступен лишь обеспеченным гражданам, которые не помышляют о вынужденном минимализме в стиле жизни. Зато большинству горожан с низкими доходами придется не на шутку задуматься об избавлении от лишних вещей, которые непосильно таскать за собой во время бесчисленных переездов. Становление класса прекариата, представители которого не знают, что такое настоящий дом, – знамение времени [7]. Люди избавляются от лишних предметов, чтобы высвободить место для жизни. «Вещи занимают слишком много места и мыслей, и, избавляясь от них, мы получаем свободное время – например, на общение», – так говорят те, кто считает себя минималистом [8]. Возможно, минималисты, хотели бы избавиться не только от груза своих вещей, которые хранят память, но и от исторической застройки в городах. Чистить так чистить. Зачем цепляться за развалюхи с гнилыми стенами и сырыми подвалами? Лучше наслаждаться зеленью и солнцем. Но вот беда: зелень и солнце – не все, что нужно человеку. Каменные города хранят память поколений. И когда на их теле, как огромные сорные растения на ухоженном газоне, вырастают легкие стеклянные небоскребы, исчезает то, что называют «гением места».

Каменная архитектура не стремится казаться легкой; ее достоинство – монументальность. Она не прячется в одежду из зелени, ей не нужна зеленая чадра. Ей хватает визуальной сложности и смыслов, чем не могут похвастаться произведения строительного дизайна, прячущиеся за зелень и в зелень. Каменная архитектура создается из материалов, обладающих индивидуальностью. Каждый камень и кирпич отличаются друг от друга, пусть эти отличия и минимальны. Иосиф Бродский говорит о каменной архитектуре так:

*Ты, в сущности, то, с чем природа
не справилась. Зане она
не смеет ожидать приплода
от валуна,
стараясь прекратить исканья,
отделаться от суеты.
Но будущее – вещь из камня,
и это – ты [9].*

В журнале «Проект Байкал» № 50 три автора подробно комментировали это произведение Иосифа Бродского [10].

Зелень, сосуществующая с каменной архитектурой, подчиняется законам, которые диктует ей архитектурный стиль. Барочные сады – искусны и искусственны. Они упорядочены по законам симметрии и ритма. Английская поговорка, что культура – это один и тот же газон, который стригут 300 лет – народная мудрость. Рядом с этим газоном, нужно полагать, дома, которым тоже не меньше трехсот лет.

Идея жизни в городе, но со всеми благами жизни на природе, стара как мир. Архитекторы во все времена тешили себя утопическими проектами. Корбюзье всерьез верил, что облагодетельствует людей. Отголоски идей «Лучезарного города» есть в реализованных проектах по всему миру. Но чего-то жителям высотных домов, окруженных зеленью, все-таки не хватает. Одним не хватает настоящей природы, другим – памяти, которую несет каменная архитектура, и тех самых трехсотлетних газонов. Те, которым не хватает в городе природы, могли бы жить в своем доме в деревне, но пока что работать он-лайн удается немногим, а зарабатывать крестьянским трудом готовы немногие.

А. Г. Раппапорту в 2012 году показалось, что пример маленького латышского городка Кулдига обнадеживает. Он написал статью «Кулдига – город будущего». «Большим городом стала сегодня вся земля, а Большие города вымирают как динозавры. И уже не Хрустальный дворец Гайд-парка (1851) кажется нам образом «города будущего», а лишь сам Гайд-парк – или «город-сад», созданный неподалеку от Лондона по замыслу скромного бухгалтера Эбенизера Говарда. Но не тот «город-сад» который строили Ле Корбюзье и рабочие Маяковского,

^ Реконструкция улицы античного города

^ Город Шенгшен, Китай

v Прага. Зелёный дворик. Градчаны. Фото Елены Багиной

> Милан. Панорама новой застройки. Фото Сергея Астапова

лежа под старыми телегами в лужах, и не «Лучезарный город» или «Город солнца» (то ли Кампанеллы, то ли Леонидова), а живой небольшой, вечно молодой и вечно старый Гороховец, Марбург, Кулдига. Новые племена начали растекаться по планете, племена ученых и художников, фотографов и поэтов, генетиков и философов, русских и испанцев, китайцев и казахов, французов и исландцев, осваивая заново места своих далеких предков и возвращая молодость местам не топотом сандалий празднующихся туристов, а свежим ветром идей и мысли о будущем, которое нам еще никогда не снилось, и о человеке, который еще только просыпается в людях» [11].

Как эти строки напоминают фантастические романы...

Итак, идеальный здоровый город должен утопать в зелени, обладать исторической памятью, обеспечивать жителей работой и пр. Желательно, чтобы в нем вообще не было машин и поменьше пешеходов. Но идеалы, как известно, недостижимы. Разве что в зеленых мечтах «эколят».

Литература

1. Здоровый город – зеленый город. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: idrenome.ru>content/view/Zelenyy-gorod-zdorovyy-gorod
2. Презентация для школьников на тему «Проект «Здоровый город – зеленый город» по биологии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pptcloud.ru/biologiya/zdorovyy-gorod-zelenyy-gorod
3. Клятва «Эколят – молодых защитников природы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://xn--80atdlv6dr.xn--p1ai/proekt-molodye-zashhitniki-prirody/klyatva/
4. Тиника М. Город-сад: как в Петербурге за 300 лет исчезли деревья. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nkj.ru/archive/articles/33498/
5. Город-призрак в Китае, который поглотила зелень. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.espresso.tv/.../gorod-pryzrak_v_kytae_kotoryy_poglotyla_zelen_kak_on_vy...
6. Рappaпорт А. Г. Кризис архитектуры или кризис человека? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://papardes.blogspot.com/2018/11/blog-post_5.html
7. Лидин К. Города прекариатов // Проект Байкал, № 57. – С. 70
8. Минимализм как путь к счастью. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.psychologies.ru/story/minimalizm-kak-put-k-schastyu/

9. Иосиф Бродский. Архитектура (1993). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7835

10. Александр Рappaпорт, Константин Лидин, Елена Багина. Комментарии к стихотворению Иосифа Бродского «Архитектура» // Проект Байкал, № 50. – С. 30–36

11. Рappaпорт А. Г. Кулдига – город будущего. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://papardes.blogspot.com/2012/07/blog-post_23.html

References

- Barkova, E. (2018). Zdorovyi gorod-zelenyi gorod [A healthy city is a green city]. Retrieved from http://www.idrenome.ru/content/view/Zelenyy-gorod-zdorovyy-gorod
- Brodsky, J. (1993). Arkhitektura [Architecture]. Retrieved from http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7835
- Gorod-prizrak v Kitae, kotoryi poglotila zelen' [A ghost city in China captured by greenery]. Retrieved from https://ru.espresso.tv/.../gorod-pryzrak_v_kytae_kotoryy_poglotyla_zelen_kak_on_vy
- Klyatva "Ekolyat – molodykh zashhitnikov prirody" [Promise of "Ecolyata, young defenders of nature"]. Retrieved from http://xn--80atdlv6dr.xn--p1ai/proekt-molodye-zashhitniki-prirody/klyatva/
- Lidin, K. (2018). Cities of the Precariat. Project Baikal, 15(57), 70-75. Retrieved from http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1359
- Prezentatsiya dlya shkolnikov na temu "Proekt 'Zdorovyi gorod – zelenyi gorod'" po biologii [Presentation on biology "Project 'A Healthy City is a Green City'" for schoolchildren]. Retrieved from https://pptcloud.ru/biologiya/zdorovyy-gorod-zelenyy-gorod
- Rappaort, A. (2012, July 23). Kuldiga – gorod budushchego [Kuldiga is a city of the future]. Retrieved from http://papardes.blogspot.com/2012/07/blog-post_23.html
- Rappaort, A. (2016). Comments on the Poem "Architecture" by Joseph Brodsky. Project Baikal, 13(50), 30-33. doi:10.7480/projectbaikal.50.1035
- Rappaort, A. G. (2018, November 9). Krizis arkhitektury ili krizis cheloveka? [A Crisis of architecture or a crisis of human?]. Retrieved from http://papardes.blogspot.com/2018/11/blog-post_5.html
- Tarasenko, J. Minimalizm kak put' k schastyu [Minimalism as a way to happiness]. Retrieved from http://www.psychologies.ru/story/minimalizm-kak-put-k-schastyu/
- Tinika, M. (2018, December 4). Gorod-sad: kak v Peterburge za 300 let ischezli derevya [A garden city: how trees have disappeared within 300 years in Petersburg]. Retrieved from http://www.sobaka.ru/irk/city/82754

В статье проводится анализ проблем экологии и реализации санитарно-эпидемиологических требований в строительстве, имеющие существенную роль для развития градостроительства. В качестве методов использованы проработка актуальных работ в данной области и выявление практических примеров обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия. Результатом стали предложения по развитию стандартов и норм, обеспечивающих экологическую и санитарно-эпидемиологическую безопасность городов в перспективном развитии с учетом предшествующего опыта проектирования и строительства, традиций отечественной архитектурной и строительной науки.

Ключевые слова: архитектура; архитектурное проектирование; экология; городская среда; санитарно-эпидемиологические требования.

The article analyses the problems of ecology and realization of sanitary-epidemiological requirements in construction, which play a significant role in the development of urban planning. It used such methods as studying current works in the given field and revealing practical examples of provision of sanitary-epidemiological security. As a result, the article brings up forward-looking proposals on elaboration of standards necessary for ecological and sanitary-epidemiological security of cities, taking into account the previous design and building experience and the traditions of national architectural and construction science.

Keywords: architecture; architectural design; ecology; urban environment; sanitary-epidemiological requirements.

Архитектура в условиях современной экологии / Architecture in the Context of Contemporary Ecology

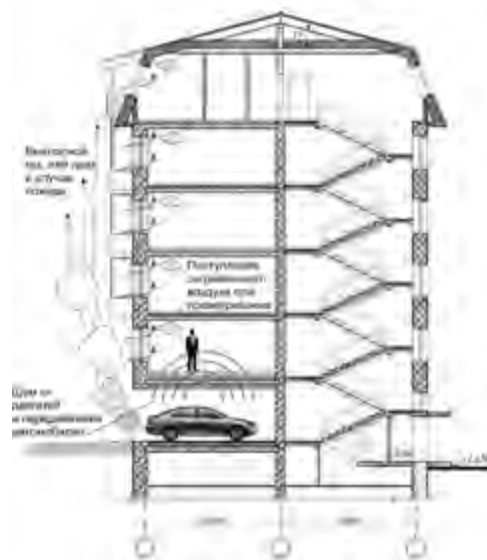
«Городской ландшафт дает нам наглядное представление о состоянии экологического сообщества, каким и является классический город. Насколько едины жители этого города, насколько отрегулированы механизмы их взаимодействия между собой и естественной средой, ландшафтом их местообитания? Есть ли здесь общий знаменатель красоты, общая культура поведения, общий уровень взаимопонимания – смотри на город, все видно...» [1]. Эти слова отражают суть архитектурной экологии и связанного с ней санитарно-эпидемиологического благополучия населения – состояние здоровья населения, среды обитания человека, при котором отсутствует вредное воздействие факторов среды обитания на человека и обеспечиваются благоприятные условия его жизнедеятельности. В последние десятилетия понятие экология все чаще применяется в архитектурной науке и проектировании, став неотъемлемым трендом, знакомым элементом презентаций прогрессивных концепций. Ее обеспечению даже посвящен обязательный раздел любого проекта жилого или общественного здания, а также застройки. Экологические требования к архитектуре определены национальным стандартом ГОСТ 54964–2012 «Оценка соответствия. Экологические требования к объектам недвижимости». С каждым годом все популярнее становится зеленая архитектура. Используя ее принципы, заказчики и архитекторы пытаются создать оазис в городской среде. Но это либо отдельные здания, либо престижные «города-сады», проживать в которых могут позволить себе, как правило, люди с высоким достатком, либо более доступные, но также далеко не для всех, экопоселения [2]. Успехи, достигнутые в данных пилотных проектах, придают архитекторам уверенность, что в будущем можно будет также повысить экологические и санитарно-эпидемиологические характеристики рядовой городской застройки, предназначенной для массового проживания.

На первый взгляд действительно может показаться, что архитектура в данной области показывает пример перспективного развития, однако на самом деле она не стала более экологичной, чем прежде. Здесь, согласно теории относительности, многое зависит от того, что принять за точку отсчета или наблюдения. Если мы

сравним экологические и санитарно-эпидемиологические характеристики указанных выше «городов-садов» и экопоселений с современной рядовой застройкой в городах, то увидим существенную разницу в пользу первых. Но если по тем же параметрам сравнивать их с массовым городским жилищем, существовавшим лет 50 назад, мы увидим, что они не стали лучше. Таким образом, новые течения в архитектуре было бы правильно назвать не прорывом в улучшении экологии, а необходимой компенсацией проблем, связанных с ее ухудшением, нарастающей агрессивностью архитектуры, наступающей на природу, с урбанизацией и антропогенным влиянием на окружающую среду, наращиванием промышленности и автотранспорта, постоянно усугубляющих ситуацию. Чтобы оценить данный процесс, можно привести хотя бы такой факт: на Земле уже освоено 56% поверхности суши. В последнее время активность техногенеза (процесс изменения природных комплексов и биоценозов под воздействием производственной деятельности человека) значительно превышает активность многих геологических процессов (выбросы веществ в атмосферу, загрязнение морей и т. п.) [3]. Кроме того, следует учесть неблагоприятные последствия, связанные с изменением климата [4]. Очевидно, что компенсация глобальных экологических проблем за счет единичных, обособленных архитектурных объектов далеко не всегда является полноценной; зачастую это лишь формальное решение локальной проблемы или рекламный ход.

Надо отметить, что экологические традиции всегда присутствовали в архитектуре прошлых веков; они заложены в национальные традиции архитектурно-планировочных и технических решений, связаны с использованием природных материалов. Они были вызваны необходимостью считаться с природой, оставаясь невыявленными [1], не акцентирующими на себе внимание. Но по мере наращивания мощности строительного комплекса, развития технических и технологических средств, уплотнения застройки, природные факторы перестали оказывать существенное влияние на градостроительство, а окружающая среда оказалась беззащитной перед ним. Вместе с этим была утрачена возможность сохранять факторы среды, необходимые для обеспечения сани-

текст
Николай Дубынин,
Татьяна Бобкова,
Василий Дубынин,
Ариадна Панова /
text
Nikolai Dubynin
Tatyana Bobkova
Vasili Dubynin
Ariadna Panova

тарно-эпидемиологического благополучия проживания в разрастающихся городах. Возникшие в результате проблемы нам хорошо знакомы – шум, загрязнение воздуха, водоемов и почвы, дефицит питьевой воды, рекреационных территорий, зеленых зон. В этих условиях создание приемлемых для жизни гигиенических условий стало зависеть исключительно от контроля над ситуацией градостроителями и соответствующими государственными органами в противовес потенциальным заказчикам строительства и инвесторам. Можно определить три стороны в процессе городского строительства: градостроители, контролирующие органы, заказчики. Каждая из них выполняет свою роль.

– Градостроители обеспечивают профессиональное решение задач строительства, комфорт и безопасность конечного потребителя – городского населения.

– Контролирующие органы ответственны за экспертизу предлагаемых проектных решений и строительства с точки зрения безопасности городской застройки посредством применения базы законодательных, нормативно-технических и методических документов.

– Заказчик (инвестор) занимается финансированием процесса строительства, созданием объектов, их эксплуатацией или продажей с целью получения прибыли от капиталовложений.

При сбалансированной работе всех сторон и правильном регулировании процесса в результате должен возникнуть безопасный экологичный город. Но в реальности часто инвестор активно лоббирует свои интересы, используя все доступные административные ресурсы. Серьезной проблемой является профессиональная компетентность экспертов, оценивающих проектные материалы на соответствие требованиям санитарно-эпидемиологического законодательства. Эти специалисты не проходят повышение квалификации в системе последилового профессионального образования на кафедрах гигиенического профиля. В результате рекламные лозунги об экологичности архитектуры становятся формальным прикрытием антиэкологических проектов и даже целых градостроительных тенденций, развивающихся в современной архитектуре. Так, в последнее время в области проектирования и строительства усилилась тенденция

генерации и лоббирования предложений по отмене или условно называемому «смягчению» нормативных требований, заставляющих инвесторов тратить лишние, как они считают, деньги на создание безопасных и комфортных условий в жилых и общественных зданиях. И прежде всего это касается санитарно-эпидемиологических ограничений.

Самому серьезному давлению подверглись требования к инсоляции, применяемые к помещениям жилого назначения, детским садам и школам. Результатом стало снижение ее нормы для квартир, где расчет продолжительности инсоляции перенесен с дней равноденствия 22 марта и 22 сентября на 22 апреля и 22 августа соответственно, когда солнце находится значительно выше над горизонтом. Для детских площадок, включая групповые площадки детских образовательных учреждений (ДОУ), – снижение продолжительности с 3-х часов до 2,5 и введение возможности прерывистой инсоляции.

Новые требования были включены во вступившее в силу изменение № 1 в СанПиН 2.2.1/2.1.1.1076–01 «Гигиенические требования к инсоляции и солнцезащите помещений жилых и общественных зданий и территорий», утвержденных постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 10. 04. 2017. Принятые изменения в целом не вызывают претензий, ибо они подтверждены лабораторными испытаниями врачей-гигиенистов для выявления максимально возможной минимализации значений, однако интересна формулировка, раскрывающая цель изменений: «Изменения сделаны во исполнение пункта 21 утвержденной Правительством "дорожной карты" "Совершенствование правового регулирования градостроительной деятельности и улучшение предпринимательского климата в сфере строительства"». Действительно, данные изменения позволяют увеличивать высоту зданий или сокращать расстояние между ними почти в два раза, а также приближать их к детским садам и школам. Все это обеспечивает бизнесу существенное повышение плотности застройки и, соответственно, доходов.

Правда, здесь возникает еще одно препятствие: это СП 42.13330.2016 «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализи-

рованная редакция СНиП 2.07.01–89*», который ограничивает максимальную плотность застройки и количество населения на гектар. Но он уже попал в «черный список», и в последнее время все настойчивее звучат голоса разных компаний об его отмене или замене на новый, «современный» документ, отвечающий текущим интересам бизнеса.

Другим трендом времени является сокращение санитарных разрывов, например, от жилых зданий, школ и детских садов до автостоянок. И это логично с точки зрения повышения плотности. Ведь стоянка автомобилей сама занимает значительную площадь, согласно требованиям того же СП 42.13330.2016 в крупных и крупнейших городах необходимо предусматривать не менее 0,5, а в больших городах – не менее 0,2 машиномест на одну квартиру. Раньше СП 42.13330.2011 предусматривалось соблюдение расстояний от стоянок до жилых зданий от 10 до 35 м; теперь это требование отменено. Нормы больше не учитывают вредные выбросы и шум от автомобилей, несмотря на многочисленные жалобы жителей нижних этажей, особенно в застройке квартального типа с периметральной расстановкой зданий, когда любая приехавшая и уезжающая из двора машина заставляет закрывать форточки.

Но необходимость стоянок все же остается. В связи с этим генерируются предложения следующих сокращений гигиенических норм. Например, КБ «Стрелка», в частности, предлагает выполнять открытые стоянки автомобилей непосредственно под жилым зданием. И в целом картинка получается привлекательная: дом стоит на «ножках», а под ним – автомобили жильцов. Спустился, сел и поехал – именно так давно строятся коттеджи и блокированные дома. Однако то, что удобно при коттеджной застройке, для многоквартирного многоэтажного здания оказывается неприемлемо. Во-первых, выигрыш не очень большой: непосредственно под секцией средних размеров можно разместить примерно 8 машиномест (надо еще учитывать площадь, которую займет вестибюль подъезда), в то время как уже на четырех этажах обычно размещают 16 и больше квартир. Значит, чтобы обеспечить необходимое количество машиномест для среднеэтажной застройки (4–8 этажей), количество этажей со стоянкой необходимо увеличивать до двух. Для многоэтажной застройки потребуются встроенно-пристроенные стоянки. Но самое главное то, что выбросы от автомобилей, расположенных на открытой стоянке, будут подниматься вверх, т. е. по фасаду, а учитывая принцип вентиляции квартир, при котором забор воздуха осуществляется через окна, а выброс через вентканалы в ванной и кухне, в результате воздух с выхлопными газами, поднимающийся от стоянки, окажется в жилых помещениях. Важным обстоятельством (хотя и мало относящимся к экологии, но весьма серьезным) является случай пожара, при котором по фасаду будет подниматься и попадать в жилые комнаты дым, что представляет прямую критическую угрозу безопасности. Многие жители в этом случае рискуют не успеть спастись.

При осуществлении данной идеи придется пренебречь шумом от работающих двигателей автомобилей, движения, переезда через водосточные решетки, лежащих полицейских и т. п., который свободно будет распространяться от открытой стоянки. Особенно будут страдать жильцы квартир, расположенных на нижних этажах.

Другим предлагаемым новшеством, в том числе КБ «Стрелка», является отмена устройства технического этажа, если над стоянкой располагаются этажи с жилыми помещениями (квартирами), ДОУ, а также лечебно-профилактическими учреждениями согласно п. 9.33 СП 54.13330.2016. В настоящее время технический этаж

не только служит для разводки инженерных коммуникаций (чтобы, например, не спускать в стоянку трубы от каждого стояка, объединив их в один), но и защищает вышерасположенные этажи от шума на стоянке. Практика показывает, что какой бы ни была шумоизоляция, звук все равно частично будет проходить через конструкции. А ведь шум на стоянке гораздо интенсивнее, чем от громко разговаривающих соседей, которых, как правило, слышно, несмотря на шумоизоляцию, выполненную даже по современным, как считает бизнес – неоправданно строгим нормам. Шум будет слышен особенно в тихое время суток. Безусловно, это может отразиться на психологическом состоянии жителей; и как результат – росте числа жалоб населения на отсутствие благоприятных условий проживания.

Еще одно предложение – считать площадь озеленения ДОУ в балансе общего озеленения территории (квартала или микрорайона), а также открыть площадки детских садов для общего пользования. Эффект экономии при этом очевиден: открываются новые возможности для повышения плотности застройки, сокращения площади дворов (т. к. не надо будет устраивать детские площадки), и существенной части необходимого сейчас озеленения. Но также очевидно, что сократится общая площадь озеленения района и микрорайона, что, безусловно, скажется на его экологии. Разработчики совершенно не принимают во внимание, что территория детского сада закрыта с целью соблюдения санитарно-эпидемиологического и дезинфекционного режимов, необходимых для охраны здоровья детей, которые прошли медосмотр. Не принимается во внимание и временный режим использования площадок детских садов в утреннее и дневное время для прогулок детей, которые не посещают ДОУ.

Следует обратить внимание и на проблему строительства так называемых апартаментов квартирного типа (квартир, сдаваемых в аренду). Из-за пробела в нормативно-технических и законодательных документах строительство выполняется без обеспечения населения объектами обслуживания (школами, детскими садами), площадками для отдыха детей, соблюдением норматива инсоляции. Для инвестора строительство с наименьшими затратами на инфраструктуру, безусловно, более привлекательный вариант. Помещения приобретаются населением для постоянного проживания без оформления в собственность как жилые. Проживание в апартаментах не обеспечивает арендаторам благоприятных условий жизнедеятельности. И сам бизнес не предпринимает действий по урегулированию ситуации, а напротив, пользуется ею.

В мае 2018 года на площадке ЦДХ была организована конференция «Убить норму», одним из спикеров которой стал А. В. Боков, а также некоторые известные архитекторы из Москвы и регионов. Основная идея: «Архитектура сегодняшнего дня как искусство, как наука, как бизнес разбиваются о древние горы макулатурных СНиПов, ГОСТов, дорожных СТУ. Как быть в этих узлах и ограничениях, и как освободиться от них...». Ключевыми можно считать слова «архитектура... как бизнес». По крайней мере, большинство выступлений сводились к тому, что нормы не позволяют удовлетворить запросы заказчика и сокращают прибыльность проектов.

В качестве одного из основных недостатков градостроительных норм и генпланов, рассматривалось и то, что они требуют соблюдения санитарных нормативов, которые предусматривают отступы, не позволяют застраивать зоны, зарезервированные генпланом города под парки и скверы, ограничивают плотность, требуют устройства детских площадок во дворах, пожарных проездов вокруг зданий и т. п. Все это было названо «мертвечиной» и «мракобесием» советского бюрократизма.

При этом был рассмотрен ряд проектов, когда указанные выше резервные зеленые участки были заброшены, городские власти за ним не следили, в результате чего на их территории возникали стихийные свалки, «стоянки» бомжей и т. п. И вот приходит инвестор, по заказанному проекту расчищает место, вырубает «лишние» деревья и застраивает территорию, а для озеленения использует оставшиеся группы деревьев. При этом фотографии смотрятся эффектно: дорожки с фонарями, деревья на фоне новых домов, детские площадки, фонари, чистые контейнерные площадки, все убрано – словом, образцово-показательный квартал. Но это уже не зеленый массив, который мог бы стать парком. Почему же не выполнить такую современную застройку с озеленением в новом районе, а данный зеленый массив, прилегающий к переуплотненному центру города, не привести в порядок и открыть для жителей города как сквер или парк? Ответ заключается в том, что данные зеленые территории находятся в центральной части города, где инвестиции будут окупаться значительно больше и быстрее.

Проблема настоящего времени: основной акцент делается на бизнесе, его эффективности, а не на качестве и экологической безопасности городской среды. Бытует мнение, что бизнес сам регулирует качество своей продукции и ориентирован на его постоянное повышение, чтобы привлечь клиентов. Но на практике получается несколько другая картина, т. к. бизнес, прежде всего, ориентирован на получение прибыли как главный источник его жизнеобеспечения. Любые факторы, которые ее снижают, с этой точки зрения, должны быть нейтрализованы. Так, на практике «основная причина загрязнения территорий... до уровня экологического бедствия состоит во... второстепенности экологических проблем для собственника» [3]. И в последнее время бизнес почувствовал возможность влиять на власть, изменить или отменить мешающие ему нормы, хотя нормы являются одним из главных инструментов государственного регулирования строительного рынка, обеспечения безопасности общества, включая как безопасность и надежность отдельных зданий, так и города в целом, в том числе его экологии, санитарных и гигиенических условий проживания и труда.

Даже в риторике Минстроя появляются фразы – «обновать, как действующие нормы помогают развитию бизнеса». Все перевернуто с ног на голову: решается вопрос, как сформулировать такие требования, которые формально бы были, но по сути ничего не требовали. На самом деле, главную задачу строительных норм можно определить как защиту потребителей строительной продукции (материалов, изделий, конструкций, гражданских зданий, застройки в целом), а также строителей и инвесторов от недобросовестных участников бизнеса. От бизнесменов, которые стремятся увеличить прибыль за счет снижения безопасности (в т. ч. механической, экологической, пожарной) зданий и застройки города в целом. Надо учитывать, что конечный потребитель, в отличие от эксперта, не всегда способен понять, какие недостатки имеет здание или помещение, которое он приобретает, так как не владеет необходимыми знаниями и не посвящен в нюансы строительства. Он может оценить только вид квартиры, дома, района. Но механизм государственного нормативно-технического регулирования и государственной экспертизы обязан ему гарантировать безопасность нахождения в городе, здании, собственном жилье.

Часто возникают возражения, что в некоторых зарубежных странах нет таких норм, как у нас, и многое из того, что запрещено нашими нормами, там разрешено. Но при этом нам показывают отдельные примеры, вырванные из контекста, по которым нельзя судить,

является ли данный объект характерным для массовой застройки или исключением, как к нему относятся сами пользователи, разрешено ли это сейчас. Выбираются те примеры, которые подходят, а доказывающие обратное остаются «за кадром». Так, говоря об инсоляции, нам часто представляют опыт Франции и Канады, которые находятся гораздо южнее средней полосы России, но при этом не говорят о Германии, где требования к инсоляции по ряду позиций более жесткие, чем в России. Или, например, показывают 17-этажный деревянный дом, тогда как у нас построить подобные здания нормы не позволяют, но при подробном рассмотрении специалистами оказывается, что здание включает только отдельные деревянные изделия, а несущие конструкции – из железобетона.

Часто аргументом в борьбе с отечественными нормами является то, что в Евросоюзе нет аналогов российских сводов правил. Но там имеется другая система регулирования, действующая за счет страховки и юридической ответственности проектировщика и инвестора. Если сопоставить действие наших систем, то очевидно, что отечественные нормы обеспечивают механическую, санитарно-эпидемиологическую и экологическую безопасность застройки на стадии проектирования, предотвращая проектные ошибки, в то время как зарубежная система больше ориентирована на компенсацию ошибочных проектных решений уже после строительства, по факту произошедшей аварии или неблагоприятной ситуации за счет страховки и юридической ответственности. При этом расходы на страхование и, как минимум, части юридических издержек (особенно в случае длительных разбирательств), необходимости экспертизы, привлечения независимых экспертов ложатся на потребителя строительной продукции, не говоря уже о существенных затратах времени. Рядовой потребитель с низким уровнем доходов и строгим графиком ежедневной работы даже при выявлении серьезных недостатков помещений и здания столкнется с трудностями при отстаивании своих прав. Очевидно, что перспективной и эффективной является первый вариант, который в будущем может быть дополнен элементами второго.

Очевидно, что предлагаемый путь отмены норм тупиковый, возвращающий нас на несколько десятилетий назад и ведущий к снижению экологических качеств и безопасности жилища и города в целом. Следует помнить, что «повышение уровня комфортности и доступности жилья – важнейшая задача государства на ближайшее время. Решение этой проблемы – один из приоритетов национального проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» [5]. Многие исследователи отмечают, что в настоящее время человек, особенно в городе, находится в искусственной среде значительную часть своей жизни – работает, проводит досуг, проживает в общественных и жилых зданиях. Это, безусловно, негативно воздействует на его здоровье, поэтому вопрос экологической безопасности зданий и повышения качества жизнедеятельности человека в техногенной среде становится все более актуальным, социально значимым и требующим решения [6]. Перспективным выходом из сложившейся ситуации могут стать разработки новых стандартов и развитие имеющейся нормативной базы.

В качестве нового вида документов следует упомянуть о разработке так называемых «зеленых стандартов», которые представляют собой совокупность требований к экологической безопасности объектов недвижимости. Используемая вместе с ними система экологической сертификации включает набор критериев и методологию оценки проекта, которая позволяет установить степень его соответствия требованиям, установленным стандарта-

ми, а также произвести сравнение нескольких проектных решений [6].

Развитие уже существующих экологических и санитарно-эпидемиологических норм предопределено научными традициями. «Тесное сотрудничество в этом проекте врачей-гигиенистов и архитекторов-инженеров не только крайне желательно, но и необходимо. Понимая важность поставленного вопроса, уместно вспомнить активное участие врачей-гигиенистов в оценке типов жилых и общественных зданий, которое всегда имело место в прошлом и позволило внести ряд существенных корректив в строительство, способствующих улучшению качества жилой среды» [5].

«В целом стоящая перед органами государственной власти стратегическая задача сохранения здоровья нации, снижения уровня смертности, увеличения продолжительности жизни людей и преодоления демографического спада в стране во многом зависит от качества жилья, поэтому национальный проект в сфере реформы системы жилищно-коммунального хозяйства и обеспечения населения доброкачественными жилыми и общественными зданиями непосредственно должен быть сопряжен с необходимостью поднять исследования в области экологии и гигиены жилой среды на высокий современный уровень» [5].

Специалисты НИИСФ обоснованно утверждают, что применение российских санитарных норм продолжительности инсоляции, подтвержденных лабораторными испытаниями врачей гигиенистов, в настоящее время обеспечивает возможность выполнять городскую застройку с высокой плотностью, в целом соответствующую зарубежной [7]. Их дальнейшее смягчение нецелесообразно. Наоборот, используя данные нормы как базовый уровень, необходимо обратиться к выполнению исследований по компенсации санитарно-эпидемиологическими нормами ухудшения экологии в городах и изменения климата.

Учитывая современную ситуацию, когда экология городов постоянно ухудшается, что сказывается на уровне здоровья и продолжительности жизни населения в целом, основными мерами по компенсации данного процесса должно стать не снижение, а повышение санитарно-гигиенических требований к зданиям и застройке. Это должно касаться инсоляции участков и помещений, качества воздуха, ограничения шума. А для остановки данного процесса необходима разработка концепций экологической безопасности городов с учетом их размеров (малых, средних, крупных, крупнейших). И это должны быть обязательные требования, вошедшие в нормативные документы, изменение которых будет основано не на интересах бизнеса, а на целях обеспечения безопасности общества и достоверных научных исследованиях врачей-гигиенистов.

Литература

1. Баженов А. В. Архитектура и экология [Электронный ресурс] // Издательский дом «Строительный эксперт». Режим доступа: http://www.ard-center.ru/home/publ/ts_1_2013/archi_eco (дата обращения 12. 03. 2019)
2. Мухнурова И. Г., Гринкруг Н. В. Экологическая архитектура жилой среды или жилая среда как часть природы // Современные наукоемкие технологии. – 2018. – № 5. – С. 108–113
3. Куранов П. Н., Алексашина В. В., Новикова Т. М. Загрязнение градопромышленных территорий нефтепродуктами и значение этого процесса для биосферы земли // Биосферная совместимость: человек, регион, технологии. – 2016. – № 3 (15). – С. 3–17
4. Рахманин Ю. А., Бобровницкий И. П., Вялков А. И., Русаков Н. В. Основные направления противодействия неблагоприятному

воздействию глобальных изменений климата на здоровье населения в Российской Федерации // Сборник: Экологические проблемы современности: Выявление и предупреждение неблагоприятного воздействия антропогенно детерминированных факторов и климатических изменений на окружающую среду и здоровье населения. Материалы Международного Форума Научного совета Российской Федерации по экологии человека и гигиене окружающей среды. 2017. – С. 1–7

5. Губернский Ю. Д., Лицкевич В. К., Рахманин Ю. А., Калинина Н. В. Проблемные вопросы гигиены жилых и общественных зданий и концепция развития исследований на перспективу // Гигиена и санитария. Т. 91. – 2012. – № 4. – С. 12–15

6. Пилипенко О. В., Бакаева Н. В., Гордон В. А., Натарева А. Ю. Количественная оценка экологической безопасности объектов недвижимости на основе концепции зеленого строительства // Биосферная совместимость: человек, регион, технологии. – 2017. – № 4 (20). – С. 44–58

7. Шмаров И. А., Земцов В. А., Коркина Е. В. Инсоляция: практика нормирования и расчета // Жилищное строительство. – 2016. – № 7. – С. 48–53

References

Bazhenov, A.V. (n.d.). Arkhitektura i ekologiya [Architecture and Ecology]. Izdatel'skiy dom «Stroitel'nyj ekspert» Retrieved March 12, 2019 from http://www.ard-center.ru/home/publ/ts_1_2013/archi_eco

Gubernskii, Yu.D., Litskevich, V.K., Rakhmanin, Yu.A., & Kalinina, N.V. (2012). Problemnye voprosy gigieny zhilykh i obshchestvennykh zdaniy i koncepciya razvitiya issledovaniy na perspektivu [Problem issues of hygiene of residential and public buildings and the concept of the development of research for the future]. Gigena i sanitariya, 91(4),12-15.

Kuranov, P.N., Aleksashina, V.V., & Novikova, T.M. (2016). Zagryaznenie gradopromyshlennykh territorij nefteproduktami i znachenie etogo processa dlya biosfery zemli [Pollution of urban areas with oil products and the importance of this process for the biosphere of the earth]. Biosferная совместимость: chelovek, region, tekhnologii, 3(15), 3-17.

Mukhnurova, I.G., & Grinkrug N.V. (2018). Ekologicheskaya arkhitektura zhiloj sredy ili zhilaya sreda kak chast' prirody [Ecological architecture of the living environment or living environment as part of nature]. Sovremennye naukoemkie tekhnologii, 5, 108-113.

Pilipenko, O.V., Bakaeva, N.V., Gordon, V.A., & Natarova, A.Yu. (2017). Kolichestvennaya ocenka ekologicheskoy bezopasnosti ob'ektov nedvizhnosti na osnove koncepcii zelenogo stroitel'stva [Quantitative assessment of the environmental safety of real estate based on the concept of green building]. Biosferная совместимость: chelovek, region, tekhnologii, 4(20), 44-58.

Rakhmanin, Yu.A., Bobrovnikskii, I.P., Vyalkov, A.I., & Rusakov, N.V. (2017). Osnovnye napravleniya protivodejstviya neblagopriyatnomu vozdeystviyu global'nykh izmenenij klimata na zdorov'e naseleniya v Rossijskoj Federacii [The main ways to counter the adverse effects of global climate change on public health in the Russian Federation]. Compilation: Ekologicheskije problemy sovremennosti: Vyavlenie i preduprezhdenie neblagopriyatnogo vozdeistviya antropogenno determinirovannykh faktorov i klimaticheskikh izmenenij na okruzhayushchuyu sredy i zdorov'e naseleniya. Materialy Mezhdunarodnogo Forumа Nauchnogo soveta Rossijskoj Federatsii po ekologii cheloveka i gigiene okruzhayushchei sredy, 1-7.

Shmarov, I.A., Zemtsov, V.A., & Korkina, E.V. (2016). Insolyaciya: praktika normirovaniya i rascheta [Insolation: the practice of standardization and calculation]. Zhilishchnoe stroitel'stvo, 7, 48-53.

Описываются потенциальные угрозы изменению устойчивости экологической системы озера Байкал вследствие промышленной деятельности Байкальского целлюлозно-бумажного комбината. В градостроительном проекте предлагает создать на его базе технополис – эко-инновационный кластер, ориентированный на коммерциализацию инновационных экологических разработок в Байкальском регионе и повышение эффективности реализации научного потенциала Восточной Сибири.

Ключевые слова: экологическая угроза; моногород Байкальск; БЦБК; технополис; инновационный кластер; реорганизация промышленной территории. /

The article describes the potential threats of the changes in the sustainability of the ecological system of lake Baikal which have resulted from the industrial activities of the Baikal Pulp and Paper Mill. In this urban planning project, it is proposed to create the technopolis on this basis. It is an eco-innovation cluster that is focused on the commercialization of innovative ecological developments in the Baikal Region. It aims to improve the efficiency of the scientific potential of Eastern Siberia.

Keywords: environmental threat; a company town Baikalsk; Baikal Pulp and Paper Mill; technopolis; innovative cluster; reorganization of industrial areas.

Технополис в Байкальске: эко-инновационный кластер /

текст

**Инна Дружинина,
Анастасия Жмыхова /**
text

**Inna Druzhinina
Anastasia Zhmykhova**

С момента строительства на южном побережье Байкала крупного завода, производившего сырье для продукции оборонного значения, и по сей день не умолкают отголоски возмущения общественности об экологическом состоянии озера и угрозах здоровью жителей Прибайкалья.

За время работы Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (БЦБК) с 1966 года на экологию озера Байкал и его прибрежные территории систематически оказывалось сильнейшее негативное воздействие. В настоящее время наиболее важной экологической проблемой является поступление загрязняющих веществ из мест складирования отходов (шлам-лигнин) в подземные воды, а затем в озеро. Существует также угроза катастрофического загрязнения в случае разрушения хранилищ отходов под воздействием землетрясений и селей.

Поэтому для устранения угроз уникальной экологической системе озера Байкал необходима рекультивация карт накопителей шлам-лигнина, а также демонтаж существующих заброшенных корпусов комбината и инженерных систем промышленной территории. Так, в цехах Байкальского ЦБК после его остановки продолжают находиться опасные химические вещества, которые использовались в технологическом цикле целлюлозного производства. Объектом дипломного проектирования стала именно территория БЦБК, поскольку она требует немедленной полной рефункционализации, в связи с текущим состоянием конструкций завода и влиянием опасных химических веществ на экологию озера Байкал [1].

Технополис – это город инноваций, в экономике которого главную роль играют исследовательские центры, разрабатывающие новые инновационные технологии [2]. Решение создать на территории Байкальска многоотраслевой инновационный научный комплекс обосновано необходимостью развития приоритетных направлений научных разработок для Байкальского региона, базирующихся на уникальных природно-климатических условиях территории и улучшении ее экологического состояния (сейсмостойкое экологическое строительство, на разработке инновационных технологий в строительстве и инновационных технологий биологической рекультивации нарушенных промышленностью земель, на принципах промышленной экологии как науки о взаимодействии промышленности и окружающей среды и пр.

Проектным решением предлагается связать сложившуюся градостроительную структуру города Байкальска с технополисной структурой проектируемого инновационного кластера, который являлся бы инициатором процесса экономической реструктуризации города, поскольку именно такая тесная связь науки, образования и наукоемкого бизнеса позволит обеспечить жителей Прибайкалья рабочими местами с опорой на академический потенциал Сибири. А также позволит привлечь внимание общественности и властей к острой экологической проблеме озера Байкал, а крупная исследовательская площадка откроет большие перспективы для прикладных исследований.

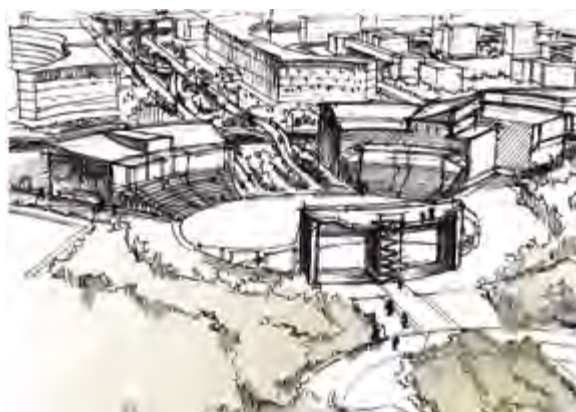
Technopolis in Baikalsk: eco-innovation cluster

Не менее важными факторами, благоприятствующими проектированию технополиса на территории Байкальска, стали хорошая транспортная доступность города (расположен на транспортной железнодорожной и автомагистралях), мягкие природно-климатические условия (южное побережье Байкала) и наличие высокого трудового потенциала населения после закрытия градообразующего предприятия.

Планировочную структуру технополиса определяет главная транспортная ось и поперечные пешеходные бульвары, перспективу которых замыкает вид на главную достопримечательность города – озеро Байкал. Технополис включает в себя два микрорайона, объединенных общественным административно-деловым центром – инновационным комплексом.

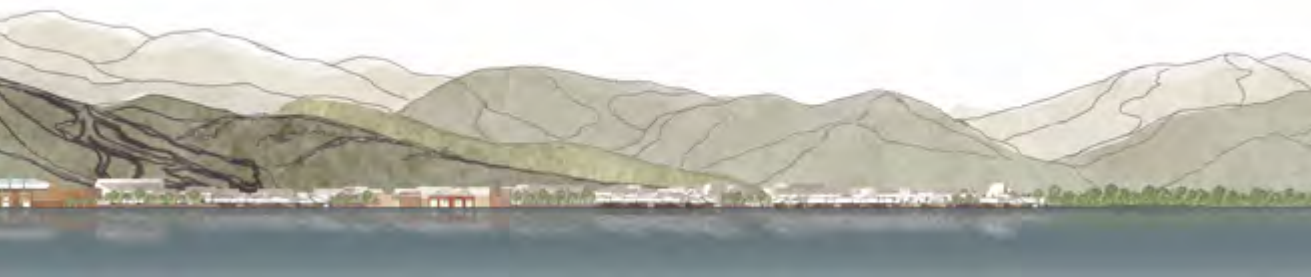
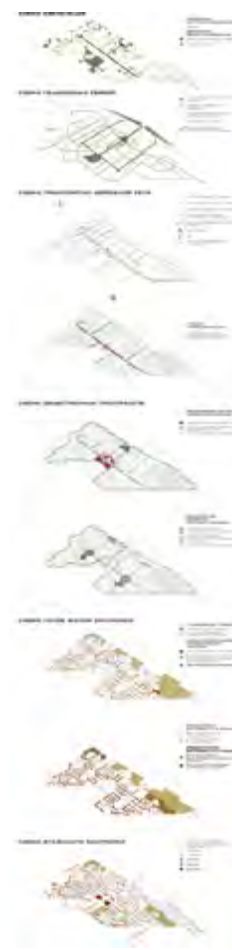
Застройка представлена домами малой и средней этажности и понижается по направлению к береговой линии. Здания максимальной высоты (5 этажей) расположены у магистралей общегородского значения и образуют единый фронт застройки, что позволяет снижать шумовые и вибрационные нагрузки на внутренние жилые территории микрорайонов, что положительно скажется на здоровье жителей и комфорте дворов.

Проектным решением предусмотрено разделение потоков людей и автомобилей за счет трехуровневой транспортно-пешеходной сети: заглубленной центральной автодороги, наземных дорог районного значения и приподнятых над землей пешеходных бульваров. Для

распределения рекреационной нагрузки предусмотрено несколько направлений для отдыха на природе: набережная озера, территория «дикого» пляжа, пойменная территория реки Солзан и экологический парк рекультивации земель под открытым небом.

За счет расположения в городе пойменных территорий двух горных рек определяется эко-каркас естественного озеленения, в который гармонично включено озеленение технополиса. Большую часть площадки проектирования занимает естественный лесной массив, за счет которого ее можно считать обособленной от остальной части города, поэтому задачами дипломного проектирования было

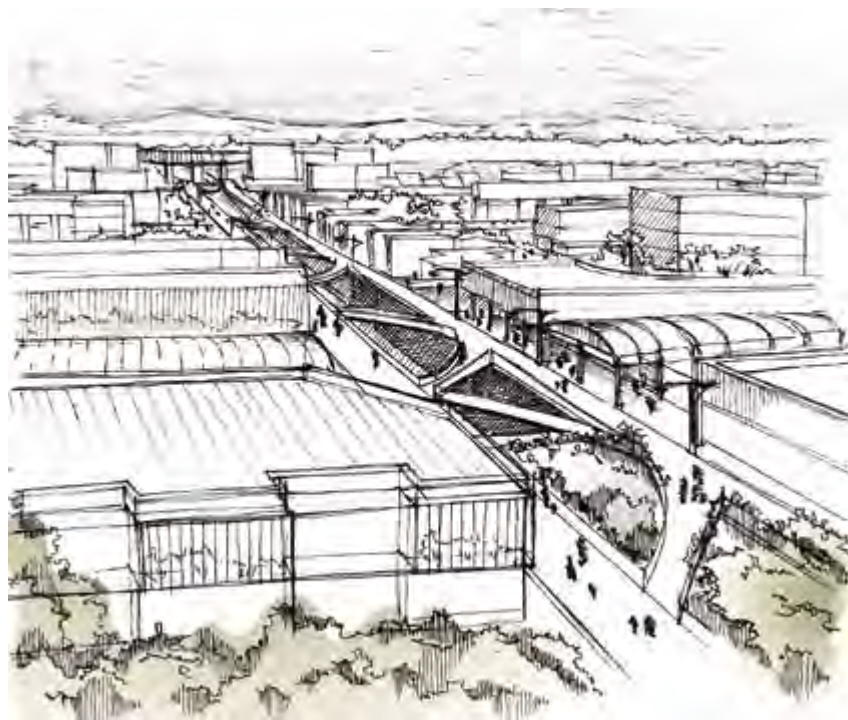

сохранить естественное озеленение, при этом обеспечив тесные пешеходно-транспортные связи между жилыми микрорайонами, существующими и проектируемыми, а также общегородскими общественными центрами.

Создание технополиса на базе города Байкальск решит ряд градостроительных и социальных проблем: населению будут предоставлены рабочие места, качественно изменится инфраструктура города, начнет развиваться научный и экологический туризм, а также инновацион-

ный бизнес, что позволит повысить инвестиционную привлекательность не только города, но и региона в целом.

На наш взгляд, такие решения призваны минимизировать негативное экологическое антропогенное воздействие на окружающую среду озера, а также позволят в полной мере реализовать природный потенциал территории и сохранить ее экологический баланс, а значит – сохранить здоровье жителей Прибайкалья. Именно так должен формироваться уникальный имидж экологически чистого города без предприятий промышленности на южном берегу Байкала.

Литература

1. Жмыхова А. С., Дружинина И. Е., Поспелова М. Я. Формирование инновационного кластера в Байкальском регионе: Технополис в Байкальске // Качество городской среды: строительство, архитектура и дизайн : Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Иркутск : ИРННТУ, 2017. – С. 152–157
2. Кулешова Г. И. Технополисы в системе территориально-пространственной организации научно-инновационной деятельности // Теория градостроительства. – 2015. – № 3 (37). – С. 20–35

References

- Kuleshova, G. I. (2015). Tekhnopolisy v sisteme territorialno-prostranstvennoy organizatsii nauchno-innovatsionnoy deyatel'nosti [Technopolises in the system of spatial organization of scientific and innovative activity]. *Teoriya gradostroitel'stva*, 3 (37), 2035. Retrieved from http://emsu.ru/kuleshova/files/Grado-3_Kyleshova.pdf
- Zhmykhova, A. S., Druzhinina, I. E., & Pospelova, M. Ya. (2017). Formirovaniye innovatsionnogo klastera v Baykalskom regione: Tekhnopolis v Baykalske [Development of innovation cluster in Baikal region: Technopolis in Baikalsk]. *Kachestvo gorodskoy sredy: stroitel'stvo, arkhitektura i dizayn: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, 152–157

Архитектура санаториев, лечебниц и больниц – отдельный и важный аспект темы здоровья в городе. И здесь немало открытых вопросов. Какой эмоциональный заряд должна нести архитектура зданий, куда люди принесят свои болезни? Как наилучшим образом – НА ЗДОРОВЬЕ жителей России – использовать уникальные предпосылки, представленные природой Причерноморья, Алтая и Горной Шории? А объектом номера на сей раз стал первый корпус личного медицинского кластера в Сколково, разработанный в архитектурной мастерской Асадовых.

ЕГ

курорты, больницы / resorts, hospitals

Architecture of resorts and hospitals is a crucial aspect of health in the city. There are a lot of open questions. People bring their diseases to resorts and hospitals. So what emotional charge should architecture of such buildings carry? What is the best way to use unique prerequisites provided by nature of the Black Sea region, Altai and Mountain Shoria? This time, the object of the issue is the first building of the Medical Cluster in Skolkovo worked out by Asadov architectural bureau.

ЕГ

Рассматриваются периоды становления курорта Сочи, специфические особенности градостроительного развития Сочинской курортной агломерации. Отмечается историческая роль мастеров архитектуры, академиков Академии архитектуры СССР в формировании его архитектурного облика. Затронуты проблемы деградации исторической среды и ее безопасности в связи с чрезмерной урбанизацией и несовершенством нормативно-законодательного регулирования процессов развития курорта с особо сложными природно-климатическими условиями. Ставится вопрос о предмете охраны исторического поселения и его границах, утверждается необходимость комплексного научно-проектного и нормативно-законодательного подхода к достижению целей, поставленных в Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края по городу-курорту Сочи.

Ключевые слова: историческое поселение; культурное наследие; олимпийское наследие; стратегия развития; курортная агломерация; южный морской фасад России; летняя столица России. / **The article reviews** the formation of the Sochi resort, the peculiarities of urban development of the Sochi resort agglomeration. It points out the historical role of architecture experts, academicians of the USSR Academy of Architecture in the formation of its architectural image. The article touches upon the problems of degradation of the historical environment and its safety in the context of excessive urbanization and imperfection of legislative regulation of the development of the resort with peculiar natural and climate conditions. The article poses a question about the object of protection of the historical settlement and its boundaries, as well as underlines the necessity for a complex scientific-design and regulatory approach to the achievement of the goals set in the Strategy of Social-Economic Development of the Krasnodar Region for the resort city of Sochi.

Keywords: historical settlement; cultural heritage; Olympic heritage; development strategy; resort agglomeration; southern waterfront of Russia; summer capital of Russia.

v Дача С. Н. Худекова, 1899

Об историческом и олимпийском наследии Сочи / The Historical and Olympic Heritage of Sochi

текст

**Олег Козинский /
text**

Oleg Kozinsky

1. По побережью длина г. Сочи составляет около 110 км, а на суше достигает 145 км

2. На территории МО городской округ города Сочи 4 административных района, включающих городскую территорию и 12 сельских поселковых округов, объединяет 79 поселений

3. Кавказский биосферный заповедник занимает площадь 2848 кв. км, создан 12 мая 1924 года, однако охранный статус получил еще в 1888 под названием Великокняжеская Кубанская охота. После присоединения

У каждого города есть миссия и статус. Всем известные статусные характеристики Сочи связаны со словом самый: самый длинный город Европы¹, самые северные субтропики, самый известный и единственный субтропический курорт в России. Однако есть менее известные, но не менее важные статусы регионального, федерального или международного значения:

– городской округ с площадью территории 3506 кв. км в составе Краснодарского края²;

– федеральный курорт. Его история – это история становления курортной отрасли в России. Многие ее достижения стали достоянием мировой курортной практики оздоровления;

– международное и национальное достояние: 83.6% его территории занято объектом Всемирного природного наследия ЮНЕСКО – КБЗ³ и СНП⁴;

– летняя столица России;

– столица Зимних Олимпийских игр 2014 г.;

– пограничный город на берегу Черного моря – южный морской фасад России;

– Сочинская курортная агломерация⁵ – международный всесезонный курорт-экополис федерального значения с высокой культурной сервиса и досуга, научно-исследовательский центр по изучению природной среды и ЗОЖ, с высоким качеством городской среды и уровнем жизни населения.

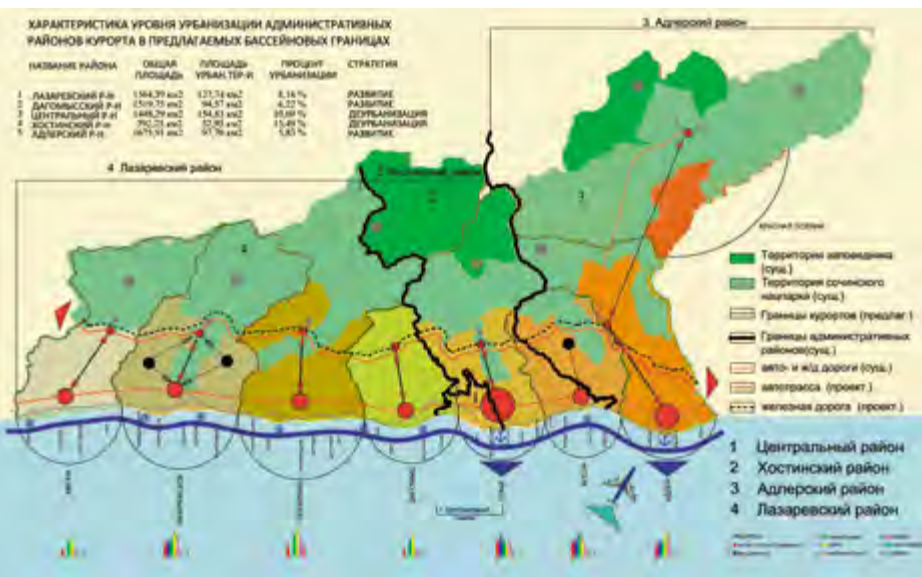
– историческое поселение регионального уровня с площадью территории 2040 кв. км.

Многослойность древней истории Сочи представлена памятниками археологии. Древности доисторического периода⁶, античности⁷, средневековья отмечены в туристических картах, но мало кто представляет себе исторический контекст, на фоне которого они возникли.

Здесь пролегла северо-восточная граница Византийской империи, проходили пути Андрея Первозванного, Симона Кананита, Иоанна Златоуста, в VII–X веках шел процесс распространения христианства на территорию нынешней России, о чем свидетельствуют остатки 11 храмов и 18 крепостей с характерной византийской кладкой⁸. Об эпохе позднего средневековья XI–XVII вв. говорят курганные могильники и предметы «черкесского быта»⁹.

Как архитектурное явление Сочи относительно молод: его история начинается с 1829 года, когда по окончании русско-турецкой войны, согласно Адрианопольскому мирному договору, черноморское побережье Кавказа от устья реки Кубань до форта Святого Николая (Поти) отошло к России¹⁰. Первые признаки города обозначились в 70-х годах XIX века после того, как в 1866 году было утверждено «Положение о заселении Черноморского округа и управлении оным». В этот период заложены основы планировки города и ведется интенсивное дачное строительство, на базе которого после революции 1917 года были организованы первые курортные учреждения.

В 1909 году на основе научных исследований бальнеоклиматических ресурсов и Мацестинских сероводородных вод¹¹ была построена первая в России здравница – санаторный комплекс «Кавказская Ривьера» и положено начало развитию курортной отрасли Сочи¹². Историческая миссия города-курорта Сочи – оздоровление

v Дача Н. А. Шевелева (корпус № 8 санатория им. Фрунзе, 1900

v Дача В. В. Барсовой. Арх. И. А. Люблинский, Н. С. Ришкин, 1947
v Дача Костарева (вилла «Вера»), 1910

народа – определяет его отношения со средой, в которой первостепенную роль играет природный комплекс.

Курортный проспект, в отличие от проспектов Москвы и Петербурга, пронизывает не архитектурное, а ландшафтное пространство, связывает воедино систему парков, в зеленом массиве которых утопают дворцы санаториев Сочи-Мацестинского курорта периода 30–50-х годов прошлого века. Павильонный характер застройки отвечает принципам академической архитектуры, отражает идею взаимопроникновения природного и рукотворного пространства, их гармоничное слияние. Архитектурно-ландшафтное единство, созданное мастерами архитектуры под влиянием этой идеи в довольно

v Дача А. П. Фронштейна «Светлана», 1895

v Дача Ф. К. Трапезникова; до 1917
v Дача Якобсона. Арх. Р. И. Будник, 1902
v Дача Павлова, нач. XX в.

в 1979 году статуса биосферного пополнил Международную сеть биосферных резерватов. В декабре 1999 года Кавказский биосферный заповедник включен в число объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. По состоянию на 2015 г. в границах г. Сочи заповедник занимает 762 кв. км

4. Сочинский Национальный парк площадью 1937 кв. км создан 5 мая 1983 г. Постановлением СМ РСФСР № 214. В настоящее время по постановлению Правительства РФ от 25.06.2013 г. № 534 его площадь увеличена до 2086 кв. км

5. В 2018 году утверждена Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края (ССЭРКК), в которой особо выделены Черноморская экономическая зона и Сочинская курортная агломерация – СКА (экономическая зона), формирующие Азово-Черноморский курортно-туристский кластер. Он объединяет в агломерационном взаимодействии 4 исторических поселения (Сочи, Анапа, Тамань и Ейск), ООПТ, в т. ч. КБЗ – объект Всемирного наследия, города-курорты. Концепция пространственного развития СКА предусматривает формирование во внутригородских административных районах 8 бассейновых кластеров (БК) горно-морской и бальнео-климатической специализации. БК рассматриваются в естественных природных границах экосистем горы – реки – море как объекты территориального общественного самоуправления – ассоциаций бассейновых водопользователей

6. Археологическое наследие Сочи богато находками (захоронения, орудия труда, бытовая утварь и т. д.) эпохи первобытности. Более 100 тыс. лет назад, в эпоху раннего палеолита в Сочинских пещерах Ахштырская, Кепшинская, Воронцовская поселились первые люди, пришедшие из Малой Азии через Колхиду. О жизни людей медно-каменного века (энеолита IV тысячелетия – первой половины III тыс. до н. э.) свидетельствуют десятки земледельческих стоянок. Среднебронзовая эпоха (XX – XIV вв. до н. э.) широко представлена dolmenами. Позднебронзовую эпоху (XIII–VII вв. до н. э.) отражают находки, свидетельствующие об оживленных связях с другими районами Кавказа. Железный век связан с историей скифов

7. Памятники археологии свидетельствуют о периодах античной истории. С VI в. до н. э., когда началась греческая колонизация, коренное население – ахеи, зихи, гениохи – оказались под влиянием греческой культуры. Поздантичное время (I–V вв. н. э.) связано с племенами санигов и влиянием римской культуры

8. В с. Монастырь Адлерского района, в тисо-самшитовой роще Хостинского района, п. Чемитоквадже на р. Годлик Лазаревского района и др.

9. Проживающие на территории Сочи родственные племена адыгов, шапсугов, убыхов и абазин-сабзов известны под общим названием черкесов. Их культура, сочетавшая христианство и ислам с древними народными верованиями, объединяла родовые отношения и обеспечивала гармоничное сосуществование с природой. Земледелие и животноводство формировали экономику родового хозяй-

короткое время, определяет уникальность историко-природного каркаса Сочи. Эта целостность пространственной среды протяженностью в несколько десятков километров и составляет, по нашему мнению, предмет охраны исторического поселения. Однако ценность исторической среды не ограничена границами Сочи-Мацестинского курорта периода 30–50-х гг.: на всем протяжении курортной агломерации¹³ Большого Сочи сформировалась система визуально-ландшафтных связей, формирующих пейзажный фон и ритм восприятия морского фасада города-курорта.

На территории города работали выдающиеся ландшафтные инженеры-дендрологи (лауреат Государственной премии СССР С. И. Венчагов, а также В. В. Колин, С. А. Яблоков, Ю. Н. Карпун), оставившие нам богатое наследие субтропических парков. Одним из наиболее привлекательных качеств курорта является богатство ландшафтно-визуальных связей его горных и морских пейзажей.

Сейчас целостность основательно нарушена, но следы былой структуры остались, и сохранить то, что еще возможно, – важная задача. Поэтому столь актуален проект предмета охраны исторического поселения Сочи, который разрабатывается в настоящее время¹⁴ и содержит спорное предложение о многократном сокращении его территории до границ курорта Сочи-Мацеста по Генплану 1933 г.

< Санаторий «Интурист». Арх. А. В. Самойлов, 1935–1949

В настоящее время почти весь город Сочи, от Черного моря до Главного Кавказского хребта, является историческим поселением регионального значения¹⁵, в котором любая деятельность должна осуществляться без ущерба предмету охраны исторического поселения. Законом установлен состав его элементов, но отсутствует собственно определение исторической среды как целостного предмета охраны¹⁶. Кроме того, не указан земельной слой – важнейший элемент охраны в городе с богатым археологическим наследием. Не менее важна социальная составляющая исторического поселения с многонациональным составом жителей, с многообразием этнографических особенностей и традиционных культур субтропического и горного земледелия как основы развития этно- и агротуризма. Поэтому в проекте предмета охраны необходимо выделить категорию охраны «Историческая и социальная среда».

В рамках исследования¹⁷ исторической среды Сочи, ее дореволюционного и советского культурного наследия были выявлены ценные ландшафтно-визуальные комплексы и закономерности ее ландшафтно-визуальных связей. Выделены этапы формирования исторической среды¹⁸; памятники систематизированы в 10 блоков по их функциональному назначению: санатории, дачи, культовые объекты, объекты медицины, жилые здания, общественные здания, объекты культуры и искусства, образования и науки, объекты транспорта, парки. Выявлены

^ Парк санатория им. Орджоникидзе

^ Тиссо-самшитовая роща

утраченные и сохранившиеся элементы исторической среды, которые не внесены в реестры наследия, хотя по своим архитектурным достоинствам не уступают охраняемым объектам, а порой их даже превосходят¹⁹.

Важнейшим архитектурным стилем исторической среды является «сталинский ампи́р – неоклассицизм», в основном – санатории [1], воплотившие «государеву волю» о создании образцового «пространства счастья». Логично, что по разделу «Туристические объекты» государственной программы олимпийского строительства подверглись реконструкции только сталинские санатории²⁰. К сожалению, только их незначительная часть.

Наибольшей концентрацией объектов культурного наследия этого периода характеризуется исторический центр Сочи, сформированный условным треугольником площадью около 340 га между линией городского пляжа

и хребтами горы Виноградной с северо-запада и горы Батаре́йка – с востока. Вершины треугольника замыкаются планировочными центрами курорта: Морвокзал, здание железнодорожного вокзала, Зимний театр, Дом уполномоченного ЦИК (Художественный музей Сочи).

Однако территория исторического центра более обширна, она включает в себя, кроме исторического ядра, 1 и 2 зон округа горно-санитарной охраны курорта, также важнейшие культурные центры и зоны отдыха с признаками объектов наследия и предметов охраны.

Улицы как продольного, так и поперечного к морю направления ориентированы на природную доминанту (г. Ахун и другие вершины предгорий) или замыкаются архитектурным акцентом: ул. Московская – ж/д. вокзал; ул. Горького, ул. Навагинская – Морвокзал и др.; Курортный проспект – Мемориал подвигу медиков. Для воспри-

ства. Множество предметов вооружения и снаряжения свидетельствуют о значении военного быта в хозяйственном укладе. С XIV в. население горских племен находится под влиянием генуэзцев, затем османов; развиваются экономические и политические связи, процветает работоторговля. По окончании русско-турецкой войны в 1864 году горским племенам, обитавшим в предгорьях Сочи, было предоставлено право остаться в России или уехать в Турцию.

^ Парк «Южные культуры»

> Парк Дендрарий.
Ротонда

^ Фонтан у Морского порта

^ Санаторий
им. Орджоникидзе

тия дальних горных панорам и морских пейзажей были благоустроены терренкуры, в том числе знаменитая тропа от стадиона до Мацесты. По водоразделам прокладывались пешеходно-транспортные улицы (гора Батарейка – ул. Альпийская) или ландшафтные дороги (гора Виноградная – ул. Виноградная²¹). Трассировка горных шоссе и туристских маршрутов, с учетом ландшафтно-визуальных связей природных доминант Большого Кавказского хребта, определяла характер и местоположение обзорных площадок в архитектурно-планировочных решениях туристской инфраструктуры. Видовые площадки оформлялись архитектурными акцентами.

Главная планировочная ось курорта – Курортный (первоначально – Сталинский) проспект был обогащен системой виадуков над речными долинами, каждый из которых, являясь памятником архитектуры, представляет собой видовую площадку.

Вдоль рек было положено начало формированию поперечных планировочных осей – бульвар по ул. Конституции вдоль р. Сочи с благоустроенными набережными и специально организованными водопадами (у Цветного бульвара и ЖБИ) для дополнительной аэрации и ионизации водного потока в устьевом, более спокойном течении. Вдоль р. Хоста – курортный парк, вдоль р. Мзымта – сквер Победы с памятником Солдатской дружбе. Так формировался живописный архитектурно-ландшафтный фон курорта, который представляет собой ценнейший рекреационный ресурс, подлежащий охране. В мире очень немного городов, сохранивших такую ансамблевую целостность, достигнутую как бы на одном дыхании.

На всем протяжении Большого Сочи представлены архитектурные стили, отражающие периоды освоения архитектурного пространства курорта, но свидетельствующие также о его деградации в последние десятилетия. Градостроительные комплексы Курортного проспекта, ул. Виноградной до сих пор не приняты под охрану государства; их ландшафтное значение исчезает за заборами застройки, разрушающей фундаментальный принцип планировочных и визуальных связей, столь важных при формировании Генплана. Не менее значительным и нуждающимся в охране является ландшафтный комплекс ул. Альпийской, ул. Дмитриевой, ул. Бытха, пока еще сохранивших панорамные раскрытия в сторону как Главного Кавказского хребта, так и морского пейзажа.

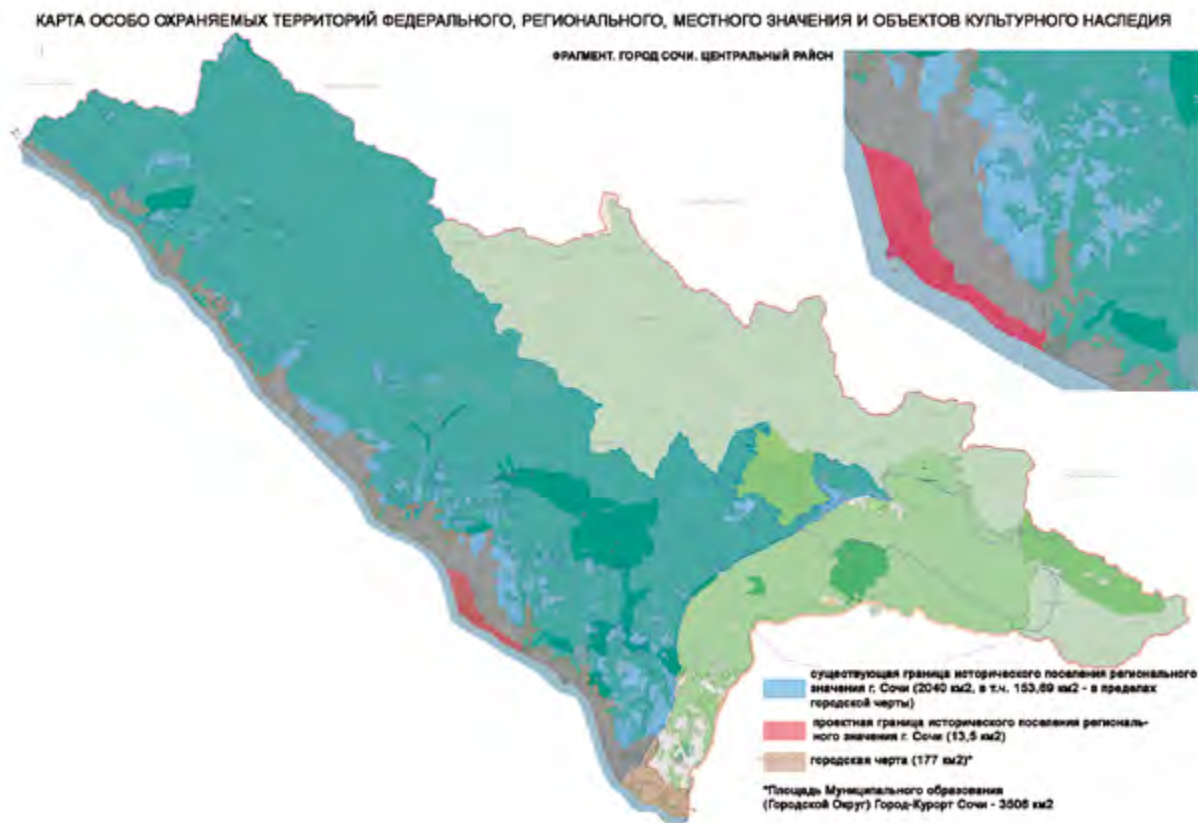
Архитектура брежневских времен не менее интересна. Это был период энергичной комплексной застройки курорта крупными ведомствами СССР: заказы от государства давали большую творческую свободу архитекторам, допускали эксперименты. Удалось даже реализовать идеи «зеленой» архитектуры в проектах санатория «Заполярье», пансионата «Магадан»²². Была построена часть центральной набережной на искусственной территории. В конце 80-х гг. в Сочи функционировало более 200 санаторно-курортных учреждений на 90 тыс. мест, отдыхало

^ Зимний театр. Арх. Чернопятов К.Н. 1937 г.

^ Художественный музей. Арх. Жолтовский И.В. 1936 г.

около 5 млн. человек ежегодно, в том числе свыше 200 тыс. иностранных граждан. Бальнеофизиотерапевтическое объединение «Мацеста» в 9 ваннных зданиях отпускало свыше 18 тыс. процедур ежедневно.

С начала 90-х гг. началась деградация курортной отрасли. Период нерегламентированной экспансии мелкого частного капитала вылился в штучное мало- и среднеэтажное индивидуальное строительство, за которым последовала экспансия олигархического капитала и нача-

лось разрушительное для исторической среды высотное строительство на курортных территориях. Сочи утратил статус всероссийской здравницы, поток отдыхающих неуклонно снижался²³.

Сохранили курортную направленность и какую-то минимальную аутентичность ведомственные здравницы: санаторий им. Дзержинского, санаторий «Русь» Управделами президента, санатории ОАО «РЖД» «Черноморье», «Октябрьский», «Мыс Видный». Физически утрачены объ-

10. Кавказская война (длвшаяся около 50 лет, 1817–1864) завершилась весной 14 мая 1864 года, когда в урочище Кбааде (Красная Поляна) наместник царя на Кавказе князь Михаил провозгласил ее окончание. Свидетелями Кавказской войны являются укрепления Черноморской береговой линии – форты Александрия (Сочи), Лазарев (Лазаревское), Головинский (Головинка) и укрепление Святого Духа (Адлер)

11. Важной страницей в истории развития курорта Сочи является деятельность специальной комиссии по изучению Черноморского побережья Кавказа от Новороссийска до Сухуми, начавшей работу в 1898 г. В состав комиссии вошли известные ученые А. И. Воейков – профессор, климатолог и географ; Ф. И. Пастернацкий – профессор медицины, терапевт; А. И. Лебедев – профессор, гидролог; М. В. Сергеев – горный инженер. Отчет комиссии был представлен на I Всероссийском съезде по климатологии, гидрологии и бальнеологии

12. В 1912 г. было создано АО Мацестинских серных источников во главе с предпринимателем М. М. Зензиновым и врачом В. Ф. Подгурским, терапевтом и бальнеологом, организатором и первым научным руководителем Мацестинского курорта

^ Санаторий «Черноморье». Арх. Л. К. Звуков, Ж. Лисичич, 2001

^ Гостиничный комплекс «Рэдисон SAS Лазурная». Арх. Ярошевский И.В., Звуков Л.К. 1994 г.

v Мацестинский мост. Арх. Щуко В.А., Гельфрейх В.Г., 1938 г.

v Ривьерский мост. Арх. Жолтовский И.В. 1936 г.

13. В 2014 г. была подготовлена Концепция развития Сочинской курортной агломерации (Авт. О. Ф. Козинский, О. В. Козинская, В. Н. Шарафутдинов, Н. Н. Клейменова). Сочи был включен в Программу пилотных проектов Минрегиона РФ по развитию городских агломераций России

екты наследия – санаторий им. Мориса Тореза, «Заря», «Интурист».

Реализация программы строительства инженерно-транспортной инфраструктуры (дублер курортного проспекта, совмещенная дорога Адлер – Красная Поляна, реконструкция Сочинского морского порта с яхт-маринной) и спортивных объектов Зимней Олимпиады Сочи – 2014 сформировала новое пространство, в котором современники сразу выделили уникальные архитектурные сооружения, достойные пополнить перечень культурного наследия курорта (Стадион «Фишт» и др., бобслейная трасса, ж/д. вокзал «Олимпийский парк», арх. Н. М. Явейн), однако качества целостности, характерное для исторической среды курорта, не было достигнуто.

Более того, у этой олимпийской медали оказалась и обратная сторона: Олимпиада подхлестнула миграцию и дала импульс к массовому жилищному строительству. Конфликт двух сочинских равнодействующих город – курорт привел к поглощению курорта, к деградации исторической среды.

Озирая с недоумением хаос современной застройки, гость некогда величественного курорта, ведущей здравницы России, не догадывается, что видит только поверхностный уровень многослойной истории самого длинного города Европы, небольшую часть глубочайшего культурного наследия исторического поселения Сочи.

> Аэропорт Адлер.
Арх. И. В. Ярошевский,
О. Ф. Козинский, О. В. Ко-
зинская, М. Ермолаев,
1989–1991

Описания архитектурного наследия содержатся в работах сочинских историков и краеведов, а также в ряде профессиональных публикаций. К проекту Генерального плана города Сочи в 1990 г. были подготовлены рекомендации по границам зон охраны исторической среды для исторического центра Сочи площадью около 1000 га. Проект зон охраны объектов культурного наследия Сочи не получил необходимого развития в Генеральном плане 2009 г.²⁴. Не нашел он отражения и в градостроительном зонировании Правил землепользования и застройки города Сочи. Таким образом, ни один из действующих документов территориального планирования муниципального округа город-курорт Сочи не обеспечивает реальных условий охраны культурного наследия исторического

поселения города-курорта Сочи, соответствующих положениям международных и отечественных документов по культурному наследию.

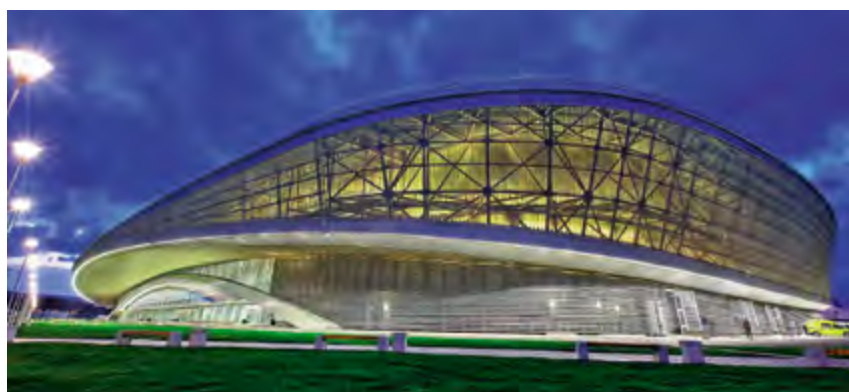
Ужесточение требований к градостроительной документации и к архитектурным решениям в границах исторических поселений [3], усложняющих жизнь как застройщикам (из-за затрат времени и финансов, и, конечно, из-за регламентов, ограничивающих их аппетиты), так и чиновникам (из-за необходимости искать средства в бюджете на приведение Генерального плана и Правил землепользования и застройки в соответствие предмету охраны исторического поселения Сочи, из-за увеличения объема работы, связанного с необходимостью особого регулирования развитием такой огромной и сложно

^ Стадион «Фишт»

^ Ледовый дворец
«Айсберг»

v Дворец спорта
«Большой»

v Экспо-центр
«Адлер-Арена»

14. По муниципальному контракту разрабатывает ООО «Югстройреставрация» (Краснодар) на субподряде у МУП «Муниципальный институт генерального плана Сочи». Руководитель темы Воронина (не нашла инициалов в интернете. И про организацию как-то мутно, непонятно. Написала автору, чтобы уточнил). Предлагается сжать историческое поселение до 13,5 кв. км

15. Согласно Закону Краснодарского края № 3223 «Об объектах культурного наследия Краснодарского края» от 15 июля 2015 года. Площадь территории исторического поселения – 2040 кв. км, в том числе в границах городской черты 153,69 кв. км. В границы исторического поселения входит большая часть городской территории и территории Сочинского национального парка до реки Мзымта

16. Состав предмета охраны исторического поселения определяет Федеральный закон № 73-ФЗ: 1) градодформирующие объекты – здания и сооружения, формирующие историческую застройку, объединенные масштабом, объемом, структурой, стилем, конструктивными материалами, цветовым решением и декоративными элементами; 2) планировочная структура и ее элементы; 3) объемно-пространственная структура; 4) композиция и силуэт застройки – соотношение вертикальных и горизонтальных доминант и акцентов; 5) соотношение городских пространств (свободных, застроенных, озелененных); 6) композиционно-видовые связи (панорамы), соотношение природного и созданного человеком окружения

17. НИР по заказу НИИТАГ РААСН на тему «История архитектуры города-курорта Сочи» выполнена в 2011 году. Руководитель темы О. Ф. Козинский

18. Российский период, начиная с XIX в.: русское военно-оборонительное зодчество (крепости) (1837–1839 гг.); эклектика (неорусский стиль) и русский модерн (с 1890-х гг.); немецкий модерн (1909 г.); сталинский период (неоклассицизм, 1929–1953 гг.); период типового строительства, 1960-е гг.; период укрупнения и комплексного освоения, 1970–80-е гг.; период новых социально-экономических отношений (1990-е гг. – 2007 г.); современный период (с 2007 г. по настоящее время)

устроенной территории, как Сочи, что требует высокопрофессионального кадрового обеспечения в этом направлении) порождает естественное желание уменьшить территорию исторического поселения, сократив зону муниципальной ответственности многократно. Регулирование и сохранение культурного наследия предложено через защитные зоны отдельных памятников.

Сжатие границ исторического поселения, а значит – и отсутствие историко-охранного контроля на территориях, исключенных из его границ, создаст условия для разграбления археологического слоя при земляных работах на строящихся объектах, а также для преодоления ограничений на плотность и высотность застройки.

Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края выделила важную государственную задачу по формированию Южного морского фасада России, основа которого – единство архитектуры, морского и горного ландшафта. Мы не решим эту задачу, если

разрушим главную достопримечательность – целостную историческую среду и потеряем особое свойство – уникальное единство рукотворной и естественной природы в морской панораме курорта. Необходимо восстановить систему научного обеспечения процессов устойчивого развития Сочи как курорта мирового уровня, вернуть к жизни утраченные Институт курортологии и физиотерапии и Институт цветоводства и субтропических культур, Управление по берегозащите и противооползневым мероприятиям. Государственная задача по развитию курортной отрасли требует возрождения проектной базы и нормативно-законодательного обеспечения комплексного управления развитием территорий с особо сложными условиями (как с точки зрения безопасности, так и с точки зрения формирования комфортной городской среды). И Сочи имеет все основания стать флагманом российской курортной индустрии.

Нельзя допустить пренебрежения к вопросам сохранения целостности пространства города-курорта Сочи, свидетельствующей о подвиге наших предшественников²⁵, которые в тяжелых природных условиях²⁶ (оползни, наводнения, болота, малярия и т. д.), без современных технологий совершили градостроительные преобразования огромного масштаба за короткий в историческом плане период – чуть более 100 лет.

Грандиозный масштаб и высочайший уровень архитектурного, градостроительного, художественного и управленческого искусства создателей курорта еще предстоит оценить. Эту возможность предоставляет Проект предмета и границ исторического поселения, если его разработки всерьез озабочены сохранением и приумножением национального достояния нашей страны. Сегодня решается судьба Сочи как памяти народа, его национального

достояния, исторической среды, в которую еще может вернуться «Дух места».

Литература

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sc-os.ru/ru/activity/programm/>
2. Седов В. Санаторий Комиссии содействия ученым в Сочи // ПРОЕКТ КЛАССИКА. – 2006. – № 18
3. Градостроительный кодекс РФ с изменениями от 2015 г. – Ст. 51

References

- Olymp Stroi. (n.d.). Retrieved from <http://www.sc-os.ru/ru/activity/programm/>
- Sedov, V. (2006). Sanatorii Komissii sodeistviya uchenym v Sochi [The sanatorium of the Commission for the advancement of scientists in Sochi]. Project Classica, 18.
- Town-Planning Code of the RF with amendments. (2015). Art. 51.

19. Например, архитектурные достоинства санатория им. Дзержинского по проекту Мирона Мержанова не уступают санаторию «Металлург» Якова Свицкого 1953–1956 гг.

20. «Сочи». Арх. Ф. Козютин (старый корпус), 1953 г.; «Русь» (бывший санаторий им. В. И. Ленина). Арх. Т. Каценеленбоген, 1953–1954 гг.; «Золотой колос». Арх. П. Еськов, 1935 г. Реконструкции за рамками олимпийской программы подверглись санатории «Горный воздух», бывший корпус № 8 санатория «Заря». Арх. А. и Л. Веснины, 1928–1931 гг., 1936 г.; «Родина». Арх. В. Воскресенский, 1958–1961 гг.; «Интурист» (бывший санаторий «Наука»). Арх. А. В. Самойлов, 1937 г., 1951 г. [2]

21. Ул. Виноградная с раскрытиями на долину р. Сочи и на море. Это зона – Новый Сочи с ансамблями санаториев «Красмашевский», «Сочи», «Россия», «Радуга», «Русь», «Ставрополье»

22. Основан в 1947 г.; основные корпуса построены в 1986 г.

23. За 1990 г. в Сочи отдохнуло 300 тыс. человек, а в 2018 г. – более 6 млн. туристов. Город занял третье место по этому показателю в стране: Москву в прошлом году посетили 23,5 млн. туристов, Санкт-Петербург – 8,5 млн.

24. Начиная с Н. Б. Соколова: рекомендации в составе проекта Генерального плана города Сочи в 1990 г. («ГИПРОГОР»), В. Н. Выборнов) и в 2009 г. (НИПИ Урбанистики)

25. А. В. Щусев, И. В. Жолтовский, Л. А. и А. А. Веснины, А. Н. Душкин, С. К. Алабян, В. Г. Гельфрейх, В. А. Щуко, М. И. Мержанов, И. С. Кузнецов, А. В. Самойлов, К. Н. Чернопяттов

26. Городской округ город Сочи отнесен по условиям ГО и ЧС к самой высокой, 17 категории, согласно «Карте (схеме) границ зон по категориям риска проявления чрезвычайных ситуаций на территории РФ»

< Отель «Звездный» . Автор О.Ф. Козинский 1993–1995, 2006–2011 гг.

Рассматриваются история становления и развития курорта «Белокуриха», его современное состояние. Акцент сделан на оценке особенностей архитектоники места. Приведены тренды территориального планирования, связанные с дальнейшим развитием курорта, имеющего высокие качества горных рекреационных ландшафтов, attractive свойства природных пейзажей, полистилевую архитектуру и идентичный, присущий этому месту, культурный код.

Ключевые слова: курорт; курортная местность; архитектоника места; архитектурная среда; территориальное планирование. /

The article presents the history of the formation and development of the resort «Belokurikha» and its current state with the emphasis on evaluation of the features of the architectonics of the place.

The article describes the trends of territorial planning associated with the further development of the resort, which has high quality mountain recreational landscapes, attractive properties of natural landscapes, polystyle architecture and the identical cultural code inherent in this place.

Keywords: resort; resort area; place architectonics; architectural environment; territorial planning.

Курорт Белокуриха – архитектоника места и тренды территориального планирования /

текст
Сергей Поморов /
text
Sergey Pomorov

Современная Белокуриха – это один из крупнейших курортов России, который благодаря своему уникальному климату и месторасположению в горной местности не уступает Кавказу, Крыму и даже знаменитым здравницам Швейцарии, имеет федеральный статус и известен с 1803 года. Находится курорт в Смоленском районе Алтайского края, в 230 км от Барнаула и в 70 км от Бийска, на границе Бийской равнины и отрогов Чергинского хребта, в гористой местности, высота над уровнем моря – 250 м (Рис. 1).

Белокуриха сегодня – это, в некотором роде, собирательный образ: это действующий город-курорт общероссийского значения, имеющий свою историю; этим же именем назван его формирующийся спутник «Белокуриха-2» и возникающая новая градостроительная связка двух курортов «Белокуриха-1» – «Белокуриха-2», а также окрестности, сама местность с многочисленными объектами туризма, имеющими устойчивые связи с изначальным курортом.

Развитие рассматриваемой территории связано с освоением земельных, минерально-сырьевых и бальнеологических ресурсов. Центральное место занимает курортный комплекс Белокуриха, уже имеющий свою историю и складывающийся культурный код (Рис. 1).

Из истории рекреационного освоения местности

Название «Белокуриха», очевидно, произошло от постоянно наблюдавшихся в холодное время года белых паров, как бы «курившихся» в месте выхода на поверхность горячих источников с лечебными свойствами. Имеются данные, что теплые белокурихинские ключи были известны местному населению еще в XVIII в. [1; 2; 4; 5; 11].

Первые более или менее достоверные сведения о пользовании курортом относятся к 1866 г. и связываются с именами местных жителей Гудкова и рудоискателя Ивана (Семена) Никитовича Казанцева. Незадолго до этого, в 1855–1857 гг. недалеко от выхода ключей, несколько ниже по долине р. Белокуриха, было основано село Ново-Белокуриха, население которого использовало теплую воду небольшого озера, образовавшегося у места выхода источников, для хозяйственных надобностей и водопоя скота. Впоследствии на месте озера выкопали

колодец; за ним сохранилось прежнее название – Змеиный (Рис. 2; 3) [11].

Вот что написано в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона: «Ново-Белокуриха – селение Томской губернии, Бийского округа, при речке Белокурихе, в 54 верстах от города Бийска; замечательна по своим минеральным источникам. 96 жилых домов, 645 жителей. Минеральные ключи находятся в самой деревне...» [1].

Сведениями о горячих источниках заинтересовался известный сибирский исследователь С. И. Гуляев, по инициативе которого был сделан в г. Томске первый анализ воды, показавший, что в ней содержится много минеральных веществ.

В 1868 г. С. И. Гуляевым и бийским чиновником Мамонтовым на месте будущего курорта был выстроен барак в две комнаты с семнадцатью деревянными ваннами. Некоторое время источник находился в ведении Ново-Белокурихинского сельского общества, а в 1892 г. был арендован бийскими купцами, которые построили ванное здание, столовую и небольшой театр. В таком виде курорт просуществовал три года, затем сильный пожар уничтожил все сооружения. Только в 1908 г. Ново-Белокурихинское сельское общество вновь построило здание с восемью ваннами. Никакого врачебного контроля за лечением в ту пору не существовало.

Заметное развитие курорта Белокуриха начинается в годы Советской власти. В 1920-х годах на месте деревни Ново-Белокуриха был основан курортный поселок, который был передан в ведение Сибирского курортного управления. С этого же времени начинается изучение лечебных свойств радоновых вод. В 1928 г. была построена первая благоустроенная водолечебница на 24 ванны, поликлиника и санаторий на 70 мест [2; 4; 5; 11].

В довоенные годы была значительно расширена площадь курорта, построены новые здания, произведено его озеленение, разбиты аллеи, построены мостики через реку Белокуриха и проведены работы по благоустройству.

В годы Великой Отечественной войны корпуса санатория служили госпиталем для раненых. В 1942 г. сюда эвакуировали детей Всесоюзного пионерского лагеря «Артек».

^ Рис. 1. Панорама курорта Белокуриха [7]

The Resort Belokurikha – the Architectonics of Place and Trends of Territorial Planning

В послевоенные годы Западно-Сибирское геологическое управление провело в районе курорта геолого-разведочные работы, в ходе которых были обнаружены напорные термальные воды с дебитом, обеспечивающим дальнейший рост курорта. Гидрогеологические изыскания новых участков выхода термальных минеральных вод и последующее бурение скважин (1950–1960 гг.) уточнили и значительно дополнили представления о ресурсах – главного лечебно-рекреационного фактора. С 1950 г. курорт подпадает под ведение курортного управления Министерства здравоохранения РСФСР. Создаются кадры врачей и специалистов, привлекаются научные работники. В последующий период уточняются показания и противопоказания к лечению на курорте Белокуриха, разрабатываются методы лечения заболеваний, создаются новые оригинальные методики, используется комбинированное лечение с применением физиотерапии [4; 5; 11].

В советское время были детально разведаны запасы целебных вод не только в месте самой Белокурихи, но также и близ расположенных месторождений, в частности в районе поселка Искра, где сегодня формируется Белокуриха-2. В советское время также были построены крупнейшие санатории «Белокуриха», «Катунь», «Сибирь», «Россия», «Алтай», «Центросоюз» [2; 4; 5]. В постсоветский период на основе трех первых из них – санаториев «Белокуриха», «Катунь», «Сибирь» – было организовано ЗАО «Курорт Белокуриха» [6].

К настоящему времени в ареале курорта разведаны запасы целебных вод соседних месторождений, они составляют основу бальнеологического развития не только Алтайского края, Республики Алтай, Западной и Восточной Сибири, но России в целом. Эта позиция закладывается в крупнейшие градостроительные проекты, имеющие общероссийское и даже международное значение: концепция «Алтайская лечебно-оздоровительная местность», проект «Золотое кольцо Большого Алтая» и др. [10; 12].

Современный контекст. Актуальность развития курортно-лечебной отрасли

Актуальность современного развития курорта определена многими факторами. Один из них – нарастающая потребность в рекреационных и лечебно-оздоровитель-

ных услугах населения Сибири и Севера, поддерживаемая правительственными органами и государственным бюджетным финансированием.

Известно, что своевременное проведение первичной и вторичной профилактики и обязательный комплекс послелечебных реабилитационных мероприятий в настоящее время являются одним из наиболее эффективных направлений в здравоохранении, позитивно влияющих на общее состояние здоровья населения. Эффективность лечения, проводимого в санаторно-курортных учреждениях, весьма высока и позволяет заметно уменьшить число заболеваний как у взрослых, так и у детей, включая лиц, пострадавших от различных экологических катастроф.

Нарастание значения курорта дополняется еще и тем, что россияне, в наибольшей мере – граждане Сибири и близлежащих северо-восточных регионов, практически лишились возможности пользоваться услугами популярных курортов Прибалтики, Черноморского побережья Грузии, а до недавнего времени Крыма, куда ранее проводились значительные капитальные вложения из российского бюджета.

Белокуриха с позиций архитектора и наблюдателя. Архитектоника места

Официальные и неофициальные сайты гласят: курорт Белокуриха – единый «большой природный санаторий». И это, похоже, действительно так. В этом утверждении отмечается не только лечебно-оздоровительная роль здравниц, но и подчеркивается значение природно-климатических лечебных условий и живой природы как достопримечательности места.

Курорт предоставляет не только лечение, но и оздоровительный отдых высокого уровня на протяжении всего года, включая и зиму. Зимой Белокуриха также привлекательна, поскольку здесь имеются условия и многочисленные устройства для спорта и развлечений на воздухе, включая горнолыжные трассы для спуска на лыжах и сноубордах. Востребованы терренкуры, пешие и санные походы, прогулки на лошадях и на снегоходах.

С позиций урбанистики Белокуриха представляет собой развитую сеть архитектурных комплексов и объ-

^ Рис. 2. Речка Белокуриха [7]

^ Рис. 3. Змеиный колодец [7]

^ Рис. 4. Термальные источники в Белокурихе [7; 8]

^ Рис. 5. Санаторий «Белокуриха» [6; 7]

1. В отечественной гуманитарной науке опыт культурологического осмысления «архитектонического» получил воплощение в трудах М. М. Бахтина, С. С. Аверинцева, М. С. Кагана, М. С. Уварова, И. В. Кондакова, Е. А. Дробышевой, А. В. Иконникова, М. Г. Бархина, В. Ф. Чиркова и др.

В искусствоведческих исследованиях понятие «архитектоническое» рассматривается на примере «предметно-созидательных искусств», куда входит, прежде всего, архитектура (базовая составляющая), предметный мир, дизайн – все то, что составляет целостную среду повседневного бытия человека. Введение В. Л. Глазычевым в категориальный статус понятия «место» как интегративного критерия в культурологическом исследовании городского пространства дало импульс для разработки в научных исследованиях концептуальной сущности Места-явления как совокупности природных, социальных и культурных проявлений, где в роли «местообразующих» элементов могут выступать естественные или искусственные ландшафты, локальные природные или культурные феномены [8]

ектов со своими достопримечательностями; главные из них – санатории. Наиболее популярными санаториями являются: Аврора, Алтай-West, Алтайский замок, Белокуриха, Белокурь, Катунь, Родник Алтая, Россия, Сибирь, Центросоюз, Эдельвейс, Эдем (Рис. 5–8).

В зоне влияния санаториев продолжительное время, а в последние годы – весьма интенсивно формируется курортная архитектурная среда. Складываясь из очагов-ростков, она постепенно приобретает целостное пространственное воплощение. Эта среда разнолика и многоплановая.

Архитектоника места Белокурихи очень любопытна: в ней сформировалось особенное сочетание «природных» и «культурных» компонентов горных рекреационных ландшафтов, что обусловлено высокими аттрактивными свойствами природных пейзажей, полистилевой архитектурой и свойственным только этому месту культурным кодом¹. Место содержит в себе ценные ландшафтные, культурно-исторические и феноменологические проявления и обладает исторической памятью.

Культурному ландшафту Белокурихи свойственны многоплановость и исключительная живописность природных пейзажей, наличие естественных и мало преобразованных ландшафтов, присутствие множества обзорных площадок, с которых открываются завораживающие панорамные виды. А малая и большая архитектура (пожалуй, в большей мере малая, нежели большая) усиливают эстетическое восприятие культурного ландшафта; они оказывают сильное эмоциональное воздействие на отдыхающего и туриста и надолго остаются в памяти (Рис. 5–11).

Для Белокурихи характерны перепады высоты, что создает удивительное целостное впечатление. В природную архитектуру, обусловленную пластикой живописного ландшафта, гармонично «вписаны» сооружения соразмерного масштаба. Хорошими примерами служат «Змеиный колодец», а также имеющее историческую ценность, выполненное в классическом стиле старинное здание водолечебницы (Рис. 3).

Значение имеет и «фоновая» застройка, а также мелкая архитектурная пластика. Это – средовые факторы, характеризующиеся изменчивостью, но весьма значимые

для морфологии пространства города-курорта. К ним относятся не крупные архитектурные объекты, малые архитектурные формы, элементы средового дизайна: многочисленные беседки, мостики, лестницы, цветники, фонтаны, памятники и уличная скульптура, отражающие специфику курортного города.

Архитектурная среда Белокурихи, как и большинства курортов, формирующихся на протяжении длительного времени, многостилевая, эклектичная, пестрая; в ней сочетаются деревянная, каменная и созданная с использованием новых синтетических материалов. Часто встречаются комбинации первого, второго и третьего. Среди множества не крупных отелей и ресторанов запоминаются примеры сочетания дерева и природного камня с мотивами фахверковой архитектуры, зачастую вполне удачной (Рис. 10). Пестроты добавляет и сам дух современной постмодернистской эпохи.

Пешеходные пространства, перетекающие друг в друга, насыщены кафе, рестораничками, торговыми павильонами, сувенирными лавками, памятными знаками, современной садовой скульптурой, декоративными формами; очевидна тенденция формирования единой пространственно-развитой системы. В соответствии с закономерностями организации рекреационной среды в Белокурихе постепенно складывается культурное пространство курорта, изначально запрограммированного на соответствующие модели поведения: восстановление сил, отдых, досуг и вдохновение.

Тренды пространственного развития и территориального планирования

Основной ресурсной базой курорта «Белокуриха» являются термальные минеральные воды. Используемые в настоящее время азотно-кремнистые термы Белокурихинского месторождения соответствуют предельному уровню эксплуатации. По мнению курортологов², дальнейшее расширение действующего курорта «Белокуриха» и строительство объектов инфраструктуры может привести к необратимым нарушениям баланса экосистем, сложившегося в уникальной долине реки Белокуриха. Критике подвергаются мощная высокоплотная застройка территории, необоснованно широкое внедрение гор-

< Рис. 8. Курортный отель «Беловодье» [7]

< Рис. 9. Памятный знак курорту «Белокуриха – 140 лет» [6; 7]

нолыжных трасс, что влияет и на микроклимат местности, ведет к изменению роли фенот [10]. Перспективы развития курорта Белокуриха усматриваются в освоении новых лечебно-оздоровительных местностей. Интерес представляют Искровское и расположенное рядом Черновское месторождения радоновых вод.

Искровское месторождение расположено в долине реки Сычевка, в 15 км к западу от города-курорта Белокуриха, с привлекательными ландшафтами и благоприятным биоклиматом. Здесь в настоящее время разворачивается строительство курортно-рекреационного комплекса «Белокуриха-2», эксплуатация которого позволит снизить нагрузку на действующий курорт.

Строящийся поселок «Белокуриха-2» трактуется не только как курортный, но и как туристско-рекреационный кластер. Он будет включать развитую лечебную базу, туристскую инфраструктуру, а также горнолыжный комплекс с семью горнолыжными трассами. Предполагается, что новый кластер позволит удовлетворить запросы растущего числа отдыхающих, устремившихся на Алтай. В строительство кластера запланировано вложить 10 млрд. рублей, и часть из них уже вложена в инфраструктуру [2; 9] (Рис. 12).

Уже отстроенная дорога, соединяющая Белокуриху-1 с Белокурихой-2, очень живописна: с подпорными стенками, смотровыми площадками, с формирующимся придорожным сервисом (Рис. 12). По пути следования

имеется немало привлекательных мест для кратковременной остановки туристов: многочисленные арт-объекты, возведенные на пути следования туристов, созданные профессиональными художниками и дизайнерами (Рис. 13). Открыт для посещения историко-архитектурный комплекс «Андреевская слобода», воссоздающий быт XIX в. с винокурней, домом знахарки и бывшим жилым домом купца Андреева (отреставрированный). Комплекс работает с 2017 г.

Эскизное проектирование «Белокурихи-2» имеет долгую историю. Было выполнено несколько проектов. Проект, представленный на официальном сайте Алтайского края и одобренный для реализации, имеет и плюсы, и минусы. В числе недостатков можно назвать симметричную планировку, несвойственную горной местности и сильно расчлененному рельефу; пространственную несвязность и недостаточную обусловленность системы пешеходных путей. К плюсам следует отнести контекстуальное проектирование: некрупный масштаб архитектурных объектов, поселковый характер планировки и архитектурных сооружений (Рис. 12).

В Институте архитектуры и дизайна Алтайского государственного технического университета в настоящее время разрабатываются предложения по дизайну архитектурной среды Белокурихи-2. Ее стержнем предлагается сделать систему пешеходных путей, трактуемых как единое, стилистически сформированное, целостное

2. ФГБУ «Сибирский федеральный научно-клинический центр Федерального агентства медико-биологического агентства», Томск, Россия; АО «Курорт Белокуриха», Белокуриха, Алтайский край, Россия [10]

< Рис. 6. Санаторий «Алтай-West» [7]

< Рис. 7. Санаторий «Россия» [6; 7]

> Рис. 10. Эко-отель «Эхо Белокуриха», пример фахверковой архитектуры [7]

> Рис. 11. Благоустройство

3. Игровая зона предложена в Алтайском крае в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». Первоначально она проектировалась близ села Солонюк. В дальнейшем игровая зона «Сибирская монета» была создана в Алтайском районе Алтайского края. В институте архитектуры и дизайна АлтГТУ разработаны обоснования и ряд эскизных проектов этого объекта

«пешеходное пространство»: предложены комплекты уличной мебели и оборудования, система визуальных коммуникаций, включающая элементы графической навигации, жанровую и игровую скульптуру. Пешеходное пространство становится кульминацией, основой уличной сценографии курортного поселка, где происходит синтез различных направлений проектно-художественной деятельности – архитектуры, ландшафтного дизайна, монументального и декоративного искусства. Предложения способны обогатить архитектуру места.

Продолжая тему трендов пространственного развития курорта, отметим, что в несколько отдаленной перспективе возможно создание комплекса «Белокуриха-3». Основание для этого – новые разведанные месторождения на территории Смоленского района в нескольких десятках километров к западу от города-курорта Белокуриха. Вновь актуализируется важная для территориального планирования Алтайского края градостроительная ось вдоль предгорий Алтая (фрагмент между селом Солонюк и поселком Красный городок). Размещение комплекса «Белокуриха-3» возможно вблизи от живописной горной реки Песчаная и северных отрогов Чергинского хребта [10], но для этого необходимо градостроительное обоснование. Не столь давно здесь была предложена первоначальная площадка для формирования игровой зоны на территории Алтайского края.

> Рис. 12. Дорога, соединяющая Белокуриху-1 и Белокуриху-2

Существующий город-курорт «Белокуриха» в границах, обозначенных генпланом, а также комплексы «Белокуриха-2» и «Белокуриха-3» предложено организовать в качестве единой системы, обладающей статусом особо охраняемых природных территорий – «курортный район Белокуриха» с утверждением установленных границ и режима округов горно-санитарной охраны на федеральном уровне [10].

В последние годы поток отдыхающих и туристов на Алтай существенно увеличился. Так, согласно рейтингу, составленному агентством «ТурСтат», Алтайский край вошел в число десяти самых востребованных российских регионов в сфере внутреннего туризма [3]. Важна включенность курорта Белокуриха в проекты территориального развития российского Алтая, и более того, в проекты туристической системы Большого Алтая, соединяющего четыре страны: Россию, Монголию, Казахстан, Китай [11–14].

Одно из масштабных предложений, направленных на соединение туризма и оздоровление человека, – это градостроительная концепция Алтайской лечебно-оздоровительной местности, где курортному региону Белокуриха отводится заметная роль. Алтайская лечебно-оздоровительная местность (АЛОМ) обозначена в пределах северного макросклона Алтая в границах трех административных районов – Алтайского, Смоленского и Солонешенского [12]. Белокуриха расположена в срединной их части. Эти административные районы обладают исключительно высоким рекреационным потенциалом, что расширяет возможности развития различных видов туризма в соединении с лечением и оздоровлением человека. Любопытно, что это соединение наблюдается уже сегодня. Близость уникальных природных и культурно-исторических объектов соседних с Белокурихой Алтайского, Смоленского и Солонешенского районов (красивейшие панорамы гор, пещеры, водопады, горные озера, многочисленные памятники природы и истории, а также наличие туристических комплексов, баз, кемпингов, привалов для туристов) способствует развитию курорта Белокуриха, расширению арсенала предоставляемых им услуг.

< Рис. 13. Арт-объекты вдоль дороги, соединяющей Белокуриху-1 и Белокуриху-2

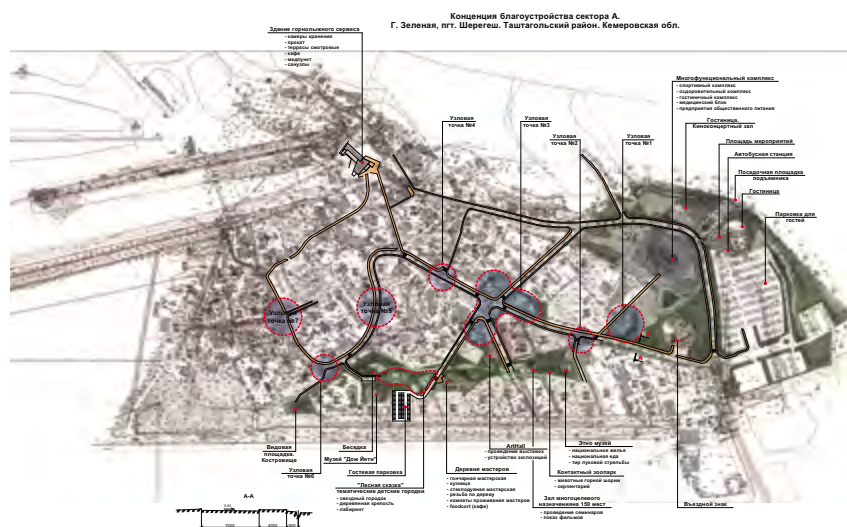
Литература

1. Ново-Белокуриха // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб., 1890–1907
2. Белокуриха [Электронный ресурс]. – Википедия – Свободная энциклопедия. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Белокуриха>
3. Алтайский край вошел в топ-10 самых популярных у туристов регионов России в 2016 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.visitaltai.info/more_categories/news/9010/
4. Казначеев В. П., Чернявский Е. Ф. Курорт Белокуриха. – Барнаул, 1975. – 151 с.
5. Остапов А. Д., Бенгардт А. А. Белокуриха: Лечебные факторы и история развития курорта. – Барнаул, 1992. – 112 с.
6. ЗАО «Курорт Белокуриха»: Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.altairegion22.ru/info/tour/belokuriha/razmeshie/zao_belokuriha/
7. Курорт Белокуриха. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yandex.ru/images/search?text=курорт%20белокуриха%20официальный%20сайт&stype=image&lr=197&source=wiz>
8. Белокуриха-2. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://yandex.ru/images/search?pos=70&p=2&img_url=https%3A%2F%2Fs.rdm.ru%2F1%2Fpubs%2F4%2F34118%2F1861804.jpg&text=белокуриха%20%20официальный%20сайт&lr=197&rpt=simage
9. Poydina T. V., Pomorov S. B. Architectonics of Place: Architectural and Artistic Aspects of Studing the Cultural Landscape of a Resort City (by the Example of Pyatigorsk) // International Journal of Civil Engineering and Technology (IJCIET), Volume 9, Issue 5, May 2018, pp. 1213–1222
10. Джабарова Н. К., Яковенко Э. С., Сидорина Н. Г., Коханенко А. А., Воробьев В. А., Зайцев А. А., Коваленко Т. С., Жилияков И. В. Перспективы развития Белокурихинской курортной зоны Алтайского края // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. – 2016. – № 2. – С. 43–47
11. Ревякин В. С., Поморов С. Б., Вдовин Н. Ф. Белокурихинская лечебно-оздоровительная местность. – Барнаул: Изд-во НИИ горного природопользования АлтГТУ, 1997. – 154 с.
12. Алтайская лечебно-оздоровительная местность (бизнес-проект)/Ревякин В. С., Поморов С. Б., Вдовин Н. Ф., Ревякина Н. В., Швецов А. Я. и др. – Барнаул: Изд-во НИИ горного природопользования, 2000. – 194 с.
13. Харламова Н. Ф., Романова А. Н., Винокуров Ю. И., Харламов С. В. Туристические ресурсы Алтайского края. – Барнаул: АЗБУКА, 2011. – 178 с.

14. Поморов С. Б., Поползина Т. М., Михаилиди И. М., Черникова О. А., Поморов Ф. С., Шишин М. Ю. Трансграничный Большой Алтай: оценка природного и историко-культурного потенциала для архитектурно-градостроительного проектирования. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2015. – 211 с.

References

- Altaysky kraj voshel v top-10 samykh populyarnykh u turistov regionov Rossii v 2016 godu [Altai Krai entered the top 10 most popular tourist regions of Russia in 2016]. (2017, February 9). Retrieved from: http://www.visitaltai.info/more_categories/news/9010/
- Belokurikha. (n.d.). Retrieved from the Wikipedia: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Белокуриха>
- Belokurikha-2 ofitsialnyi sait [Belokurikha 2 official website]. (n.d.). Retrieved from: https://yandex.ru/images/search?pos=70&p=2&img_url=https%3A%2F%2Fs.rdm.ru%2F1%2Fpubs%2F4%2F34118%2F1861804.jpg&text=белокуриха%20%20официальный%20сайт&lr=197&rpt=simage
- Dzhabarova, N. K., Yakovenko, E. S., Sidorina, N. G., Kokhanenko, A. A., Vorob'ev, V. A., Zaitsev, A. A., Kovalenko, T. S., Zhilyakov, I. V. (2016). Perspektivy razvitiya Belokurikhinskoi kurortnoi zony Altaiskogo kraja [Prospects for the development of Belokurikhinskaya resort zone of the Altai territory]. Questions of balneology, physiotherapy and medical physical culture, 2, 43-47.
- Kaznacheev, V. P., & Chernyavsky, E. F. (1975). Kurort Belokurikha [Resort Belokurikha]. Barnaul.
- Kharlamova, N. F., Romanova, A. N., Vinokurov, Yu. I., & Kharlamov, S. V. (2011). Turisticheskie resursy Altaiskogo kraja [Tourist resources of the Altai territory]. Barnaul: AZBUKA.
- Kurort Belokurikha ofitsialnyi sait [Belokurikha resort official website]. (n.d.). Retrieved from: <https://yandex.ru/images/search?text=курорт%20белокуриха%20официальный%20сайт&stype=image&lr=197&source=wiz>
- Novo-Belokurikha. (1890-1907). In the Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary (86 vols; 82 vols and 4 additional). SPb.
- Ostapov A. D., & Benhardt, A. A. (1992). Belokurikha: lechebnye factory i istoriya razvitiya kurorta [Belokurikha: medical factors and history of the resort]. Barnaul.
- Pomorov, S. B., Popolzina, T. M., Michailidis, I. M., Chernikova, O. A., Pomorov, F. S., & Shishin, M. Yu. (2015). Transgranichnyi Bolshoi Altai: otsenka prirodnogo i istoriko-kulturnogo potentsiala dlya arkhitekturno-gradostroitel'nogo proektirovaniya [Transboundary Greater Altai: assessment of natural and historical-cultural potential of architecture and urban design]. Barnaul: publishing house of Altai State Technical University.
- Poydina, T. V., & Pomorov, S. B. (2018, May). Architectonics of place: architectural and artistic aspects of studying the cultural landscape of a resort city (by the example of Pyatigorsk). International Journal of Civil Engineering and Technology (IJCIET), 9(5), 1213-1222.
- Revyakin, V. S., Pomorov, S. B., & Vdovin, N. F. (1997). Belokurikhinskaya lechebno-ozdorovitel'naya mestnost' [Belokurikhinskaja medical-improving district]. Barnaul: publishing house of Institute of Mining and Environmental Management, Altai State Technical University.
- Revyakin, V. S., Pomorov, S. B., Vdovin, N. F., Revyakina, N. V., Shvetsov, A. Ya., et al. (2000). Altai lechebno-ozdorovitel'naya mestnost' (biznes-proekt) [Altai health-improving area (business project)]. Barnaul: Institute of mining of natural resources.
- ZAO "Kurort Belokurikha" [CJSC Belokurikha Resort]. (2010, April 29). Retrieved from: https://www.altairegion22.ru/info/tour/belokuriha/razmeshie/zao_belokuriha/

Описывается сложившаяся ситуация с застройкой на горнолыжном курорте Шерегеш и существующие предложения по благоустройству территории. Подчеркивается важность создания единой благоприятной среды для отдыха туристов и значение вопросов транспортных и пешеходных связей всей существующей застройки. Предлагается вариант комплексного планирования курортного городка.

Ключевые слова: горнолыжный курорт Шерегеш; благоустройство территории; туристический бизнес; общественные пространства. /

The article describes the development of the Sheregesh Ski Resort and the proposals for the improvement of the territory. It points out the necessity of creating a common milieu favourable for tourists, as well as the importance of transport and pedestrian links of the existing built-up area. A complex resort town project is proposed.
Keywords: Sheregesh Ski Resort; land improvement; travel business; public spaces.

Концепция развития сектора «А» курортной зоны Шерегеш /

текст
Вера Тен /
text
Vera Ten

Горнолыжный курорт Шерегеш расположен на юге Кузбасса, в Горной Шории. Здесь действуют более 220 объектов туристической инфраструктуры. С 2000 года в создание комплекса уже вложено более 14 млрд. рублей инвестиций. За прошлый горнолыжный сезон турком-плекс посетили более 1 млн. человек, и с каждым годом популярность этой территории увеличивается, приобретая всесезонный характер.

Застройка территории курорта велась хаотично, хотя разнообразные концепции утверждались неоднократно. В конце 2017 года было принято решение привлечь квалифицированных специалистов для разработки программы благоустройства курорта. В рамках этой программы по каждому объекту турбизнеса предполагалось выполнить комплекс мер и регламентов для создания единой благоприятной среды для отдыха туристов. Работа не была реализована в том объеме, как изначально планировалось, но тем не менее, она была частично осуществлена.

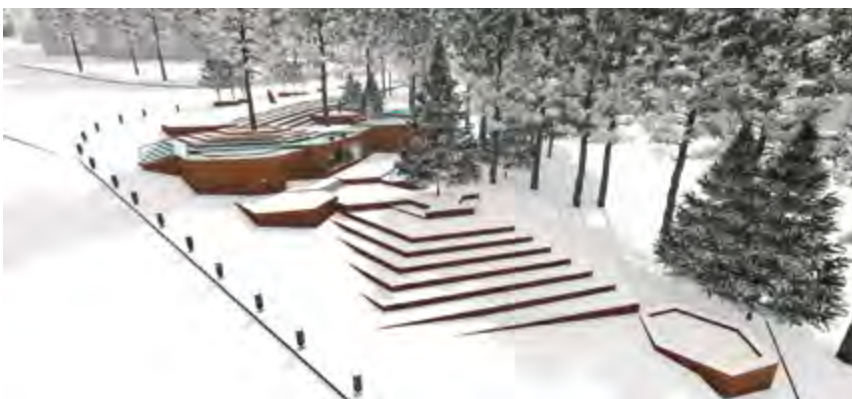
Наш проект предлагал благоустройство самой застроенной части курортной зоны – сектора «А». Он являлся неофициальной частью проекта планировки и межевания этой территории, который еще не утвержден.

В концепции благоустройства и совместного развития территорий сектора «А» с объектами социально-культурной инфраструктуры сделана попытка решить вопросы транспортных и пешеходных связей всей существующей

застройки. Предложено несколько вариантов решения свободных от межевания площадок и выполнены предложения по пересмотру границ уже застроенных участков. Стихийность и бессистемность застройки большей части территорий усложняли выполнение работ по инженерно-коммуникационной и транспортной инфраструктуре, по систематизации территорий с общественными пространствами и их благоустройству. А именно эти факторы – важнейшие элементы повышения притягательности курортных центров для туристов.

В концепции проекта предлагается рассмотреть семь участков зонирования. Все зоны соединены активными пешеходными связями и узловыми точками, где возможна концентрация всесезонной активности – «точек кипения». В разработках элементов благоустройства учтены особенности природного ландшафта и рельефа горы, обозначены перспективные площадки для благоустройства. В разработке концепции системы благоустройства участвовали ее непосредственные потребители – архитекторы-горнолыжники, члены Новокузнецкой команды лыжного клуба России, что повышает ее результативность. Длительное наблюдение за территориями в различные сезонные периоды выявило потребность планирования курортного городка со своей спецификой использования. Конечно, в существующем земельном и градостроительном законодательстве имеются пробелы при проектировании в сложившейся застройке; и тут важна роль сообщества, желающего развивать территорию комплексно, общими усилиями. Архитектор выступает в роли дирижера и стратегического менеджера, обосновывающего выгоду для каждого застройщика и территории в целом. Неоднократно команде архитекторов во главе с руководителями проекта концепции Антоном Теном и Александром Бричевым приходилось убеждать крупных инвесторов и представителей малого бизнеса в перспективах совместного роста. Концепция утверждена, но на различных уровнях дискуссии еще идут.

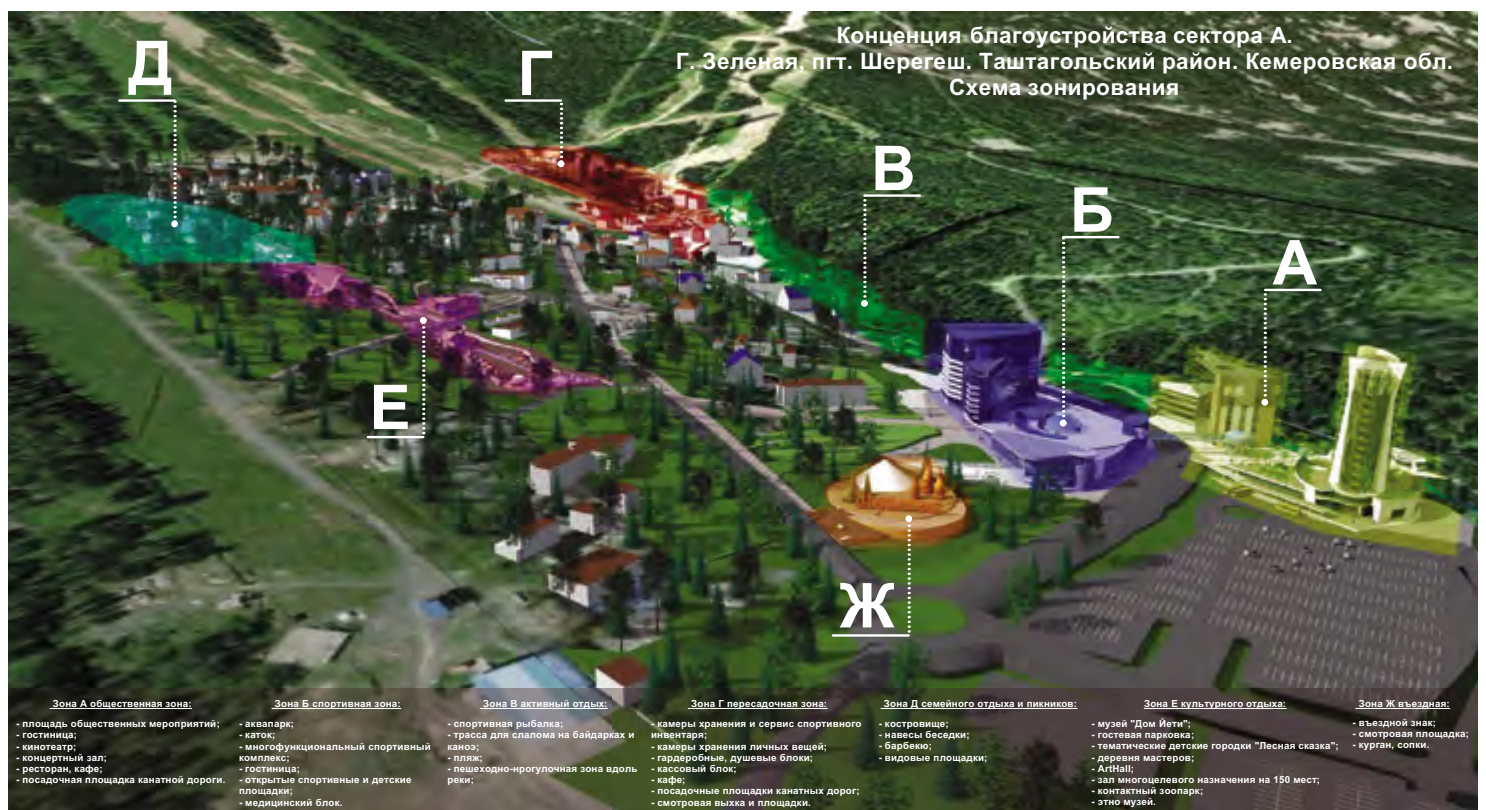
Теперь есть надежда, что будет выполнена доработка концептуальных решений, дающих возможность создания комфортных пешеходных связей, качественного и самобытного благоустройства всего сектора «А» курортной территории Шерегеш.

Авторы
Антон Тен
Александр Бричев
Сергей Кравченко

The Development Concept of the Sector A of the Sheregesh Resort Area

АРХИГЕШ-2019 и здоровье профессии АРХИТЕКТОР /

текст
Елена Григорьева /
text
Elena Grigoryeva

Активно развивающийся горнолыжный курорт Шерегеш за последние десять лет зарекомендовал себя как настоящее МЕСТО СИЛЫ, ежегодно в конце марта притягивающее архитекторов Сибири, Урала и окрестностей. Его деловая программа на этот раз была сосредоточена на проблемах архитектурного цеха в период затянувшейся перестройки профессии. На конференции шел серьезный разговор о здоровье профессии АРХИТЕКТОР. При этом прогнозы и диагнозы звучали неутешительные: состояние профессии в правовом поле новейшего российского законодательства продолжает ухудшаться. Надежды на совершенствование Федерального закона «Об архитектурной деятельности» оказались напрасными: никакого продвижения не наблюдается, несмотря на совместные усилия Союза архитекторов России, НОПРИЗа и Академии. В обсуждении проблем проектного дела в России, инициированном генеральным спонсором – Национальным объединением проектировщиков

и изыскателей – приняли участие архитекторы Новокузнецка, Кемерово, Томска, Новосибирска, Омска, Тюмени, Екатеринбурга, Иркутска и Москвы.

В завершение двухдневной деловой программы были представлены презентации Павла Андреева и молодых московских архитекторов. По заявкам участников конференции состоялся рассказ Елены Григорьевой о большом сибирском проекте «Иркутские кварталы» с последующим обсуждением.

Ну, а начинался фестиваль, как всегда, с праздника открытия. Медали памяти Владимира Бородкина вручили Владимиру Брусницыну из Екатеринбурга, который участвует в советских и международных чемпионатах с 1970 года, и президенту ЛКА Антону Тену, возродившему движение архитекторов-горнолыжников в современной России.

ТЕАТР – тема представлений команд-участниц форума АРХИГЕШ-2019, конечно, не случайно была задана орга-

> В центре – модератор конференции Александр Седиков (Томск), слева представитель НОПРИЗ Александр Панов (Новосибирск), справа – вице-президент Союза архитекторов России Елена Григорьева (Иркутск)

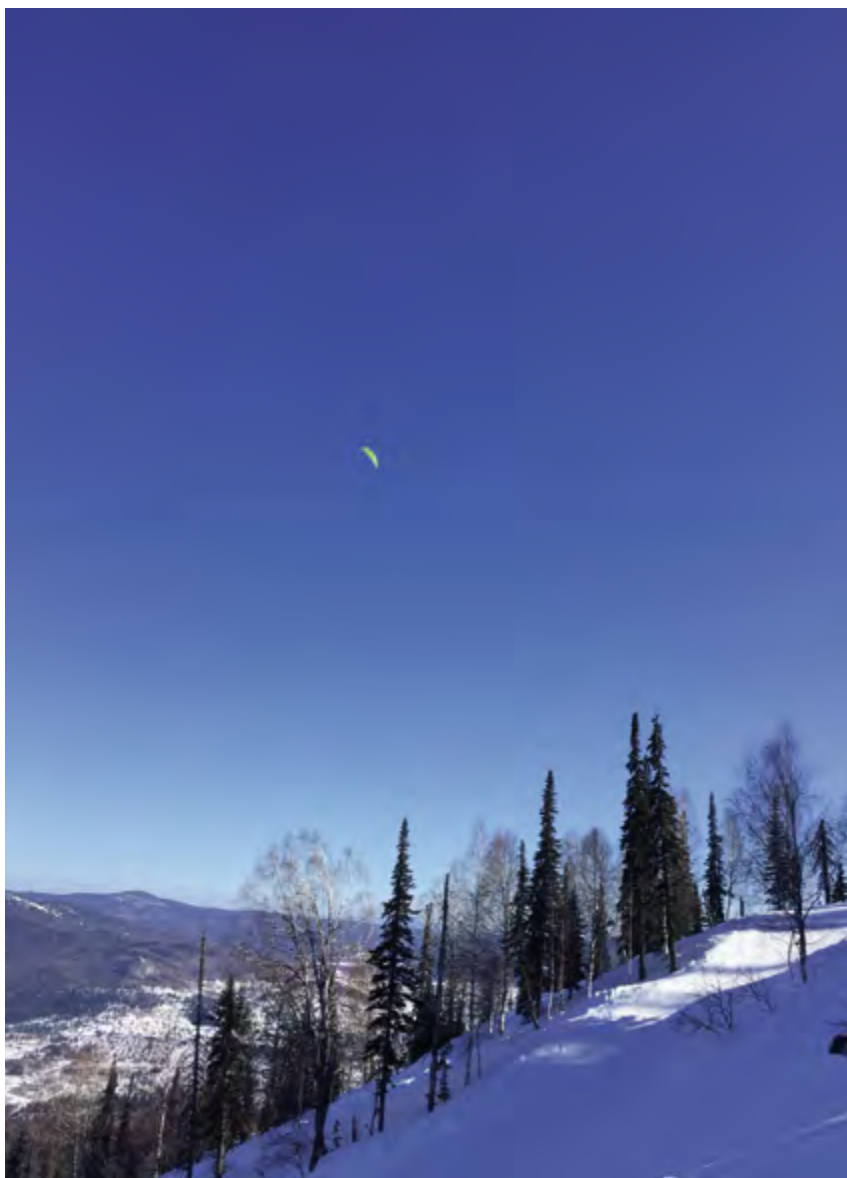
ARCHIGESH 2019 and Health of the ARCHITECTURAL Profession

низаторами, архитекторами Новокузнецка. И, наверное, год ТЕАТРА в России был только первоначальным поводом. Профессия АРХИТЕКТОР родственна и актерской, и режиссерской. Как режиссер – архитектор некоторым образом программирует сценарии жизни своих клиентов, помещая их в пространства своих объектов. Как актер – в процессе проектирования перевоплощается каждый раз в тех, для кого работает, вникает в их образ жизни, работы и отдыха. Проектируя школу, становится учителем и учеником, поваром и уборщицей, работая над университетом – студентом и ректором... И так в каждом новом объекте.

Именно поэтому роль архитектора в нашем обществе трудно переоценить. Но легко недооценить (и эта тема прозвучала сразу в нескольких спектаклях).

По той же причине (родство профессий актера, режиссера и архитектора) капустники архитекторов всегда самые лучшие.

v Архитектор Павел Андреев (Москва)

^ Екатеринбургская команда с ремейком «Золотого ключика». В роли Пьеро – Анна Яценко, призер чемпионата по лыжам и теннису

^ В этой династии сразу три абсолютных чемпиона – Константин Крайний и его дочь Дарья (горные лыжи), Игорь Саяпин (сноуборд). Подрастающее поколение выходит на награждение вместе с чемпионами-родителями и дедом

АБСОЛЮТНЫЕ ЧЕМПИОНЫ

ГОРНЫЕ ЛЫЖИ СЛАЛОМ

Крайний Константин, Новокузнецк
Саяпина Дарья, Новокузнецк

СНОУБОРД СЛАЛОМ

Саяпин Игорь, Кемерово
Ананьева Юлия, Новокузнецк

ГОРНЫЕ ЛЫЖИ СЛАЛОМ

Мужчины старше 60

1. Крайний Константин, Новокузнецк
2. Киселев Валерий, Новокузнецк
3. Бричев Александр, Новокузнецк

Женщины старше 55

1. Ольга Оголь, Кемерово
2. Яценко Анна, Екатеринбург
3. Власова Светлана, Екатеринбург

Мужчины 50–60

1. Седачев Андрей, Омск
2. Конаков Олег, Новокузнецк
3. Зыков Сергей, Кемерово

Женщины 45–55

1. Бойвидова Инесса, Новосибирск
2. Горенинская Татьяна, Новокузнецк
3. Отставнова Юлия, Москва

Мужчины 35–50

1. Путилов Антон, Москва
2. Трубников Евгений, Новосибирск
3. Редькин Александр, Новокузнецк

Женщины 35–45

1. Трубникова Елизавета, Новосибирск
2. Филатова Марина, Новокузнецк
3. Маскаленко Екатерина

Мужчины до 35

1. Зуев Сергей, Екатеринбург
2. Соловьев Игорь, Москва

Женщины до 35

1. Саяпина Дарья, Новокузнецк
2. Седачева Ксения, Екатеринбург
3. Коркунова Наталья, Новосибирск

v Тюменцы блеснули в актуальном жанре индийского кино с лихо закрученной интригой

v Новосибирская версия античного театра: актуализирован миф о Прометее

^ Новоиспеченная чемпионка в одной из номинаций Ольга Оголь (Кемерово)

^ Кемеровчане – щеглы на карнавале, завершающем неделю АРХИГЕША

СНОУБОРД СЛАЛОМ

Мужчины старше 45

1. Бежанов Павел, Барнаул
2. Гусамов Фил, Екатеринбург

Женщины старше 45

1. Адамова Елена, Екатеринбург

Мужчины 35–45

1. Гмызин Артем, Алтай
2. Березин Илья, Москва
3. Воронель Вадим, Новосибирск

Мужчины до 35

1. Зыков Иван, Кемерово
2. Демидов Иван, Москва
3. Бричев Александр, Новокузнецк

Женщины до 35

1. Ананьева Юлия, Новокузнецк
2. Бежанова Анастасия, Барнаул
3. Артамонова Алина, Новокузнецк

v Кузнечики из Новокузнецка потрясли искушенных зрителей оперой-буффонадой «Муха-цокотуха» с элементами балета. Нельзя не отметить приму этого прославленного коллектива – Павла Тиманова: роль Мухи-цокотухи достойно продолжает череду шедевров перевоплощений, среди которых незабываемая Кончита Вурст

БИЛЬЯРД

1. Селянин Олег, Екатеринбург
2. Фахрутдинов Максим, Кемерово
3. Брусницын Владимир, Екатеринбург

НАСТОЛЬНЫЙ ТЕННИС

Мужчины

1. Зуев Сергей, Екатеринбург
2. Тиманов Павел, Новокузнецк
3. Киселев Валерий, Новокузнецк

Женщины

1. Свитич Людмила, Новокузнецк
2. Григорьева Елена, Иркутск
3. Яценко Анна, Екатеринбург

All the World's a Stage
And all the men and women merely players
They have their exits and their entrances
And one man in his time plays many parts

Весь мир театр
В нем женщины, мужчины – все актеры
У них свои есть выходы, уходы
И каждый не одну играет роль

Из пьесы Вильяма нашего Шекспира
«Как вам это понравится»

v Спонсор АГС привез на форум сборную молодых московских архитекторов из нескольких известных проектных бюро. На открытии они представили команду Столичная-Московская (удачный ремейк песни «Москва майская» – Кипучая-Могучая)

На примере одного из памятников архитектуры г. Иркутска рассматривается немаловажный для архитектурного проектирования вопрос о влиянии общей парадигмы стиля модерн начала XX века на творчество отдельного автора; заимствование, использование, интерпретация приемов и методов стиля в условиях провинциального проектирования и строительства. Анализируется композиция главного фасада. Выявляется степень влияния петербургского модерна. Приводятся местные и столичные аналоги. Дается историко-культурная оценка объекта. Высказывается предположительное авторство иркутского архитектора В. Коляновского. **Ключевые слова:** стиль модерн в архитектуре; памятник архитектуры; градостроительный контекст; архитектурная композиция; архитектурное проектирование; творческие приемы и методы. /

Using the example of one of the monuments of architecture in Irkutsk, the article reviews the impact of the common paradigm of the modern style of the early XXth century on the creative work of a certain author, as well as borrowing, use and interpretation of techniques and methods of the style in the context of provincial design and building. The article analyses the composition of the main façade. It reveals the impact of St. Petersburg modern and provides the local and the capital equivalents. It assesses a historical and cultural value of the site. It is supposed that the authorship of the project belongs to Irkutsk architect V. Kolyanovsky.

Keywords: the modern style in architecture; monument of architecture; urban context; architectural composition; architectural design; creative techniques and methods.

^ Рис. 1. Фрагмент реестрового плана г. Иркутска 1929 г. Рассматриваемая усадьба обозначена № 9 (нумерация по ул. 1-й Солдатской)

Здание электро-свето-водо-грязелечебницы И. П. Михайловского /

ТЕКСТ

Александр Ладейщиков
Елена Ладейщикова /
text
Alexander Ladeishchikov
Elena Ladeishchikova

В воспоминаниях путешественников рубежа XIX–XX веков встречается довольно лестное для иркутян сравнение Иркутска с Петербургом. На первый взгляд это кажется странным. В отличие от северной столицы Иркутск не обладает регулярной градостроительной структурой, имеет совершенно иной масштаб, и его городская ткань была в основном сформирована дискретной деревянной застройкой.

Безусловно, о «столичности» напоминают несколько фрагментов непрерывной каменной застройки центральных улиц*. Но не в меньшей степени такое сопоставление могло быть навеяно и восприятием отдельных архитектурных построек, что в ряде случаев имеет под собой веское основание. В полной мере его можно отнести к небольшому элегантному двухэтажному каменному особняку по ул. Лапина, 8 лит. А. Постройка незаслуженно обойдена вниманием исследователей, тем не менее, это один из интереснейших образцов стиля модерн с выраженным влиянием его петербургской ветви. Известно, что в начале XX века здесь располагалась электро-свето-водо-грязелечебница доктора И. П. Михайловского.

В структуре города местоположение этого объекта довольно удачное: в непосредственной близости от центральных улиц Амурской (Ленина) и Большой (Маркса), но вне территории дорогих участков (цена за квадратную сажень на Большой улице в 10 раз превышала стоимость земли на Солдатской). Интересно и положение здания: оно было построено в довольно узкой жилой усадьбе, выходящей на две улицы – Лапина (2-я Солдатская) и 1-ю Красноармейскую (1-я Солдатская) и занимает всю линию домовладения по ул. 2-й Солдатской (Рис. 1).

Изначально усадьба была ориентирована на 1-ю Солдатскую улицу, где находился главный въезд; здесь же вскоре после крупного городского пожара 1879 г. был построен одноэтажный деревянный жилой дом.

Появившееся много позже двухэтажное каменное здание было построено для сдачи внаем, а потому намеренно ориентировано в противоположную от жилых построек сторону. Точно неизвестно, строилось ли оно сразу же под клинику или же И. П. Михайловский купил уже готовую постройку и приспособил для этих целей, но очевидно, что здание изначально предназнача-

лось для автономного функционирования от остальных усадебных построек. Об этом свидетельствует и расположение его на участке, и неравнозначная пластическая проработка фасадов, и организация входов.

Назначение и расположение здания в определенной степени обусловили его объемно-композиционное построение. Компактная двухэтажная на полуподвале Г-образная в плане постройка состоит из основного уличного объема, поставленного вдоль ул. Лапина и небольшого дворового крыла, вытянутого вдоль правой боковой межи участка. В месте примыкания объемов для лучшего освещения угловых помещений устроен «вынутый» угол.

Такая объемно-планировочная структура зданий характерна для доходного домостроения Иркутска. Она продиктована требованиями Строительного устава, стремлением хозяина к максимальному использованию территории и не является приметой того или иного стиля.

Аналогичные приемы можно встретить и в деревянных постройках.

Как уже упоминалось, дом поставлен непосредственно у обеих боковых межей. Поэтому оба его боковых фасада были глухими, так как в соответствии с нормами Строительного устава запрещалось делать окна и двери, обращенные непосредственно на соседний участок (Рис. 2). Дворовой фасад не имел декора и, если не считать крупных высоких оконных проемов, его сложно отнести к какому-либо стилистическому направлению.

Декоративно проработан лишь главный фасад здания, выходящий на ул. Лапина. В основе его композиции – асимметрия, вполне свойственная модерну. Но, как и в «северном модерне» (этой ветви стиля придерживались архитекторы Петербурга) сбивка симметрии едва заметна и композиционно уравновешена. Фасад фланкирован двумя ризалитами, незначительно различающимися по ширине и высоте, завершенными пологими лучковыми фронтонами, также различающимися по очертаниям. При этом каждая из трех частей фасада (ризалиты и стена между ними) сама по себе симметрична.

В левом ризалите устроен парадный вход под однокатным навесом на ажурных металлических кронштейнах и высокий оконный проем парадной лестницы; в правом, более широком ризалите в уровне первого

* В целях борьбы с пожарами строительство деревянных зданий на улицах Большая (ул. К. Маркса), Пестеревская (Урицкого), Ленина (Амурская), Ивановская (Пролетарская), Тихвинская (Сухэ-Батора) было запрещено постановлением городской думы от 11 апреля 1883 г.

в Рис. 2. Фото 1910 г. Электро-свето-водо-грязелечебница д-ра И. П. Михайловского в г. Иркутске, соб. д. 2-я Солдатская ул. (сохранена редакция рекламного объявления). Примыкающие по сторонам одноэтажные деревянные постройки находятся в соседних усадьбах

^ Рис. 3. Фото 1994 г. Общий вид со стороны ул. Лапина

The Building of I. P. Mikhailovsky Institution for Electro-Photo-Hydro-Mud Therapy

этажа находится широкий прямоугольный оконный проем, в уровне второго – оконный проем сложной формы с центральной дверью, ведущей на небольшой балкон.

Свойственный петербургскому модерну «контекстуализм» проявляется весьма своеобразно: фасад решается как часть непрерывной периметральной каменной застройки улицы, хотя еще довольно долго каменный объем стоял обособленно в окружении невысоких деревянных строений. Предполагаемое положение здания в ряду «равных» определило и сдержанный характер декора.

В целом оформление фасада достаточно лаконично, в нем отсутствует свойственная раннему модерну прихотливая декоративность. Стремление мастеров модерна создавать несколько уровней «маштабирования» для перехода от всей массы здания к мелким деталям при желании автора усложнять композицию установочно рядового здания башенками, портиками или эркерами привело к спокойному, но выразительному решению.

В основе оформления положена довольно жесткая система вертикальных и горизонтальных членений, дополненная рядом декоративных приемов. Так, расположенные в средней части фасада (между ризалитами) оконные проемы обоих этажей, их подоконные и надоконные поля, заполненные нишами разной формы, объединены попарно по вертикали и окантованы рамками. Эти одинаковые по размерам и форме окна, расположенные с равными интервалами, воспринимаются не по отдельности, а как часть общей вертикальной композиции. Таким образом сгруппированные детали, став одним целым, смогли в своей линейке масштабов заменить эркеры, башенки и тому подобное.

В ризалитах же каждое окно «индивидуализировано», хотя все проемы также объединены композиционно по вертикали. Вытянутый высокий оконный проем лестничного блока в левом ризалите как бы противопоставлен более широкому окнам правого ризалита, в оформлении которых преобладают горизонтальные членения, усиленные небольшим балконом.

В оформлении фасада использован характерный для модерна эффект контрастного сопоставления фактур: открытой кирпичной кладки и оштукатуренных поверхностей гладких и рельефных «под шубу».

Главный фасад имеет трехчастное членение по высоте: выделен цоколь, основная и венчающая части. Каждая из этих частей имеет свою фактурную и цветовую проработку. Рельефный песчаниковый цоколь (позже оштукатурен) контрастировал с поверхностью стены, кирпичная кладка которой имела тонкую обмазку, не скрывавшую швы, и последующую окраску; венчающая часть гладко оштукатурена и окрашена в светлый тон. При этом венчающая часть не отделяется жестко какими-либо горизонтальными членениями, ее выявление выполнено более тонко – изменением в отделке. В уровне условно выделенного гладкого фриза помещены ниши двух типов, отделанные штукатуркой «под шубу», выполненной из речной гальки. В пределах ризалитов уровень первого этажа также дополнительно отделан фактурной штукатуркой «под шубу». Материал в отделке фасадов привлекал особое внимание петербургских мастеров. В основном они использовали естественный камень, любили выявлять его декоративные свойства. В условиях Иркутска дефицит камня, да и, видимо, недостаточно

^ Рис. 3а. Фото 1994 г. Общий вид со стороны двора

^ Рис. 4. Главный фасад. Фото 2006 г. Вид дома до реконструкции 2010 г.

**Реставрационная пред-проектная и проектная документация. Комплексные научные исследования. Т. 2, кн. 5. – 000 «Архитектурная фирма Н. Жуковского»

высокий достаток заказчика вынудили архитектора максимально использовать декоративные возможности штукатурки.

Одна из композиционных особенностей фасада – все элементы до венчающей части подчинены прямоугольной сетке, а в венчающей части основную тему задают уже пластические формы. Объединяющими элементами служат «срезанные» (на подобие фасок) углы ризалитов.

Архитектуру фасадов удачно дополняют металлические элементы декора, также выполненные в стилистике модерна и на высоком профессиональном уровне: решетки ограждения лестниц (Рис. 6.), балконов, кронштейны козырька над главным входом, а также более скромные по рисунку строгие решетки приямков (возможно, поновлены).

v Рис. 6. Решетка парадной лестницы. Фото 2006 г.

Более прямую связь с петербургским модерном можно увидеть в деталях, в том числе и утраченных.

При всех изменениях, проходивших за годы эксплуатации, фасады сохранили большую часть первоначальных деталей и элементов оформления. Однако некоторые из них утрачены полностью: первоначальная система водосливов на главном фасаде; решетка ограждения в уровне кровли; кронштейны, поддерживающие балкон; столбики балконного ограждения. Полностью изменено колористическое решение фасадов. В ходе последней реконструкции изменена конфигурация крыши над основным уличным объемом.

В ходе подбора исторических аналогов для воссоздания этих утраченных элементов была выявлена постройка, отдельные приемы и элементы которой явно послужили прототипом для исследуемого здания – особняка М. Кшесинской в Санкт-Петербурге (1904–1906 гг.) архитектора Александра фон Гогена.

На фотографии 1910 г. иркутского здания отчетливо видны треугольные кронштейны, поддерживающие балкон, и довольно объемные угловые и пристенные столбики ограждения (Рис. 7).

Аналогичное решение можно увидеть на западном фасаде особняка Кшесинской в Санкт-Петербурге (Рис. 8).

Балкон иркутской постройки гораздо меньше своего прототипа, но принцип устройства один и тот же – массивные треугольные кронштейны, поддерживающие балконную плиту по бокам; объемные угловые столбики ограждения (Рис. 9.). Рисунок решетки балкона исследуемого здания является как бы упрощенной вариацией прототипа (Рис. 10), хорошо читаемого на чертеже 1905 г. (Рис. 11). К настоящему времени ограждение балкона сохранилось с утратами – отсутствуют угловые и пристенные столбики ограждения, перила, полностью утрачены кронштейны.

Нестандартно решен венчающий карниз, расположенный в средней части фасада между ризалитами. Плоская карнизная плита выполнена в виде сильно вынесенного козырька со сквозными отверстиями для водосточных труб по краям и скругленными углами (Рис. 12).

Аналогичное решение карниза с такими же водосливами присутствует и в особняке Кшесинской (Рис. 13),

v Рис. 5. Главный фасад. Фото 2014 г.

^ Рис. 8. Особняк М. Кшесинской в Санкт-Петербурге (1904–1906 гг.) архитектора Александра фон Гогена. Современный вид. На фотографии обозначены балкон и карниз с водосливом, проходящим сквозь карнизную плиту

но в Иркутске такой прием встречается довольно редко, является предметом охраны и подлежит воссозданию. Аналогичный способ устройства водосливов использован в здании приюта купца Родионова (1910 г.) по ул. Дзержинского, 43 архитектора В. Коляновского (Рис. 14). На одном из фасадов этого здания сохранились действующие водосливы, которые могут служить аналогом для воссоздания на исследуемой постройке.

Первоначальное колористическое решение отличается от существующего. Согласно зондажам, проведенным в рамках специальных инженерно-технологических исследований**, в средней части фасада – по кирпичной кладке с оформленными швами – выполнена тонкая обмазка с последующей покраской серым цветом; гладкая штукатурка – светлый беж; профилированный штукатурный декор – светло-серый; штукатурка «под шубу» и вставки – из мелкой речной гальки серо-бурого цвета; цоколь – из серо-желтого песчаника.

В оформлении использовано контрастное сопоставление цветов отдельных частей при общей серо-песочной

гамме с активными акцентами темного серо-бурого цвета речной гальки.

В целом общее колористическое решение также близко особняку Кшесинской. Аналогов в застройке Иркутска не имеется.

Учитывая материальное положение заказчика, недостаточно высокое для оплаты услуг столичного архитектора, можно предположить, что автором был иркутский мастер. Вероятнее всего – В. Коляновский, но более точная идентификация требует дальнейших исследований.

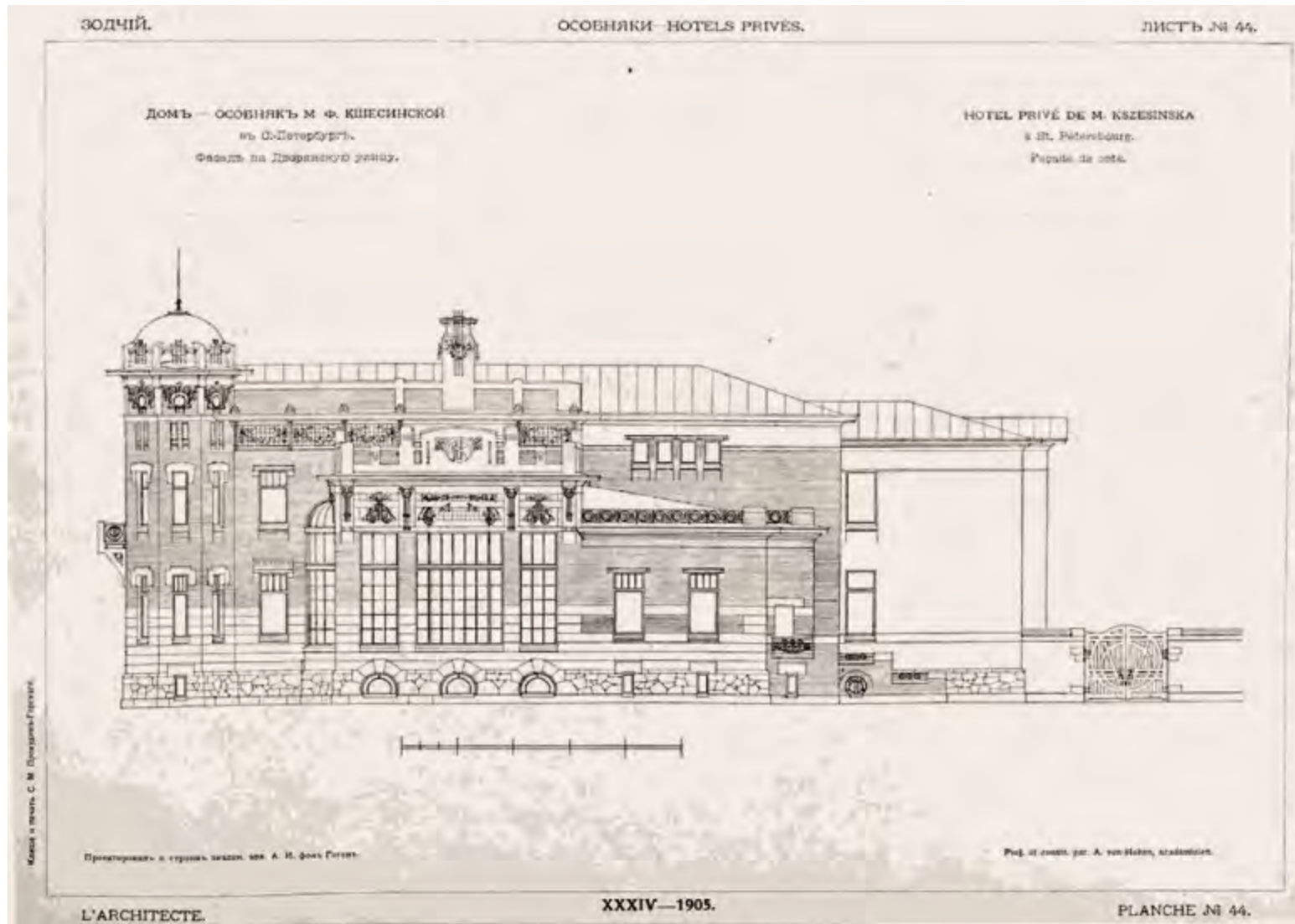
Если принять авторство этого зодчего, то на примере только его проектов можно увидеть, как по-разному «реагируют» здания на градостроительную ситуацию: асимметричный, но уравновешенный фасад лечебницы; мягко, тактично решенный угол приюта Родионова, активно артикулированные перекрестки главных улиц в здании Русско-Азиатского банка.

Отсутствие в стиле модерн жестких канонов формообразования, многообразие объемно-пластических тем, их постоянное развитие и трансформация не позволя-

v Рис. 9. Балкон на главном фасаде здания по ул. Лапина, 8. Фото 1910 и 2006 гг. Поддерживающие балкон кронштейны утрачены, но видны следы их примыкания

> Рис. 10. Балкон на главном фасаде особняка Кшесинской

^ Рис. 11. Южный фасад особняка Кшесинской (Журнал «Зодчий», 1905, № 37, табл. № 44)

^ Рис. 12. Фрагменты главного фасада здания на Лапина, 8. Фото 2006 г.

ют заявлять о прямом заимствовании. Использование отдельных приемов больше говорит об эрудиции зодчего и его приверженности к сдержанному подходу, свойственному «северному модерну» имперской столицы.

Влияние петербургской ветви модерна, не столь эпатажного, как московский, сказывается скорее в изысканности общей композиции, «мягкости» силуэта, большей геометрической четкости и рационального решения.

Литература

1. Борисова Е. А., Каждан Т. Б. Русская архитектура конца XIX – начала XX века. – М.: Наука, 1978. – 240 с.: ил.
2. Борисова Е. А., Стернин Г. Ю. Русский модерн. Альбом. – М.: Галарт, 1994. – 360 с.: ил.
3. Кириченко Е. И. Архитектурные теории XIX века в России. – М.: Искусство, 1986. – 344 с.: ил.
4. Кириченко Е. И. Русская архитектура 1830–1910-х годов. – М.: Искусство, 1978. – 395 с.: ил.
5. 100 лет петербургскому модерну. Материалы научной конференции. – СПб.: «Альт-Софт»; «Белое и Черное», 2000. – 256 с.: ил.
6. Журнал «Зодчий», 1905, № 37. – Табл. 44

References

100 let peterburgskomu modernu [100 anniversary of St Petersburg modern]. (2000). Conference proceedings. Saint Petersburg: Alt-Soft; Beloe i Chernoe.

Borisova, E. A., & Kazhdan, T. B. (1978). Russkaya arkhitektura kontsa XIX – nachala XX veka [Russian architecture of the late XIX – early XX century]. Moscow: Nauka.

^ Рис. 13. Карниз с водосливом на главном фасаде особняка Кшесинской

Borisova, E. A., & Sternin, G. Yu. (1994). Russkii modern. Albom [Russian modern. Album]. Moscow: Galart.

Kirichenko, E. I. (1978). Russkaya arkhitektura 1830-1910-kh godov [Russian architecture of the 1830-1910s]. Moscow: Iskusstvo.

Kirichenko, E. I. (1986). Arkhitekturnye teorii XIX veka v Rossii [Architectural theories of the XIX century in Russia]. Moscow: Iskusstvo.

Zodchy. (1905). 37, Table 44.

< Рис. 14. Здание приюта купца Родионова, ул. Дзержинского, 43. Архитектор В. Коляновский. Общий вид и фрагмент

^ Въезд на территорию детской больницы Эвелины

^ Больничный садик. За ним на другом берегу Темзы видно здание парламента

Фотогалерея / Photo Gallery

Возле детской больницы / Near the Children's Hospital

текст и фото
Ольга Смирнова /
 text and photos
 by **Olga Smirnova**

Детская больница Эвелины расположена в самом центре Лондона. Не ожидала такого. Еще более удивило, что у нее, в отличие от наших больниц, нет ограды.

Зато на подходе расположилась веселая скульптурная группа «Дети мира». Перед ней прямо в мощение вмонтирована табличка с указанием скульптора, спонсора и с просьбой не влезать на скульптуры.

Если пройти (а это можно сделать совершенно свободно) через вестибюль больницы, то можно попасть в больничный садик, который почему-то заполнен черными растениями. Я понимаю, что это редкость, что это дорого,

но все же замысел с яркими скульптурами мне более понятен, чем этот. Из садика можно свободно выйти на набережную и полюбоваться зданием парламента и Биг-Беном на другом берегу Темзы.

Возле нашей Красноярской краевой детской больницы тоже не так давно появились веселые детские скульптуры. Но у нас для того, чтобы на них не влезали, табличек не стали писать, а просто установили их повыше. Так что ребенок вблизи их и не увидит. Зато на пьедесталах написали веселые датские стишки. Ну, а автора и спонсора не указали: не принято у нас такое.

v Скульптуры перед входом в больницу Эвелины

объект номера / object of the issue

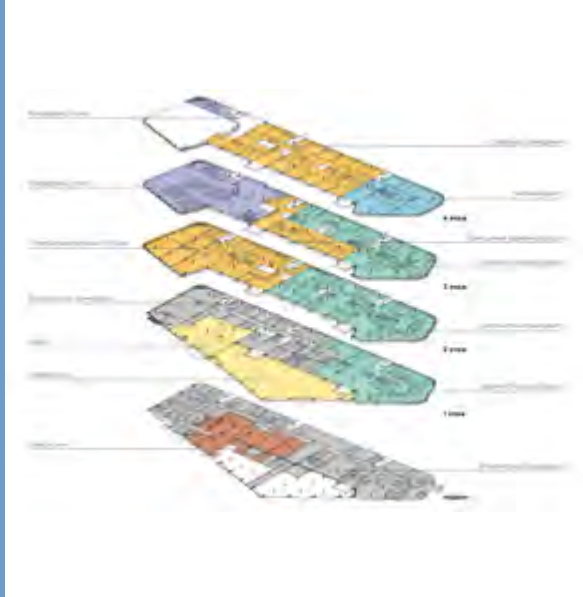
Медицинский кластер в Сколково / Medical Cluster in Skolkovo

Международный медицинский кластер в Сколково, 1 корпус

Место нахождения:

ИЦ Сколково

Клиент: Фонд ММК

Год: 2018

Типология: Медицина

Статус: Реализация

Команда

Генпроектировщики:

И. Александров, А. Савченко

Архитекторы:

А. Асадов, А. Р. Асадов, К. Шепета, И. Шевченко, Т. Лебедева, Ю. Шалетри

Конструкторы и инженеры:

А. Никифоров, Д. Мананников

Партнеры: Транзумед, инженерное бюро Engex

Показатели:

12888 м² – площадь 1 корпуса

19062 м² – площадь 2 корпуса

Skolkovo is a testing ground for development of new solutions, urban and architectural.

The medical cluster, as an integral part of Skolkovo, tests modern approaches and formats in the field of medicine. It combines medical treatment, education and scientific activity. Our task was to put all these functions in a new quality architecture.

The pilot building is the entire cluster in miniature, a kind of showroom of medical technologies, a prototype hospital of the 21st century. Let's remember the typology of old hospitals – these are monumental and rather bleak structures. Our goal was to embody another image – easy, friendly, focused on prevention and healthy lifestyle.

In addition, we have tried to observe the architectural principles of the Skolkovo itself – the innovative look, environmental friendliness and comfort of the environment. The outer shell of the building is a light stained-glass system with energy-efficient glass, on top of which is a sun-protective "veil" of lamellas. The different density of the lamellas resembles the beating of the human pulse, as an image of a cardiogram. The ecological principle we realized in the space of the atrium, where the natural elements – lawns, trees, sunlight penetrate. Due to this, the third principle is realized – creating a comfortable environment for visitors. All the elements of the building are thought out so that it is comfortable to work, to be treated, to communicate and to learn in them.

Комментарий авторов

Сколково – это полигон для отработки новых решений, градостроительных и архитектурных.

Медицинский кластер как составная часть Сколково тестирует современные подходы и форматы в области медицины. Здесь соединяется лечение, образование и научная деятельность. Нашей задачей было, чтобы все это функционировало в пространстве нового качества и имело инновационный архитектурный облик.

Реализованный пилотный корпус – это весь кластер в миниатюре, своеобразный шоурум медицинских технологий, прототип больницы XXI века. Вспомним типологию старых больниц – это монументальные и довольно безрадостные сооружения, в которые попал, так попал! Мы же хотели воплотить иной образ – легкий, приветливый, ориентированный на профилактику и здоровый образ жизни.

Кроме того, мы постарались соблюсти архитектурные принципы самого Сколково – инновационный облик, экологичность и комфортность среды. Наружная оболочка здания – это легкая витражная система с энергоэффективным стеклом, поверх которой надета солнцезащитная «вуаль» из ламелей. Разная плотность ламелей напоминает биение человеческого пульса, как некий образ кардиограммы. Экологический принцип мы реализовали в пространстве атриума, куда проникают природные элементы – газоны, деревья, солнечный свет. Благодаря этому, реализуется и третий принцип – создание комфортной среды для посетителей. Все элементы здания продуманы так, что в них комфортно работать, лечиться, общаться и повышать свое образование.

АНДРЕЙ АСАДОВ /
ANDREY ASADOV
автор / author

АЛЕКСАНДР АСАДОВ /
ALEXANDER ASADOV
автор / author

Окна в будущее российской медицины

ЛЮБОВЬ ПЕТРЕНКО
директор по стратегическому
маркетингу и развитию бизнеса /
LYUBOV PETRENKO
director for strategic marketing and
business development

Медицинский кластер в Сколково призван стать уникальным информационным и образовательным центром для профессионалов в области медицины и позволит ускорить внедрение прогрессивных медицинских технологий в работу частных и государственных учреждений. В ближайшем будущем он поможет тысячам россиян получить лечение мирового уровня. Каждый из реализованных в Сколково проектов обладает своей индивидуальностью. Но все эти архитектурные строения объединяет одна общая черта – их можно по праву считать образцом внедрения инноваций. Уже невозможно себе представить реализацию проектов такого уровня без применения передовых разработок из разных отраслей.

Нам как компании, которая на протяжении многих лет непрерывно работает над инновациями и внедрением новых технологий, приятно участвовать в реализации уникальных проектов всероссийского масштаба на территории Сколково. Российское подразделение компании AGC является частью глобальной международной сети крупнейшего мирового производителя стекла AGC Group и за десятилетия успешной инновационной работы стало ключевым поставщиком на крупнейшие архитектурные проекты страны. Благодаря нашему опыту, ассортименту и собственному модернизированному производству архитекторы, строители и дизайнеры интерьеров не ограничены в выборе и, соответственно, не вынуждены искать компромиссные решения. Они находят материалы, соответствующие современным стандартам качества, и с легкостью воплощают в жизнь самые смелые творческие идеи.

Мы гордимся тем, что вместе с нашими давними партнерами вносим вклад в реализацию столь престижного и ценного для страны проекта. Создание сложной фасадной конструкции кластера с использованием энергоэффективного стекла – наш посильный вклад в развитие и улучшение системы здравоохранения страны.

По задумке архитекторов медицинский кластер в Сколково – прототип больницы будущего, качественно отличающийся от серого районного медучреждения старого образца. Проект наполнен легкими линиями, светом и жизнеутверждающим цветом. Эти характеристики импонируют и архитектурным принципам самого Сколково, создают экологичную и комфортную среду. А витражное остекление позволило воплотить идеи художников в жизнь и решить главную задачу проекта – сделать здание красивым, современным и функциональным. Благодаря стеклу интерьерные и архитектурные решения создают пациентам и их близким позитивный настрой,

делают образовательные процессы в кластере удобными и продуктивными.

На первый взгляд может показаться, что стекло только дополняет архитектуру, грубо говоря, позволяет в нужный момент выглянуть в окно и удостовериться, что дождь закончился. На самом деле его роль гораздо важнее. Стекло задает настроение, превращает пустое помещение в функциональное пространство, в котором приятно находиться, наполняет здание воздухом и «правильным» дозированным светом.

Для создания особой «здоровой» атмосферы в проекте медицинского кластера было использовано multifunctional энергосберегающее стекло Stopray Vision 60T на фасаде и Stopray Vision 36T на зенитном фонаре. Архитектор выбрал эти материалы среди многих вариантов благодаря техническим характеристикам, которые позволяют контролировать температуру в здании.

В проекте медкластера именно стекло создает эффект прозрачности здания: витражная система делает солнцезащитные ламели как бы парящими в воздухе. Строение выглядит легким, приобретает современный футуристичный вид. Благодаря специальному multifunctional покрытию теплоизолирующее стекло Stopray Vision 60T блокирует агрессию солнца, но сохраняет необходимый уровень светопропускания. Фасад остается прозрачным, а излишняя энергия при этом в помещение не попадает. Что касается внешнего вида – цвет этого стекла в сумме с низкой рефлективностью «растворяет» здание, легко вписывая его в окружающий ландшафт.

Благодаря низкому значению соляного фактора стекла Stopray Vision 36T и соответствующему коэффициенту затемнения стеклянная конструкция зенитного фонаря позволяет защитить здание от избыточной солнечной энергии. Помимо прочего, стекло Stopray Vision 36T обладает приятным нейтральным небесным оттенком. Эстетические характеристики этого продукта обеспечили ему популярность среди дизайнеров и архитекторов.

Мы рады, что опыт компании в очередной раз позволил реализовать созидательный архитектурный замысел. Медицинский кластер в Сколково по праву занял почетное место в портфолио AGC Russia и стал личной гордостью сотрудников, работавших над проектом. Благодарим наших партнеров за совместную реализацию такого интересного проекта. Нашей компании вновь довелось воплотить в жизнь инновационные технологии и доказать, что благодаря стеклу возможности современной архитектуры безграничны.

авторы

Антипин Константин Сергеевич – исследователь архитектуры, автор просветительского проекта «Архитектурные излишества» (Москва)

Арефьев Данил – градостроитель (Екатеринбург)

Арустамян Маргарита – аспирантка по специальности «Архитектура» (Армения)

Асадов Александр Рафаилович – член-корреспондент Международной академии архитектуры (МААМ), советник РААСН, творческий руководитель архитектурного бюро Асадовых (Москва)

Асадов Андрей Александрович – вице-президент Союза архитекторов России, директор архитектурного бюро Асадовых (Москва)

Астраханцева Виктория Вагановна – Заслуженный архитектор России, председатель правления Братской организации Союза архитекторов России

Багина Елена Юрьевна – кандидат архитектуры, доцент Строительного института Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Барраза Карденас Луиджи – архитектор (Мексика)

Барышников Виталий Владимирович – председатель Комитета по социальной политике и культуре г. Иркутска, заместитель мэра

Бобкова Татьяна Ефимовна – доктор медицинских наук, профессор Московского государственного медицинского стоматологического университета им. А. И. Евдокимова

Булгакова Елена Александровна – кандидат архитектуры, советник РААСН, зав. кафедрой архитектуры МИТУ – МАСИ (Москва)

Бурса Отакар – аспирант по специальности «География и региональное развитие» (Чехия)

Гельсенлихтер Юлиан – магистрант по специальности «Архитектура» (Германия)

Верма Никита – градостроитель, специалист в области городских исследований (Индия)

Гимельштейн Александр Владимирович – издатель и главный редактор газеты «Восточно-Сибирская правда», профессор Иркутского государственного университета (ИГУ)

Гладкова Екатерина – магистрант по специальности «Градостроение» (Иркутск)

Гнедовский Сергей Викторович – Заслуженный архитектор России, академик РААСН, вице-президент Союза архитекторов России

Григорьева Анна Сергеевна – переводчик АНО «Востсибакадемцентр» (Иркутск)

Григорьева Елена Ивановна – Заслуженный архитектор России, член-корреспондент РААСН, действительный член МААМ, вице-президент Союза архитекторов России

Дойч Одиссеас – студент-бакалавр по специальности «Пространственное планирование» (Австрия)

Дружинина Инна Евгеньевна – член Союза архитекторов России, доцент кафедры архитектурного проектирования Иркутского научно-исследовательского технического университета (ИРНТУ)

Дубынин Василий Николаевич – кандидат биологических наук, доцент Московского университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Москва)

Дубынин Николай Васильевич – кандидат архитектуры, начальник отдела научных исследований жилых и общественных зданий АО «ЦНИИПромзданий», доцент кафедры архитектуры НИУ МГСУ ИСА (Москва)

Железняк Ольга Евгеньевна – кандидат искусствоведения, профессор кафедры дизайна ИРНТУ, действительный член Международной академии наук о природе и обществе (Иркутск)

Жмыхова Анастасия Сергеевна – магистранка Высшей школы урбанистики им. А. А. Высоковского НИУ ВШЭ (Москва)

Забелина Светлана Алексеевна – кандидат экономических наук, первый проректор МИТУ – МАСИ

Ильичева Светлана – архитектор (Москва)

Калашникова Ксения – аспирант по специальности «Социология»

Капустин Петр Владимирович – профессор, зав. кафедрой теории и практики архитектурного проектирования Воронежского государственного технического университета

Катдаре Нинад – ассистент преподавателя, специальность «Городской дизайн» (Индия)

Кириенко Полина – студентка-бакалавр по специальности «Архитектура» (Новосибирск)

Козинский Олег Филиппович – Заслуженный архитектор России, руководитель Азово-Черноморского представительства ЮТО РААСН (Сочи)

Косолапова Анастасия Руслановна – зам. руководителя научно-образовательного центра Международного Байкальского зимнего градостроительного университета (НОЦ МБЗГУ) (Иркутск)

Кострубова Александра Тимуровна – руководитель НОЦ МБЗГУ (Иркутск)

Крель Клара – магистрант по специальности «Градостроение» (Германия)

Ладейщиков Александр Юрьевич – член Союза архитекторов России, доцент кафедры рисунка, живописи, основ проектирования и историко-архитектурного наследия ИРНТУ

Ладейщикова Елена Робертовна – заместитель начальника отдела истории, архитектуры и градостроительства Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии (София, Болгария)

Лисицина Яна Юрьевна – кандидат исторических наук, член Международной ассоциации изобразительных искусств – АИАП ЮНЕСКО, доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента ИГУ (Иркутск)

Лиу Чанг – бакалавр по специальности «Градостроительство» (Китай)

Макаров Андрей Юрьевич – президент коллегии СРО НП «Байкальское общество архитекторов и инженеров», член-корреспондент МААМ

Маяренков Сергей Юрьевич – член Общественной палаты г. Иркутска, руководитель АНО «Иркутские кварталы»

Меерович Марк Григорьевич – Заслуженный архитектор России, доктор архитектуры, доктор исторических наук, член-корреспондент РААСН, член-корреспондент МААМ, профессор ИРНТУ

Мросла Лаура – магистрант по специальности «Архитектура» (Германия)

Никифорова Юлия – студент-бакалавр по специальности «Градостроительство» (Иркутск)

Нуанзина Валерия Андреевна – зам. руководителя НОЦ МБЗГУ (Иркутск)

Пандит Шрутти – архитектор, специалист в области городского дизайна (Индия)

Панова Ариадна Вениаминовна – врач-терапевт (Москва)

Петренко Любовь Анатольевна – директор по стратегическому маркетингу и развитию бизнеса компании AGC Glass Russia AGC Europe по Восточной Европе (Москва)

Пиров Джахонгир – аспирант по специальности «Транспорт» (Таджикистан)

Поморов Сергей Борисович – доктор архитектуры, директор Института архитектуры и дизайна Алтайского государственного университета им. И. И. Ползунова, профессор (Барнаул)

Прадей Жан-Батист – магистрант по специальности «Градостроение» (Франция)

Раппапорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, научный сотрудник филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ

Салмин Леонид Юрьевич – кандидат искусствоведения, профессор кафедры графического дизайна Уральского архитектурно-художественного университета (Екатеринбург)

Смирнова Ольга Федоровна – главный архитектор ландшафтной фирмы «Сады Семирамиды», член правления Красноярской организации Союза архитекторов России

Таранов Иван Геннадьевич – исполнительный директор Ассоциации градостроительных компаний «Тринити – город будущего» (Москва)

Тен Вера Васильевна – Почетный архитектор России (Новокузнецк)

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, искусствознания и журналистики Байкальского государственного университета, член Союза журналистов России (Иркутск)

Толкачева Валерия – архитектор (Санкт-Петербург)

Уткун Ики Серра – студент-бакалавр по специальности «Городское планирование» (Турция)

Фаттух Нора – бакалавр по специальности «Архитектура» (Египет)

Хаграс Мохамед Магди – ассистент преподавателя, специальность «Городской дизайн» (Египет)

Хачатрян Олеся Александровна – руководитель отдела маркетинга «ProStore group» (Иркутск)

Хмельницкий Дмитрий Сергеевич – архитектор, историк, публицист (Германия)

Челпанова Ирина – студентка-бакалавр по специальности «Транспорт» (Иркутск)

Чертилов Алексей Константинович – архитектор, председатель Совета ИРО ВООПИК, доцент ИРНТУ (Иркутск)

Чудаков Сергей Юрьевич – кандидат медицинских наук, координатор инфраструктурных проектов «Превентивная медицина» (Москва)

Чурилова Анастасия Романовна – специалист биомедицинских наук Лондонского Университета Королевы Марии, руководитель направления оздоровительной архитектуры и дизайна Института междисциплинарной медицины (Москва)

Шабалин Кирилл – магистрант по специальности «Урбанистика» (Москва)

Ширке Швета – архитектор (Индия)

Шмидт Сергей Федорович – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой истории и международных отношений исторического факультета ИГУ (Иркутск)

Штенхаус Крис – градостроитель, специалист в области городского дизайна (Нидерланды)

Эгле Фабиан – магистрант по специальности «Архитектура» (Германия)

Яблоновский Михао – магистрант по специальности «Архитектура» (Польша)

Благодарим за участие в подготовке номера и работе редакции архитекторов **Евгению Сурикову**, **Руслана Хотулева** и администратора ИДА **Наталью Князеву** (Иркутск)

authors

Konstantin Antipin – architectural researcher, author of the educational project “Architectural Extravagances” (Moscow)

Danil Arefev – urban planner (Yekaterinburg)

Margarita Arustamyan – Architecture PHD student (Armenia)

Alexander Asadov – corresponding member of International Academy of Architecture (IAAM), advisor of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS), creative director of Asadov architectural bureau (Moscow)

Andrey Asadov – vice president of the Union of Architects of Russia (UAR), director of Asadov architectural bureau (Moscow)

Victoria Astrakhantseva – honoured architect of Russia, chairperson of the Board of the Bratsk Organization of the Union of Architects of Russia

Elena Bagina – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Institute of Construction of Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Luigi Barraza C rdenas – architect (Mexico)

Vitaly Baryshnikov – head of the Committee for Social Policy and Culture of Irkutsk, deputy mayor

Tatyana Bobkova – Doctor of Medicine, professor of Moscow State University of Medicine and Dentistry named after A. I. Evdokimov

Elena Bulgakova – Ph.D. in Architecture, advisor of the RAACS, head of the Architecture Department at Moscow Information and Technological University – Moscow Architecture and Construction Institute (MITU-MACI) (Moscow)

Otakar Bursa – Geography and Regional Development PHD student (Czech Republic)

Julian Gelsenlichter – architecture master student (Germany)

Nikita Verma – urban planner, specialist in urban studies (India)

Alexander Gimelstein – publisher and editor-in-chief of Vostochno-Sibirskaya Pravda newspaper, professor of Irkutsk State University

Ekaterina Gladkova – Urban Planning master student (Irkutsk)

Sergey Gnedovsky – honored architect of Russia, academician of the RAACS, vice president of the UAR

Anna Grigorieva – translator, ANO Vostoksibacademcenter (Irkutsk)

Elena Grigoryeva – honored architect of the RF, corresponding member of the RAACS, full member of IAAM, vice president of the UAR

Odysseas Deutsch – Spatial Planning bachelor student (Austria)

Inna Druzhinina – member of the UAR, Ass. Professor of the Department of Architectural Engineering of Irkutsk National Research Technical University (INRTU)

Vasili Dubynin – Ph.D. in Biology, Ass. Professor of K. G. Razumovsky Moscow University of Technologies and Management (Moscow)

Nikolai Dubynin – Ph.D. in Architecture, head of the Department of Scientific Research of Residential and Public Buildings of AO TsNIIPromzdaniy, Ass. Professor of the Department of Architecture, National Research Moscow State University of Civil Engineering Institute of Construction and Architecture (Moscow)

Olga Zheleznyak – Ph.D. in Art History, professor of the Department of Design of INRTU, full member of the International Academy of Nature and Society Sciences (Irkutsk)

Anastasia Zhmykhova – master student of A. A. Vysokovsky Graduate School of Urbanism, National Research University Higher School of Economics (Moscow)

Svetlana Zabelina – Ph.D. in Economics, first vice rector of MITU-MACI

Svetlana Ilicheva – architect (Moscow)

Kseniia Kalashnikova – Sociology PHD student

Petr Kapustin – Ph.D. in Architecture, professor, head of the Department of Theory and Practice of Architectural Design at Voronezh State Technical University

Ninad Katdare – Urban Design teaching assistant (India)

Polina Kirienko – Architecture bachelor student (Novosibirsk)

Oleg Kozinsky – honored architect of Russia, head of the Azov-Black Sea Office of the RAACS Southern Territorial Branch (Sochi)

Anastasia Kosolapova – deputy head of the scientific-educational center International Baikal Winter University of Town Planning Design (SEC IBWUTPD)

Alexandra Kostrubova – head of the SEC IBWUTPD

Clara Krehl – Urban Planning master student (Germany)

Alexander Ladeishchikov – member of the UAR, Ass. Professor of the Department of Drawing, Painting, Basics of Design and Historico- Architectural Heritage of INRTU

Elena Ladeishchikova – deputy head of the Department of History, Architecture and Town Planning of the Agency for Preservation of Cultural Heritage of the Irkutsk Region

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)

Yana Lisitsina – Ph.D. in Historical Sciences, member of the Union of Artists of Russia and AIAP UNESCO, Ass. Professor of the Department of Journalism and Media Management of ISU (Irkutsk)

Chang Liu – Urban Planning bachelor student (China)

Andrey Makarov – president of the collegium of SRO NPO Baikal Association of Architects and Engineers, corresponding member of IAAM

Sergey Mayarenkov – member of the Civic Chamber of Irkutsk, director of the ANO “Irkutsk Quarters”

Mark Meerovich – honored architect of the RF, Doctor of Architecture, Doctor of Historical Sciences, corresponding member of the RAACS, corresponding member of IAAM, Professor of INRTU (Irkutsk)

Laura Mrosła – Architecture master student (Germany)

Yulia Nikiforova – Urban Planning bachelor student (Irkutsk)

Valeria Nujansina – deputy head of the SEC IBWUTPD (Irkutsk)

Shruti Pandit – Urban Design architect (India)

Ariadna Panova – general physician (Moscow)

Lyubov Petrenko – director for strategic marketing and business development, AGC Glass Russia AGC Europe for Eastern Europe (Moscow)

Jahongir Pirov – Transport PHD student (Tajikistan)

Sergey Pomorov – Doctor of Architecture, director of Institute of Architecture and Design at I. I. Polzunov Altai State University, professor (Barnaul)

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History, researcher of Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, Branch of the Central Scientific-Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia

Leonid Salmin – Ph.D. in Art History, designer, architect, professor of the Department of Graphical Design at Ural State University of Architecture and Art (Yekaterinburg)

Olga Smirnova – chief architect of “Semiramida Gardens” Landscape Company, member of the Board of the Krasnoyarsk Organization of UAR (Krasnoyarsk)

Ivan Taranov – executive director of the Association of Town-Planning Companies “Trinity – the City of the Future” (Moscow)

Vera Ten – honoured architect of Russia (Novokuznetsk)

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor of the Department of Philosophy, Art History and Journalism at BSUEL, member of the Union of Journalists of Russia

Valeria Tolkacheva – architect (Saint Petersburg)

Serra Utkum Ikiz – City-Regional Planning bachelor student (Turkey)

Noura Fattouh – Architectural Engineering graduate bachelor (Egypt)

Mohamed Magdi Hagrás – Urban Design teaching assistant (Egypt)

Olesya Khachatryan – head of the Marketing Department of ProStore Group (Irkutsk)

Dmitry Khmelnitsky – architect, historian, writer (Germany)

Irina Chelpanova – Transport bachelor student (Irkutsk)

Alexei Chertilov – architect, chair of the Board of IRO All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments, Ass. Professor of INRTU (Irkutsk)

Sergey Chudakov – Ph.D. in Medicine, coordinator of infrastructure projects “Preventive Medicine” (Moscow)

Anastasia Churilova – specialist in biomedical sciences of Queen Mary University of London, head of the Department of Health-Improvement Architecture and Design at Institute of Interdisciplinary Medicine (Moscow)

Kirill Shabalin – Urbanism master student (Moscow)

Shweta Shirke – architect (India)

Sergey Shmidt – Ph.D. in Historical Sciences, Ass. Professor of the Department of World History and International Relations of the Historical Faculty of IGU (Irkutsk)

Chris Steenhuis – urban planner (Netherlands)

Fabian Egle – Architecture master student (Germany)

Michał Jablonowski – Architecture master student (Poland)

We are thankful to architects **Evgeniya Surikova**, **Ruslan Khotulev** and manager of the Irkutsk House of Architects **Natalia Knyazeva** (Irkutsk) for their help with the preparation of the issue and the editorial work.

